

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ XX век

В трех частях

Часть 2 1945–2000

Под редакцией доктора исторических наук
А.М. Родригеса

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

Москва
ВЛАДОС
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
2001

**Научно-методическая программа
Министерства образования Российской Федерации
«Научное и научно-методическое обеспечение
функционирования системы образования»**

Авторы:

- А.М. Родригес, д-р ист. наук, проф. —**
гл. 1, § 1, 2, 3; гл. 2, § 8, 9, 10.
Р.Г. Ланда, д-р ист. наук, проф. — гл. 1, § 4, 5, 6.
В.А. Мельянцев, д-р ист. наук, проф. — гл. 1, § 7.
И.Н. Селиванов, д-р ист. наук, проф. —
гл. 2, § 11, 12, 13, 14, 15; гл. 3.
А.Л. Сафронова, д-р ист. наук, проф. — гл. 4

Н72 Новейшая история стран Азии и Африки: XX век: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 3 ч. / Под ред. А.М. Родригеса. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. — Ч. 2: 1945–2000. — 320 с.

ISBN 5-691-00644-4.

ISBN 5-691-00820-X(II).

В учебнике раскрыты основные тенденции развития стран Азии и Африки в 1945–2000 гг. государств Дальнего Востока, Юго-Восточной и Южной Азии.

ББК 63.3(0)6я73

**ISBN 5-691-00644-4
ISBN 5-691-00820-X(II)**

- © Коллектив авторов, 2001
- © «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2001
- © Серийное оформление обложки. «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Основные тенденции развития стран Азии и Африки во второй половине XX века	5
§ 1. Политическое и идеологическое развитие стран и народов Востока	5
§ 2. Развитие общественной мысли в странах Азии и Африки	13
§ 3. Развитие полигической мысли в странах Востока	22
§ 4—5. Политические процессы на Востоке	32
§ 6. Социальные процессы на Востоке	58
§ 7. Основные тенденции, факторы и противоречия экономического роста развивающихся стран	73
Глава 2. Страны Дальнего Востока во второй половине XX века	94
§ 8. Япония	94
§ 9—10. Корея. Южная Корея. Северная Корея	107
§ 11. Китай в 1945—1957 годах	130
§ 12. КНР в 1958—1976 годах	138
§ 13. КНР в годы реформ	150
§ 14. Другие территории Китая	157
§ 15. Монголия	166
Глава 3. Страны Юго-Восточной Азии во второй половине XX века	170
§ 16. Вьетнам	170
§ 17. Лаос	178
§ 18. Камбоджа	183

§ 19. Таиланд и Бирма (Мьянма)	191
§ 20. Филиппины и Индонезия	201
§ 21. Малайзия, Сингапур, Бруней	212

Глава 4. Государства Южной Азии во второй половине XX века	221

§ 22. Доминион Индийский Союз (1947—1950)	221
§ 23. Республика Индия. Становление основ индийской государственности (1950—1970)	226
§ 24. Развитие партийно-политической и государственно-правовой структуры Индии на современном этапе (80—90-е годы)	243
§ 25. Особенности социально-экономического и административно-политического развития Индии в период независимости	253
§ 26. Пакистан. Становление пакистанской государственности	260
§ 27. Пакистан после образования Бангладеш	268
§ 28. Бангладеш	281
§ 29. Южная Азия как политико-географический регион. Особенности развития малых стран Южной Азии (Шри Ланка, Мальдивы, Непал, Бутан)	296

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

§ 1. Политическое и идеологическое развитие стран и народов Востока

Развитие государственнос- ти и становление современных политических структур в странах Востока	Развитие государственности и становление современных политических структур в странах Востока имеют принципиальные отличия от западных моделей. В свою очередь эти отличия во многом были обусловлены разнообразным характером развития капиталистических отношений в метрополиях (Запад) и зависимых странах (Восток).

Во-первых, на Востоке эволюция традиционного способа производства прервалась вследствие насильственного воздействия внешнего фактора: прямого — чужеземного завоевания (классический колониальный вариант) или косвенного — угроза завоевания, ограничение суверенитета и экономическая экспансия (полуколониальный подвариант). В результате традиционный способ производства и уклад жизни постепенно оттеснялся на периферию общества, часть же его принудительно вовлекалась в синтез (качественно при этом модифицируясь) с иностранным капиталистическим укладом. При этом синтез возникал в результате не внутригосударственной эволюции, а межгосударственного столкновения и принудительного ориентирования способа производства в буржуазном направлении капиталистическими элементами иностранного происхождения.

Нельзя, конечно, утверждать, что на Западе фактор чужеземного насилия не играл никакой роли в трансформации и синтезе общественных структур. Наоборот, нередко можно отметить решающую роль военного завоевания в генезисе феодализма либо роль наполеоновских войн и французской оккупации для ускорения капиталистического развития некоторых территорий Европы. Вместе с тем особенность колониальных завоеваний заключалась в том, что они привели к возникновению таких всемирно-исторических феноменов, как колониальная система, колониальный синтез и связанное с последним разделение труда в мировых масштабах. В результате было блокировано общение и взаимодействие восточных

обществ в их естественной регионально-культурной среде, в которой имелись свои центры и периферии, очаги развития и стагнации в рамках существовавших там добуржуазных отношений.

Во-вторых, колониальный синтез отличался тем, что он начинался сверху, т. е. с надстроечного политического этажа общества. Колониальная администрация или опутанная сетями неравноправных договоров местная власть не только сами-выступали в качестве первых проявлений синтеза, но и были главными орудиями и стимуляторами в реализации процессов синтеза в других компонентах общественной жизни: в экономической и социальной жизни, в области культуры и идеологии.

В-третьих, колониальный синтез отличается особой пестротой и многоплановостью. Если в странах Западной Европы переход от феодального общества, раздробленности и междоусобиц к абсолютистской централизации сопровождался формированием более или менее однородных по национально-этническому составу и уровню общественно-экономического развития государств, то в большинстве стран Востока в период вовлечения их в колониальную систему картина была иной. С одной стороны, между странами Востока были значительные различия в уровне их развития. С другой — границы конкретных колониальных владений также охватывали территории с неодинаковым уровнем развития (от первобытнообщинного строя до позднего феодализма) и значительными этническими различиями. К этому следует добавить то своеобразие, которым отличалась политика колониальных администраций, а также формы иностранного предпринимательства разных метрополий. Все это и обусловило многоликость восточных обществ и путей формирования государственности в постколониальный период.

В-четвертых, генезис колониального синтеза, а также все последующие сколько-нибудь значительные трансформации его вплоть до независимости определялись в первую очередь метрополией. Если переход метрополий в фазу промышленного капитализма вызвал потребность в окончательном оформлении колониального синтеза с его специфической формой разделения труда между колонией и метрополией, то переход на стадию монополистического капитализма и вывоза капитала вызвал к жизни прямые промышленные инвестиции в колониях, т.е. современные формы предпринимательства (синтез иностранного предпринимательства и местной рабочей силы), национальное предпринимательство, мелкобуржуазные формы торгово-промышленной деятельности, национальную интеллигенцию, современные формы общественно-политических движений и тому подобные явления, так или иначе влияющие на политическое и государственное становление.

Все эти особенности образования и развития синтеза имели своим конечным следствием формирование комбинированного или многоукладного общества, состоящего из многих компонентов. В разных странах Востока соотношение этих компонентов комбинированного общества накануне независимости было весьма неодинаковым, что также имело важное значение для особенностей будущего государственного и политического становления того или иного восточного общества.

Национально-государственная интеграция в странах Востока	Достижение политической независимости странами Востока стало важной исторической вехой в их развитии. Однако вопреки надеждам многих национальных лидеров и чаяниям масс сама по себе политическая независимость не стала, да и не могла стать панацеей от вековой отсталости и всех прочих бед, связанных с колониальным прошлым.

Политические национально-освободительные революции и утверждение национальной государственности являлись решающими предпосылками, без которых невозможно было даже приступить к решению задачи преодоления комбинированного характера обществ на современном Востоке. Но при этом надо учитывать, что ни политическая революция, ни установление национальной государственности не могли сами по себе устранить комбинированный характер общества, что решение этой задачи составляет содержание целой исторической эпохи.

Что представляет из себя комбинированное общество? Это — общество, характеризующееся весьма слабой внутренней интегрированностью тех компонентов его структуры, которые разнородны формационно или типологически. Взаимосвязь между этими компонентами обеспечивается лишь: а) внешними по отношению к ним силами (относительно автономная политическая надстройка или политическое насилие), б) общностью территориально-географического фактора — совместным местоположением в рамках одного государства и в) несущественными или вторичными общественными связями, т.е. такими, разрыв которых не нарушает их внутренней сущности (например, если традиционный и иностранный сектор очень слабо связаны между собой и сосуществуют в качестве автономных укладов, то прекращение их частных и случайных связей не приводит ни к закрытию иностранного предприятия, ни к разрушению внутренней жизни традиционного сектора).

В момент обретения независимости скрепляющий фактор колониального политического насилия сменяется фактором морально-политической сплоченности вокруг национального руководства,

фокусирующим в себе разнородные по сути своей, но единые в своих внешних антиколониальных устремлениях силы многоукладного общества. Эта сплоченность может действовать по инерции еще некоторое время после достижения независимости, но отнюдь не беспредельно. Центробежные тенденции, имеющие своими истоками разнородность, разноформационность компонентов комбинированного общества, оживают в период его независимого развития. Это побуждает национальные правительства задумываться над разработкой стратегии национально-государственной интеграции, целью которой стало бы превращение комбинированного общества в национально-целостное, т.е. в такой общественный организм, где все его компоненты однородны в общественно-экономическом и социально-политическом плане, причем все основные связи между ними существенные.

История ряда стран Востока показала, что были национальные руководители и правительства, которые пытались решить указанную задачу (а за одно и проблему своей собственной легитимности) лишь при помощи системы законодательных и идейно-пропагандистских мер. Национальное руководство практически всех стран Востока, развивавшихся по пути капитализма, стремились создать (по собственной инициативе или по подсказке бывшей метрополии) современное буржуазное государство. Национально-интегрированное общество, по сути дела, декларировалось, и миф этот поддерживался шумными пропагандистскими кампаниями. Однако реальное, многоликое общество требовало конкретных свидетельств способности своих правительств выражать многоплановые интересы. Но так же как ранее почти во всех европейских странах после первых буржуазных революций, современные страны Востока с первого дня независимости столкнулись с феноменом несоответствия реального многоукладного общества рамкам официально провозглашенной национально-государственной общности. В этом по сей день заключается одна из основных проблем абсолютного большинства стран Востока.

Становление современных буржуазных государств Запада являлось логическим результатом естественноисторического процесса зарождения и развития элементов будущего буржуазного гражданского общества еще в недрах феодализма и дальнейшей его эволюции в условиях первой фазы капитализма. В результате складывались национально-интегрированные гражданские общества: на определенном этапе в целом совпадали рамки реального и гражданского обществ, когда основная масса реального общества осознавала себя в первую очередь гражданами данного государства, в то время как принадлежность к более узким и местным обществам

и группам отходила на второй план, а в некоторых случаях и исчезала вовсе. В результате между гражданским обществом и его естественным результатом — буржуазным государством — возникает соответствие, относительная функциональная гармоничность, когда имеющиеся противоречия разрешатся в повседневной жизни на основе консенсуса.

Иначе обстояло дело на Востоке, где традиционно государство было всем, а гражданское общество находилось в аморфном состоянии. Современные буржуазные государства в странах Востока (независимо от конкретных их форм) явились хотя и не с неба, но все же сверху — либо в результате политических национально-освободительных революций, либо благодаря сделке бывших метрополий с верхушкой господствующих классов. Сразу же после достижения независимости эти государства оказались на совершенно неадекватном базисе комбинированного реального общества, в котором если и содержались отдельные, преимущественно потенциальные, элементы современного, буржуазного, гражданского общества, то их в большинстве случаев было недостаточно для обеспечения стабильности, прочности и эффективной деятельности подлинно современного государства. Законодательно утверждающаяся буржуазная государственность в освободившихся странах Востока не могла быть ни чем иным, как заимствованным извне каркасом — формой без соответствующего сущностного содержания.

Дело в том, что в общественной структуре современных стран Востока, наличествуют по существу два разных типа традиционного. Это — колониальный синтез и архаичное, т.е. доколониальное, исконно традиционное. Казалось бы, что структуру колониального синтеза не совсем правомерно относить к традиционному. Ведь и колониальный синтез является результатом проникновения иностранного капитала, т.е. буржуазных отношений, и соответствующей трансформации некоторой части местных элементов. Стало быть его «логичнее» было бы рассматривать в качестве современного. Так, очевидно, и обстояло бы дело, если бы процесс воздействия метрополии на колонии и полуколонии сводился лишь к обычной вестернизации, т.е. к буржуазной модернизации по западному образцу. Но вестернизация в данном случае была необычной и осуществлялась в колониальной форме. Иными словами, эта колониальная модель вестернизации стимулировалась и вообще была всецело связана с чужеземной эксплуатацией. Вот почему с момента появления национального уклада колониальный синтез, несмотря на его внутреннюю буржуазную ориентированность, не мог уже рассматриваться, как «современное», а в качестве последнего ему противостоял теперь национальный капиталистический уклад.

И именно для расчистки путей развития этого современного общества потребовались, в частности, антиколониальные освободительные политические революции.

Ко второму архаическому типу относятся все те общественные структуры, которые были традиционными еще до времени формирования колониального синтеза. В основном они сохранились до независимости, так как метрополии не смогли (а часто и не хотели) перемолоть все традиционные уклады колоний и полуколоний.

Поэтому официальному государству приходится, как говорится, бороться на два фронта: а) против традиционного, из которого оно непосредственно выросло, т.е. колониального синтеза; б) против архаичного традиционного, которое сохранилось еще с доколониальных времен и которое лишь под давлением изменяющейся обстановки вовлекается в процессы модернизации.

Таким образом, конечная цель одна — буржуазная модернизация и национально-государственная интеграция, но процессы синтетизирования, при помощи которых эта цель достигается, протекает в двух разных руслах. Все это и обуславливает особенно значительную роль государства в современных странах Востока. Оно призвано играть активную формирующую или созидательную роль практически на всех этажах общества в экономическом базисе (в том числе в качестве непосредственного агента производственных отношений, выполняющего функции организации и управления производством), в национально-этнической ситуации, в социальной структуре, во всей системе политической надстройки (в том числе в плане достраивания и перестраивания собственного гражданского и военно-полицейского аппарата).

Вся эта активная и разносторонняя деятельность необходима для преодоления сил многоукладности и включением населения жившего в рамках архаичных традиционных секторов и традиционного колониального синтеза, в рамки современного гражданского общества. Причем отсутствие всеобщей, скрепляющей и цементирующей гражданской жизни национальные правительства и лидеры пытались и пытаются компенсировать внедряемой сверху политической жизнью.

В целом процесс становления гражданского общества в современных странах Востока и его взаимосвязи с официальным государством после достижения независимости существенно иные, чем были в соответствующий период в Западной Европе. Там формирование гражданского общества стало предпосылкой формирования современного буржуазного государства. Процесс его становления начался еще в фазе абсолютизма, поэтому сразу же после политических буржуазных революций современное государство

и последующая эволюция его исторических форм от традиционной авторитарности к современной буржуазной демократии в основе своей определялись уровнем развития этого гражданского общества, процессами консолидации и т.д.

Таким образом, в Западной Европе процесс развития шел в общем и целом снизу — от экономического базиса и социальной структуры к политической надстройке. В абсолютном большинстве стран Востока национальный капиталистический уклад к моменту достижения независимости был необычайно слаб, чтобы суметь самостоятельно выполнить системообразующую функцию. Поэтому сразу же после достижения независимости инициативная, стимулирующая и направляющая роль в становлении гражданского общества принадлежала надстроечным элементам, прежде всего элитарным слоям госаппарата (ядро современного государства). Иными словами, процесс формирования гражданского общества здесь начался в основном сверху. И лишь по мере укрепления и оформления гражданского общества оно могло начать оказывать все возрастающее давление на официальное государство, вынуждая его к дальнейшей эволюции (процесс, который сопровождается нередко кризисными и революционными ситуациями).

Из сказанного вытекает, что в странах Востока у заимствованного на Западе современного государства -парламентской республики — не оказалось адекватной экономической и социальной базы, национально-этнической структуры и даже достаточных элементов для конструирования собственного (т.е. государственного) аппарата. Там, где такое государство было создано, а формально — это большинство колониальных стран Востока (за исключением авторитарных, социалистических и монархических), очень скоро выявилось несоответствие официальной формы этого государства обществу, над которым оно возвышалась.

Формирование новых форм государственности в таких условиях не означало установления его всеобщего и реального контроля над традиционными секторами общества. Огромные пласты традиционных структур продолжают жить своей, относительно замкнутой жизнью и руководствоваться в ней иными ценностными ориентациями, чем те, что предписываются официальным государством. Лояльность социальных групп этого рода долго еще ориентируется либо на колониальный синтез, либо на архаичные уклады жизни. Именно этим объясняются многочисленные оппозиционные и даже сепаратистские движения во многих развивающихся странах, возникающие там сразу же по достижению независимости. В сущности этих движений лежат либо колониальный синтез, либо архаичные традиционные уклады.

Неоколониализм пытается использовать эти движения в своих узкокорыстных интересах. На практике эти два оппозиционных потока могут выступать разрозненно, совместно или даже друг против друга. В последнем случае некоторые традиционалистские движения могут нести в себе антиколониалистский заряд и временно блокироваться с современными национальными общественными силами.

Колониальное наследие в государственных структурах после достижения независимости

После достижения независимости молодыми государствами сложившееся колониальное разделение труда нельзя было уничтожить одним махом по субъективной воле кого бы то ни было. Но его можно было ликвидировать в течение довольно длительного переходного периода (на путях капиталистической или социалистической ориентации) посредством преобразовательной деятельности правительства и всего общества. Эта деятельность в странах, идущих по капиталистическому пути развития, начиналось, прежде всего, с процесса дальнейшей модификации колониального синтеза.

Главное изменение, которое привносит независимость в процессы модификации синтеза, заключается в ликвидации колониальной администрации, как составной части политической надстройки метрополии, т.е. ликвидации политического механизма насильственной ориентации политического развития в антинациональном направлении. Вместо этого появляется новый механизм — национальная государственность. Бывшая «двунациональная» (метрополия — колония) государственность оказалась разорванной и колониальный синтез пребывал теперь не внутри единой государственности имперского типа, а между двумя типами политически самостоятельных государств. Уже этим политическим актом было положено начало модификации традиционного колониального синтеза в неоколониальный.

На первых этапах независимого буржуазного развития происходили важные изменения, связанные с утверждением национальной государственности. Они заключались в перегруппировке структурных компонентов комбинированного общества. Национальный уклад (государственный и частный) приобретал господствующее положение. Конечно в этот период для большинства развивающихся стран еще не было возможности полностью отказаться от привлечения иностранного капитала. Однако по мере укрепления национального капиталистического уклада и общего изменения соотношения сил происходил процесс вынужденной перестройки иностранного капитала. Он все чаще соглашался на более выгод-

ное для молодых национальных государств и условия функционирования: ликвидация колониальной системы, создание смешанных компаний с преобладающим участием национального капитала, внедрение более прогрессивных подрядных форм и т.п. Он все более вынужден был считаться с национальной стратегией развития соответствующих стран.

Во многих отношениях аналогичным образом обстоит дело в сфере политической (а также культурной) национализации. Однако, можно было создать, например, «национальный» госаппарат или армию, но если ключевые посты или реальное право принятия важнейших решений все еще принадлежало иностранным советникам и лицам проимпериалистической ориентации, то вряд ли в таком случае можно говорить о завершении национализации госаппарата. Или другой пример. Если вся работа «национального» информационного агентства базировалось на западных источниках информации и соответствующих методах ее обработки и подачи, то нельзя, очевидно, говорить и о полной национализации службы информации. При всем своеобразии вопроса сказанное выше во многих аспектах относилось и к привнесенной колонизаторами христианской религии. Процесс ее национализации включал в себя не только национализацию конфессиональных кадров, языка, литургии, но прежде всего, содержательную переориентацию всей церковной деятельности с обслуживания интересов бывшего колониального синтеза на защиту национально-государственных интересов.

Итак, сущностные элементы колониального синтеза сохранялись и проявляли себя даже через новые национальные границы. Однако независимость дала начало длительному процессу модификации и трансформации синтеза, а в конечном счете ликвидации через элементарное изменение его структуры. Этот процесс может быть назван отмиранием колониализма или, что одно и то же, изживанием неоколониализма.

§ 2. Развитие общественной мысли в странах Азии и Африки

**Страны Востока
в современном
мировом и
идеологическом
пространстве**

В XX в. проявились и продолжали действовать две мощные, но противоположные по характеру общечеловеческие тенденции: интеграция к планетарному суперобществу и сопротивление могущественных дезинтеграционных сил. Сложились мировой рынок и единое информационное поле, существуют международные и наднациональные политические, экономические, финансовые

институты и идеологии. Народы Востока активно участвовали в этом процессе. Бывшие колониальные и зависимые страны получили относительную независимость, но стали вторым и зависимым компонентом в системе «многополюсный центр — периферия». Это было определено тем, что модернизация восточного общества в колониальный и постколониальный периоды проходили под эгидой Запада.

Впрочем, в силу неравномерности развития компонентов мировой системы под влиянием меняющихся потребностей научно-технического и технологического прогресса, экологических ограничений на хозяйственную деятельность неизбежно перемещение мировых центров — экономических, финансовых, военно-политических. Тогда, возможно, наступит конец евро-американской направленности эволюции мировой цивилизации, а восточный компонент станет направляющим фактором многонациональной культурной основы. Но пока доминантой складывающейся мировой цивилизации остается Запад. Его сила опирается на сохраняющееся превосходство производства, науки, технологии, военной сферы, организации экономической жизни в целом.

Страны Востока, несмотря на различия между ними, в большинстве своем связаны сущностным единством. Их объединяет, в частности, колониальное и полуколониальное прошлое, а также периферийное положение в мировой экономической системе. Их объединяет также то, что по сравнению с темпами интенсивного восприятия достижений научно-технического прогресса и универсализацией, особенно в сфере материального производства, сближение Востока с Западом в социокультурном отношении происходит относительно медленно. И это, естественно, потому, что менталитет народа, его традиции в одночасье не меняются. Иными словами при всех национальных различиях страны Востока до сих пор роднит наличие определенной совокупности ценностей материальной, интеллектуальной и духовной жизни.

Повсюду на Востоке модернизация имеет общие черты, хотя каждое общество модернизировалось по-своему и каждое получило свой результат. Но при этом западный уровень материального производства и научных знаний остается для Востока критерием современного развития. В разных восточных странах происходили проверку как западные модели рыночной экономики, так и вульгаризированные социалистические. Соответствующие воздействия испытывали идеология и философия восточных обществ. Причем современное не только сосуществует с традиционным, образует с ним синтезированные и симбиозные формы, но и противостоит ему.

Одна из особенностей общественного сознания на Востоке заключается в мощном влиянии религии, религиозно-философских

доктрин, традиций как выражения социальной инертности. Выработка современных взглядов происходит при противоборстве целей и идеалов, при противостоянии традиционного, обращенного в прошлое шаблона жизни и мысли с одной стороны, и современного, ориентированного на будущее, отмеченного научным рационализмом — с другой.

Осмысление результатов взаимодействия между Востоком и Западом остается крайне важным для восточной общественности. Западный образ жизни и мыслей все более становится нормой для городских жителей в странах Востока.

Соотношение между традиционным и современным неоднозначно. Новое не только усваивается или отвергается обществом. Оно сосуществует со старым и при этом утрачивается четкость присущих им особенностей. Одни традиции умирают, другие остаются как органический элемент жизни общества. Заимствованные идеи, теории, нормы, сохранив или утратив изначальную форму, обычно принимают новое содержание, отражающее специфику места и времени. Стереотипы индивидуального и группового сознания и поведения синтезируются так, что интернациональное все больше становится частью национального. При этом мыслящей элитой и генератором новых идей в странах Востока является национальная интеллигенция. Ее большая часть старается объективно, взвешенно подходить к культурным ценностям двух миров в интересах прогрессивного развития своего общества при сохранении национального своеобразия. Она сознает, что национальная культура несет в себе частицы иных культур и потому объективно отражает ценности общечеловеческой цивилизации.

Так, например, в 1975 г министр информации Филиппин в своем циркуляре констатировал, что филиппинская культура — это итог многовековых внешних влияний, которые смешивались, приобретая филиппинскую природу. Это малайская матрица, на которую наложались элементы индийской, китайской, арабской, испанской, мексиканской и североамериканской культуры.

**Религиозный
фактор в обще-
ственном сознании
постколониального
Востока**

Роль религии как веры и ритуала по-прежнему велика не только на Востоке, но и на Западе. Но для Востока в значительно большей степени важна еще одна составляющая часть религии — как идеологии и системы ценностей, кодекса социальной справедливости, идеологии, выполняющей социальный заказ. Во многих странах религиозная мысль значительно продолжает определять состояние общественного сознания.

В настоящее время отмечается некоторый рост влияния религиозного фактора на восточное общество. Это ответная реакция общественного сознания на избыток модернизации и секуляризацию предшествующего периода. Но в целом религиозные установки перестают быть критерием истины. Традиционные, в том числе религиозные предписания, утратили роль единственного или главного регулятора отношений между людьми.

«В нашу жизнь вторгся современный мир, который увлек за собой молодежь, а теперь у нее не осталось времени на религию», — заявил знаменитый монах — езид Баба Шауши. Ученые монахи в Таиланде утверждают, что многие буддийские монахи любят роскошь, не придерживаются не только буквы, но и духа канонов, что большинство из них пришли в сангху, чтобы решить свои экономические проблемы, а не взыскав истины. Газета радикальной мусульманской ориентации в Турции сетовала (начало 1980-х гг.): «В то время как 95% турецких газет пропагандируют западный образ жизни, материальную заинтересованность, азартные игры, алкоголь, секс, может быть только 5% изданий отстаивают исламский образ жизни, но противник и этого не может перенести».

В этих утверждениях много преувеличений. За атеизм часто принимают результат секуляризации сознания, хотя это необязательно одно и то же. На деле же для образованной молодежи, новой интеллигенции характерно представление о непротиворечивости, мирского и священного, Разума и Веры.

Секуляризм как совокупность идей, суть которых — освобождение государства, общества и личности от господства духовенства, был результатом модернизации. В Европе секуляризация была функцией естественного развития буржуазного общества, на Востоке — функцией направленной модернизации. Поэтому на Востоке она относительно слабо выражена, принимает различные формы, лишена радикализма.

Отличительная черта современного Востока — подъемы и спады влияния религии и религиозных институтов на человека, общество, политику. Попытки осуществить модернизацию по западному образцу почти повсеместно сопровождались заметным упадком влияния религии, особенно в 1950—1960-е гг. В ходе борьбы за свободу национализм оттеснил религиозный фактор за кулисы политической сцены. Народы Востока боролись за независимость преимущественно под националистическими, а не религиозными лозунгами, и в освободившихся странах были установлены светские, а не теократические режимы. Для религии как регулятора общественной жизни, казалось, не оставалось места. Дж.Неру считал религию крайне консервативной и даже реакционной силой, и не

желал ее вмешательства в политику. Иракский лидер Саддам Хусейн утверждал, что баасизм — идеология Партии арабского социалистического возрождения — является новой светской идеологией, признающей свободу совести и считает недопустимым вмешательство улемов в политику.

С конца 1970-х гг. интерес к религии резко возрастает, с одной стороны, на неправительственном уровне как религиозной вере и комплексу морально-этических норм, с другой стороны, на официальном уровне как санкция социально-экономических программ и политического курса.

В Юго-Восточной Азии повысилось внимание к культу святых, появились новые христианские и буддийские секты. В Японии также наблюдался повышенный интерес к религии. Из 3 тысяч опрошенных в 1979 г. 41% считали, что религия необходима, чтобы человек жил счастливо. Особенно показателен рост влияния исламского фактора. Еще в середине 1960-х гг. духовенство не внушало ни малейшего уважения арабской молодежи. В конце 1970-х исламисты пришли к власти в Иране и Судане; во многих мусульманских странах идет исламизация общественной жизни. Выборы в Алжире в 1995 г. принесли победу радикальной исламской Партии спасения. На парламентских выборах в Турции в 1996 г. большого успеха добилась исламская Партия благоденствия.

Несмотря на относительно быстрое распространение научного знания и современного образа мыслей традиционные религии до сих пор остаются основой для значительной части мировоззренческих концепций и социальных теорий. Общественно-политические взгляды нередко облачаются в традиционную форму или как-то соотносятся с религиозной доктриной.

**Религиозная
реформаторс-
кая деятель-
ность**

Огромное влияние на общественно-политическую мысль в странах Востока оказала реформаторская деятельность новой интеллигенции. Суть религиозного реформаторства — переосмысление традиционных представлений под лозунгом возврата к

первоосновам религиозной доктрины или религиозно-философского учения с позиций рационализма через очищение от многовековых наслоений и искажений.

Реформаторство отражало назревшую необходимость трансформации религиозного сознания, с тем чтобы оно могло безболезненно приспособиться к быстро меняющимся условиям жизни восточных обществ. В богословско-юридическом отношении почти все последователи и приверженцы реформаторства являются фундаменталистами: они отталкиваются от основополагающих рели-

гиозных текстов или древних канонических книг и часто отказываются от тех толкований, которые давались позднесредневековыми авторитетами. Но в социально-политическом отношении они делятся на «модернизаторов» и «охранителей» -антагонистов и в социальном и в политическом плане.

«Модернизаторы» пытаются примирить науку и религиозную веру, социальные идеалы и морально-этические предписания религиозных доктрин с действительностью через освящение научного знания священными текстами и канонами. Они — поборники прогресса с национальной спецификой. «Модернизаторы» нередко призывают к преодолению антагонизма между религиями и допускают возможность их сотрудничества.

Напротив, задача фундаменталистов-«охранителей» переосмысление действительности, современных социокультурных и политических структур в духе священных текстов. Их апологеты утверждают, что не религии должны приспосабливаться к современному миру с его пороками, а общество должно строиться так, чтобы соответствовать основным религиозным принципам. Фундаменталистам -«охранителям» присущи нетерпимость и «поиск врагов». Во многом успехи радикальных фундаменталистских движений объясняются тем, что они указывают людям на их конкретного врага, «виновника» всех его бед.

Реформаторские идеи распространены преимущественно среди образованных городских слоев населения. Ниже в общем виде приведены характерные черты реформаторско-модернистского направления в некоторых религиозных системах.

Ислам

В последней четверти XX в. произошел феноменальный всплеск политического значения ислама. При этом надо учитывать исключительность исламской доктрины, основанной на абсолютном единобожии и предлагающей верующему всеохватный кодекс поведения.

Последователи мусульманского реформаторства ищут все новые аргументы, чтобы доказать совместимость веры и разума.

По мнению египетских богословов-реформаторов противоречия между наукой и религией не может быть, потому что Бог сотворил и веру и науку. Предлагается даже допустить в качестве аргумента цитирования Корана в научных трудах. В такой форме наука якобы станет доступной всем. Но встречаются и парадоксальные суждения. Например, согласно концепции «антропологической теологии», выдвинутой одним из лидеров левых мусульман в Египте Хасаном Ханафи, Бог — это аспект бытия человека: он не есть, но как бы есть, проявляя себя только в деятельности людей. Бог — это прогресс.

Радикального фундаментализма модернистского толка придерживается ливийский лидер Муамар Каддафи. Единственной основой ислама он считает Коран, подлежащий интерпретации в духе времени и обстоятельства жизни.

ни общины. Более того, Каддафи заявляет, что приверженность священным текстам не является обязательным условием веры, потому что у каждого человека свое отношение к Богу и обществу.

Как «модернизаторы», так и «охранители» опираются на коранический принцип «шюра» (совещательность). Но первые толкуют его как предписание избрать представительный образ правления, конституционализм, демократию современного типа и т.д. «Охранители» же отвергают все формы западной демократии (как и вообще все западное), поскольку «суверенитет — у Бога», из чего следует никчемность законодательных институтов, неприятие секуляризма, недопустимость деятельности политических партий.

Среди «охранителей» есть умеренные и радикалы-максималисты. Первые ориентируются на проповедь фундаменталистского ислама, нравственную революцию в духе Корана, моральную подготовку для гипотетического государства по раннеисламскому образцу. Вторые стремятся к власти, очищению общества от скверны и установления господства шариата (мусульманское право, сложившееся в IX в.) с помощью разнообразных методов политической борьбы, подчас террора.

Общая точка зрения исламистов — «охранителей» фундаменталистского толка отражена в позиции, получившей широкую известность организации «Братья-мусульмане». «Братья» руководствуются мнением Хасана аль-Банни, что цикличное движение истории вступило в фазу, когда мусульмане будут руководить миром, ибо как сказано в Коране, мусульмане — суть реккомендаты для слабого человечества».

Индуизм

Модернизаторская тенденция в индуизме отмечена деятельностью Махатмы Ганди. Ему, как никому другому, удалось сделать древние принципы основой концепции борьбы индийцев за социальную справедливость и политическую независимость. Отталкиваясь от представления о том, что в каждом человеке есть частица Высшего Духа, Ганди говорил о равенстве всех перед Богом, который сливается у него с морально-этическим идеалом и совершенной истиной. Ганди учил, что в стремлении к Богу (Истине) человеку необходимо самосовершенствование на пути самопожертвования, борьбы с несправедливостью, терпимости и ненасилия.

Современные последователи реформаторов в духе времени расширительно толкуют традиционные представления индуизма. В частности, менее категоричными стали их утверждения о приоритете духовного начала над материальным, о незыблемости кастовой системы, подвергается сомнению учение о переселении душ, которое объективно сдерживает стремление к изменению жизненных условий, переосмысливает понятие кармы, поскольку-де человеку воздается по заслугам уже в земной жизни. Вообще индуизм, ориентированный на индивида, по существу, выводящий человека за пределы интересов общества, толкуется как социальное учение, даже с признанием особого достоинства физического труда, подчеркивается общественная значимость социально-активной личности.

Последователь М.Ганди Винаба Бхаве толковал положение индуизма об услугах низших каст высшим как установку для верующего оказывать услуги всем людям; положение о карме, которая в классическом индуизме связана прежде всего с ритуальными действиями, как долг человека совершать добрые дела для всех; положение о Брахмане как о высшей и всеобъемлющей ре-

альности, как принцип всеобщего равенства, бхати (любовь к богу) как любовь к человечеству.

В конце XX в. эту линию продолжил видный философ и политик Сарвепалли Радхакришнан. Он выдвинул концепцию вечной и универсальной «религии веры» мистического богопостижения. Философ исходил из того, что сутью всех религий является духовность, достижение такого состояния, когда духовное начало в человечестве или человеке соединяется с универсальным духом, высшим источником, первоэлементом божественного или Бога, который есть суть духовного опыта. «Религия духа» по мнению Радхакришнана, полностью согласуется с наукой, дополняет ее и будучи идеальной, основанной на категориях любви и ненасилия становится «социальным цементом», источником импульсивной активности.

Буддизм

Модернизация — это один из аспектов возрождения буддизма, которое началось в конце XIX в. и получило новый толчок в связи с отмечавшимся в 1954—1956 гг. 2500-летием со дня смерти Будды.

Если «охранители», неотрадиционалисты, приверженцы консервативного течения в возрожденческой мысли интерпретируют современность с позиций классического буддизма, не ждут обретения мудрости и духовного освобождения в земной жизни, то «модернизаторы», напротив, дают современное научно-рациональное толкование основных положений учения, стремясь к тому, чтобы буддийский мир стал современным миром. Они особенно внимательны к тем сторонам учения, которые совместимы со светскими идеями и прогрессивным развитием общества. «Модернизаторы», преодолевая упорное сопротивление «охранителей» выступают за упрощение и удешевление ритуала.

Традиционно монахам запрещается заниматься политической деятельностью. Однако кампучийские буддисты, объясняя свою активность в 1970-х годах заявляли: «Монахи должны подражать Будде, а Будда трудился не только ради своего благополучия, достижения нирваны, но ради счастья всего мира. Для революционеров Лаоса не существовало противоречия между учением Будды Гаутамы, указывающим путь, который позволяет человеку избежать страданий и революцией во имя народного счастья.

Кульминацией буддийского возрождения на Шри-Ланке стало движение Сардовая Шрамадана, возникшее в 1958 г. под влиянием учения М.Ганди. Его цель состояла в построение общества на буддийско-индуистских принципах равенства, взаимности, любви, духовного пробуждения личности как условия духовного пробуждения общества и мира. Универсальное учение Будды члены общества использовали с тем, чтобы снять межобщинную напряженность в стране. В буддийских храмах, в христианских церквях, в мечетях, переходя из деревни в деревню, они служили литургии, включая в них компоненты разных религий.

Один из главных постулатов буддизма — не убий. Чтобы оправдать использование препарата ДДТ против насекомых в пособии говорилось, что после обработки помещения насекомые умирают сами по себе и человек не виновен в их гибели.

Но несмотря на такие уступки стремление традиционистов вписаться в современность с грузом старинных представлений, приводит к столкновению их с «модернизаторами», которых они осуждают как людей по меньшей мере заблуждающихся.

Конфуцианство

В последние десятилетия отмечаются попытки возрождения конфуцианства. С начала XX в. китайская интеллигенция настороженно относилась к конфуцианству: с ним прочно связывалось представление о застойности, засилье бюрократии, консерватизме. В 1960-х годах, когда в КНР проводилась кампания под лозунгом «Пусть расцветают сто цветов», в дебатах по проблемам истории конфуцианская концепция «жэнь», что можно перевести как гуманизм, рассматривалась с марксистских позиций.

Во время культурной революции 1966—1976 гг. конфуцианство подвергалось критике со стороны радикалов, считавших его опорой всего старого, отжившего. Но в конце 1970-х и в 1980-х годах одним из важнейших предметов дискуссий стала традиционная культура. Власть апеллировала к ней в интересах укрепления своих позиций, интеллигенция — в поисках национальной идентичности. Традиционное наследие, прежде всего конфуцианское учение, переосмысливается в духе времени. Это явление описывается формулой американского ученого китайского происхождения Ли Цзэкоу. Он считает, что сочетание достижений западной цивилизации с китайской традицией это и есть тот путь, который может привести к развитию западного цивилизационного ядра.

Сейчас в Китае есть решительные противники конфуцианства. Например, известный писатель Шао Янсан в 1988 г. призывал полностью отказаться от этого первоэлемента национальной культуры и психологии, чтобы расчистить путь к прогрессу, созданию сильного и богатого демократического и цивилизованного Китая. Но есть и решительные защитники конфуцианства. Исследователь традиционной философии ЧжанДайянь писал в 1991 г., что конфуцианство может сильно способствовать процессу модернизации страны, потому что в нем делается упор на нравственное воспитание человека, на идею сплочения людей, социальном долге и личной ответственности каждого за положение дел в стране.

Иудаизм

Специфическую форму приняло реформаторское движение в иудаизме. Оно зародилось в Германии как хаскала — еврейское просветительство. Его цель состояла во включение еврейской культуры в общемировую, сохранение древнееврейского языка и литературы, распространение светского образования наряду с религиозным и т.п. Движение реформаторов иудаизма ориентировано не на пересмотр религиозной догматики, а на решение мирских проблем евреев. В его основе лежала идея, согласно которой иудаизм, чтобы сохраниться в качестве живой религии, должен изменяться в духе времени.

«Мы можем сказать без колебаний, — заявил один из лидеров реформаторского движения, — что подлинным импульсом к приведению религиозной жизни в соответствие с требованием времени, является необходимость не столько удовлетворить религиозные требования времени и потребности верующих, сколько обеспечить соответствующее представительство евреев без иудаизма и без иудаистской культуры».

Процесс модернизации религиозного сознания, неравномерный, с понятными движениями, — характерная черта нашего времени. При всем том безусловную власть над массами сохраняют традиционные формы религии. Принципиальные противники перемен в богословско-юридической сфере, вынуждены на практике допускать их, прибегая к казуистике и расширенному толкованию священных текстов и древних книг.

§ 3. Развитие политической мысли в странах Востока

Государственно- национальная идеология

Официальная, государственно-национальная идеология — это декларируемая или фактически определяющая правительственный курс система концепций и взглядов по вопросам

государственности, политической власти и социально-экономического развития.

Официальные идеологии и программы, лежащие в основе государственной политики, — результат взаимодействия различных этносов, религиозных, сословно-классовых групп (как бы ни расходились их интересы), представляющих всю нацию.

Один из авторов Рукуннегары — официальной идеологии Малайзии, А.Газали определяет нацию как ассоциацию людей, имеющих одно подданство и преданных государству. Власть объявляет себя защитницей общего интереса, как она его понимает, и это ее понимание закладывается в государственную политику.

Государственная идеология служит мощным активатором неведения народа, ее отсутствие или неадекватность общенациональному согласию мешают интеграции, поддержанию стабильности, реализации национальных программ и т.п. Дальновидные лидеры понимают это, другие приходят к пониманию, двигаясь путем «проб и ошибок».

«Отвергнув коммунистическую идеологизацию всех сторон жизни, говорил президент Киргизии А.Акаев, — мы зашли слишком далеко и выплеснули с водой ребенка. Ни один народ, ни одна нация не может существовать без идеала, без благородной социальной цели. Именно эти идеалы и цели делают значимыми их деятельность, их жертвы».

Государственная идеология, которую формулируют правящие круги, должна опираться на национальную идею — представление подавляющего большинства народа, обитающего в определенных политических границах, об общих целях и жизненных интересах. Государственная идеология нередко меняется со сменой правителей, тогда как национальная идея является долговременным фактором.

Официальные идеологии очень активны. В распоряжении властей имеется мощный арсенал средств обработки населения. Цель ее — формирование национального самосознания через мифологизацию официальной идеологии, т.е. такие понятия, как родина, монархия, социальная утопия и т.д., возводятся в ранг святынь.

Десятки государств на Востоке имеют свою историю, свое видение мира и национальных проблем, меняющееся в зависимости от

обстоятельств. Отсюда множество официальных доктрин и программ. Но в основе всего этого разнообразия вне зависимости от типа государственности и политического режима в постколониальный период лежит формула «четырех «С»» — стабильность властных структур, стабильность национального бытия, стабильность экономического роста и стабильность социальной сферы.

Государственно-политическая детерминанта современных официальных идеологий, провозглашенных или не провозглашенных в официальных документах — национализм всех оттенков, сочетающийся с авторитаризмом или демократией. Идеологии можно условно отнести к двум основным категориям, которые, однако, редко встречаются в чистом виде. Это:

- идеологии национального прагматизма как демократического, так и авторитарного толка;
- концепции так называемых идеологических государств и близкие к ним концепции «особого пути».

Ниже приводится краткая характеристика некоторых разных идеологий и программ.

Идеология национального прагматизма	<i>Для Японии</i> начала 1990-х годов была принята идея «общества благоденствия японского типа» на национально-либеральной основе. Страна прошла путь от шовинизма военного времени, обожествления государственности, к политическому либерализму и к открытости по отношению к Западу (1945—1960). После поражения во второй мировой войне у японцев возникло чувство неполноценности, азиатской отсталости. Последовавший феноменальный экономический рост сопровождался нарастанием националистических и антиамериканских настроений. В конце 1970-х годов японское правительство <i>конструировало</i> идеологическую платформу национального единства. Возрождается стремление к лидерству в мировом сообществе, и даже появляется идея сделать Японию центром мировой цивилизации, создав образец высокоэффективного общества.

В Южной Корее господствует идеология «чучхесон» (сам себе хозяин), опоры на собственные силы. Теоретики чучхесон подчеркивают исключительность южнокорейского пути развития, выделяя в качестве факторов, определяющих эту исключительность, национальный дух, национальное единство, уникальность национальной культуры. Власти толкуют принцип чучхесон как основу корейской формы демократии. Это предполагает примат единовластия (характерного для конфуцианской доктрины), идеи национализма с опорой на национальные культурные ценности и революционное

преобразование человека в целях национального сплочения, сильного государства, опирающегося на самобытность и бескомпромиссный суверенитет.

Малайзия исповедует прагматизм Рухуннегары (основы государственности), провозглашенной официальной доктриной в 1970 г. Главной заботой государства названа задача формирования единой малайской нации — единства всех народов страны. Своеобразие страны состоит в том, что малайцы составляют менее половины населения, а наиболее состоятельная и активно предпринимательская его часть — это китайцы и индийцы. Доктрина утверждает примат национальных интересов, ставит целью поддержание демократического образа жизни, построение прогрессивного общества. Объявляется намерение создать общество равных возможностей, без эксплуатации и с непредвзятым отношением к культурным ценностям всех народов Малайи. Таким образом, речь идет о модернизации при сохранении национальных особенностей.

В Индонезии целью революции было создание независимого процветающего государства и справедливого общества, отвечающего принципу «все для всех», на основе модернизации страны. Кредо было сформулировано ее первым президентом Сукарно в форме пяти принципов «панча сила»: национализм во имя сплочения населения; интернационализм как форма гуманизма, предполагающая равноправие и братство между народами; международное сотрудничество, демократия как суверенитет народа; процветание в духе идеи социальной справедливости; вера в единого Бога, что позволяло в известной мере обеспечивать и мирное сосуществование конфессий и проведение секулярной политики.

Эти принципы лежат в основе государственной идеологии вот уже столетия на всех поворотах истории Индонезии, хотя с изменением политического режима менялись приоритеты элементов формулы «панга сила», да и само их понимание.

В основе официальной идеологии Индии после обретения ею независимости лежал курс, намеченный Дж.Неру, — государственный национализм. Это обозначало решающую роль государства в определении основных направлений развития во имя достижения национальных целей: образование единой нации в федеративном секулярном государстве с парламентской демократией со смешанной экономикой, с опорой на собственные силы; предусматривается преобладание государственного сектора в жизненно важных областях экономики и социалистическая перспектива в духе принципов, заложенных в конституции. После смерти Дж.Неру постепенно возобладала тенденция к либерализации экономической жизни.

Кемализм — официальная национально-либеральная идеология Турции, сформулированная первым президентом республики Кемалем Ататюрком на базе шести принципов: республиканизм, национализм, народность (неприятие идеи классового разделения общества), этатизм (государственное планирование и контроль за проектом развития), лаицизм и революционность. Руководящая идея — национальное государство европейского типа. Все турецкие правящие режимы клянутся в верности курсу Ататюрка, хотя и меняют его в соответствии с требованием времени. Уже в 1950-х годах Турция отказалась от государственного патернализма по отношению к обществу, был сделан выбор в пользу свободных рыночных отношений, хотя борьба между государственниками и рыночниками продолжается.

В современных монархиях — Брунее и Таиланде, Камбодже и Марокко — государственная идеология зиждется на триаде «родина (нация) — вера — монарх».

Государства «правлящих идеологий»	К «идеологическим» следует отнести государства, созданные во имя реализации наднациональной идеи или ею руководствующиеся. Такие государства могут исповедовать панисламизм, арабский национализм, сионизм и т.д., не считая стран, избравших в качестве государственной идеологии марксизм.

В результате революции 1978—1979 гг. была образована Исламская Республика Иран. Основными идеями, которыми она руководствуется, это выдвинутая Хомейни в 1971 г. концепция «великая — с факих» — правление мудрого мусульманского законоведа, который должен вести общество по предначертанному Аллахом пути к идеалу — «государству ислама», не знающему ни социального, ни экономического, ни национального неравенства.

Пакистан стал как бы воплощением индостанской концепции мусульманского национализма, отталкивающегося от представления о мусульманах Индии как полноправной нации, имеющей право на государственность. Доминантами его официальной идеологии в момент образования государства (1947 г.) были: исламское правительство, исламское государство, исламская конституция, хотя никто точно не определил, что это такое. Однако, как и в других подобных государствах, политика строилась на прагматизме, направленном на укрепление национального единства, модернизацию и т.д. В «Резолюции о целях», которая легла в основу конституции Пакистана, говорится, что суверенитет во Вселенной принадлежит Богу, а верховная власть передана им государству через народ.

К «идеологическим» государствам относятся Сирия и Ирак. Их идеология баасизма провозглашает цели: арабское единство, свобода, социализм во имя возрождения арабской нации.

Израиль с момента своего образования в 1948 г. существует под знаменем сионизма — националистической идеологии, стержнем которого является представление о мировом еврействе как едином народе, воссоединенном на «земле обетованной». Здесь должно быть создано социалистическое общество с «нормальной» общественной пирамидой.

К «идеологическим» государствам примыкают также страны, избравшие «особый», «третий» путь развития. Это попытка найти альтернативу как капитализму, так и социализму. Они обещают «земной рай» в духе социальных установок религиозных доктрин, религиозно-философских учений, древних книг, национальных традиций. Подобные идеологии существуют в разных странах Востока, часто конкурируя с официальными, иногда занимая ранг «государственных».

На конференции «Тунисско-германский диалог» (февраль 1984 г.) представитель Туниса Абдель ваххаб Бухдиба говорил: «Наш опыт развития показывает, что нас не могут удовлетворить идеалы, которые на деле являются высшими европейскими идеалами, которые вы так или иначе пытаетесь навязать нам или по крайней мере сделать привлекательными в наших глазах». Западные модели развития, по словам бывшего президента Алжира Бен Беллы потерпели фиаско в «третьем мире» и даже на самом Западе.

Идеологи «особого» или «третьего пути» нередко критикуют также советскую, китайскую и другие модели социализма и концепцию «социалистической ориентации», не приемлют широкую национализацию средств производства, жесткое планирование в области экономики, ограничений предпринимательской инициативы, политический радикализм и пр.

Наднациональные идеологии или панидеологии В идеологической и политической борьбе в афроазиатских странах широко используется наднациональная идеология, или панидеологии, такие, как панисламизм, панарабизм, пантюркизм, евразийство и т.п. Они возводят в абсолют подлинное или мнимое единство крупных общностей на территориальной, расовой, этнокультурной или религиозной основе. Почти все они зародились в первой половине XX столетия. Но со временем получили новые акценты, отчасти — новое содержание и функции.

Панисламизм, сохранив антиколониальный и антиимпериалистический потенциал, в не меньшей степени стал политической

идеологией движений социального протеста. Панарабизм как идеология борьбы арабов за независимость, используется отдельными арабскими странами для достижения государственно-национальных целей. Пантюркизм, ранее превратившийся из политической идеологии в концепцию культурного национализма, ныне снова выходит на политическую арену. Паназиатизм, который был орудием японского гегемонизма, в первой половине XX в. возрождается под лозунгом «азиатизация Азии», призванным сплотить азиатские страны в борьбе за новый экономический передел мира между центрами силы. Одним из таких центров все более уверенно становится Дальний Восток и Юго-Восточная Азия.

**Панисламизм в
современном
мире**

При господстве национализма в мире панисламизм, по-видимому, не может иметь полного и долговременного успеха. Доминанта национальных интересов, столкновение честолюбивых правителей и политических лидеров не только превращают в химеру идею планетарного «государства ислама», но и затрудняют даже возможность реального единства действий мусульманских стран. Тем не менее панисламистские лозунги созвучны настроениям тех, кто идеализирует раннеисламскую общину и видит в ней воплощение мечты о справедливости. Панисламизм вдохновляет мусульманские сепаратистские движения или служит идеологическим прикрытием сил, борющихся за власть, привилегии и гегемонию в мусульманском мире. Но, может быть, важнейшая политическая функция панисламизма сегодня состоит в формулировании объективной потребности мусульманских стран в сплочении на основе общих интересов, устремленных к образованию крупных политических, экономических, военных блоков.

В современном панисламизме, ориентированном на планетарную исламскую общину, существуют разные подходы к вопросу о путях и методах достижения цели. Одни придерживаются экстремистских взглядов, призывая и даже утверждая необходимость насилия, другие избирают путь воспитания личности, духовной переориентации мусульманина на возрождение общины Мухаммада, третьи сначала добиваются внедрения шариата как референтного кодекса для национального государства (к примеру, политика исламизации в Иране и Пакистане).

Обращает на себя внимание то, что «всемирное государство ислама» в большинстве случаев воспринимается как желанная, но отдаленная цель. Сейчас, когда широкое распространение получил мусульманский национализм, признающий приоритет исламских, а не национальных целей, но в рамках национальных государств панисламизм часто ориентируется на образование «государства ислама» в отдельно взятой стране как шаг к планетарной общине.

Директор института политических наук в Исламабаде Хуришид Амин пишет: «Мы можем принять идею национального государства в качестве отправной точки... потому что это реальность сегодняшнего мира. Сейчас мы не мыслим о халифате как унитарном государстве. Мы стремимся к содружеству мусульманских народов в качестве шага к более полному единству». Бывший советник по делам образования в Пакистане Абдул Хакк добавляет:

«Пакистан может привести мусульманские страны к образованию всемирной конфедерации со столицей в Мекке». Абдалла Самман, богослов из Саудовской Аравии утверждает, что «... у мусульманина есть малая родина — страна, в которой он рожден, и великая родина — «государство ислама».

Сионизм Это крайне националистическая идеология и политическое движение, отталкивающееся от представления о евреях как богоизбранном народе, облеченном особой миссией. Это движение начиналось как светское.

Один из его лидеров и первый президент Государства Израиль Хаим Вейцман в предисловии к книге «Сионизм и будущее евреев», изданной в 1916 г. писал: «Полвека тому назад некоторые дальновидные русские евреи стали понимать опасность дезинтеграции еврейства в силу того, что евреи усваивают чужие идеи и нравы. Они поняли, что единственное лекарство против этой болезни — это возможность образовать новый центр для евреев на их исторической родине, где они будут жить свободными, на своей земле, развиваться в русле современной жизни, не утрачивая своей индивидуальности».

Некоторые идеологи сионизма, среди них премьер-министр Израиля Менахем Бегин, отталкивались от посылки «человек человеку — волк». А поскольку «человек есть частица своего народа, а национальная общность — высшая форма общности, поскольку нации сосуществуют в борьбе друг с другом. Евреи — народ отверженный и враждебность к нему в мире неискоренима». Яков Кляцкин в книге «Кризис и решение», изданной в 1921 г. в Берлине, писал: «Мы чужие среди вас и хотим таким оставаться. Между нами широкая пропасть, через которую невозможно наведение мостов. Ваш дух чужд нам, ваши мифы, легенды, обычаи, привычки, традиции, национальное наследие, религия, святыни ... — все нам чуждо».

Иудаизм по-разному соотносится с еврейским национализмом. Религиозные сионисты добиваются торжества Торы на земле Израиля. Они считают, что еврейская диаспора (евреи, живущие среди других народов) утрачивает свою духовную сущность, которую можно восстановить лишь на «земле обетованной». При этом конечной целью должно быть государство Израиль в границах всех территорий, которые некогда находились под контролем евреев, а не только тех, которые Бог обещал Аврааму.

Еврейские религиозные ультралибералы (крайние ортодоксы и фундаменталисты) жестко выступали против секулярного политического сионизма, против образования евреями государства Израиль в Палестине. Они считают, что возродить Израиль может только Мессия, а государство, созданное людьми, неминуемо будет иметь светский характер. Такова, например, группа «Наторей карта» («стражи городов»). Максималисты — романтики считают, что Бог рассеял избранный им народ, чтобы он служил «дрожжами прогресса». Высшей целью сионистского движения должно быть, по их мнению, не воссоединение евреев на земле предков, а духовное и моральное возрождение еврейского народа; территориальное и языковое единство, государственность не обязательны. Отсюда образование государства Израиль есть «трагическое нарушение Божьей воли: оно должно быть воссоздано только Мессией».

Панарабизм Арабский национализм ныне переживает кризис. Последний пик активности панарабистов относится ко второй половине 1950—1960-х годов. В то время арабская общественность с энтузиазмом воспринимала панарабистские лозунги. Это была реакция на неокOLONиализм, появление государства Израиль, разгром арабских стран в войне 1948 г., ее питали горечь поражения и жажда реванша. Успехи национально-демократических революций в Азии, провал трехсторонней англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г. и образование Объединенной Арабской Республики в составе Египта и Сирии, казалось, открывали перспективы реализации панарабской модели.

С конца 1960-х годов, после поражения арабов в «шестидневной войне» с Израилем (1967 г.), после смерти признанного вождя панарабистского движения Г.А.Насера, после заключения сепаратного мира между Египтом и Израилем в 1979 г., влияние арабского национализма как политической концепции общеарабского действия и идеологического оружия вновь упало. Усилились регионалистские тенденции, частные интересы возобладали над общеарабскими и долговременными. Даже нерешенность палестинской проблемы не ослабила остроты кризиса панарабизма.

Проблемы арабского национализма в современном варианте, его социальные, политические, исторические аспекты наиболее полно освещены идеологами Партии арабского социалистического возрождения (является правящей в Сирии и Ираке), для которой он является теоретической основой, в частности, в работах одного из ее основателей Мишеля Афляка. В центре панарабизма — представление об арабах, как народе, на котором лежит «вечная миссия» обновления человечества, чья жизнь — образец для подражания. Баасисты (БААС — арабская аббревиатура ПАСВ) считают, что национальные узы важнее всех прочих связей. Они ратуют за образование унитарного арабского государства, поскольку арабы составляют единую нацию — политическую, культурную общность, а также потому, что их «вечная миссия» может быть реализована только в том случае, если они будут объединены.

Идее сплочения, порожденной общностью интересов арабских стран, языка, культурного наследия и т.п., противостояли государственный национализм, гегемонистские устремления некоторых лидеров, различие политических режимов и нерешенность межарабских проблем, разница в уровнях развития, идеологические расхождения.

Последние возобладали. Хабиб Бургиба (бывший президент Туниса) вынужден был констатировать: «Единство арабского мира -миф». Абдала Ларуи (известный марокканский историк и идеолог) вторил ему: «Общеарабской национальной идеологии нет — интеллектуальная элита повсеместно разнородна». Египетский писатель Тауфик аль-Хаким «всегда считал возможным культурное единство ... Что касается арабского Политического объединения, то ... это нереально ни сейчас, ни даже через 50 лет».

Вместе с тем для большей части националистов политическое объединение арабов в той или иной форме остается идеальной целью. После распада в 1961 г. ОАР оно все больше мыслится как конфедерация. Даже баасисты, для которых арабское единство является политической целью, признали необходимым учитывать суверенность каждого арабского государства. Современный панарабизм выполняет функции инструмента в политике арабских государств. Его девиз — «необходимость»: необходимость объединения рынков,

экономического, культурного, военного сотрудничества, совместных усилий для защиты интересов всех арабских стран и каждой в отдельности.

Даже пламенный поборник арабского единства, ливийский лидер Муаммар Каддафи, отвечая на вопрос корреспондента «Правды»: «Реально ли сегодня арабское единство?», сказал коротко: «Единство необходимо». Он говорил не о реальности воплощения идеи, а о необходимости. Министр иностранных дел Саудовской Аравии принц Сауд аль-Фейсал в мае 1995 г. заявил: «Достижению арабского единства мешает прежде всего недооценка значения ислама для арабов, непонимания ими значения единства «как наилучшего способа противодействовать вызовам, которые история бросила их независимости и развитию».

Вместе с тем в результате борьбы за независимость, свободу, национальное достоинство и бурного роста национального самосознания у части населения арабских стран сложилось устойчивое представление о принадлежности к единой нации, о «большой родине» от Атлантического океана до Персидского залива наряду с «малой родиной», где человек осознает себя арабом (ливанцем, египтянином, алжирцем, иорданцем и т.д.). Единство понимается как многообразие в единстве, как сочетание частного и общего, соединение религиозного национализма с панарабской идеей.

Тюркизм и пантюркизм В 1990-х годах в Турции активизировались сторонники тюркизма — идеи культурной общности тюркских народов и пантюркизма — концепции их духовного и политического объединения. Возродилась идея о «Великом Туране» -мировой державе под эгидой турок.

Развал СССР и появление на его территории ряда независимых тюркоязычных государств (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и др.), отчаянно нуждающихся в политической поддержке и инвестициях, открывает широкие перспективы для усиления турецкого влияния, особенно потому, что едва ли не все они берут за образец турецкую модель развития.

В турецком обществе появляются люди, испытывающие ностальгию по временам величия Османской империи, среди них возрождаются пантюркистские идеи. Они разделяют, в частности, взгляды противника кемализма (кемалистская концепция противостоит пантюркизму) Риза Нури, который считал, что тюркские народы должны быть объединены в конфедерацию под эгидой турок. Его единомышленник Нихаль Атсиз писал в 1950 г.: «Турок — это тот, кто верит, что тюркская нация превыше всего, почитает ее национальную историю и готов жертвовать жизнью за идеи тюркизма».

С конца 1950-х годов в Турции действует крайняя националистическая партия антиамериканской и антисионистской направленности, которая сейчас называется Партия националистического действия. Она выступает за объединение тюркских народов под девизом «Да хранит Аллах турка», за мощную в военном отношении, экономически независимую «Великую стомиллионную Турцию», государство, которое со временем установит свое господство в мире.

В 1993 г. в турецком городе Анталия состоялся Конгресс дружбы и братства тюркских государств и общин, выступающих за укрепление политических и культурных связей между тюркскими народностями. На фоне всплеска этнотерриториального национализма в республиках бывшего СССР наблюдается спорадическое проявление тюркского национализма. В Узбекистане с 1992 г. выходит журнал «Турон тарихи» (История Турона — страны тюрков»).

Партия Апаш в Казахстане не признает существование отдельных тюркских этносов — все они тюрки и только. Пантюркистские настроения особенно отчетливо проявляются в Азербайджане, прежде всего в программе Народно-демократической партии Азербайджана, выступающей за светское государство пантюркистской ориентации.

Паназиатизм

С 1960-х годов появились признаки оживления паназиатизма — в форме консолидации азиатских народов на расовой основе. Дань паназиатизму как концепции единства

цели и действий азиатских народов в борьбе против неокOLONиализма и империализма отдал Дж. Неру. В соответствии с этой идеей азиатские народы должны объединить свои усилия «в политической, экономической и культурной областях, с тем, чтобы Азия стала нашей собственной сферой интересов».

О жизненности паназиатизма в частности на Филиппинах свидетельствует Кларо М. Ректо, националист пропагандировавший в 1960-х и 1970-х годах лозунг «Азия для азиатов». Для Ректо «великим уроком и великим образцом для подражания» была Япония как пионер паназиатизма до второй мировой войны. После войны, когда у японцев прошли горечь военного поражения и вызванное этим чувство неполноценности, японская экономика стала серьезным соперником могуществу США и Европы. Фактически в новой форме воскрешалась старая концепция «Великой восточной сферы процветания» под эгидой Японии.

«Азиатизация Азии» — также вызов западной либерально-демократической модели общественного устройства: Азия противопоставляет западному индивидуализму патерналистскую форму власти в интересах общества. По мнению сингапурского министра информации и искусства Джорджа Йоу, рождается новая цивилизация на базе конфуцианства, даосизма и буддизма махаяны.

«Активизация Азии», характерная прежде всего для стран Азиатско-Тихоокеанского региона, развивалась параллельно и отчасти в русле формирования общественной мысли развивающихся стран, так называемого «третьемирского сознания», которое особо проявило себя в 1960—1970-е годы.

«Третьемирское» сознание

Общность национально-государственных интересов афроазиатских стран в некоторых сферах их отношений с другими народами, в первую очередь с индустриально разви-

тыми государствами, обусловила относительное сходство у них представлений о месте «третьего мира» в мировом сообществе.

Как подчеркивают авторы книги «Общественная мысль развивающихся стран», «взятый в самом общем виде феномен общественной мысли развивающихся стран выражает протест зависимой, неравноправной, лишенной права на саморазвитие миросистемной общности, ее борьбу за субъективность, за равнозначимость с другими общностями того же порядка».

Общественное сознание бывших колониальных народов было отмечено европоцентризмом, отражало ощущение ими своей неполноценности и периферийности. В ходе национально-освободительной борьбы развивалось национальное самосознание, но и в период независимости сохранялось сознание своей периферийности, ущемленности, неравноправия. Это подкрепляется зависимостью большинства стран Азии и Африки от Запада в сфере науки, новейших технологий, широкой экспансией на Восток западного образа жизни. В этих условиях, естественно возникло понимание органической связи

между империализмом и неоколониализмом, необходимости изменения положения дел в мире, в котором существуют эксплуатируемые нации. Складывалось представление, что главное противоречие эпохи — противоречие между империализмом и неоколониализмом.

На Востоке это противоречие наиболее четко истолковал Мао Цзэдун, который в 1974 г. выдвинул концепцию «трех миров». Он говорил о том, что наряду с высокоразвитыми капиталистическими странами и СССР существуют слаборазвитые страны «третьего мира», причиной всех бед которых является империализм. Для «третьего мира» при капитализме нет будущего. Видный баасистский деятель Мухаммед Джунди писал, что противоречия с империализмом являются фундаментальными: араб уже только потому, что он араб, ощущает страдание всей своей нации, эксплуатируемой империализмом. В эпоху империализма основное противоречие между угнетенными нациями всего мира и мировой буржуазией, а не внутри отдельно взятой страны.

Общность интересов привела к пониманию единства целей и, следовательно, необходимости объединения усилий. В 1950-х годах среди стран «третьего мира» возникло движение неприсоединения, которое по словам Индиры Ганди было «продолжением духа несотрудничества с колониализмом». В эпоху «холодной войны» это движение давало неприсоединившимся странам возможность политического и экономического маневра. Появились блоки, союзы, организации стран «третьего мира» для защиты общих интересов: Организация африканского единства, «Группа 77», Лига арабских государств, АСЕАН и т.п. В последней трети XX в. активизировались идеи экономического сотрудничества, коллективной опоры на собственные силы, появлением движения за новый экономический порядок.

§ 4–5. Политические процессы на Востоке

Восток второй половины XX века постепенно превратился из зависимого объекта колониальной и неоколониальной политики Запада в самостоятельную силу на международной арене. Тем не менее западные державы стремились и в новых условиях сохранить и даже расширить свои позиции в странах Востока, привязать их к себе экономическими, политическими, финансовыми и прочими узами, опутав сетью соглашений о техническом, военном, культурном и прочем сотрудничестве. Если же это не помогало или не получалось, западные державы, особенно США, не колеблясь, прибегали к насилию, вооруженной интервенции, экономической блокаде и прочим средствам давления в духе традиционного колониализма.

Узел противоречий на Дальнем Востоке

Однако многие перемены, явившиеся прямым следствием новой расстановки сил в глобальном масштабе, приняли необратимый характер. Наиболее кардинально это проявилось на Дальнем Востоке.

Потерпевшая поражение Япония капитулировала и на десятилетия утратила свой статус великой державы и способность влиять

на страны региона. Более того, Япония была оккупирована войсками США и стала объектом целенаправленной политики американцев по социальной и экономической модернизации, культурной и технологической «вестернизации». То же самое произошло и на юге Корейского полуострова. США спешили занять место Японии везде, где только могли. Однако разгром советскими войсками японской Квантунской армии создал условия для расширения и укрепления «освобожденных» районов Китая, контролировавшихся коммунистами, для вооружения и оснащения (как за счет СССР, так и путем передачи трофейного японского оружия) Народно-освободительной армии Китая (НОАК), созданной руководством КПК. К концу 1945 г. «освобожденные» районы охватывали почти четверть территории Китая (главным образом на севере) с населением в 150 млн. человек. Хотя национальное правительство Чан Кайши с помощью США сумело захватить большую часть ранее оккупированной японцами территории, позиции КПК, безусловно, усилились. В дальнейшей весьма острой борьбе за власть КПК проводила довольно гибкую политику, включавшую переговоры и с партией Гоминьдан, и непосредственно с США, а также — с самыми разными силами, недовольными диктатурой Чан Кайши. США явно переоценили способность чанкайшистского режима разгромить КПК и, всемерно его укрепляя, все же не решились (во многом под воздействием СССР и в результате соглашения с СССР и Англией о невмешательстве в Китае от 1945 г.) на непосредственную интервенцию. Их вооруженные силы, размещенные на территории Китая, остались в стороне от боев, что и позволило НОАК разгромить разлагающуюся армию Чан Кайши, в которой 2/3 потерь составили сдавшиеся в плен или перешедшие на сторону НОАК. Опираясь преимущественно на крестьянство, КПК сумела привлечь на свою сторону наиболее активные слои населения, прежде всего рабочих, нейтрализовать средние слои и буржуазию (которые также были недовольны Чан Кайши), изолировать, разложить и деморализовать сторонников режима, в основном — чиновничество и бюрократический капитал.

Победа китайской революции, завершившаяся провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР), имела огромное значение для всего Востока. Во-первых, она привела коммунистов к власти в самой большой по населению стране мира, что весомо умножило силы мирового коммунизма и резко усилило его влияние, особенно в Азии. Во-вторых, она продемонстрировала всему Западу и особенно США, что терпение Востока не беспредельно, что крестьянство, в основе своей — традиционно мыслящее, бедное, забитое и консервативное, способно не только восстать, но

и победить (ибо крестьянство составляло подавляющее большинство и в НОАК, и в КПК, и среди жителей Китая вообще). В-третьих, победа революции в Китае показала гнилость и уязвимость традиционных режимов на Востоке, несоответствие новой обстановке и новым условиям, порожденным второй мировой войной, методов управления и социальной организации, применяемых отживающими силами восточного общества — помещиками, чиновничеством, бюрократической буржуазией, ростовщическим капиталом. США и Запад в целом сделали из всего случившегося надлежащие выводы, взяв курс на максимальное силовое противодействие распространению влияния СССР и КНР, с одной стороны, на технико-экономическую и социокультурную модернизацию зависимых от них стран Востока — с другой.

Однако это было весьма трудно осуществить. Почти во всех странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии имелись значительные китайские общины, в низших (и не только) слоях которых наблюдалось повсеместное сочувствие КНР, в меньшей степени — КПК. Идеи модернизации по-американски и вообще «вестернизации» в первую очередь воспринимали те группы населения, которые в основном скомпрометировали себя сотрудничеством с японцами, были известны и ранее своей проколониалистской позицией и поэтому не пользовались авторитетом у народа. Сыграла свою роль и появившаяся после 1945 г. возможность непосредственно оказывать помощь революционным и повстанческим движениям с территории СССР и Китая. Наиболее ярко это проявилось в ходе корейской войны 1950—1953 гг.

Народ Кореи, с 1910г. жестоко угнетавшийся Японией, вел с 1931 г. трудную партизанскую войну против японских захватчиков. В этой войне, как и в соседнем Китае, где проживало много корейцев, активную роль играли коммунисты. После разгрома Квантунской армии советские войска заняли Северную Корею, где коммунисты и их союзники, впоследствии объединившиеся в Трудовую партию Кореи (ТПК), получили власть. Корея стала первой в послевоенной мировой практике разделенной страной. И коммунисты на севере, и созданный американцами антикоммунистический режим на юге претендовали на объединение под своей эгидой всего полуострова. Властные амбиции подкреплялись классовой и идеологической враждой. СССР и США в условиях начавшейся «холодной войны» старались извлечь выгоду из создавшегося положения, поощряя своих союзников на полуострове, оказывая им политическую, экономическую и военную помощь. Рано или поздно это должно было привести к прямому столкновению, особенно — после утраты американцами в 1949 г. монополии на ядерную

бомбу, победы коммунистов в соседнем с Кореей Китае и все более ширившегося вооруженного повстанчества на юго-востоке Азии.

Война, вспыхнувшая в Корее в июне 1950 г., шла с переменным успехом. С самого начала США превратили ее в масштабный интернациональный конфликт, задействовав послушный им тогда механизм ООН, от имени которой они и вмешивались в ход военных действий на стороне южнокорейцев. Однако, когда, ввиду подавляющего превосходства армии США, возникла реальная угроза оккупации ими Северной Кореи, на стороне северокорейцев выступила КНР. Официально китайские войска в Корее назывались «дивизиями народных добровольцев», но на деле это была регулярная армия КНР. Американцы не решились распространить войну на территорию Китая. В результате КНР и Северная Корея при политической, экономической и военно-технологической помощи СССР выстояли против США, Южной Кореи и подразделений некоторых стран (Австралии, Турции и других), присланных в Корею под флагом ООН. Война, принявшая затяжной характер, завершилась, в конечном итоге, возвращением сторон к исходным рубежам в 1953 г.

После прекращения войны в Корее политика США в регионе, в сущности, строилась на всемерном противопоставлении севера и юга Корейского полуострова, как и континентального Китая, где образовалась КНР, острову Тайваню, ставшему с 1949 г. убежищем Чан Кайши и партии Гоминьдан. Дабы извлечь из этого противопоставления не только политические и военно-стратегические, но и экономические выгоды, США оказывали Южной Корее и Тайваню максимальную военную, финансовую и техническую помощь, осуществляли в их экономику значительные капиталовложения, дабы превратить их в процветающие «витрины вестернизации». В наибольшей степени США это удалось в Японии, которая сумела неплохо «заработать» на корейской войне благодаря выполнению гигантских военных заказов США и снабжению (в том числе — и после 1953 г.) войск США и их союзников на юге Кореи. По заключенному в 1951 г. «договору безопасности» с США американцы получили право держать в Японии свои войска и заботиться не только об «обороне» Японии, но и о пресечении в ней внутренних волнений. Мирный договор с Японией в сентябре 1951 г., формально положивший конец состоянию войны между нею и Объединенными Нациями, был составлен США и Великобританией и мало учитывал интересы других бывших противников Японии. Поэтому СССР его не подписал, а Индия, Бирма, КНР вообще не участвовали в посвященной его подписанию конференции в Сан-Франциско. Впрочем, стараниями США от лица Китая на международной

арене, в том числе — в ООН и Совете Безопасности, долгое время выступали представители Тайваня, именовавшегося «Китайской республикой».

Таким образом, узел противоречий на Дальнем Востоке в течение всей второй половины XX в. определялся проблемой противостояний КНР и Тайваня, юга и севера Кореи. Наряду с этим постепенно, особенно — к 80—90-м годам XX в., обострялся спор между СССР и Японией по поводу принадлежности южной группы Курильских островов, которые в 1945 г. вошли в состав СССР, но в Японии продолжали считаться «северными территориями». По договору 1951 г. Япония от них отказалась, но кому они принадлежат, оговорено не было.

Юго-Восточная Азия: от национального освобождения к социальной стабильности	После капитуляции Японии Юго-Восточная Азия (ЮВА) была буквально захлестнута волной освободительных революций. В Индонезии еще до капитуляции Японии национальный лидер страны Ахмед Сукарно изложил 1 июня 1945 г. «пять принципов» («Панча сила») будущего индонезийского государства: «национализм» (т.е. единство и независимость), «интернационализм» (т.е. международное равноправие и сотрудничество), «демократия» (подразумевались народное представительство и свобода мнений), «всеобщее благосостояние» (т.е. экономическое равенство) и «вера в бога», в конкретных условиях страны, трактовавшаяся как веротерпимость. Эти принципы, включенные в конституцию Республики Индонезия, сохранили свое значение вплоть до конца XX в., притом — и за пределами Индонезии, а Сукарно после освобождения страны еще 20 лет оставался ее главой.

2 сентября 1945 г. глава Национального комитета освобождения и руководитель компартии Индокитая Хо Ши Мин провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Народные комитеты были созданы в регионах Малайи, которые контролировала партизанская Антияпонская армия. Однако отсутствие организованного движения в масштабах всей страны, особенно — среди коренных малайцев, и пестрота национального состава населения (в среде которого более активны и модернизированы были китайцы и индийцы) не позволили создать независимое правительство до возвращения в страну британских войск. В дальнейшем англичане, французы, голландцы попытались восстановить во всех странах, освобожденных от японской оккупации, довоенный статус-кво, что вызвало ожесточенное вооруженное сопротивление, вылившееся в длительные национально-освободительные войны. Эта борьба продолжалась в Индонезии до 1949 г., во Вьетнаме — до

1954 г., в Малайе — до 1957 г. В других странах ЮВА также имели место военные столкновения, но они были либо подчинены политической борьбе, либо носили характер внутренних конфликтов между различными политическими, социальными и этническими группировками. Колонизаторы всячески поощряли эти конфликты, надеясь вбить клин между разными частями народа той или иной страны и сохранить тем самым свои позиции в качестве «беспристрастного арбитра». Но эту политику довольно быстро раскусили. Лидер патриотов Бирмы Аун Сан говорил еще в 1946 г.: «Если Англия и Америка, объединившись, вздумают диктовать свои условия, Россия и многочисленные мелкие государства сплотятся, чтобы не допустить этого».

Надежды на СССР были тогда свойственны не только коммунистам. У националистов Бирмы, Индонезии и других стран в их выступлениях встречались ссылки на Ленина, примеры из жизни СССР. Это объяснялось, с одной стороны, взлетом авторитета СССР после побед над Германией и Японией в 1945 г., а с другой — поисками моделей послевоенного устройства в условиях революционной ситуации. Сказывалось, конечно, и влияние местных коммунистов, за годы войны усилившихся политически, идеологически и в количественном отношении. На эмоционально-житейском уровне большое значение имели многонациональный характер СССР и даже наличие среди его руководства лиц восточного происхождения, начиная с И.В.Сталина.

СССР пытался противостоять США и вообще западным державам на Востоке, опираясь прежде всего на компартии, в том числе — на созданные коммунистами вооруженные силы. Но это оправдало себя только в Китае и Вьетнаме, где эти силы были тесно связаны с широкими массами и составляли влиятельные и хорошо организованные партии, проводившие самостоятельную и гибкую политику. Уже на севере Кореи значительная доля успеха местных коммунистов объяснялась мощной поддержкой и всесторонней помощью СССР и Китая. Что же касается других стран, то здесь компартии не добились поставленных перед ними целей. Они потерпели тяжелое поражение в Индонезии в 1948—1949 гг., на Филиппинах в 1952 г., в Малайе — к середине 1950-х гг. Во многом это объяснялось их малочисленностью, изолированностью от большинства населения, тактической незрелостью, механическим выполнением инструкций из Москвы (или, позже, из Пекина), нередко (например, в Малайе или Таиланде) преобладанием среди них китайцев, отношение к которым у местных жителей не всегда было однозначным.

В послевоенные годы на Востоке постепенно возникало и стало значительной идейной и политической силой движение «неприсоединения» ни к одному из сложившихся на мировой арене военно-политических блоков. Одним из духовных отцов этого движения был президент Югославии Иосип Броз-Тито, управлявший своей страной 36 лет (в 1944—1980 гг.) и за эти годы добавивший к своему образу героя антифашистского сопротивления в Европе еще и авторитет *международного лидера высокого уровня*. Не желая подчиняться диктату Сталина, но и не отказываясь от принципов социализма, которые он интерпретировал по-своему, а не согласно сталинским догмам, Тито вывел свою страну из «лагеря социализма», который он называл «восточным блоком». Но, вопреки обвинениям Москвы в его адрес, он не примкнул к «западному блоку», т.е. к США и их союзникам. В осуществлении этой политики он решил опереться на молодые государства Востока, вышедшие после 1945 г. на мировую арену, прежде всего — на Индию и Китай, великие державы, принадлежавшие к разным цивилизациям и разным социальным системам, но одинаково заинтересованные в мирном урегулировании острых межгосударственных противоречий политического, идеологического, экономического, военного и территориального характера, унаследованных и от колониальной эпохи, и от второй мировой войны. К тому же, в середине 50-х годов, когда зародилось движение «неприсоединения», только что закончились войны в Корее и Вьетнаме (в 1954 г.), обострились противоречия КНР с Тайванем, продолжались военные действия в Малайе, ухудшилась обстановка в Средиземноморье.

У Индии были свои причины стоять на позициях миролюбия и нейтралитета. Страна еще помнила историю индо-мусульманской резни, в обстановке которой родилась летом 1947 г. независимость Индии и Пакистана. При этом в Индии остались миллионы мусульман, а также сикхов, христиан, буддистов и представителей других конфессий. Многоконфессиональная и многонациональная страна 180 языков, мусульманское население и мусульманское окружение которой (Пакистан, Иран, Афганистан, Малайзия, Индонезия) оставались враждебными официальному секуляризму властей Индии, была, к тому же, обременена множеством социальных и экономических проблем, затруднявших преодоление традиционализма, тормозившего модернизацию. В свою очередь Китай, ощущая себя великой державой и желая избавиться от имиджа «только союзника» СССР, нуждался в том, чтобы выйти на мировую арену в новой роли и желательно — единым фронтом с другими странами Азии, на лидерство в которой Китай всегда претендовал.

Переговоры 1954—1955 гг. между И.Броз-Тито, главой Индии Джавахарлалом Неру и премьером Госсовета КНР Чжоу Энлаем привели к созыву в апреле 1955 г. в городе Бандунг (Индонезия) первой конференции глав государств и правительств 39 стран Азии и Африки. Конференция подтвердила курс, как тогда говорили, «позитивного нейтрализма»: неприсоединение к военным блокам, поддержка освободительной борьбы народов еще сохранившихся к тому времени колоний, антиимпериализм и антиколониализм, взаимное уважение и невмешательство в дела друг друга. В декабре 1957 г. — январе 1958 г. в Каире была созвана экономическая конференция 45 стран Азии и Африки. На ней было решено создать постоянные органы движения афро-азиатской солидарности. Организационное оформление этого движения произошло на конференции в г. Конакри (Гвинея) в апреле 1960 г., где был принят устав движения и сформулированы его цели — «объединять и согласовывать борьбу народов Азии и Африки против империализма и колониализма, ускорять освобождение народов и обеспечить их экономическое, социальное и культурное развитие».

Движение афро-азиатской солидарности постепенно становилось реальной силой на международной арене. Оно помогало (политически и материально) борцам за независимость, оказывало давление на колониальные державы, содействовало укреплению суверенитета молодых государств. Объективно это движение стало союзником СССР; несмотря на периодические разногласия СССР с Югославией, Китаем, Индонезией и другими «странами Бандунга». Конференция 25 неприсоединившихся стран в Белграде в 1961 г. прямо высказалась в поддержку борьбы за мир (одного из постулатов внешней политики СССР в его противоборстве с Западом) и против колониализма. Многие решения ООН, в первую очередь — Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 1960 г., были приняты благодаря совместным действиям СССР и афро-азиатских государств. Это явилось одной из причин ликвидации колониальных владений Запада в Азии и Африке. Только в 60-е годы XX в. 44 бывших колонии обрели независимость.

Разумеется, афро-азиатская солидарность была не лишена противоречий. С 1959 г. стали ухудшаться отношения между Индией и КНР из-за вступления китайских войск в Тибет и бегства в Индию главы буддистов далай-ламы. С началом 60-х годов стало возрастать противоборство Индонезии и Малайзии из-за территориальных споров, которые разделяют многие из молодых государств Востока. Индо-пакистанские войны 1966 г. и 1971 г. еще больше противопоставили Индию и Пакистан, привели к образованию на месте

восточного Пакистана независимого государства Бангладеш, до предела накалили разногласия из-за Кашмира и гипотетического проекта сикхского государства Халистан, поддержанного Пакистаном.

Ухудшение китайско-индийских отношений сопровождалось сближением Китая с Пакистаном и резким обострением с 1963 г. (а по другим данным, еще раньше) отношений КНР и СССР. Вызванное в основном внутренними событиями в Китае (особенно «культурной революцией» 1966—1975 гг.), это обострение было также связано с разногласиями в мировом коммунистическом движении и в тактике борьбы с США) но особенно — со стремлением КНР стать супердержавой наряду с СССР и США. В 1969 г. кризис привел к военному конфликту между СССР и КНР на пограничном острове Даманский. Это было первое вооруженное столкновение между социалистическими странами. Но оно оказалось не единственным. В 1977 г. имел место еще более масштабный военный конфликт КНР с Вьетнамом.

Вьетнам, расколотый с 1954 г. на Южный и Северный (подобно Корее), болезненно переживал синдром разделенной страны. Внутренние неурядицы на более богатом «капиталистическом» юге постоянно стимулировали север к вмешательству с целью объединить силой страну, уже в ходе антифранцузского сопротивления 1946—1954 гг. доказавшую свое тяготение к единству в рамках ДРВ. Дабы отвлечь эту угрозу, США, после 1954 г. вытеснившие Францию из всех стран Индокитая, стали усердно укреплять экономически, политически и в ином плане южновьетнамский режим, элиту которого составляли бюрократическая буржуазия, компрадоры и милитаристы из армии, сколоченной американской военной миссией по образу и подобию армии США. Но, поскольку всего этого оказалось недостаточно, США в 1964 г. начали ими же спровоцированную войну против ДРВ. Более 9 лет, с 1964 г. по 1973 г., США буквально стирали север Вьетнама с лица земли, уничтожая с воздуха города и села, сжигая напалмом посевы и леса, отравляя почву и людей различными ядами. Однако северовьетнамцы, к тому времени имевшие опыт антияпонского и антифранцузского сопротивления, сплоченные национальной и партийной дисциплиной, руководимые харизматическим вождем Хо Ши Мином и получавшие значительную поддержку (техникой, военными специалистами, снаряжением и разными видами снабжения) от СССР и КНР, выстояли. Более того, они продолжали различными путями забрасывать на юг свои отряды и оказывать всемерную помощь южновьетнамским партизанам, попользовавшимся довольно значительным влиянием как в городах, так и в сельской местности. Это влияние постоянно возрастало по мере того, как выяснялся, все более и более

четко, марионеточный и паразитический характер режима в Сайгоне, который разъедали коррупция, продажность, аморальность, соперничество кланов и религиозных сект.

И хотя в конце 1973 г. война формально была прекращена и США даже согласились вывести свои войска из южного Вьетнама на основе сохранения статус-кво, кардинально не была решена ни одна из проблем. Поэтому, когда весной 1975 г. сложилась новая обстановка и войска севера двинулись на юг, они без особого труда овладели всем югом. Армия юга, превосходившая чуть ли не вдвое северян по численности, вооружению и оснащению за счет США, что было предметом гордости Вашингтона, развалилась почти молниеносно, ибо защищаемый ею режим не пользовался поддержкой народа и был безнадежно скомпрометирован коллаборационизмом и паразитизмом.

Объединение Вьетнама и падение (не без его помощи) проамериканских режимов в соседних Лаосе и Камбодже привело к превращению Вьетнама в «малую державу», что вызвало обострение китайско-вьетнамских отношений и привело к военному столкновению между КНР и Вьетнамом в 1977 г. Китай, уже вступивший тогда в более прагматичную «эру Дэн Сяопина», тем не менее не прочь был продемонстрировать, как и прежде, великодержавные амбиции и претензии на лидерство в Азии. Этому стремились помешать и СССР, и США, что не могло не сказаться самым негативным образом на афро-азиатской солидарности.

К тому же, само наличие «хуацяо» (китайцев вне Китая) в соседних с КНР странах не столько облегчало, сколько усложняло внешнеполитические позиции Пекина. «Хуацяо», с одной стороны, были солидно представлены в предпринимательстве Вьетнама, Бирмы, Таиланда, Малайзии, Индонезии, что вызвало противодействие местных национальных конкурентов и отчуждение местных трудящихся. С другой стороны, «хуацяо» также были влиятельны в местных компартиях, каковые после образования в 1949 г. КНР стали преимущественно ориентироваться на Пекин. Это вызывало опасения и США, и национальных правительств, которые либо вынуждены были вести многолетнюю борьбу с коммунистическими партизанами (в Бирме, Малайзии, на Филиппинах), либо периодически наносить удары по постоянно усиливавшейся компартии (в Индонезии). К тому же угрозы КНР Тайваню, Индии (а с 1966 г. — и СССР) снижали авторитет Китая в Азии и облегчали нейтрализацию его усилий всеми его противниками, в первую очередь США, которые, наряду с этим, стали предпринимать, начиная с 70-х годов, усилия (и не бесплодные) по устойчивому противопоставлению Китая СССР и другим соцстранам.

Движение афро-азиатской солидарности объективно ослаблялось также и индо-пакистанскими противоречиями. Неудачи Пакистана еще более способствовали милитаризации пакистанского общества, радикализации свойственного ему с рождения воинствующего исламизма, особой отзывчивости и остроте реакции на все, происходящее в мире ислама. Именно исламской солидарности Пакистан стал придавать гораздо большее значение, нежели солидарности афро-азиатской. Это выразилось и в преимущественной поддержке Пакистаном международных исламских организаций, конференций и различных мероприятий.

Поэтому Пакистан активно вмешался в дела Афганистана после апрельской революции 1978 г. в этой стране и особенно после ввода туда в декабре 1979 г. советских войск. Дело было не только в «антиисламском», с точки зрения пакистанцев, характере установившейся власти в Афганистане и помогавшего ей СССР. Дело было также в постоянной заинтересованности Пакистана в поддержании нестабильности в Афганистане, ибо сильное правительство в этой стране могло поставить вопрос о принадлежности северо-западных территорий Пакистана, населенных пуштунами (или патанами), т.е. афганцами. Пакистан тем охотнее вмешался в афганские события, ибо они дали ему возможность задействовать вне своей территории многих недовольных «лишних людей», переключить внимание хотя бы части народа с внутренних проблем на внешние, получить огромные денежные и материальные средства на вооружение, оснащение и подготовку моджахедов (как своих, так и приезжих), а также — дипломатическую, политическую и иную поддержку от США, Саудовской Аравии, многих стран ислама.

Война в Афганистане, помимо пагубных последствий для самой этой страны и для СССР (в дальнейшем), самым негативным образом сказалась на афро-азиатской солидарности, ибо к началу 80-х годов уже умерли основатели этого движения (Тито, Неру, Чжоу Эньлай, Сукарно) и не было, за редкими исключениями (вроде Индиры Ганди и сменившего ее Раджива Ганди в Индии), авторитетных международных лидеров в Азии и Африке, способных погасить пламя межгосударственных, религиозных, этнических и политических конфликтов.

Более того, столь заметная в 50—60-е годы антиимпериалистическая солидарность стран Востока стала подменяться их объединением по этническому («все арабы», «все турки», «все китайцы», включая «хуацяо»), религиозному («все мусульмане», «все католики», «все шииты») или конъюнктурно-политическому принципу. Ярким примером последнего и было сплочение в борьбе против вмешательства СССР в Афганистане, помимо разных группировок

афганской оппозиции, также Пакистана и его союзника Китая (тем самым «успокаивавшего» мусульман своей провинции Синцзян), Саудовской Аравии и ожесточенно соперничавшего с ней за гегемонию в мире ислама и — более конкретно — в зоне Персидского залива хомейнистского Ирана, США и во многом несогласной с ними Западной Европы, а также — десятков тысяч мусульманских добровольцев, отнюдь не симпатизировавших США и Западной Европе. Эти добровольцы буквально из всех стран ислама, часто — вопреки воле своих правительств (например, Алжира, Марокко, Йемена), добирались до Пакистана, проходили там обучение в специальных лагерях и на военных базах, после чего сражались в Афганистане. Все это, как и их содержание (не менее 1,5 тыс. долларов в месяц на человека), оплачивалось в основном американскими и саудовскими фондами, а также — за счет специальных пожертвований и сборов среди мусульман, в том числе — среди их многочисленной и в основном зажиточной диаспоры в Европе.

Только из арабских стран таким образом были переправлены, вооружены и брошены в сражения до 30 тыс. моджахедов. После вывода войск СССР из Афганистана в 1989 г. большинство их фактически стало профессиональными наемниками и продолжили свою деятельность, приняв участие в военных действиях на стороне мусульманских боевиков в Алжире, Боснии, Египте, Косово, Таджикистане и Чечне. Силу их агрессивного напора, фанатизма и привычки решать все проблемы путем вооруженного насилия испытали на себе и европейцы, и американцы. Правда, в США акты вооруженного террора исламо-экстремистов носили единичный характер. Однако в Европе, особенно во Франции, где проживает свыше 4 млн. мусульман, многочисленные акты террора, взрывы в метро и угоны самолетов были в 90-е годы XX в. яркой приметой времени и одной из причин усиления социальной напряженности.

**Арабские
революции и
соперничество
сверхдержав**

Арабский мир вступил во 2-ю половину XX в. далеко не порвав с узлами колониальной зависимости. На территории почти всех арабских стран (за исключением Сирии, Ливана, Йемена и Саудовской Аравии) находились иностранные войска, мно-

гие из этих стран (Алжир, Судан) еще оставались колониями, другие — были таковыми фактически находясь под протекторатом Великобритании или Франции. Июльская революция 1952 г. в Египте, свергнув монарха, открыла путь к освобождению. По образцу руководившего ею «Общества свободных офицеров» были созданы соответствующие организации и в других арабских странах. В некоторых из них (в Ираке в 1958 г., в Йемене в 1962 г., в Судане

и Ливии в 1969 г.) им удалось осуществить революции по аналогичному сценарию. Но и там, где расклад сил был иным и события развивались по-другому, влияние египетской революции было значительным. Оно стимулировало начало вооруженной борьбы патриотов Туниса (в 1952 г.), Марокко (в 1953 г.) и Алжира (в 1954 г.) за освобождение, способствовало позитивным сдвигам в Сирии и Иордании (в 1954—1955 гг.). Лидер Египта Гамаль Абдель Насер, добившийся вывода из страны английских войск, национализации Суэцкого канала и провозгласивший своей целью единство арабов, получил звание «чемпиона арабского национализма». Лозунг имевшей филиалы в разных арабских странах Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) — «Арабская нация едина, а ее миссия вечна» — стал получать все большее распространение и популярность.

Запад, прежде всего Англия и Франция увидели в появлении революционного Египта и его влиянии угрозу своим интересам на Ближнем Востоке, тем более — после того, как Египет принял участие в Бандунгской конференции, выступил вместе с Сирией против военных блоков и стал одним из столпов афро-азиатской солидарности. Национализация Суэцкого канала подорвала одну из важнейших позиций англо-французского капитала, ранее владевшего каналом, а поддержка Насером палестинских фидаяев (партизан) вызвала негативную реакцию Израиля. Поэтому закономерной явилась англо-франко-израильская агрессия против Египта в октябре-ноябре в 1956 г. Несмотря на военное превосходство агрессоров (Израиль оккупировал Синайский полуостров, войска Англии и Франции — зону Суэцкого канала), их акция в конечном счете провалилась. В США их не поддерживали (рассчитывая в дальнейшем на симпатии арабов), а СССР, справившись 4 ноября 1956 г. с кризисом в Венгрии в ультимативной форме потребовал вывода англо-франко-израильских войск из Египта, что и произошло к декабрю 1956 г. Авторитет Египта и лично Насера в арабском мире после этого только вырос, что привело к сближению с ним добившихся независимости в 1956 г. Марокко, Туниса и Судана, но особенно Сирии, образовавшей совместно с Египтом в феврале 1958 г. единое государство — Объединенную Арабскую Республику (ОАР). За присоединение к ОАР выступили также национально-патриотические силы Ливана и Ирака, поднявшие восстание против своих прозападных правительств в мае-июле 1958 г.

Опасаясь худшего, США срочно высадили свои войска в Ливане, а Великобритания — в Иордании. В итоге им удалось удержать эти государства в орбите своего влияния. Однако в Ираке восстание армии вылилось в «бессмертную революцию 14 июля», кото-

рая свергла в стране монархию и поставила у власти генерала Абд аль-Керима Касема, возглавлявшего подготовившее эти события тайное «Общество свободных офицеров» (по образцу египетского). Но отношения между ОАР и Ираком не сложились. Генерал Касем отстранил своего заместителя Абд ас-Саляма Арефа, выступавшего за присоединение к ОАР, и стал преследовать пронасеровские группы в Ираке, в том числе — местный филиал ПАСВ, опираясь на коммунистов и курдских националистов. Это вызвало, в свою очередь, преследования компартии в ОАР и, как следствие этого обострение отношений Насера с СССР, до этого момента безоговорочно Насера поддерживавшего. Однако, эта размолвка была недолгой, особенно — после выхода Сирии из ОАР в 1961 г.

Президент США Д. Эйзенхауэр выдвинул еще в январе 1957 г. доктрину, согласно которой США должны были «заполнить вакуум», образовавшийся на Ближнем Востоке в связи с уходом Англии и Франции из регионов своего традиционного влияния. Ряд стран, в том числе Ливан, Тунис, Иордания, приняли эту доктрину, опасаясь все возрастающего влияния Насера и помогавшего ему СССР. Собственно в противодействии этому влиянию и был смысл доктрины Эйзенхауэра. Три принципа лежали в основе ближневосточной политики США после второй мировой войны — борьба против влияния СССР, защита Израиля всеми средствами и обеспечение своего господства над нефтью региона. И если по вопросу об Израиле добиться взаимопонимания с арабами было сложно, то по остальным вопросам США добились многого. Поэтому и СССР, и ОАР не имели иного выбора, как действовать вместе. Они старались совместно поддерживать афро-азиатскую солидарность, особенно в 1960 г., который был прозван «годом Африки» — именно тогда обрело независимость большинство африканских стран. Совместно поддерживали они также революции в Алжире и Йемене.

В Алжире восстание в ноябре 1954 г. вылилось в освободительную войну против французского господства. Руководивший войной Фронт национального освобождения (ФНО) пользовался поддержкой арабского мира, мира ислама, СССР и других стран социализма. Война революционизировала обстановку в регионе, вовлекая в военные действия жителей соседних с Алжиром стран, особенно — Туниса и Марокко. В самой Франции протесты против репрессий колонизаторов в Алжире дважды приводили к серьезным политическим кризисам, когда к власти пришли социалисты (в 1956 г.), а через два года — генерал Ш. де Голль, изменивший характер режима в стране. Многочисленные жертвы и разрушения в Алжире (до 1,5 млн. погибших только алжирцев, до 9 тыс. разрушенных селений) не давали желаемого Парижем результата.

В 1959 г. де Голль признал право алжирцев на самоопределение. Однако яростное сопротивление ультраколониалистов во Франции и особенно среди верхушки алжирских французов, организованные ими мятежи в 1960 г. и 1961 г., продлили военные действия еще на 2 года. Только в марте 1962 г. были подписаны мирные соглашения, прекратившие войну в Алжире и давшие возможность его жителям проголосовать за независимость 1 июля 1962 г.

В том же году «свободные офицеры» свергли монархию в Йемене и провозгласили республику. Но это явилось лишь началом многолетней (примерно до 1970 г.) войны племен, составляющих большинство населения Йемена, с республиканским режимом и помогавшей ему в 1962—1967 гг. египетской армией. Война закончилась компромиссом, сохранившим в рамках республики известную автономию племен. Параллельно этим событиям в 1967 г. произошло свержение колониального режима в Южном Йемене, с 1839 г. находившемся под властью англичан. Здесь после нескольких лет борьбы с местными феодалами, а также — внутри политической элиты нового государства, утвердился с 1969 г. режим социалистической ориентации — наиболее откровенный союзник СССР. Но, несмотря на значительную экономическую, техническую и военную поддержку СССР, южнойеменским социалистам было довольно трудно поддерживать в своем государстве даже относительную стабильность, что, помимо внутренних причин (племенной по преимуществу структуры сельского населения, живучести рудиментов феодализма, засилья, клановости и регионализма), объяснялось также их постоянным противостоянием со всеми соседями — с северным Йеменом, которому они хотели навязать единство на своих условиях, с Саудовской Аравией, опасавшейся их как «базы коммунизма» на полуострове, и с Оманом, в пограничной провинции которого — Дофаре — южнойеменцы поддерживали партизанское движение против султана. Положение осложнялось и ожесточенной фракционной борьбой в верхушке Южного Йемена, перманентно раздираемой идейно-политическими, групповыми и персональными разногласиями. Все это завершилось в 1990 г. (после фактического прекращения помощи СССР) объединением юга и севера Йемена на условиях и при полном господстве последнего.

Таким образом, Египет во главе с Насером не смог установить свою гегемонию в арабском мире. Приход ПАСВ к власти в 1963 г. в Сирии и Ираке, вопреки ожиданиям сторонников арабского единства, к его реализации не привел. С ПАСВ Сирии Насер быстро вступил в конфликт, ПАСВ Ирака была тогда же отстранена от власти, а новый правитель генерал Абд ас-Салям Ареф, ориентировавшийся на Египет, погиб весной 1966 г. Его преемник дистанциро-

вался от Египта, а в 1968 г. был свернут ПАСВ, которая вскоре взяла курс не на сотрудничество, а на соперничество с Египтом и Сирией. Еще до этого Насер потерял верного союзника в лице президента Алжира Бен Беллы, свергнутого в июне 1965 г. Сменивший его Хуари Бумедьен взял курс на полную самостоятельность Алжира, стремясь сделать его лидером всего афро-азиатского мира (что особенно проявилось в ООН) и своеобразной «Японией Средиземноморья».

Наиболее тяжелым ударом для Насера, да и для всего арабского мира, стало поражение в июньской войне 1967 г. Тогда армия Израиля, пользуясь многолетней помощью США и основных разведслужб Запада, а также — фактором внезапности нападения, за 6 дней разгромила вооруженные силы Египта, Сирии и Иордании, оккупировав при этом Синайский полуостров, Западный берег реки Иордан и Голанские высоты. Сказались более высокий уровень военной, технической и моральной подготовки израильтян, а также несогласованность действий арабов, их пассивность и медлительность. Насер потом обвинял также в предательстве и малодушии «военную буржуазию», т.е. наиболее привилегированную часть офицерства своей армии. Июньская война 1967 г., ставшая одной из самых черных страниц в истории арабского мира в XX в., на какое-то время парализовала дееспособность арабских государств, правители и армии которых были дискредитированы.

Вместе с тем июнь 1967 г. парадоксальным образом возродил к жизни Палестинское движение сопротивления (ПДС). В 1948 г. при образовании государства Израиль из 1350 тыс. арабов Палестины 780 тыс. человек стали беженцами, размещенными в палаточных лагерях ООН на территории Иордании, Сирии, Ливана и Египта. Остальные в большинстве своем, проживая на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы под контролем Египта, так же как и беженцы были возмущены и самим фактом раздела Палестины, и вопиюще несправедливым характером этого раздела в результате решения ООН от 22 ноября 1947 г., согласно которому евреи, т.е. примерно треть населения, получали 56% территории страны, но особенно арабо-израильской войны 1948—1949 гг., завершившейся утверждением Израиля на 80% территории Палестины. Палестинские арабы все время надеялись на то, что ООН, а после 1952 г. — Насер, ликвидируют эту несправедливость.

По мере исчезновения этой надежды они стали создавать отряды фидаев, нападавших на Израиль. Этому способствовал рост и их численности (одних только беженцев насчитывалось к 1968 г. 1346 тыс. человек), и национального самосознания (сотни тысяч из них учились в специально созданных ООН 452 школах и 10 учебных

центрах). К тому же, страны их пребывания были не в состоянии содержать беженцев и поэтому всячески поощряли их стремление вернуться на родину, в том числе — с оружием в руках. Это особенно логично вписывалось в идеологию арабского национализма и арабского единства, которую проповедовали Насер и ПАСВ. К палестинским фидаям присоединялись и представители других арабских народов — от алжирцев и сирийцев до йеменцев и иракцев. В 1964 г. возникла Организация освобождения Палестины (ООП), стремившаяся политически объединить всех борцов за возрождение в Палестине арабского государства.

Июнь 1967 г. означал окончательный крах надежд палестинцев и на ООН, и на арабские страны. Поэтому они решили действовать сами, развернув с июля 1967 г. партизанскую войну на оккупированных Израилем территориях. Вытесненные израильянами на соседние территории, они продолжили эту войну на линиях перемирия, тем более что Израиль также наносил удары, особенно по Египту, через эти линии. За 1967—1969 гг. личный состав политических кадров ПДС вырос в 30 раз, численность его вооруженных сил — в 150 раз, степень их оснащения оружием, финансовой и другой обеспеченности — примерно в 300 раз. Все это происходило на фоне небывалого подъема патриотизма среди палестинцев, где бы они ни находились и кем бы они ни были.

Большое значение имело и то обстоятельство, что в январе 1968 г. во главе ООП встал Ясир Арафат, занимавшийся организацией отрядов фидаяв с 1958 г. Получив образование в Египте и став предпринимателем в Кувейте, он в дальнейшем прошел школу политика — нелегала во многих странах Ближнего Востока, накопив большой опыт руководства подпольными организациями, формирования вооруженных сил, распоряжения финансовыми потоками (ибо ООП получала немало и скрытых, и явных субсидий) и потоками информации, агитацией и пропагандой, разведывательными и диверсионными акциями. Обладая талантом дипломата, Арафат в течение десятилетий в условиях постоянно (иногда — довольно круто) менявшейся обстановки и внутри ООП, и вокруг нее, всегда умело находил оптимальный вариант, обеспечивая поддержку ПДС со стороны самых разных и нередко враждебных друг другу сил арабского мира.

Взлет ПДС в 1967—1970 гг. арабы называли «палестинской революцией». Она была использована арабскими правительствами для ликвидации послеиюньского шока 1967 г. и включения ПДС в контекст общearабского противоборства с Израилем. Однако дальнейшее усиление ПДС не входило в их планы, особенно в Иордании и Ливане, где ПДС было наиболее влиятельно. Последовали атаки

армий Ливана (в 1969 г. и 1973 г.) и Иордании (в 1970—1971 гг.), которые нанесли ПДС тяжелые потери. Однако ПДС оказалось неистребимо в силу многих причин — нерешенности экономических и социальных проблем, во многом породивших ПДС, постоянного роста численности палестинцев и симпатий к ним среди арабов, социальной эволюции самих палестинцев, среди которых за десятилетия изгнания процент интеллигенции, предпринимателей, служащих, инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих стал намного выше, чем среди прочих арабов. Кроме того, ПДС оставалось козырем во внешней политике почти всех арабских государств как в их взаимоотношениях со странами Запада, так и между собой. Поэтому все арабские страны в 1973 г. признали ООП «единственным представителем» арабов Палестины и предоставили ей полные права члена Лиги арабских государств, а Генеральная Ассамблея ООН приняла в ноябре 1974 г. резолюцию о «праве палестинского народа на самоопределение», «на национальную независимость и суверенитет».

Последующие события, однако, сильно затруднили реализацию этой резолюции. С 1975 г. ПДС оказалось втянуто в длительную гражданскую войну в Ливане, одной из причин которой было нежелание правых кругов христианской буржуазии Ливана терпеть присутствие ПДС в стране. В 1982 г. Израиль, совершив вторжение в Ливан, вынудил отряды ПДС к эвакуации в другие места арабского мира. Однако и на этот раз военное ослабление ПДС не привело к его политическому ослаблению. Более того, начавшееся в 1987 г. движение мирного сопротивления палестинцев (интифада) на оккупированных территориях поставило под вопрос господство Израиля в захваченных им районах.

Подъем исламизма в последней четверти XX в.	В интифаде палестинцев, наряду с ООП и другими силами ПДС, приняли участие и организации исламистов. Это не было случайным. Долгая, начиная с 20-х годов XX в., борьба палестинских националистов стала к началу 80-х годов казаться бесплодной, что и привело к выходу на авансцену борьбы в Палестине различного толка исламистов, считавших, что лишь помощь всех мусульман мира поможет палестинцам. Их ядро составили активисты организации Хамас (Харакат аль-мукавама аль-исламийя, т.е. «Движение исламского сопротивления»), поддерживаемые Ливией и Саудовской Аравией. В 80—90-х годах Израиль считал Хамас своим главным противником. И это имело свой резон.

60—70-е годы на Востоке были одновременно годами появления и усиления молодых национальных государств, но также — годами

разочарования в действительности, эффективности идеологии национализма. Сохранение экономической зависимости от Запада, неспособность националистов решить социальные проблемы, чрезвычайно обострившиеся во второй половине столетия, вызвали разочарование во всех светских идеологиях. Этот процесс особенно затронул мир ислама, поскольку в других странах Востока, от Японии до Индии, в гораздо большей мере сказались интернационализация хозяйственных, производственных, финансовых, культурных, технологических, эстетических и человеческих связей. Вся Восточная и Юго-Восточная Азия испытала воздействие японского «экономического чуда», научившего предпринимателей умелому заимствованию опыта США и Западной Европы, а наемных работников — дисциплинированности и лояльности, трудолюбию, преданности своему предприятию, нетребовательности к жизненным условиям, готовности к подчинению. Этому в определенной мере содействовали и такие религиозные доктрины как буддизм, конфуцианство, индуизм, христианство. Кроме того, именно в этой зоне расположились почти все НИС (новые индустриальные страны), совершившие в 50—70-х годах экономический рывок и улучшившие жизненный уровень населения — Тайвань, Гонконг, а ставший Сянганем — районом КНР, Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия (до кризиса 1997 г.). У остальных стран зоны появился стимул достигнуть того же.

Всего этого не было в странах ислама от Пакистана до Марокко. Ислам более консервативен, чем другие религии, менее склонен к новшествам, более полно регулирует и контролирует жизнь верующих, препятствуя ее модернизации или, по крайней мере, тормозя ее. Поэтому страны ислама всегда более твердо противостояли «вестернизации», т.е. идущей с Запада буржуазной модернизации, и более непримиримо были настроены в отношении военно-политического гегемонизма, экономической и культурной экспансии Запада. В XIX в. и в начале XX в. это выражалось в панисламизме (т.е. стремлении объединить всех мусульман, чтобы достойно противостоять неверным), потом — в различных мусульманских учениях и течениях, совмещавших ислам с национализмом, а с середины XX в. — в исламском фундаментализме. Политическим идеалом последнего является создание в каждой стране «исламского государства», конституцией которого будет Коран, хозяйственным идеалом — «исламская экономика», регулируемая шариатом, а социальным идеалом — мусульманская община (умма), основанная на солидарности и взаимовыручке верующих. Эта утопия стала весьма популярна среди примерно 1 млрд. мусульман в 70 странах, включая Россию и многие республики СНГ.

Первые выступления исламских фундаменталистов имели место уже в 50-е годы (в Египте), в 60—70-е годы XX в. (в Алжире и Сирии). Повсюду его причиной было стремление мусульман найти объяснение своим бедам в забвении Корана и шариата, в засилье «плохих» («озападнившихся») мусульман, прибегающих к «бидъа» («вредным новшествам»). Наиболее последовательное воплощение эти тенденции нашли в Иране во время «исламской революции» 1978 — 1979 гг. Она завершилась заменой шахской монархии Исламской республикой Иран с последующим распространением исламского фундаментализма по всему Востоку — от Марокко и Сенегала до Филиппин и СССР, который стал испытывать воздействие исламского бума и через Иран, и через Афганистан. Война в Афганистане чрезвычайно усилила исламо-экстремистов и в этой стране, и в соседнем Пакистане, и среди миллионов мусульман Индии. С 80-х годов усилилось прямое влияние Ирана на шиитов Ливана, создавших Хезболла (по-арабски «Хизб Аллаха»), т.е. «Партию Аллаха», с помощью денег, оружия и инструкторов из Ирана ставшую основной силой, противостоящей Израилю на юге Ливана. Исламисты попытались в ходе кровопролитной подпольной войны в 1977—1983 гг. свергнуть власть ПАСВ в Сирии, но потерпели неудачу. ПАСВ и ее лидер Хафиз аль-Асад повели беспощадную борьбу с исламо-экстремистами, опираясь на армию и силовые структуры, а также — на солидарность практически всех других светских партий страны. Им также удалось перехватить у фундаменталистов лозунги социального равенства, издавна входившие в доктрину ПАСВ, а умелой экономической политикой правительство ликвидировало социальное дно городов, бывшее главной базой экстремизма.

Характерно, что примерно то же произошло в Ираке, где шиитское большинство населения сочувствовало Ирану даже после начала в 1980 г. войны с ним. Длительность 8-летней войны, потери и разрушения ослабили обе стороны. Но довольно серьезное движение шиитов, особенно на юге Ирака, оказалось, как и в Сирии, бесцельно даже в этих условиях против политики ПАСВ. В Ираке, к тому же, сказалась чрезвычайная концентрация политической, экономической, идеологической и военной власти в руках авторитарно правящего страной с 1979 г. (на деле с 1974 г.) харизматического лидера Саддама Хусейна. Более того, этот лидер, завершив войну с Ираном, через два года начал новую с Кувейтом.

Исламисты действовали (и действуют) практически во всех странах Ближнего Востока. В 80-е годы им удалось усилить активность «Хамас» в Палестине, установить на деле свой идеологический контроль над военными режимами в Йемене и Судане, сильно повлиять

на близкое к ним руководство Ливии. В Египте, где раньше их деятельность жестоко (и эффективно) преследовалась Насером, они получили возможность легализоваться и даже процветать при президенте Садате (1970—1981 гг.), который в юности сам был исламистом. Однако сближение Садата с Израилем в 1977—1979 гг., вызвавшее бурю во всем арабском мире, оттолкнуло от него фундаменталистов. Именно их боевики убили Садата осенью 1981 г. Новый президент Хусни Мубарак, сам не раз бывший объектом покушений исламистов, повел с ними жестокую борьбу. Однако в Египте они остаются серьезной силой, обладая капиталами, тайными складами оружия и разветвленным подпольем. В их ассоциации («гамаат исламийя») объединены миллионы египтян.

Поэтому они легко организуют манифестации и забастовки. В схватках исламистского подполья с полицией обычно гибнут десятки людей.

Примерно то же самое исламисты пытались создать в Марокко и Тунисе, но потерпели неудачу. В Марокко это произошло ввиду довольно твердого контроля над традиционной религиозностью населения сверху, ибо король является одновременно духовным главой местных мусульман и, согласно статье 19-й конституции, следит за «уважением к исламу» в стране. Поэтому деятельность многочисленных религиозных организаций (а количество их за последние десятилетия сильно выросло) не вышла за рамки закона. В Тунисе, где расцвет фундаменталистских настроений пришелся на 70—80-е годы и вылился в многолюдные манифестации сторонников «ихванийя» (т.е. братства мусульман), светский характер власти был поставлен под угрозу и держался в основном на личном авторитете харизматического лидера страны Хабиба Бургибы. После его отстранения в 1987 г. исламо-экстремисты организовали ряд актов террора и запугивания в отношении иностранцев. Но заговор их главной организации «Ан-Нахда» был разгромлен в мае 1991 г. С тех пор влияние исламистов в Тунисе пошло на убыль.

Наиболее тяжелые последствия подъем исламизма имел в Алжире. Уже в 1964 г. здесь была распущена фундаменталистская ассоциация «Аль-Киям» («Ценности»), через несколько лет возродившаяся и снова распущенная. С 1979 г. среди молодежи началось движение «братьев-мусульман» и «сестер-мусульманок», которые проповедовали аскетизм, отказ от современного образа жизни, строгое соблюдение предписаний Корана и шариата в быту и повседневном поведении. От митингов и шествий они, начиная с 1980 г., перешли к захвату мечетей и созданию собственных «диких» мечетей, требуя учредить «исламское государство». После 1989 г. они легализовались, организовав 4 исламских партии, в том числе Ис-

ламский фронт спасения (ИФС), насчитывавший в 1990 г. до 3 млн. сторонников. Одержав победу на муниципальных выборах, они усилили нажим на правящую партию ФНО, дискредитированную и распадавшуюся на глазах. Парламентские выборы в декабре 1990 г. — январе 1992 г. должны были принести им полную победу. Однако правящая элита, сплотившись вокруг верхушки армии, отменила в январе 1992 г. результаты первого тура выборов и ввела в стране чрезвычайное положение. Между нею и ушедшим в подполье ИФС началась беспощадная война, в которой уже к лету 1996 г. погибло свыше 50 тыс. человек, включая сотни иностранцев (в том числе 30 французов и 12 россиян), поскольку исламисты провозгласили своей целью ликвидацию «всех неверующих на мусульманской земле». По жестокости алжирские исламо-террористы превзошли всех прочих, вырезая целые деревни и сжигая людей заживо, в том числе — женщин и детей. Наиболее «прославились» этим алжирские «ветераны Афганистана», создавшие Исламскую вооруженную группировку (ИВГ).

В ходе войны ИФС и его военный филиал (а также — скрывающееся за рубежом руководство) стали проявлять с 1993—1994 гг. готовность решить все путем переговоров. Однако они на деле утратили контроль за боевиками, действующими по указке более десятка возникших в подполье и малоизвестных организаций, а также — своих полевых командиров, нередко самовольно связывающихся с контрабандистами, наркодельцами и прочими уголовниками, а особенно — с иностранной агентурой. В Алжире открыто обвиняли Саудовскую Аравию, Иран и Судан в помощи экстремистам, особенно — головорезам из ИВГ, в рядах которых, как выяснилось позже, сражались также добровольцы из Афганистана, Судана, Египта, Ливии, Туниса и Марокко, многие из которых попали в плен.

К моменту постепенного затухания военных действий (примерно к 1998 г.) назывались разные цифры потерь — от 62 тыс. до 100 тыс. человек. В любом случае это — трагедия Алжира, из которого вынуждены были эмигрировать тысячи людей, опасавшихся за свою жизнь. Несмотря на относительную стабилизацию положения (парламентские выборы с участием 39 партий в конце 1997 г., выборы президента в апреле 1999 г.) и стремление большинства алжирцев прекратить войну, бойня продолжается и поныне. Более того, вторая за 40 лет война в Алжире имела не меньший международный резонанс, чем первая (в 1954—1962 гг.): в отместку за помощь Франции властям Алжира исламисты объявили Париж «большой сатаной» и пытались развернуть террор в самой Франции, где проживает не менее 4 млн. мусульман. Однако удары французской

полиции и спецслужб заставили их переместить свою нелегальную сеть в Англию, Германию, Бельгию и Италию, где на них с 1997 г. ведется систематическая охота.

Впрочем, эффективность этой охоты всегда вызывала сомнения. Например, в Англии, где проживают более 3 млн мусульман, включая 1,5 млн. арабов, издаются около 50 арабских газет и журналов, функционируют более 40 мусульманских организаций, Лондон называют из-за обилия арабских капиталов, магазинов и оживленной торговли оружием для исламских боевиков «Бейрутом на Темзе». Именно здесь укрываются многие исламские боевики, именно отсюда «Хезболлах», Хамас, «Аль-Мухаджирун» и другие их объединения выступают с призывами вести борьбу в Палестине, на Балканах, в Кашмире и на Кавказе. Здесь же еще в 1996 г. разрабатывались планы создания «всемирного исламского государства».

Восток после распада СССР	Распад СССР и блока социалистических стран радикально изменил геополитическую ситуацию на Востоке и создал новые условия для эволюции политических и идеологических структур Азии в последнее десятилетие XX в. Во-первых, социалистические режимы в Азии, оставшись без прикрытия, вынуждены были приспособливаться к совершенно иной ситуации. Из них на ортодоксальных позициях осталась лишь Северная Корея, а КНР и Вьетнам вступили (во многом — еще до 1991 г.) на путь рыночных преобразований. То же самое относится к Лаосу и Камбодже, хотя положение в них несколько сложнее. Во-вторых, многие страны с режимами «социалистической ориентации» просто отказались от нее, особенно не афишируя этого. Они сменили ее на «капиталистическую ориентацию», что выразилось в большей свободе частного предпринимательства и сближении со странами развитого капитализма, но, как правило, мало изменило внутренний строй этих государств, в частности — сильные позиции госсектора в экономике. Впрочем, в большинстве случаев эти процессы начались еще до 1991 г., например, в Египте, Ираке, Алжире, Сирии, Бирме.

Для всех стран Востока после распада СССР встала задача восполнить экономическую и техническую помощь, ранее шедшую из СССР, как бы мала она ни была, за счет усиления связей с Западом, прежде всего — с США, ФРГ или бывшими колониальными метрополиями. Увеличилась также роль трудовых и прочих миграций уроженцев Востока в развитые страны Запада. Она и раньше была велика, но носила более ориентированный характер: магрибинцы ехали во Францию и другие франкоязычные страны (Бельгию, Швейцарию, Канаду), турки — в Германию и т.д. Ныне эти

потоки ширятся, скрещиваются, дробятся. Появилась значительная арабская эмиграция в Великобритании и Скандинавии, иранская — в Испании и Франции, турецкая — во Франции и Скандинавии и т.п. Индийцы и тайцы, ранее ехавшие лишь в Великобританию, появились и в других странах Европы. Именно поэтому 90-е годы XX в. стали не только временем усиления влияния Запада на Восток, но и периодом обострения межнациональных противоречий как на Востоке, так и на Западе.

Война СССР в Афганистане стимулировала возникновение новой зоны наркоторговли — «Золотого полумесяца», объединившего Иран, Пакистан и Афганистан. Действующие здесь наркокартели, пользуясь экономическими трудностями афганцев и жителей Средней Азии, определенной прозрачностью границ стран СНГ после 1991 г. и политической нестабильностью в регионе, наладили доставку наркотиков через центральноазиатские страны в Россию и Западную Европу. Наркобизнес, давно превзошедший по прибыльности иные виды криминального предпринимательства, стал важным фактором социально-политической ситуации в государствах «Золотого полумесяца» и граничащих с ними республиках СНГ, затягивающим в свои сети не только криминальные структуры, но и определенные круги буржуазии, бюрократии, силовых структур и таможи самых различных государств как Востока, так и Запада. Это способствовало и расширению наркобизнеса, и усилению его дестабилизирующего воздействия на экономическое, политическое, социальное, военное и психологическое состояние населения многих стран, в том числе — Центральной Азии и России.

Важнейшим результатом распада СССР стал резкий взлет этнонационального сепаратизма. На постсоветской территории он затронул многие регионы от Черного и Каспийского морей до Поволжья и Тянь-Шаня. Этнонациональные конфликты на территории СССР, начавшись с 1988 г., постепенно превращались в затяжные войны (в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане) или в перманентные столкновения (грузин — с осетинами, осетин — с ингушами, русских и украинцев — с крымскими татарами). Русские и русскоговорящие оказались в отделившихся от России республиках СНГ и в Прибалтике в положении бесправного, а то и преследуемого меньшинства. Исход этих жителей из мест боев или этнических погромов не только стал частью трагедии народов бывшего СССР, но и во многом испортил отношения между ними, подорвал или вообще прервал экономические, культурные и другие жизненно важные связи.

Война в Афганистане привела к наплыву в эту страну боевиков из арабских стран, Турции, Ирана, Пакистана. Но после распада

СССР большинство этих людей, превратившихся в профессионалов-наемников, отправились в различные «горячие точки» СНГ или Югославию, на помощь мусульманам Боснии и албанцам в Косово. Наиболее же значительным было их участие в первой и второй чеченских войнах, которые явились крайним выражением этносоциального, политического и идеологического кризиса, охватившего все постсоветское пространство.

Этот кризис породил этнократии, т.е. специфические властные этногруппы, выдвинувшиеся на волне массового недовольства людей, их идейной и моральной дезориентации, хаоса и разрухи, спасения от которых они искали в этнонационализме и этносепаратизме. Подобные настроения всячески разжигались и стимулировались этнократами и поддерживавшими их местными мафиозными группировками. В Чечне, где были низки экономические показатели и особенно крепки мафии, опиравшиеся на традиционные клановые структуры, все это умножалось еще и исторической памятью народа о кавказской войне 1817—1864 гг. и сталинской депортации 1944—1956 гг. Сказались и ошибки центральных властей, дестабилизированных событиями августа 1991 г. В результате эти власти сначала не сумели должным образом противодействовать захватившему власть в Чечне генералу Дудаеву, а в 1994 г. решили силой ликвидировать к тому времени укрепившийся в Чечне авторитарно-мафиозный сепаратистский режим.

Однако Дудаев подготовился к войне настолько хорошо, что даже после его гибели чеченская армия, организованная военными профессионалами, могла долго сопротивляться, а чеченская этнократия — затягивать решение проблемы, используя в своих интересах помощь арабских и прочих «ветеранов Афганистана», финансовую, техническую и иную помощь чеченской диаспоры, соперничество различных кругов России, Запада и Востока, в том числе — замешанных в «теневой» торговле наркотиками, нефтью и оружием. Очень большую роль при этом сыграли геополитические амбиции Турции, именно в 90-е годы стремившейся максимально повлиять на ход событий в Югославии, на Кипре, в Центральной Азии и на Кавказе в целом. Война 1994—1996 гг. подняла в Турции волну солидарности с чеченцами, тем более что около 1 млн. турецких граждан — потомки мусульман, эмигрировавших с Кавказа в XIX в. К тому же, Турция была объективно заинтересована в сохранении напряженности в Чечне с целью дать выход радикальным настроениям внутри страны, а также — обеспечить доставку нефти из Азербайджана в Турцию через Грузию, а не через мятежную и ненадежную Чечню.

Первая война в Чечне закончилась перемирием в Хасавюрте в 1996 г. Однако ни одна из спорных проблем не была решена, вклю-

чая восстановление Чечни и суверенитета России над ней. В Чечне стали все больше задавать тон исламисты ваххабитского толка, т.е. выступавшие за «чистый» ислам и против традиционно влиятельных в Чечне вирдов, т.е. ветвей суфийских братств. При отсутствии легальной экономики процветал криминальный бизнес всех видов, включая торговлю людьми, похищенными в России. Все больше укреплялись связи с зарубежными центрами исламизма, а также — с нелегальной сетью подготовки исламских боевиков в России и за ее рубежами. Росло влияние ваххабитов в соседнем с Чечней Дагестане и других регионах России (например, в Поволжье). В самой Чечне неуклонно снижался авторитет президента Масхадова и подотчетных ему органов власти, но непрерывно усиливались командиры различных отрядов и групп боевиков, идеологи ваххабизма и исламоэкстремизма, нередко возглавлявшие банды полукриминального характера. Серьезным фактором внутричеченской жизни стали иностранные наемники и добровольцы во главе с авантюристом Хаттабом.

Все это вело к постоянному провоцированию мелких стычек на границе с Чечней, а также к выступлениям прочеченски настроенных ваххабитов в Дагестане. В августе 1999 г. это привело к началу второй чеченской войны. Вторгшиеся из Чечни боевики попытались соединиться с мятежными ваххабитами в горах Дагестана, но были отброшены при поддержке большей части местного населения. После подавления гнезд мятежников в Дагестане российская армия снова вошла в Чечню, преследуя отступающих боевиков. Довольно быстро была занята равнинная часть Чечни, но в горах война снова приняла затяжной характер. Она характеризовалась более широким применением современных средств ведения войны и новейшей техники, нежели первая война. Вместе с тем она имела и более широкий международный отклик, вызвав затруднения России в Западной Европе и охлаждение ее отношений с некоторыми странами ислама. Расширилась и география деятельности чеченской диаспоры, распространившей свои пропагандистские акции, кампании солидарности и сборы средств в пользу боевиков на все страны ислама и на мусульманские общины в Европе и Америке. Вместе с тем удары по исламо-экстремизму в Чечне, судя по всему, свидетельствуют об определенной стабилизации позиций России на Кавказе, об ослаблении и откате (если не прекращении) охвативших ее на рубеже 80-90-х годов дезинтеграционных процессов. Судя по всему в XXI в. наряду с Ближним и Дальним Востоком, будет существовать и российский Восток.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что распад СССР открыл новые пути и возможности для модернизации российского Востока,

как и восточных республик СНГ. Ясно, что Центральная Азия и Кавказ сохраняют связи с Россией, но будут испытывать не меньшее воздействие Турции, Ирана, Китая, Японии, Южной Кореи, уже сейчас имеющих там определенные позиции в сфере экономики и культуры. Нельзя исключить и обратного влияния Центральной Азии и Кавказа на Иран и Афганистан, учитывая расселение азербайджанцев, туркменов, узбеков, таджиков по обе стороны проходящих в регионе границ. Новая Россия, возвращаясь на Восток уже в ином качестве, еще скажет свое слово и определит свое место на перманентно меняющемся Востоке, где «русский фактор» всегда был важной составляющей общей ситуации.

§ 6. Социальные процессы на Востоке

Основные направления социального развития	Вторая половина столетия была отмечена резким убыстрением социального развития стран Востока. Речь шла не только о зарождении новых социальных слоев, классов, прослоек и категорий, но и об изменении качества самого общества. Печать модернизации и даже «вестернизации» все более отчетливо определяла социальный облик Востока, тем не менее оставшийся пестрым и многообразным. Если можно себе представить западное общество в виде образца геометрически правильных форм и четких прямых линий, то восточное общество напоминает скорее сложный и прихотливый орнамент с асимметричностью и внешней алогичностью разнотипных узоров. Поэтому, наряду со все более часто встречающимся в социальных структурах Востока, особенно в конце XX в., западно-восточным синкретизмом, сохраняется и безусловное различие между обществами Запада и Востока, причем — не только в культурно-цивилизационном измерении.

Оставаясь многоукладным, пестрым и многообразным в социальном отношении, восточное общество качественно менялось. В его составе увеличивалась доля современных, модернизированных структур и соответственно уменьшалась доля традиционных, архаичных. Модернизация любого восточного социума (сельской общины, региона или землячества, города или отдельного его квартала, этноконфессии или входящего в нее религиозного братства) шла либо через «капитализацию», т.е. развитие частного предпринимательства и рынка, либо через насаждение государством «сверху» более современных методов хозяйствования, политической и производственной культуры, новейшей технологии и организации труда. Обычно сочетались оба канала модернизации. Но первый преобладал

там, где инициатива принадлежала иностранному капиталу (почти во всех колониях или бывших колониях) или где успел заявить о себе национальный капитал (например, в Индии, Турции, Египте до 1952 г. и после 1970 г.). Второй канал имел преимущество в странах с военными или революционными режимами, в частности, в Бирме, Индонезии, Египте 1952—1970 гг., Сирии). Но и во втором случае огосударствление экономики всегда было неполным и объективно преследовало цель защищать слабую национальную экономику от внешних конкурентов, дав крышу и помощь местному предпринимательству, находившемуся в трудной стадии становления.

Монополистическая буржуазия Капитализм на Востоке стал развиваться во второй половине XX в. намного быстрее, чем в первой. Но шло это развитие разными путями и потоками, принимало разные формы и питалось из разных источников. Оно привело примерно в 1970—1980-х годах к образованию нескольких капиталистических укладов. Из них важнейшим следует признать монополистический капитализм, представленный предприятиями транснациональных корпораций (ТНК) — наиболее крупными и современными, оснащенными новейшей техникой и непрерывно усваивающими самую передовую технологию, использующими самую квалифицированную и высокооплачиваемую рабочую силу. Однако господство ТНК ограничивалось в основном наиболее прибыльными (например, нефтедобывающими) или технически авангардными (например, электронными) отраслями. Кроме того, и в этих отраслях их стали теснить национальные монополии государств Востока, наиболее характерные вначале для Японии, Индии, Египта, Южной Кореи.

Южнокорейские «чеболи», т.е. монополии семейно-кланового типа, стали возникать уже в 1950-е годы. В 1980 г. полсотни «чеболей» давали до 10% ВВП страны, а в 1990 г. — до 16%. Объем их продаж тогда составил 130 млрд. долларов, причем 60% этой суммы пришлось на 5 «чеболей» во главе со знаменитым Самсунгом, крупнейшим концерном в сфере электронной, тяжелой и нефтехимической промышленности. Его владелец Ли Кун Хи за счет постоянного внедрения новейших научно-технических достижений добивался роста производительности труда в отдельные годы на 25—27%, неуклонно наращивая объемы производства и продаж, а также создавая свои филиалы за пределами страны. В частности, сборку телевизоров осуществляют его предприятия в 20 странах, включая Словакию. Концерн Дэу, уступая Самсунгу по объему продаж (26 млрд. долларов против 49 млрд. в 1991 г.), охватил более широкий круг отраслей, включая машиностроение и автостроение.

Его продукция теснит продукцию известных японских «дзайбацу» (монополистических трестов) на рынках самой Японии! Кстати, все «чеболи», сотрудничая и с «дзайбацу», и с западными ТНК, постоянно стремятся занять второе после японцев место. В 1995 г. из 100 крупнейших компаний Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), наряду с американскими и японскими было 6 южнокорейских, но 13 — тайваньских. Тайвань благодаря своим банкирам, судовладельцам и коммерсантам стал вторым после Японии крупнейшим кредитором в мире. Он является крупнейшим инвестором практически во всех странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В Индии буржуазия, пожалуй, первой на Востоке достигла стадии монополистического капитала. Межкорпоративные инвестиции, переплетение интересов различных фирм, власть «контролирующих семей» над множеством предприятий самого разного профиля превратили элиту индийской буржуазии в своеобразного «коллективного монополиста». Уже в 1960-е годы в экономике страны ведущее место заняли 75 монополистических групп во главе с богатейшими семействами Таты, Бирлы, Мафатлала, Тхапара, сохранившими и даже усилившими свои позиции к 1990-м годам. Семи из этих групп принадлежали 3/4 индийских инвестиций за рубежом, в том числе 40% из них — группе Бирлы, заграничные активы которой превышали ее активы в Индии. Таким образом, деятельность монополий Индии, так же как японских монополий или корейских чеболей, имела международный характер, распространившись от Бирмы и Малайзии до Африки. В то же время есть примеры активности египетских монополистов (в частности, Османа Ахмеда Османа) в Индии и Юго-Восточной Азии. Монополии Индии связаны и с западными ТНК: в лидировавшей в 1993—1996 годах компании страны «Хиндустан Левер» 51% акций — у англо-голландской ТНК «Юнилевер». Вместе с тем индийские монополии теснили везде на Востоке своих конкурентов за счет дешевизны рабочей силы, оплата которой в 1990-е годы составляла, например, около 5% оплаты работников соответствующей квалификации на Тайване.

Бюрократия Помимо монополистической буржуазии, повсюду на Востоке чрезвычайно сильна бюрократическая буржуазия. Финансово-экономическая мощь монополий (как иностранных, так и национальных) позволяла им ставить себе на службу значительную часть государственной бюрократии. Ее представители во главе предприятий госсектора (достаточно сильного в большинстве стран Востока) были, как правило, связаны с частным капиталом и на деле обычно увязывали свои действия с интересами крупной, особенно монополистической, буржуазии. В 1960-х годах

в Индии из 339 высших управляющих госсекторы 136 представляли крупный бизнес, а 55 сочетали (несмотря на формальный запрет) государственную службу с частным предпринимательством. Высокие оклады верхушки бюрократии (уже в 1960-е годы они превосходили минимальную зарплату в госсекторе Египта в 30 раз, в Индии — в 64 раза, в Пакистане — в 40 раз, в Бирме — в 32 раза) с учетом всех льгот, добавок и дополнительных выплат составляли огромные суммы. Уже в 1960-е годы доход среднего предпринимателя в Индии составлял 1—4 тыс. рупий в месяц, а у министра или высшего бюрократа — от 5 до 7 тыс. рупий. Кроме того, крупные бюрократы, помимо прямых хищений из казны и взяток, ухитрялись фактически торговать различными лицензиями, льготами, разрешениями, патентами, выдачей госкредитов, освобождением от налогов и т.п.

Обращая все свои законные и незаконные доходы в капитал, бюрократия превращалась в бюрократическую буржуазию, концентрировавшую в своих руках и власть, и богатство. Этот паразитический слой, не заинтересованный, в отличие от буржуазии в «чистом виде», в развитии производства, так как это требовало реинвестиции хотя бы части прибылей, более того — опасавшийся любых перемен, способных ослабить его господство, неизбежно тяготел к коррупции и стагнации, к консерватизму и реакционности. Сотни и тысячи менеджеров госсектора в Индии, Индонезии, Малайзии, Пакистане, Тунисе, Турции в 1960—1980-е годы либо были, либо становились на деле представителями бюрократического капитала, неотделимого от фаворитизма, застоя и черного рынка. По некоторым подсчетам, подобная «паразитическая» буржуазия уже в 1960—1970-х годах присваивала до 30% национального дохода Индонезии и до 40% — в некоторых арабских странах. Многие главы государств — Садат в Египте, Сухарто в Индонезии, Маркос на Филиппинах — активно стимулировали процесс обуржуазивания бюрократии. Головокружительно быстрое обогащение этих, как их называли в Египте, «жирных котов» привело к наличию в этой стране в 1980-е годы около 500 семейств, каждое из которых владело собственностью не менее чем в 10 млн. египетских фунтов.

В Индонезии кабиры (капиталисты-бюрократы) с 1970-х годов стали переходить к чисто предпринимательской деятельности, а их место стали занимать родственники президента Сухарто и связанные с ним выходцы из военной и чиновничьей элиты, наделившие правившего более 30 лет президента титулом «отец развития». Все возглавляемые ими 12 монополистических групп были тесно связаны с капиталом местных хуацяо, меньше — с японским или американским капиталом. На Филиппинах подобное же положение заняли «крони», т.е. «друзки» из окружения многолетнего

президента — диктатора Маркоса. В Малайзии так называемая государственная, или «политическая», буржуазия была образована в основном выходцами из малайской аристократии и бюрократии, при поддержке государства старавшихся вытеснить ранее захватившую экономическое господство крупную буржуазию хуацяо. В Таиланде тем же самым занялась «королевская» буржуазия, тесно связанная с семьей монарха. Но силу китайского капитала в этой стране в основном поставила себе на службу верхушка армии, образовавшей своеобразную военно-бюрократическую буржуазию.

Военные фракции бюрократической буржуазии возникли в других странах — Южной Корее, Индонезии, Пакистане, Бирме, Египте, Ираке. Они также задавали тон в Южном Вьетнаме и других странах Индокитая в 1964—1975 гг. Военная бюрократия при этом постепенно эволюционировала в частнопредпринимательскую буржуазию (как в Таиланде, Индонезии, Египте), либо в административную и партийно-политическую бюрократию (как в Сирии и Алжире, Бирме и Ираке). Тем более, что военно-бюрократические режимы нередко терпели крах либо вследствие военного поражения (в Южном Вьетнаме), либо по экономическим причинам (в Индонезии).

В еще сохранившихся кое-где на Востоке монархиях — в Марокко, Иордании, Иране (до 1979 г.), в Брунее и арабских государствах Персидского Залива возникла особая социальная общность — ФБК (феодално-бюрократический капитал). Это, пожалуй, наиболее мощная группа правящих элит, сочетающих одновременно использование методов экономического и внеэкономического принуждения, преимущества знатного происхождения и наследственного правления, патриархально-кланового и религиозного авторитета, освященного обычаем и традицией. Прослойка ФБК наиболее ярко представлена феодальными семействами Марокко, которые одновременно составляют ядро элиты бюрократии и верхушки бизнеса. Примерно то же относится к правящему Саудовской Аравией клану Саудидов из 7 тыс. эмиров и 5 тыс. принцесс, большинство которых сочетает свою принадлежность к знати с выполнением административно-управленческих, хозяйственных, военных и предпринимательских функций (в том числе — в качестве представителей ТНК и прочих иностранных фирм). ФБК доминирует также в Кувейте, Катаре, Омане, Объединенных Арабских эмиратах и некоторых других странах.

Феодалы Как правило, феодалы на Востоке (за исключением лишь некоторых государств, вроде Афганистана, Непала) сохранили социальное влияние лишь в составе более широких общностей вроде ФБК, феодальной бюрократии или

духовенства. В социально-хозяйственном отношении феодалов, как и «чистого» феодализма, на Востоке уже нет. Однако феодальные структуры и отношения, феодальные представления и обычаи, феодальные традиции и мышление еще сохранились, как правило — в тесном сплетении с другими категориями — патриархальными, буржуазными и прочими.

Городское население

Важной чертой социальных процессов второй половины XX в. на Востоке была ускоренная урбанизация. Если в 1950 г. среди 10 сверхкрупных городов мира были лишь 3 восточных (Токио — 6,7 млн. человек, Шанхай — 5,3 млн., Калькутта — 4,4 млн.), то в 1990 г. их было уже 5 (Токио — 18,1 млн. человек, Шанхай — 13,3 млн., Калькутта — 11,8 млн., Бомбей — 11,2 млн., Сеул — 11 млн.). В 1950—1985 гг. городское население стран Азии и Африки росло ежегодно на 3,6—4,2% (при 2-2,5% естественного прироста). В городах Азии к 1990 г. проживало 975 млн. человек, т.е. треть населения континента. На западе Азии (в 1990 г.) в городах проживало 63% населения, на севере Африки — 45%.

В основном, население городов увеличивалось за счет мигрантов из деревень, преимущественно разорившихся бедных крестьян, которые и в городе, как правило, не находили работы, ибо процесс распада традиционных сельских структур и коллективов обгонял процесс становления современных новых отраслей экономики. Этим отраслям и не требовалось так много свободной рабочей силы, к тому же — неквалифицированной. Наплыв сельских мигрантов в города поэтому, сливаясь с разорением и обнищанием коренных горожан (ремесленников, мелких торговцев, потерявших работу наемных работников), приводил к разрастанию городского «дна», т.е. низших слоев горожан-люмпенов и пауперов. Даже тем из них, кто не потерял надежду вернуть себе прежнее положение и не утратил профессиональных трудовых навыков, было почти невозможно возродиться к новой жизни.

Экономика Востока в течение всего второго полувека XX в. никак не могла стать на ноги ввиду ее постоянного обескровливания. Довольно быстро почти у всех молодых государств Востока образовалась колоссальная задолженность либо бывшим метрополиям, либо крупным международным банкам, либо государствам-кредиторам (Японии, Тайваню, США и другим). Нараставшиеся с каждым годом грабительские проценты все более отдаляли перспективу освобождения от долговой кабалы. В большинстве стран Востока постоянная нехватка капиталов (их было вообще мало, да и выгоднее было их инвестировать в экономику развитых стран),

ресурсов (которые было более прибыльно продать) и квалифицированной рабочей силы (ее проще было импортировать, чем обучить) не давала возможности развернуть ускоренное экономическое развитие. Ввиду этого лишь отдельные группы и элементы населения (в основном — эмигранты в Западную Европу и Северную Америку) могли вырваться из состояния отсталости и приобрести обычно — при участии иностранного капитала или в рамках госсектора, к модернизации и даже «вестернизации». Уделом же основной массы оставались безработица, нищета и полная бесперспективность. По разным данным, пауперы и люмпены, а также прочие социальные низы (главным образом городские) составляли в 1960—1980-х годах от 20% до 40% населения Азии, Африки и Латинской Америки. Образовав мощный (от 1/5 до трети всех горожан) пласт городского населения афро-азиатского мира, пауперы и люмпены не столько были под влиянием более высокоразвитых классов и слоев (кадрового пролетариата, интеллигенции), сколько сливались воедино с другими обездоленными группами — беднейшими ремесленниками, наиболее низкооплачиваемыми служащими, неквалифицированными рабочими. Всем им, вместе взятым, были свойственны отчаяние, озлобление и склонность к крайним формам социального протеста.

Это имело самые важные последствия для жизни Востока. Во-первых, низшие слои города давили снизу на всю социальную пирамиду, искажая нормальные отношения между ее «этажами», т.е. классами и слоями, размещавшимися на разных ступенях социальной иерархии. Во-вторых, городские низы составили основу всех массовых экстремистских движений второй половины века. Достаточно привести в качестве примера события 1978—1979 гг. в Иране, где только в крупных городах тогда насчитывалось до 1,5 млн. маргиналов (т.е. лиц, выброшенных из экономической, социальной, иногда — просто из более или менее человеческой жизни). Именно они составили базу «исламской революции» Хомейни, изгнавшей шаха и учредившей в Иране исламскую республику. В Египте, где даже в столице сельские мигранты, в основном ставшие городскими маргиналами, составили в 1970-е годы более половины (56%) жителей, они образовали обширную питательную среду религиозного экстремизма, остающегося именно поэтому важнейшим фактором социальной жизни.

В середине XX в. маргиналы были также основой левого экстремизма, анархизма, троцкизма, коммунизма, преимущественно — в форме маоизма. Их влияние было значительным, естественно, в Китае и в основной массе хуацяо, среди таких угнетенных народов, как палестинцы и курды, среди некоторых фракций турецкой и иранской

оппозиции, а также — по всей Юго-Восточной Азии. Однако после разгрома в 1965 г. крупнейшей в ЮВА компартии Индонезии и отхода от лево-экстремистов основной части хуацяо в Малайзии, Таиланде, на Филиппинах и в странах Индокитая, после ослабления в ходе многочисленных расколов комдвижения в Индии маргиналы в основном сменили ориентацию и перешли от лево-экстремизма к реакционному консерватизму, преимущественно — религиозного характера. Начиная с конца 1970-х и начала 1980-х годов они стали главной опорой исламских фундаменталистов Ирана, Сирии, Ливана, Бангладеш, Турции, Туниса, Алжира и других стран.

Рабочие

Конечно, кроме формирования монополий, ФБК и разных групп бюрократического капитала, а также помимо разорения и обнищания, порождавших маргинализацию восточного общества, афро-азиатский мир переживал и другие социальные процессы. В частности, отмечался рост наемного труда. В 1970—1990-е годы уже до 40-50% жителей Востока работали по найму. К началу 1990-х годов только в Азии насчитывалось 190 млн. наемных работников (до 30% самодеятельного населения), в том числе — около 50 млн. рабочих в промышленности, строительстве и на транспорте. Однако на 20-30% они были заняты на мельчайших предприятиях неформального (т.е. неорганизованного, неценового) сектора и представляли собой нефабричный, т.е. малоквалифицированный, низкооплачиваемый пролетариат, в социальном отношении более близкий к маргиналам, нежели к своим братьям по классу. Лишь 25-34% (в зависимости от конкретной страны) промышленных рабочих были квалифицированными профессионалами. Но эта своеобразная верхушка рабочего класса весьма дорожила своим положением и высокой оплатой, как правило, не выступая поэтому против работодателя (государства или частного предпринимателя, не важно — иностранного или «своего»). Так что было бы неверно считать рабочий класс и рабочее движение на Востоке второй половины XX в. единой и самостоятельной общественной силой. Рабочие низы были скорее наиболее активной частью маргиналов и руководствовались в своих совместных с ними выступлениях (когда они были) не столько классовыми, сколько общенациональными, религиозными, этнообщинными, кастовыми (в Индии и сопредельных странах) и прочими «непролетарскими» соображениями. А рабочие верхи, как правило, стремились к социальному консенсусу, к соглашению с государством и частным капиталом, во многом занимая позицию не пролетариата, а средних слоев, к каковым они, в конкретных условиях восточного общества

фактически и принадлежали и по уровню доходов, и по уровню культуры (в том числе — по степени модернизированности), и по реальному положению.

Средние слои и их особен- ности	Что же касается средних и промежуточных слоев Азии и Африки, то их путь в рассматриваемые полвека был более извилист и непрост. Прежде всего, под средними слоями понимаются лица, не владеющие средствами производства, но обладающие образованием, знаниями и квалификацией, необходимыми для организации, ориентации и удовлетворения потребностей экономической и духовной жизни современного общества. В основном — это интеллигенция, служащие, офицерство, студенчество и другие жители как города, так и деревни, органически связанные с городом, школой, университетом, СМИ и т.д. В отличие от них промежуточные слои — это мелкие и мельчайшие владельцы средств производства, в социально-экономическом смысле категория переходная, расположенная между наемным трудом и бизнесом. В эту категорию входит прежде всего хозяйствующие крестьяне и городские мелкие собственники. Они как бы составляют социальную подпочву национального капитализма, имея тенденцию «врасти» в него снизу. Вместе с тем, в конкретных условиях многоукладности восточного общества, именно промежуточные слои наименее модернизированы и наиболее связаны с традицией, общинностью, патриархальщиной, с ограниченностью этнического, конфессионального и регионалистского характера.

Политическое и социальное развитие Востока в рассматриваемый период постоянно стимулировало рост средних слоев. Их нехватка на первых порах компенсировалась инонациональными и приезжими кадрами. Например, в Египте в 1947 г. 18,6% лиц с высшим образованием составляли иностранцы (а среди всего населения страны иностранцев было менее 1%). В Алжире даже в 1966 г. иностранцев среди высших технических кадров было в 5,5 раза больше, чем алжирцев. В дальнейшем, однако, удельный вес иностранцев неуклонно снижался как в общей численности жителей любой страны Востока, так и в средних слоях. В то же время наблюдался бурный рост почти всех категорий средних слоев. В Египте только за период 1960—1976 гг., т.е. за годы наиболее интенсивной индустриализации, численность лиц свободных профессий и технических специалистов увеличилась с 224 тыс. до 725 тыс. человек (т.е. с 3,2% до 7,5% всего самостоятельного населения), количество административно-управленческих кадров — с 35 тыс. до 109 тыс. человек (с 0,5% до 1,1%), конторских служащих — с 324 тыс. до 704 тыс. человек (с 4,7% до 7,3%). Иными

словами, доля средних слоев (преимущественно городских) возросла в Египте за 16—17 лет с 8,4% до 15,9%, т.е. почти вдвое. Соответствующие темпы роста средних слоев были характерны и для других стран Востока. В Иордании число лиц с высшим образованием в 1953—1967 гг. увеличилось в пять раз — с 3163 до 15657 человек и в дальнейшем продолжало неуклонно расти. В Марокко только госаппарат в 1956—1970 гг. возрос с 35 тыс. до 200 тыс. человек, вследствие чего количество чиновников здесь в полтора раза превысило количество квалифицированных рабочих. В Алжире число служащих госаппарата в 1961—1970 гг. увеличилось с 30 тыс. до 285 тыс. человек, в Сирии (в 1960—1989 гг.) — со 128 тыс. до 431 тыс. человек. Улучшение качества образования и потребности развивающейся экономики определили ускоренный рост численности специалистов самого разного профиля практически всюду в Азии: в Индии в 1971—1981 гг. с 4834 тыс. до 7094 тыс. человек (на 47%), в Индонезии (в 1971—1980 гг.) с 884 тыс. до 1917 тыс. человек (на 72%), в Иране (в 1966—1976 гг.) — с 203 тыс. до 557 тыс. человек (на 174%), в Малайзии (в 1970—1979 гг.) — со 129 тыс. до 246 тыс. человек (на 89%), на Филиппинах (в 1970—1980 гг.) — с 284 тыс. до 559 тыс. человек (на 97%).

Конечно, не все эти лица могут считаться представителями современных средних слоев, в частности — проживавшие вне городов. Например, «чистых» горожан среди них в 1970-е годы в Индонезии было не более 700 тыс., на Филиппинах — около 300 тыс., в Таиланде — около 150 тыс., в Малайзии — до 90 тыс. человек. Однако, сельский учитель или врач среди них был, пожалуй, более «современен», чем встречавшиеся и среди горожан представители духовенства, различных семейств знати, феодальные идеологи и вероучители, главы сект, братств, тайных обществ и т.п., причисляемые обычно к традиционной интеллигенции консервативного типа. Безусловно, к средним слоям относится научно-техническая интеллигенция (2328 тыс. человек в Индии к концу 1970-х годов, 1218 тыс. в Индонезии, 1084 тыс. на Филиппинах, 708 тыс. в Турции, 218 тыс. в Иране, 101 тыс. в Пакистане, 20 тыс. в Таиланде). Однако при этом надо помнить, что в конкретных условиях афро-азиатского мира инженеры и физики, врачи и адвокаты, учителя и студенты не отделены китайской стеной от мира традиций, религии, национальной мифологии, племенных обычаев и клановых связей. Тем более, что почти во всех странах Востока сохранились так называемые традиционные социальные общности, не имеющие аналогов на Западе.

Наиболее типичны из них касты в Индии, существующие также среди индийцев за рубежом и даже среди мусульман Пакистана и Бангладеш. Профессиональный характер каст (с ориентацией

на разные занятия — ткачество, забой скота, исполнение музыки и т.п.) ныне во многом дополняется (и заменяется) взаимоподдержкой, сплоченностью, материальной, финансовой и прочей взаимопомощью. В Индии и Пакистане только в 1960-е годы насчитывалось до 14 торгово-ростовщических каст, позволявших их богатой верхушке объединять вокруг себя, особенно — через кредитные и жилищные кооперативы, сеть фондов, школ и больниц до 15 млн. человек, в основном — лавочников и служащих. В то же время низшие касты и хариджаны (неприкасаемые) составляли от 2/3 до 3/4 жителей деревни, постоянно пополнявших городские низы. Освященность тысячелетней традицией их приниженного положения несколько смягчало, обуздывало их социальное недовольство, с одной стороны, стимулировало верность кастовой солидарности — с другой, независимо от положения человека в нетрадиционной, модернизированной структуре современных секторов общества.

**Этнические
проблемы**

Традиционными общностями являются и сохранившиеся во многих странах Азии и Африки племена, мелкие этносы или этноконфессиональные

общины, сословные группы и социокультурные коллективы. Печать их влияния, особенно — на менталитет и психологию людей, даже экономически и организационно давно живущих вне традиционных отношений, еще прослеживается всюду на Востоке — от Марокко и Сенегала до Китая и Филиппин. В Марокко исторически сформировавшееся в XIII—XVII вв. сословие «фаси» (из потомков мусульман, изгнанных из Испании) постепенно образовало экономическую и духовную элиту страны, в XX в. сблизившись также с арабской аристократией и составив верхушку бюрократии и бизнеса. С 1930-х гг. им противостоят «суси» — выходцы из берберов южной области Сус, разрушающие монополию «фаси», но преобладающие пока что в средних и низших слоях буржуазии, чиновничества и интеллигенции. И те, и другие имеют свои политические партии, культурные ассоциации, органы печати и рычаги влияния на монарха.

Этнонациональный вопрос — один из важнейших на Востоке. Берберы в Алжире и Ливии, курды в Турции, Сирии, Ираке и Иране, азербайджанцы в Иране, туркмены, узбеки и таджики в Афганистане, патаны (пуштуны) в Пакистане, многочисленные меньшинства в Мьянме (Бирме), монголы, тюрки и тибетцы в Китае, хуацяо по всей Юго-Восточной Азии, тамилы в Шри Ланке, так же как арабы на западе Африки, а индийцы на ее востоке и юге — все они еще ждут решения своего этнического существования в рамках новых государств Востока. Но решение этнической проблемы еще более осложняется наличием проблемы конфессиональной, наи-

более ярко иллюстрируемой положением южан в Судане, коптов в Египте, христиан по всему Ближнему Востоку, шиитов — в Ливане и Ираке, исмаилитов — в Афганистане и Таджикистане, мусульман и сикхов — в Индии, мусульман — в Китае и на Филиппинах.

**Особенности
формирования
мелкого и
среднего пред-
приниматель-
ства**

Весь этот традиционный груз социальной и социокультурной архаики во многом мешает процессам модернизации Востока, особенно — процессу формирования и развития «демократического капитала», т.е. мелкого и среднего предпринимательства удачливых мелких торговцев, разбогатевших ремесленников, зажиточных крестьян и даже бывших рабочих., особенно часто сколачивавших состояние во время эмиграции в Европу или в зону Персидского залива, где нередко встречались палестинцы и египтяне с пакистанцами и южнокорейцами. Мелкие и средние предприятия всегда преобладали на Востоке, несмотря на гигантоманию, которой страдали многие индустриализирующиеся страны. В Египте в 1960—1970-е годы 94% предприятий имело менее 10 работников каждое. В Сирии 97% предприятий были мелкими, в Ливане — более 99%, в Индии — до 75%. Во многих странах, тем не менее, предприятия этого растущего снизу «демократического капитала» давали до 50% всей промышленной продукции и объединяли под своей эгидой до 39% всех занятых в промышленности.

Долгое время одной из главных коллизий социального развития Востока была борьба между «демократическим» и «бюрократическим» капиталом. Это объяснялось многими причинами:

1. Засильем иностранной буржуазии, особенно ТНК, подчинявших себе афро-азиатскую бюрократию и связанные с ней паразитические и компрадорские группировки;

2. Привычкой бюрократических элит, особенно — связанных с феодалами и военными, управлять самовластно и произвольно;

3. Наконец, своекорыстием бюрократической буржуазии, стремившейся все держать под своим контролем и довольно эффективно перекрывавшей все пути роста национального предпринимательства снизу путем высоких налогов, искусной политикой различных льгот и субсидий.

Лишь подрыв или устранение влияния триединого блока ТНК, инонационального (или компрадорского) капитала и местных бюрократических групп прозападного толка открывали возможности роста «демократического капитала». В ряде стран (Марокко, Алжир, Сирия) правящие элиты в 1960—1970-е годы сами скорректировали курс государственной политики, начав поощрение мелкого и среднего предпринимательства.

Картина социальных процессов на Востоке будет неполной, если не обозначить, хотя бы приблизительно, тенденции социально-экономического развития на бывшем советском Востоке, в частности — в республиках СНГ. Эти новые постсовет-

ские государства, как бы «возвращаясь» на Восток, с которым они оставались связаны в историческом, цивилизационном и социокультурном отношении, за годы политико-идеологической «разлуки» с ним в чем-то зарубежный Восток обогнали, а в чем-то от него отстали. Безусловно, они ушли вперед в плане модернизации, урбанизации, образования, а также — по многим экономическим показателям. Однако распад экономического пространства СССР и кризис всего постсоветского общества круто изменил положение. Негативно сказался также отток русского и русскоязычного населения, составлявшего значительную (в некоторых отраслях — преобладающую) часть местных квалифицированных кадров. Этот отток продолжается и не может не влиять на положение, ибо около трети населения в восточных республиках СНГ всегда было некоренным, а только русские составляли в 1991 г. 7% жителей Грузии, 3% - Армении, 8% — Азербайджана, 41% — Казахстана, 13% — Туркмении, 11% - Узбекистана, 22% — Киргизии, 10% — Таджикистана. Уходит и население прочих некоренных национальностей, ибо вспыхнувшие еще до 1991 г. этнические конфликты дополнительным бременем легли и на экономику, и на социальную обстановку, и на духовный климат постсоветских государств. В них повсеместно наблюдается снижение роли ранее традиционно уважавшейся интеллигенции, выдвижение на первый план новых властных элит (этнократий) и ранее запретной идеологии — национализма (порой доходящего до ксенофобии), возрастание роли местных вооруженных сил и мафиозных клик. Все эти социальные явления получили свое концентрированное и законченное выражение в Чечне, где в 1990-е годы образовался взрывоопасный синтез таких факторов как слияние воедино клановых (тейпы) и конфессиональных (вирды) структур, семейных и мафиозных связей, криминализации бизнеса и крайнего обострения социальных проблем (безработицы молодежи в первую очередь), резкого взлета этноцентрализма и популярности харизматического лидера Дудаева, выбравшего удачный момент для отделения от переживавшей кризис и поглощенной своими внутренними проблемами России.

Определенную роль сыграло и некоторое социальное отставание постсоветского Востока от остального Востока. Для мусульманских регионов СНГ (включая российский Восток) характерно более глубокое влияние суфийских братств, которые в советские

времена частично выполняли роль «исламского масонства», т.е. тайной системы сохранения исламского наследия. Отсюда и определенная самостоятельность братств и их ответвлений, в первую очередь — на Кавказе и в Центральной Азии, более высокий, чем за рубежами бывшего СССР, авторитет суфийских наставников — устازов, вакилей, ишанов и т.п. Вместе с тем сохранению здесь в более консервативных формах типичных для традиционного общества отношений личной зависимости, внеэкономического принуждения, патриархальной коллективности и земляческой близости способствовал низкий (раза в 2-3 по сравнению с русскими и русскоговорящими) уровень миграции в города. Для среднеазиатских и кавказских сельчан в целом всегда были показательны тяга к сельскому укладу жизни в «большой семье», неприятие индустриально-урбанизированной модели развития и неизбежного разрушения в городе внутрисемейных и внутриобщинных норм. Экономически это подкреплялось также широким распространением личного подсобного хозяйства (формально — в рамках колхозно-совхозных порядков), которое давало очень большую долю доходов как в деревне, так и в городе. На остальном Востоке это было редким явлением, ибо даже после аграрных реформ 1960—1970-х годов в большинстве стран Азии и Африки сохранялись малоземелье и аграрное перенаселение, толкавшее к миграциям. А в районах интенсивного и высокодоходного земледелия вне СНГ, как правило, господствовало плантационное и фермерское хозяйство, также стремившееся избавиться от «лишних людей».

**Итоги социальных
процессов на
Востоке**

В целом экономическая, технологическая и социокультурная модернизация Востока во второй половине XX в. шла повсеместно, хотя и неравномерно. Она протекала более стабильно на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в силу сочетания ряда обстоятельств (исторически выработанных, в том числе — в русле религиозных учений синтоизма, буддизма, даосизма, конфуцианства, таких качеств как дисциплинированность, лояльность, трудолюбие, нетребовательность) и внешних факторов (сильного влияния США, «экономического чуда» Японии, энергии хуацяо). Она гораздо менее гладко, но все же эффективно шла в странах, отличившихся большей многоукладностью и межцивилизационной контактностью (в Малайзии, Таиланде, Индонезии), еще сложнее — в странах Южной Азии, особенно в Индии, где модернизация наталкивалась на кастовость, коммунализм (засилье общин), сословность, этническое, религиозное и языковое многообразие. В разных и еще более сложных вариантах то же наблюдалось в Пакистане, Бангладеш

и Шри Ланке, которые, к тому же, были зоной повышенной конфликтности в этноконфессиональном плане.

Особый регион Азии представляют Китай, Монголия, Северная Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа. Ныне это государства с централизованно планируемой экономикой, доказывающие (за исключением КНДР) возможность «рыночного» варианта подобного централизма. История пока не дала окончательного ответа на вопрос, может ли существовать в конкретных условиях Востока подобная модель общества, хотя успехи его развития несомненны.

Наконец, модернизация наиболее трудно идет на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Причин тому много. На Западе главной из них считают ислам как религию, наиболее полно регулирующую и контролирующую жизнь верующих, к тому же — более тысячи лет активно враждующую с Западом и, естественно, с «вестернизацией». Значительная доля истины в этом есть. Но можно вспомнить о том, что в Малайзии и Индонезии ислам не стал препятствием для модернизации. Очевидно, не менее важной причиной является географическая близость Ближнего Востока к Европе и традиционность противостояния с ней, а также — более непосредственная и более остро ощущаемая угроза миру ислама со стороны военно-политической, экономической и культурной экспансии Запада. Необходимость сотрудничать с ним является лишь дополнительным источником раздражения. При этом страны Дальнего Востока и Юго-Восточной, да и Южной Азии сумели превратить это вынужденное сотрудничество в мягкую форму полуконкуренции — полупартнерства, полусоглашательства — полукритики, ибо чувствуют себя более уверенно в экономическом отношении. Этого не может чувствовать Ближний Восток, более болезненно, к тому же, реагирующий на любое умаление роли ислама и любое подчеркивание Западом своего военного, финансового или технологического превосходства. «Политизация» ислама и другие формы исламоэкстремизма являются логичным выражением этой реакции. Кстати, переадресование России многих упреков (например, в колониализме), ранее направлявшихся лишь Западу, объясняются, помимо метаморфоз постсоветской эволюции, еще и сближением России с Западом, начиная с 1989—1990 гг.

Таким образом, неоднородность и неравномерность процесса модернизации Востока во многом определяется, искажается и «подправляется» как различием условий в разных регионах Востока, так и воздействием на них политики Запада, действий Японии и Китая, а также — сложных процессов на постсоветском пространстве.

§ 7. Основные тенденции, факторы и противоречия экономического роста развивающихся стран

Результаты экономического развития стран Азии, Африки и Латинской Америки (бывшей колониальной и полуколониальной периферии) за последние полвека весьма неоднозначны и противоречивы. Представляется, однако, что, несмотря на немалые сложности и трудности, попятные движения и кризисные явления, а также вопреки многим пессимистическим прогнозам, сделанным рядом известных экономистов в первые послевоенные десятилетия, развивающиеся страны достигли в целом весьма существенного, хотя и не вполне устойчивого, прогресса в экономической сфере.

Темпы и пропорции развития	В 1950—1990-е гг. несколько десятков афроазиатских и латиноамериканских государств, составляющих 1/6—1/5 их общего числа, но сосредоточивших не менее 2/3—3/4 населения и валового продукта развивающегося мира, так или иначе вступили на путь современного экономического роста.

Минимальный критерий, принятый для отнесения страны к группе государств, развивающихся по пути современного экономического роста, предполагает поддержание ею не менее полуторапроцентного подушевого роста ВВП в среднегодовом исчислении за последние три-четыре десятилетия. К числу важных характеристик этого типа роста относятся также интенсивные сдвиги в отраслевых пропорциях распределения валового продукта и занятости, технологической и стоимостной структурах накопления, повышение темпов роста и вклада в увеличение ВВП совокупной производительности основных факторов производства. Минимальный критерий выбран исходя из того, что средний индикатор прироста подушевого ВВП по ныне развитым государствам на этапе их промышленного «рывка» не превышал 1,3—1,5 % в год на протяжении жизни примерно двух поколений людей, живших в условиях генезиса современного экономического роста.

Завоевание политической независимости, осуществление деколонизации, проведение аграрных реформ, импортзамещающей/экспорториентированной индустриализации, создание экономической и социальной инфраструктуры, налаживание и совершенствование систем макроэкономического регулирования, мобилизация собственных ресурсов, а также широкое использование капитала, опыта и технологий развитых государств способствовали относительно быстрой модернизации социально-экономических структур периферийных стран. При этом данный процесс охватил не только маленьких и средних «тигров» (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Таиланд), но и ряд крупных «драконов» (Бразилия, Мексика, КНР, Индия, Индонезия и др.).

Все это вызвало значительное ускорение экономической динамики слаборазвитых стран: если в 1900—1938 гг. подушевой ВВП в периферийных странах возрастал в среднем ежегодно на 0,4-0,6 %, то в 1950—1998 гг. среднегодовой темп прироста этого показателя достиг 2,6—2,8 %. Конечно, не во всех слаборазвитых государствах экономическая результативность была столь впечатляющей.

Если в передовых странах в послевоенный период наблюдалась тенденция к конвергенции, сближению уровней развития, то на периферии и полупериферии просматривалась иная закономерность — по многим характеристикам усиливалась дивергенция, что заставило многих ученых изучать тенденции их экономической эволюции в рамках типологических групп. По расчетам экспертов ЮНКТАД, в 1960—1990-е гг. коэффициент вариации подушевого дохода в развитых странах сократился с 0,51 до 0,34, в то время как в развивающихся государствах он вырос с 0,62 до 0,87, в том числе в странах Африки — с 0,49 до 0,68 и особенно резко в азиатских государствах — с 0,46 до 0,81.

Однако средневзвешенный индикатор подушевого экономического роста для афроазиатского и латиноамериканского мира оказался в два раза выше, чем по странам Запада в период их «промышленного рывка» конца XVIII — начала XX века и в целом соответствовал показателям по развитым государствам в послевоенный период. В то же время, судя по данным, рассчитанным по паритетам покупательной способности валют, если в развитых странах отмечалась тенденция к сокращению темпов прироста подушевого ВВП (с 3,8-4,0 % в год в 1960-е гг. до 2,4-2,6 % в 1970-е, 2,1—2,3 % в 1980-е гг. и 1,4—1,5 % в 1991—1998 гг.), то в развивающихся государствах, несмотря на кризисные явления во многих странах, темпы прироста ВВП в расчете на душу населения в целом повышались: с 1,9-2,1 % в 1960-е гг. до 2,3—2,5 % в 1970-е гг., 2,7—2,9 % в 1980-е гг. и 3,4-3,8 % в 1991—1998 гг.

Эти сопоставления носят в определенной мере условный характер. Существует много сложностей, связанных с адекватной оценкой конечного результата экономического роста. Ныне действующая система национальных счетов, приспособленная к оценке результативности индустриальных (или индустриализирующихся) обществ, ориентированных на массовый выпуск стандартизированных товаров, имеет много недостатков. Главный из них — применение затратных методов определения многих индикаторов выпуска, особенно в сфере услуг.

Проведенные в последнее время американскими учеными (Ц.Грилихес, М.Боскин, Д.Джоргенсон, Р.Гордон, Л.Накамура и др.) статистико-экономические исследования показывают, что в результате недоучета роста производительности труда и качества продукции в сфере услуг, с одной стороны, и завышения динамики дефляторов — с другой, ежегодные темпы

прироста ВВП в развитых странах в 1960-х — первой половине 1990-х гг. оказались занижены на 0,6—1,5 процентных пункта. Принятие этой поправки, которая, правда, оспаривается рядом экономистов (Б. Мултон, К. Мозес), в известной мере корректирует тенденцию к снижению темпов экономического роста в странах Запада и Японии, обнаружившуюся в последние два-три десятилетия. Справедливости ради следует предположить, что в обстановке крупных структурных изменений, происходящих в экономике полупериферийных стран, и технологического трансферта из развитых государств темпы прироста качества продукции (а возможно, и производительности труда) в быстроразвивающихся странах Востока и Юга могут также в известной мере недооцениваться.

Отмеченный феномен связан не только с успехами восточноазиатских «тигров», но и стремительным наращиванием в последние два десятилетия экономического потенциала супергигантов развивающегося мира — Китая и Индии. Сочетание двух факторов — значительных абсолютных размеров ВВП (в паритетах покупательной способности — второе и четвертое место в мире), а также относительно высоких темпов его роста — позволило КНР и Индии занять в 1990-е гг. соответственно первое и третье место по показателю абсолютного прироста ВВП среди пятерки крупнейших стран мира (США, КНР, Япония, Индия, Германия).

Сравнительно быстрые (хотя и снижающиеся) темпы роста населения, а также относительно высокие показатели увеличения подушевого ВВП развивающихся стран способствовали повышению их доли в совокупном продукте мира примерно с 27—29 % в 1950 г. до 34—35 % в 1990 г. и 40—42 % в 1998—1999 гг. Если в 1950-е гг. по доле в мировом ВВП развитые капиталистические государства более чем вдвое превосходили развивающиеся страны, то ныне разрыв не превышает 10—12%.

Характерно при этом, что некоторые индикаторы, отражающие меру нестабильности и несбалансированности хозяйственного развития в быстро модернизовавшихся странах развивающегося мира, оказались в среднем не хуже, чем в ведущих капиталистических государствах как на этапе генезиса современного экономического роста, так и в послевоенный период. В эпоху до современного экономического роста (середина XIX — 30-е гг. XX в.) коэффициент вариации погодовой динамики ВВП составлял в среднем по ряду крупных стран Востока и Юга (Индия, Индонезия, Бразилия, Мексика) 260-280 %. (Иными словами, усредненная величина отклонений в ежегодных темпах прироста валового продукта от их среднего темпа примерно в 2,5-3 раза превышала среднегодовой темп увеличения ВВП). В период их современного экономического роста (ориентировочно 1950—1990-е гг.) отмеченный индикатор сократился в целом в три-четыре раза — до 70—80 %.

При этом, если в 1950—1970-е гг. коэффициент вариации темпов экономического роста в Индии все еще достигал 110—120 %, а в КНР — 150—160 %, то в 1980—1990-е гг. показатель неустойчивости роста уменьшился в вышеупомянутых странах до 30-40 %. Разумеется, далеко не во всех быстро (не говоря уже о медленно) развивающихся странах отмечался такой прогресс в повышении стабильности экономической динамики. Однако факт увеличения устойчивости хозяйственного развития (по данному критерию) в крупнейших, густонаселенных странах, отягощенных многими социально-экономическими и демографическими проблемами, не позволяет считать, что в конце XX в. развивающийся мир в целом остается зоной повышенной экономической нестабильности.

В среднем по шести ныне развитым крупным странам (Великобритания, Франция, Германия, Италия, США и Япония), коэффициент вариации темпов экономического роста на этапе их промышленного рывка (конец XVIII — начало XX в.) составлял 190—210 %, а в послевоенный период 60—70 %, в том числе в 1951—1973 гг. 40-50 % и в 1974—1998 гг. 80—90 %. Следовательно, мера нестабильности хозяйственного роста в ряде крупных и средних стран Востока и Юга, вступивших на путь современного экономического роста, оказалась, вопреки ряду прогнозов, не выше, а существенно ниже, чем в странах Запада и Японии на этапе их индустриализации. В двух-трех десятках развивающихся стран отмеченный показатель в последние три-четыре десятилетия не превышал (а в Индии и КНР, как отмечалось выше, в 1980—1990-е гг. он был ниже) соответствующего индикатора развитых государств.

Существенное увеличение темпов экономического роста развивающихся стран в последние полвека было во многом связано с процессом ускоренной индустриализации, с распространением демонстрационного эффекта, со значительными сдвигами в структурах занятости населения, основного капитала, валового продукта, а также совокупного спроса. Вместе с тем ученые подчеркивают значительную диспропорциональность хозяйственного развития этих стран, «очаговость» передовых форм производства. Данные характеристики, однако, не следует абсолютизировать и тем более рассматривать как признаки и факторы устойчивой, долговременной специфики, присущей только афроазиатским и латиноамериканским государствам.

При оценке степени рассогласованности экономических и социальных составляющих народнохозяйственного развития периферийных государств некоторые исследователи нередко используют показатель соотношения доли сельского хозяйства в общей занятости и ВВП тех или иных стран. Этот показатель, фиксирующий меру отставания аграрного сектора по относительной производительности труда от народнохозяйственного уровня, принятого за единицу, по группе развивающихся стран обнаружил в целом

определенную тенденцию к росту: с 1,4–1,5 в 1900 г. до 1,8–1,9 в 1950 г., 2,8–2,9 в 1973 г. и 3,3–3,4 в 1996 г.

Причины и характер отмеченного явления во многом различались в колониальный и постколониальный периоды. Судя по данным за первую половину XX столетия, отставание первичного сектора периферийных стран по относительной производительности труда было связано не только с уменьшением доли сельского хозяйства в ВВП, но и с увеличением степени аграризации занятости, вызванной усилением колониальной и полуколониальной эксплуатации слаборазвитых стран, разрушением некоторых видов традиционных промыслов, которое обусловило стагнацию и относительное сокращение занятости в индустриальных отраслях и сфере услуг.

Доля самостоятельного населения, преимущественно связанного с сельским хозяйством, увеличилась в Бразилии с 60–62 % в 1872 г. до 67–71 % в 1920 г., в Мексике — с 62–64 % в 1895 г. до 67 в 1910 г. и 71–72 % в 1921 г., в Индии — с 62–65 % в 70–80-е гг. XIX в. до 67–69 в 1901 г. и 72–74 % в 1911 г., в Таиланде — с 75–77 % в 1929 г. до 79–80 % в 1937 г., в Индонезии — с 72–73 % в 1905 г. до 73–74 % в 1961 г. В Египте этот показатель, составлявший, по некоторым оценкам, в 1882 г. 61–63 %, повысился до 68–69 % в 1937 г., а в Китае он возрос с 77–79 % в 1937 г. до 81–83 % в 1950 г.

Переход развивающихся стран к современному экономическому росту привел, к снижению удельного веса населения занятого в агросфере. В целом к концу XX в. развивающийся мир утратил один из важнейших своих атрибутов. По отраслевой структуре занятости он перестал быть преимущественно аграрной периферией. Вместе с тем, несмотря на определенное ускорение динамики сельскохозяйственного производства, еще больше возросли темпы роста продукции в промышленности, строительстве и сфере услуг, в результате чего разрыв в относительной производительности труда существенно увеличился.

Напомним, что и в ныне развитых государствах экономический рост в течение длительного периода сопровождался обострением отмеченной диспропорции. Показатель отставания аграрного сектора по уровню относительной производительности труда возрос в среднем с 1,3–1,4 в 1800 г. до 1,8–2,2 в 1913 г., 2,7–3,2 в 1950 г. В целом по развитым странам этот показатель стал падать лишь в последние десятилетия: он уменьшился с 3,6–3,8 в 1960 г. до 1,7–1,9 в 1973 г. и 1,2–1,3 в 1990–1996 гг.

Что касается проблемы рассогласованности изменений в отраслевых структурах производства и занятости, то интенсивность сдвигов в структуре производства ВВП развивающихся государств возросла по сравнению с периодом их колониального и полуколониального существования в 2–2,5 раза, во столько же раз превысив соответствующие средние показатели по странам Запада и Японии

в период промышленного переворота в них. Еще больше (в 8—10 раз!) ускорились темпы изменений в отраслевых пропорциях распределения занятости. В 1960—1990-е гг. развивающиеся страны по этому индикатору значительно опережали ныне развитые страны на этапе их промышленного «рывка» (соответственно 0,9—1,0 и 0,3—0,4 % в год).

Если в первой половине XX в. в колониях и полуколониях наблюдалась значительная разнотемповость в изменениях отраслевой структуры ВВП и занятости (0,4 и 0,1 % в год), то в последние три-четыре десятилетия ситуация в развивающихся странах во многом изменилась. В условиях осуществления, а в ряде государств — завершения первичной индустриализации, широкого развертывания процессов урбанизации, а также «сервисизации» их экономики была достигнута определенная согласованность в динамике приведенных выше показателей. При этом во многих периферийных и полупериферийных странах темпы прироста сдвигов в структуре занятости стали опережать изменения в пропорциях производства. Феномен такого рода «опережения» наблюдался в ныне развитых государствах в XX столетии, приняв ярко выраженный характер в послевоенный период.

Кроме того, вопреки некоторым из имеющихся представлений, ускорение темпов экономического роста развивающихся стран (примерно с 1,5—1,7 % в год в 1900—1950 гг. до 5,0—5,4 % а 1950—1998 гг.) было связано не столько с увеличением вклада индустриального, сколько третичного сектора экономики (соответствующие вклады аграрной сферы, промышленности, включая строительство, а также сектора услуг в повышение темпов общеэкономического роста составили соответственно 5-7 %, 37-39 и 55—57 %). Данные пропорции важнейших секторных источников экономического роста в гораздо большей мере характерны для постиндустриальной модели развития.

Отмеченные тенденции свидетельствуют не только о значительных темпах трансформации обществ развивающихся стран, но и об относительно быстром — по историческим меркам — вызревании сравнительно эффективных экономических структур. В этой связи достаточно убедительными представляются следующие данные.

Если в 1900—1950 гг., когда наблюдался процесс относительной аграризации структуры занятости в периферийных странах, а темпы их экономического роста были сравнительно низкими, вклад межсекторного перераспределения рабочей силы в увеличение их ВВП был отрицательным, то в 1960—1998 гг. этот показатель составил 20—25 %, что вдвое превышает соответствующие данные по ныне развитым государствам в период промышленного переворота

и первые послевоенные десятилетия. В результате перемещения занятости в отрасли с более высокой капиталовооруженностью и продуктивностью труда темпы роста народнохозяйственной производительности труда в развивающихся странах увеличились по сравнению с колониальным периодом более чем наполовину, а соответствующий показатель динамики ВВП возрос на 2/5.

Хотя в афроазиатских и латиноамериканских обществах традиционный сектор по абсолютным и относительным размерам остается весьма внушительным, доля нетрадиционных видов хозяйства в общей численности занятых периферийной зоны (без Тропической Африки) повысилась с 30—35 % в 1970—1975 гг. до 50—55 % в 1990—1995 гг. При этом удельный вес современного сектора вырос примерно с 1/10 до 1/5, а промежуточного — с 20—25 до 30—35 %. Эти показатели (первая половина 1990-х гг.) в среднем были значительно выше для латиноамериканских государств (соответственно 28—32 и 45—50 %), несколько ниже для стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока (20—25 и 38—42 %) и существенно ниже для Южной и Юго-Восточной Азии — 15—17 и 25—30 % (в Тропической Африке доля современного сектора в общем числе занятых не превышала в середине 1990-х гг. 10—12 %).

Чтобы оценить масштаб перемен в развивающемся мире, сопоставим приведенные выше показатели с данными исторической статистики по развитым странам. В странах Запада доля собственно традиционного сектора (в котором использовались не машинные, а инструментальные технологии) в одной из наиболее передовых отраслей производства — обрабатывающей промышленности составляла в общей численности занятых в 1860 г. 50—60 % и в 1913 г. 30—40 %. Если учесть данные по другим отраслям экономики, можно обнаружить, что к началу первой мировой войны, когда промышленный переворот в ряде ключевых звеньев народного хозяйства большинства западных стран завершился, удельный вес современного сектора в общей численности их занятого населения достигал 20—25 %, а промежуточного — 35—40 %. При этом перевод на индустриальные методы большинства отраслей первичного и третичного секторов экономики стран Южной и Западной Европы не был полностью закончен ни в межвоенный период, ни в первые годы после второй мировой войны.

Это означает, что охват их населения современными формами занятости не был полным, а кое-где (Греция, Португалия, Ирландия, Испания, Южная Италия) сохранялись достаточно заметные «очаги» полутрадиционных форм производства.

Таким образом, нестабильность, неравномерность, рассогласованность, а также «очаговый» характер современного экономического

роста свойственны как для развивающихся, так и для ныне развитых стран на этапе их промышленного «рывка». Более того: многие развивающиеся страны в целом значительно быстрее преобразуют свои отсталые, традиционные структуры производства и занятости, чем государства Запада и Япония в XIX — начале XX в., и даже опережают последних по темпам отмеченных преобразований в послевоенный период.

Следует особо подчеркнуть возросшую, во многом катализирующую роль внешнеориентированного развития и собственно экспорта в хозяйственном подъеме отсталых стран, значительные сдвиги, произошедшие в его структуре (в целом по развивающемуся миру доля готовых промышленных изделий возросла с 1/10 в начале 50-х гг. до 1/6 в середине 60-х гг. и свыше 2/3 во второй половине 90-х гг.), стимулирующее воздействие в этом процессе филиалов ТНК, обеспечивающих приток новых (пусть не всегда новейших) технологий и передового опыта.

Наиболее интенсивно происходило наращивание чистого притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в развивающиеся страны в 1990-е гг. — он вырос в 8 раз. В результате доля этих стран в общемировом объеме ПИИ увеличилась с 12—14 % в 1988—1990 гг. до 36-38 % в 1997—1999 гг. Однако распределение ПИИ остается крайне неравномерным — 80 % их объема приходится на 20 стран, в том числе около половины — всего на 5 стран (в 1998 г. в КНР объем накопленных ПИИ превышал 260 млрд. долларов, что примерно в 6 раз больше, чем для Тропической Африки). ТНК и их филиалы контролируют значительную часть экспорта развивающихся стран. В азиатских новых индустриальных странах (НИС) этот показатель составляет в среднем около 1/3, а в КНР — 44-46%.

Отмечая существенную роль внешнего спроса в экономическом развитии стран Востока и Юга, полезно, однако, учитывать, что в целом по афро-азиатской и латиноамериканской полупериферии ускорение темпов роста ВВП в 1950—1990-е гг. лишь частично может быть связано с эффектом экспортрасширения. В целом же доля развивающихся стран в мировом экспорте возросла меньше, чем в мировом ВВП — с 23—24 % в начале 1960-х гг. до 28—29 % в конце 1990-х гг., что говорит о сравнительно невысоком уровне интеграции большинства из них в мировое хозяйство.

Не менее важное значение имело расширение внутреннего спроса. За счет этого фактора в 1960—1996 гг. было обеспечено в Таиланде 84—86 %, в Индонезии 90—91 %, в Индии и КНР — 94—96 % прироста ВВП. Успешное развитие внутреннего рынка (речь при этом идет не только об импортозамещающих, но и импортупреждающих производствах) во многом зависело от создания нормальных

условий для функционирования множества мелких и средних предприятий на конкурентной основе, что предполагало огромные усилия государства и общества по формированию надежных правовых и экономических институтов.

В целом можно констатировать, что достаточно высоких и устойчивых результатов в экономическом развитии добились страны, проводившие политику дозированного либерализма, стимулировавшие как экспорториентированные, так и импортзамещающие/импортупреждающие производства. Такое сочетание позволило им не только не подорвать местное производство, но и обеспечить повышение его международной конкурентоспособности в соответствии с принципами динамических (а не статических) сравнительных преимуществ.

Здесь, вероятно, уместно вспомнить, что большинство стран Запада и Япония в период своего созревания до уровня развитых государств, т.е. в эпоху промышленного «рывка» в XIX — начале XX в. наращивали свою экономическую мощь и экспорт, проводя политику достаточно жесткого, хотя и выборочного протекционизма, нацеленного на всемерное укрепление внутренних и внешних позиций национальной индустрии и других секторов экономики.

Хотя в современных условиях правительства западных стран, представители МВФ, Всемирного банка и Всемирной Торговой Организации (ВТО) активно выступают за повышение степени внешнеэкономической открытости в странах Востока и Юга, на практике США и западноевропейские государства нередко прибегают к протекционистским мерам. Часто устанавливаются весьма высокие и даже запретительные пошлины на импортируемые из развивающихся стран текстильные и продовольственные товары и металлы. Все это свидетельствует о наличии элементов двойного стандарта во внешнеэкономической политике развитых государств. К тому же страны Запада и Япония осуществляют активную протекционистскую политику в отношении своих рынков рабочей силы.

**Накопление
физического и
человеческого
капитала,
усиление интен-
сивных факторов
роста**

Вопреки пессимистическим прогнозам ряда экспертов, особенно леворадикального толка, вычертивших еще в 50-60-е годы XX в. каскады «порочных» кругов отсталости и бедности развивающихся стран, некоторые из них и в особенности страны Восточной и Юго-Восточной Азии достигли значительных успехов в наращивании физического и человеческого капитала. Норма валовых капиталовложений, едва ли превышавшая в колониальных и зависимых странах в 1900—1938 гг. 6—8 % их ВВП, возросла в среднем по развивающемуся миру с 10—12 % в начале 1950-х гг. до 25-26 % в 1980—1996 гг. В целом группа развивающихся стран по этому показателю перегнала

развитые государства. Доля инвестиций в ВВП достигла в 1996 г. в Индонезии 32 %, в Южной Корее 38 %, в Малайзии, Таиланде и КНР 41-42 %. Примечательно, однако, что относительно быстрые темпы роста ВВП, зафиксированные в среднем по группе развивающихся стран в 1980—1990-е гг., были обусловлены не только повышенной нормой, но также и сравнительно более высокой эффективностью капиталовложений, которая в отмеченный период была больше, чем в развитых государствах.

Увеличение нормы капиталовложений в целом по группе афроазиатских и латиноамериканских стран в 1950—1990-е гг. произошло, несмотря на пессимистические прогнозы, в основном за счет внутренних источников финансирования, тогда как доля притока иностранного капитала не превышала в среднем 10—15 %. Это не больше, чем во многих развитых странах второй «волны» капиталистической модернизации.

В то же время было бы неправильно недооценивать значение внешних инвестиционных ресурсов в финансировании внутренних капиталовложений многих периферийных стран, особенно на начальных этапах их развития. В этой связи нельзя не вспомнить, например, о солидном вкладе американской помощи Южной Корее и Тайваню в 50-х — первой половине 60-х годов XX в., без которой модернизация этих стран была бы крайне затруднена (если не невозможна).

В отличие от ряда крупнейших стран развивающегося мира, таких как КНР, Индия, а также Бразилия, Мексика, и азиатских НИС, в основной массе периферийных государств доля внешних источников финансирования капиталовложений по-прежнему достаточно высока. В 1995—1997 гг. соответствующий индикатор достигал в Турции, Пакистане, Марокко и Египте 25—33%, в Бангладеш и Вьетнаме 43—53%, в наименее развитых странах (Тропической Африки) — в среднем 40—70%.

Процессы либерализации и приватизации, активизировавшихся во многих развивающихся экономиках в 80-90-е годы XX в., вызвали существенное увеличение доли частных инвестиций в общем объеме внутренних капиталовложений, что в целом являлось немаловажным фактором повышения их абсолютного уровня и нормы. В среднем по развивающемуся миру доля частных инвестиций повысилась с 58—60 % в 1980 г. до 68—70 % в 1996—1997 гг. в общем объеме внутренних капиталовложений, что в целом являлось немаловажным фактором повышения их абсолютного уровня и нормы. Доля частных инвестиций повысилась в 1980—1996 гг. в Пакистане с 36—37 до 52—53%, в Египте — с 30—33 до 59-60%, в Индонезии — с 56—57 до 75-77%, в Таиланде — с 68-69 до 77—78%, на Филиппинах — с 68-69 до 79-81%. В начале 1995/96 гг. он достигал в Южной Корее 74-76%, в Турции, Мексике, Аргентине и Бразилии 79—86%.

Существенный рост внутренних сбережений в странах Азии, Африки и Латинской Америки, а также привлечение ими внешних средств привели к быстрому развитию их финансовых рынков. Если в среднем по ведущим странам Запада и Японии объем рыночной капитализации (в % от ВВП) увеличился

в 1990—1996 гг. примерно на 2/5, то в развивающихся странах он за отмеченный период почти удвоился, в КНР — с 0,5 до 14%, в Египте и Марокко — с 3—4 до 21—24%.

Развитие фондовых рынков сопровождалось также определенным прогрессом в эволюции банковского сектора. Сам по себе этот рост по ряду развивающихся стран (и субрегионов), в которых он наблюдался, — важное, быть может, необходимое, но еще не достаточное условие повышения эффективности их экономик. Но в целом указанные перемены отражают возросшую роль финансовых систем, прежде всего в азиатских странах, способствующих аккумуляции и передислокации индивидуальных, семейных и институциональных сбережений.

Одновременно со значительным увеличением инвестиций в основной капитал для многих развивающихся стран был характерен существенный рост затрат на формирование человеческого потенциала. Хотя удельный вес государственных расходов в общих инвестициях в человеческий капитал в среднем по этим странам не превышал, как правило, 40-60 %, а в ряде стран имел тенденцию к снижению, государственная поддержка сфере образования и здравоохранения была достаточно весома (судя хотя бы по процентному вкладу в ВВП) и в целом эффективна, так как способствовала привлечению частных инвестиций в отмеченную сферу. Совокупные частные и государственные расходы на образование, здравоохранение и НИОКР, не превышавшие в развивающихся странах в начале 60-х годов 4—5 % ВВП (в 1920—1930-е гг. — 0,8—1,5 %), возросли в среднем до 10—11 % ВВП в 1994—1996 гг.

При этом данные по странам Востока и Юга существенно варьировались. В наименее развитых государствах, основной массе стран Тропической Африки совокупные расходы на формирование человеческого капитала составляли не более 6-8 % их ВВП. Сравнительно невысоким был и показатель в ряде крупных, густонаселенных стран. В Индонезии, Пакистане и КНР отмеченный индикатор (8—9 %) и в Индии (10—10,5 %) был ниже, чем, например, в Таиланде, Аргентине, Бразилии и Мексике (11—12 % ВВП). По Тайвань и Южной Корее удельные затраты на развитие человеческого фактора, достигавшие, по неполным подсчетам, соответственно 13—14 и 14—15 % ВВП, были сопоставимы с индикаторами по Великобритании (14,4 %), Японии (15,4 %) и Италии (15,9). В то же время Тайвань и Республика Корея заметно уступали Германии (16,7 %), Франции (18,1 %) и США (24,0 % ВВП).

Если учесть хотя бы частично некоторые неформальные виды обучения, например, профподготовку, обеспечиваемую предприятиями, то отмеченный показатель в 1994—1998 гг. мог составлять по Тайвань и Южной Корее примерно 18—19 % их ВВП, в Японии — 20—21 %, а в США — 30-31 % ВВП.

В целом по афроазиатским и латиноамериканским государствам доля инвестиций в совокупный фонд развития (в % к ВВП, расчет по данным в национальных ценах) выросла значительно — с 7–10 % в 1920–1930-е гг. до 19–20 % в начале 1960-х гг. и примерно 35–37 % в середине 1990-х гг. Однако этот показатель все еще существенно меньше, чем в среднем по развитым странам. В то же время азиатские НИС в целом опережали развитые государства как по норме традиционных капиталовложений, так и по доле фонда развития в ВВП (50–51 %). Подчеркнем при этом, что среди «тигров»-«драконов» также наблюдалась значительная дифференциация. По Индонезии последний показатель составил 40–41 %, по Тайваню 41–42 %, в КНР 50–51 % (для сравнения в Индии 35–37 %), в Малайзии — 53–54 %, в Таиланде и Южной Корее 56–57 % ВВП.

Успехи развивающихся стран и азиатских НИС несомненны. Однако у них сохраняется не вполне сбалансированная структура накопления физического и человеческого капитала. Если в развитых государствах доля последнего в фонде развития в целом превысила 1/2 (здесь различаются две модели: в США она достигла 65–66 %, в Японии лишь 41–42 %), то в целом по развивающемуся миру ситуация иная. Отмеченный индикатор вырос с 14–15 % в 1920–1930-е гг. до 23–24 % в начале 1960-х гг. и 28–29 % в середине 1990-х гг., но он значительно (почти вдвое) ниже, чем в развитых странах.

Интересно, что в целом по группе азиатских «тигров» на долю инвестиций в развитие человеческого потенциала затрат было меньше, чем в среднем по развивающемуся миру (это во многом объяснялось повышенным удельным весом расходов на обычные капиталовложения). Чрезвычайно низкие показатели в Индонезии (20–21 %), Таиланде и Малайзии (22–25 %). К этой группе, вероятно, примыкает и Южная Корея, хотя данные по ней все же больше — 32–33 %. Наиболее благоприятное соотношение компонентов общего капиталонакопления — по Тайваню, где вышеупомянутый показатель достигал 43–44 %.

Хотя разрыв по сравнению со странами Запада значителен, Тайвань, возможно, догнал или, с поправкой на ориентировочность расчетов, максимально приблизился в данном измерении к Японии, намного опередив новейшие индустриальные страны — Индонезию, Таиланд и Малайзию, а также КНР (17–18 %) и Индию (29–31 %). Представляется, что сложившаяся в большинстве азиатских НИС структура накопления, быть может, приемлемая в целом для периферийных государств, базирующихся на экстенсивно-интенсивной модели роста, не вполне адекватна для перехода на более интенсивную модель развития.

Согласно расчетам, выполненным по шести ведущим капиталистическим странам (США, Япония, Великобритания, Германия, Франция и Италия), доля «невещественного» человеческого капитала (капитализированные расходы на образование, профподготовку, НИОКР и развитие здравоохранения) в их совокупном национальном богатстве выросла с 9 % в 1913 г. до 12—13 % в 1950 г. и 29—31 % в 1996 г. Немалый прогресс отмечался и в группе крупных развивающихся стран (Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия и Египет), где она в целом выросла соответственно с 1 % до 3 и 10—11 %. То есть, если в развитых странах отмеченная пропорция их национального богатства увеличилась втрое-вчетверо, то в периферийных и полупериферийных странах Востока и Юга она выросла по порядку (примерно в десять раз), и относительный разрыв как будто сократился — был девятикратным, стал трехкратным (правда, одновременно увеличилось отставание слаборазвитых стран от передовых по уровню подушевого дохода и национального богатства). Однако, из приведенных данных можно сделать и другой вывод. В начале XX в. абсолютный разрыв по доле «невещественного» человеческого капитала в национальном богатстве между передовыми и слаборазвитыми странами не превышал в целом восьми процентных пунктов, а в конце столетия он уже составил 19—20 процентных пункта, то есть вырос в два-три раза. По этому весьма важному структурному параметру развивающиеся страны еще не достигли «рубежей» развитых стран полувековой (а многие из них и вековой) давности.

Симптоматично, что подобная закономерность просматривалась и по бывшему СССР, в котором за годы советской власти в результате проведения форсированной индустриализации, наращивания инвестиций в ВПК, а также иных преобразований произошли крупные сдвиги в структуре совокупного производительного капитала: существенно, в 2,7-3 раза повысился удельный вес физического капитала (основных производственных фондов и материальных запасов) в национальном богатстве (примерно с 13 до 35 %), а также «невещественного» человеческого капитала — с 4 до 12 %. При этом прирост первого показателя составил около 22 проц. пунктов (!), а второго — 8 пунктов. Иными словами, происходило преимущественное наращивание не столько интеллектуальных, сколько материально-вещественных компонентов производительных сил. Подобная модель развития была характерна в целом для периферийных стран в XX в. и для ныне развитых государств примерно до последней трети-четверти XIX в. В XX в. странах Запада и Японии опережающими темпами увеличивалось количество и качество человеческого «невещественного» капитала. Что касается СССР, то он по структуре важнейших компонентов совокупного производительного богатства в конце 80-х гг. XX в. оказался заметно ближе не к развитым, а периферийным странам.

Наращивание инвестиций в физический и человеческий капитал способствовали значительному ускорению динамики не только количественных, но и качественных составляющих экономического роста развивающихся стран. По сравнению с 1900—1938 гг. среднегодовые темпы прироста капиталовооруженности труда в периферийных и полупериферийных странах в 1950—1996 гг. выросли примерно в 3,4 раза. Но поскольку темпы увеличения средней капиталоемкости роста повысились лишь в полтора раза, то темп

прироста производительности труда увеличился в среднем в пять-шесть раз, а совокупной факторной производительности (труда и капитала) — в 8—9 раз.

Это значительный успех: последний показатель оказался в полтора раза больше, чем в странах Запада и Японии в период их «промышленного рывка». (Но примерно во столько же раз он уступает средневзвешенному индикатору по ведущим капиталистическим странам на этапе их послевоенного развития). В результате по сравнению с первой половиной XX столетия в развивающемся мире заметно, в среднем вдвое, повысился относительный вклад интенсивных составляющих экономического роста.

Разумеется, далеко не во всех развивающихся странах наблюдались высокие и устойчивые темпы роста производительности. При этом, как выясняется, и во многих быстро развивавшихся странах восточноазиатского региона, в которых высокими темпами наращивалось капиталонакопление и затраты живого труда, вклад производительности в прирост ВВП был в целом не выше, а в некоторых из азиатских НИС даже ниже, чем в среднем по развивающимся государствам. В 1950-х — середине 90-х годов, на долю интенсивных составляющих приходилось от 1/5 до 1/3 прироста ВВП в таких странах, как Индонезия (19—21 %), Южная Корея (28—30 %), Таиланд (33—34 %).

Этот индикатор в Индонезии существенно не отличался от соответствующих данных по Бразилии и Аргентине (15—19 %), а также КНР и Мексике (21—22 %); по Южной Корее и Таиланду он оказался сопоставим с показателем по Индии (30—31 %). Но даже по Тайванью доля интенсивных факторов в приросте ВВП (в 1952—1995 гг. 43—44 %) была заметно меньше, чем в большинстве развитых стран: в Великобритании и Японии 52—57 %, во Франции 61—62 %, в Италии и Германии 66—70 %.

По относительному вкладу совокупной производительности в прирост ВВП народнохозяйственные модели азиатских НИС были экстенсивно-интенсивными, при всех немалых различиях между ними, тогда как в развитых странах, значительно больше продвинувшихся по пути формирования информационно-инновационной экономики, модель развития стала уже иной — интенсивно-экстенсивной.

Вместе с тем полезно иметь в виду, что немалая часть роста совокупной производительности в азиатских НИС и в ряде других стран Востока и Юга, в которых вообще наблюдалось увеличение эффективности экономики, связана с так называемым эндогенным, материализованным НТП — повышением качества труда и капитала, а также с передислокацией основных учтенных ресурсов из от-

раслей с низкой эффективностью использования ресурсов в отрасли с более высокой ресурсоотдачей. В среднем по азиатским «тиграм», ряду других крупных и средних быстроразвивающихся стран на первые два компонента пришлось 40—45 %, а на третий — 30—35 % прироста совокупной производительности.

Таким образом, доля так называемого нематериализованного НТП (организационно-институционально-инновационные факторы) в приросте совокупной производительности, которая в развитых странах в послевоенный период в среднем достигала 40—60 %, а временами — 65—75 %, не превышала в азиатских НИС и в ряде других динамичных развивающихся государств 20—30 %. Следовательно, не только рост ВВП, но и увеличение производительности у «тигров» и азиатских «драконов» (например, Китая и Индии) было связано преимущественно с количественными факторами.

Неоднозначные социальные и экономические итоги развития	Если в итоге сравнить уровни развития периферийных и полупериферийных стран (без учета восточноевропейских государств), с одной стороны, и передовых стран — с другой, то можно обнаружить, что в течение почти двух последних столетий разрыв в средних показателях подушевого ВВП увеличивался в пользу индустриально развитых стран: с 1:1,4—1,8 в 1800—1820 гг. до 1:4,5—5 в 1913 г., 1:7,8-8,2 в 1950 г. и 1:9,8—10 в 1973 г. Ввиду замедления темпов экономического роста в странах Запада и Японии с 1970-е гг., отмеченный разрыв сократился, но незначительно — до 1:9,0—9,5 в 1980 и 1990 гг. И лишь в 1990-е гг., когда на фоне экономической стагнации в Японии и достаточно низких показателей прироста ВВП в Западной Европе происходил существенный экономический подъем в Китае, Индии и примерно полутора десятках других развивающихся стран, рассматриваемый показатель стал существенно уменьшаться — примерно до 1:6,8—6,9 в 1996—1997 гг., оказавшись в результате несколько ниже отметки 1950 г.

Однако средние цифры скрывают весьма разноплановые тенденции, наблюдаемые в развивающемся мире. В 1950—1996 гг. относительный уровень развития (подушевой доход в процентах от аналогичного индикатора США) повысился, например, по Южной Корее и Тайваню в 6,2-6,4 раза (достигнув в 1996 г. соответственно 44-45 и 50-51 %). Отмеченный показатель в Таиланде, КНР и Индонезии увеличился в 3,7; 2,4 и 1,9 раза (соответственно до 25-26 %, 12 и 14—15 %), а в Бразилии и Индии он вырос всего лишь в 1,1—1,2 и 1,2—1,3 раза (до 20—21 и 6—7 %). В то же время в Мексике рассматриваемый показатель практически не изменился (24—

25 % от уровня США), а в Аргентине он сократился с 44—45 до 31—32 %, (Он снизился также в нескольких десятках других периферийных стран).

Вопреки ряду пессимистических прогнозов, сделанных еще в 50—60-е годы многие периферийные страны достигли, в целом существенного прогресса в социально-культурной сфере, в развитии человеческого фактора. Доля населения, живущего за чертой бедности, определяемой в соответствии с национальными критериями, сократилась в 1960—1990/1995 гг. в целом по афроазиатскому и латиноамериканскому миру с 45—50 % до 24—28 %, в том числе в Индии с 55—56 до 35—40 %, в Пакистане — с 52—56 % до 30—34 %, в Таиланде — с 57—59 до 13—18 %, в Бразилии — с 48—52 до 17—19 %, в Южной Корее — с 38—42 до 4—6 %. Этот индикатор понизился в 1970—1990/1995 гг. в КНР — с 33—39 до 8—12 %, в Индонезии — с 58—60 до 15—17 %, в Бангладеш (1980—1996 гг.) с 81—83 до 35—38 %. Вместе с тем доля населения, живущего в нищете, во многих странах Тропической Африки все еще составляла в первой половине 1990-х гг. 35—65 %.

Эти расчеты и оценки выполнены в соответствии с национальными критериями бедности. По международным критериям (процент населения, живущего менее чем на 1 доллар в день, в паритетах покупательной способности валют 1985 г.), ниже черты бедности в Индии в конце 80-х — начале 90-х годов проживало примерно 1/2 населения, в КНР, на Филиппинах, в Бразилии и Нигерии — 23—31 %, в Мексике и Пакистане — 12—15 %, в Малайзии и Колумбии — 5—10 % населения.

Улучшение экономических и санитарных условий вызвало резкое сокращение младенческой смертности (хотя она остается весьма высокой по меркам развитых стран). В то же время в странах Тропической Африки она остается еще очень высокой, примерно в полтора раза больше, чем в среднем по развивающемуся миру.

Во многих развивающихся странах произошло феноменально быстрое увеличение средней продолжительности жизни, не имеющем аналогов в социально-культурной истории стран Запада и Японии. В среднем по развивающемуся миру она возросла в 1950—1996 гг. с 35 до 64—66 лет. Она почти удвоилась в Китае и Индии. Однако эти государства, а также Индонезия, Таиланд и Филиппины в среднем достигли лишь уровня передовых стран начала 50-х годов. В 1995 г. индикаторы по Южной Корее и Малайзии, ряду латиноамериканских стран соответствовали данным по развитым государствам четвертьвековой давности. Только Тайвань (75 лет), Сингапур (76 лет) и Гонконг (79 лет) действительно приблизились или оказались на уровне развитых стран.

Вместе с тем в наименее развитых государствах, в том числе странах Тропической Африки, продолжительность жизни (51—55 лет) все еще на 20-25 лет меньше, чем в передовых странах мира. К тому же хотя стандарты санитарно-медицинского обслуживания населения в странах Восточной, Юго-Восточной, Южной Азии и Латинской Америки заметно улучшились, по многим характеристикам его качества, доступности и распространенности, существует заметное, а в ряде государств значительное, отставание от развитых стран.

Возросшие инвестиции в человеческий фактор способствовали существенному, но далеко не одинаковому прогрессу периферийных государств в сфере образования, просвещения и профессиональной подготовки населения. В целом по развивающемуся миру в 1950—1980—1995 гг. показатель охвата обучением в средней школе повысился с 7% до 31 и 55%, а в высшей школе — с 1% до 8 и 12%. Чтобы оценить эти достижения, целесообразно их сопоставить с показателями по передовым странам. В последних соответствующие индикаторы составили 48—50%, 85—87 и 95—97% и 7—9% (в США — 22%), 30—32 (56%) и 47-49% (82%). Наиболее масштабный рост охвата обучением в средней школе наблюдался в Южной Корее — с 27% в 1960 г. до 74—75 в 1980 г. и 95-97% в 1995 г. (Такой же отметки достиг и Тайвань).

Весьма высокая «дифференциация успехов» обнаружилась по индикатору охвата обучением в высшей школе. В указанные годы он составил в КНР менее 1%, 1—2 и 4-5%, в Индии — 3%, 5 и 6—7%, в Малайзии — 1%, 4 и 8%, в Индонезии — 1%, 3-4 и 10—11%. В Таиланде и Гонконге (ныне Сянган) доля молодежи, охваченной обучением в колледжах и университетах, увеличилась больше — соответственно с 2% до 13 и 19-20% и с 4% до 10 и 22%. Действительно впечатляющие результаты у Тайваня (2% в 1952 г., 18—19% в 1986 г. и 30—32% в 1995 г.) и Южной Кореи (5% в 1960 г., 15—16% в 1980 г. и 51—53% в 1995 г.).

Южная Корея буквально прорвалась в ряды развитых стран, опередив по коэффициенту охвата обучением в колледжах и университетах (1995—1996 гг.) Италию, Японию, Германию, Швецию и Израиль (40—43%), Данию и Испанию (45—46%), Великобританию, Нидерланды, Бельгию и Францию (48—50%), уступив лишь Норвегии (55%), Новой Зеландии (58%), Финляндии (67%), Австралии (72%), США (81%) и Канаде (практически стопроцентный охват).

Если в странах Тропической Африки в середине 1990-х гг. рассматриваемый показатель не превышал в среднем 2—4%, то, например, в Бразилии он составлял 11—12%, в Мексике, Колумбии, Египте и Сирии — 14—18%, в Перу и Чили — 28—32% и в Аргентине — 38%.

Вопреки еще встречающимся суждениям, современный развивающийся мир, при всех имеющихся перекосах — это сообщество, сравнительно быстро утрачивающее признаки неграмотной периферии. Доля тех среди взрослого населения, кто хотя бы элементарно грамотен, составлявшая в среднем по развивающимся странам в 1900—1950 гг. 20—26 %, увеличилась с 35—37 % в 1960 г. до 47—49 % в 1970 г. и 53—55 % в 1980 г., достигнув к 1995—1996 гг. 72—74 %. Правда, рассматриваемый показатель был существенно выше в Латинской Америке, Восточной и Юго-Восточной Азии (83—87 %), ниже в странах Северной Африки и Ближнего Востока — 60—62 % и существенно ниже (50—57 %) по Южной Азии и Тропической Африке.

В связи с изложенным необходимо подчеркнуть одну особенность азиатских НИС, исключительно важную для объяснения их феноменального роста. Речь идет о сравнительно высоких исходных индикаторах развития человеческого фактора, в данном случае грамотности населения (в конце 50-х годов в Южной Корее, Тайване и Таиланде — 68-72 %), при куда более скромных показателях подушевого ВВП (в 1955—1959 гг. соответственно 11,3 %, 11,6 и 8,7 % от уровня США).

Во многих странах и регионах развивающегося мира в последние полвека достаточно быстро увеличивался показатель среднего числа лет обучения взрослого населения. В среднем по периферийным государствам он вырос примерно с полутора до семи лет. Однако, хотя по ряду стран, например, Южной Корее и Тайваню (14,5—15 лет) рассматриваемый индикатор уже находится на уровне передовых государств (и даже несколько выше, чем в Италии и объединенной Германии), в целом по развивающемуся миру, несмотря на сокращение относительного разрыва по отмеченному показателю с развитыми странами, абсолютный разрыв продолжал увеличиваться: если в 1950 г. в среднем по периферийным и развитым экономикам индикатор среднего числа лет обучения взрослого населения составлял соответственно 1,5 и 9,5 лет (разница — 8 лет), то в 1996—1997 гг. он достиг соответственно 7 и 16 лет (абсолютный разрыв — 9 лет).

Разумеется, такой агрегативный, расчетный индикатор, как среднее число лет обучения взрослого населения, даже будучи скорректировано на относительную цену года образования в начальной, средней и высшей школе, не учитывает множества других важных характеристик. Так, в частности, качество учебных программ и подготовки преподавателей в развитых странах существенно выше, чем в большинстве развивающихся стран. К тому же в последних процент потери учебного времени, связанный с пропусками занятий,

второгодничеством и отсевом учащихся в 3-7 раз больше, чем в центрах мирового хозяйства.

В целом можно констатировать, что по ряду важнейших показателей, отражающих развитие собственно человеческого фактора, периферийные страны подтянулись к стандартам передовых государств больше, чем по индикатору подушевого дохода. В результате по индексу человеческого развития, включающего помимо подушевого ВВП, продолжительность предстоящей жизни и среднее число лет обучения, разрыв между развитыми и развивающимися странами сократился в среднем в 1950—1996/1997 гг. в полтора раза и стал примерно трехкратным.

Вместе с тем, во-первых, важно учитывать не только количественные, но и глубокие качественные различия, сохраняющиеся (и даже возрастающие) в уровнях социально-экономического и информационно-инновационного развития стран Запада и Японии, с одной стороны, и большинства полу/периферийных стран — с другой. Например, в 1996 г. Бразилия, КНР и Индия по индексу человеческого развития составляли соответственно 40 %, 34 и 26 % от уровня США, а по индексу информационного развития включающего как обычные, так и современные средства коммуникаций, соответствующие показатели оказались равными 10 %, 2 и 1,5 %.

По имеющимся расчетам и оценкам, в середине 1990-х гг. подушевой индикатор человеческого капитала, материализованного в знаниях, навыках и физическом здоровье населения, в передовых странах, по меньшей мере в 25 раз превышал (без поправки на качество!) соответствующий показатель по крупным развивающимся государствам, а по уровню инвестиций в НИОКР в расчете на душу населения разрыв достиг 35-кратной величины.

Приведенные цифры, возможно, несколько занижены. Недоучтено значительное распространение в развитых странах неформального образования, а также других видов инвестиций в человеческий фактор, реализуемых в нерабочее время. К тому же не принята во внимание дифференциация в качестве обучения. Например, в Индии в 1980—1990-е гг. школьники и студенты усваивали не более 20-50 % общеобразовательной и научной информации, которую и получали учащиеся развитых стран.

Во-вторых, в 80—90-е годы XX в. число быстрорастущих развивающихся стран резко сократилось. В особенно бедственном положении оказался, за несколькими исключениями, регион Тропической Африки. Голод, нищета, болезни, этнические и межгосударственные конфликты, проявления геноцида — таков далеко не полный список человеческих трагедий, жертвами которых оказались десятки, а может быть, и сотни миллионов людей. По имеющимся оценкам, 36 и 41 % населения Тропической Африки проживает в странах, в которых в 1995 г. еще не был восстановлен уровень подушевого дохода, отмечавшийся там соответственно

в 1960 и 1980 гг. Отток капитала в процентах от общей стоимости частного национального капитала, составлявший в первой половине 90-х гг. в странах Южной Азии 2-4 %, Латинской Америки 10—17 %, в Тропической Африке достигал 37-39 %. Применительно ко многим миллионам бедствующих людей в Тропической Африке сами понятия экономического роста, наращивания человеческого капитала теряют всякий смысл. Мировому сообществу так или иначе придется столкнуться с необходимостью решения острейших проблем жизнеобеспечения в этих странах. Таково одно из реальных противоречий современного мира.

Кроме стран Тропической Африки, в целом замедлили темпы хозяйственного роста страны Северной Африки и Ближнего Востока, а также латиноамериканские государства. В результате финансово-экономического кризиса 1997—1998 гг. оказались отброшены (на несколько лет) назад ряд азиатских НИС, понизились темпы роста ВВП в КНР, на Тайване и Индии.

В-третьих, несмотря на отмеченные достижения, остались нерешенными острые экономические и социальные проблемы. Многие, как менее, так и более «удачливые» из развивающихся стран испытывают значительные экономические трудности, связанные с внушительными размерами внешней задолженности (общий размер которой превышает 2,2 трлн. долларов), оттоком (нестабильностью движения) иностранного капитала, неустойчивостью экспортных цен, ухудшением экологической ситуации. Кроме того, если обратиться к абсолютным показателям, то следует заметить, что в странах развивающегося мира в 1997—1998 гг. насчитывалось по меньшей мере 1,3 млрд. человек, живущих ниже порога бедности, около 900 млн. неграмотных; 1,5 млрд. человек лишены элементарной медицинской помощи, каждый третий ребенок до 5 лет голодает.

Сохраняются значительные социальные контрасты, а дифференциация доходов, измеренная индикатором Джини, в ряде периферийных стран в конце 80-х — первой половине 90-х гг. оказалась выше, чем в развитых странах: в Восточной и Юго-Восточной Азии в среднем — 0,40—0,45, в Тропической Африке — 0,45—0,55, в Латинской Америке — 0,50—0,60 (В Южной Азии рассматриваемый показатель был ниже — 0,35—0,40).

Таким образом, несмотря на трудности, сбои и попятные движения, в 1950—1990-е гг. несколько десятков развивающихся стран сумели в целом встать на рельсы современного экономического роста. Однако мир в последние два десятилетия стал быстро меняться, выставляя значительно более жесткие критерии странам догоняющего развития. Достигнутых успехов явно недостаточно, чтобы чувствовать себя уверенно, например, в группе ОЭСР

(финансово-экономический кризис в Турции в 1994 г., в Мексике в 1995 г., в Южной Корее в 1997—1998 гг.).

Сейчас, в обстановке резкого усиления глобализации экономических связей, что само по себе объективно не столько облегчает, сколько усложняет положение периферийных, неустойчивых экономик, происходит стремительное перерастание мировых производительных сил из индустриальных в научно-технические, или информационно-инновационные. В этих условиях дальнейший экономический прогресс развивающихся стран в немалой мере зависит от ряда обстоятельств. Прежде всего от того, насколько международные финансовые и торговые организации (МВФ, МБРР, ВТО и др.) способны обеспечить большую стабильность и предсказуемость экономической конъюнктуры. Одновременно усиливается необходимость большей ответственности национальных государств за обеспечение экономической безопасности, поддержание здоровой финансовой системы, соблюдение сбалансированности бюджетов и платежных балансов, минимальной инфляции и реалистичного обменного курса национальной валюты.

Роль рыночного саморегулирования народного хозяйства не стоит, однако, ни умалять, ни тем более фетишизировать. В развивающихся и отставших странах необходимы действенные государственные меры по решительной поддержке кредитами, субсидиями, льготным налогообложением приоритетных сфер — сельского хозяйства, мелкого и среднего бизнеса, экспортных отраслей, а также экономической и социальной инфраструктуры. Привлечение ТНК, а следовательно, использование передового опыта, технологий и коммерческих связей должно органически сочетаться с максимальной мобилизацией внутренних резервов, сокращением престижных, малоэффективных проектов, урезанием военных расходов, борьбой с коррупцией и хищениями (сопоставимыми в ряде развивающихся стран с размерами их внешней задолженности), усилением контроля за качеством продукции и рациональным использованием ресурсов, а также значительным наращиванием инвестиций в человеческий фактор и НИОКР.

Однако, пожалуй, самое трудное, но одновременно и наиболее перспективное направление с точки зрения обеспечения догоняющего (и вообще ускоренного) развития — формирование и совершенствование экономических, социальных, политических и правовых институтов, нацеленных на создание конкурентно-контрактной социально-экономической системы (адекватной традициям той или иной страны, а также современным международным условиям), стимулирующей квалифицированный, высокопроизводительный труд.

СТРАНЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

§ 8. Япония

**Послевоен-
ный оккупа-
ционный
режим (1945—
1952 годы)**

После вступления в войну с Японией Советского Союза и разгрома его войсками Квантунской армии правящие круги Японии приняли условия Потсдамской конференции о безоговорочной капитуляции. Вслед за этим Япония была оккупирована

американскими войсками, действовавшими от имени союзных держав. С этого времени и до вступления в силу в 1952 г. Сан-Францисского мирного договора верховная власть в стране находилась в руках США.

Политика союзных держав в отношении Японии была сформулирована в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. Декларация содержала требования об искоренении навсегда в Японии милитаризма, устранении всех препятствий к возрождению и укреплению демократических тенденций, установлении свободы слова, вероисповедания и мышления, а также уважения человеческих прав. В ней предусматривалось образование миролюбивого ответственного правительства в соответствии со свободно выраженной волей японского народа.

Тем не менее США сохранили в основном старый государственный аппарат во главе с японским императором, лишь слегка перестроив его. Посредством чистки административного аппарата американцы создали послушную им машину бюрократического управления.

США присвоили себе все важнейшие государственные функции. Они взяли в свои руки финансы, составление госбюджета, внешнюю торговлю, контролировали суды и полицейский аппарат, ограничили законодательную власть парламента. Японское правительство было лишено права устанавливать связи с другими странами, все функции внешней политики находились в руках оккупационных властей.

Уже в сентябре 1945 г. были распущены армия и карательные органы, националистические организации. Затем последовали предоставление рабочим права на создание профессиональных союзов, демократизация системы образования, ликвидация абсолютизма,

уравнение в правах женщин, демократизация экономики. Были распущены дзайба-цу (промышленно-финансовые концерны), проведена земельная реформа, уничтожено помещичье землевладение. Религия синто была отделена от государства, а 1 января 1946 г. император публично отрекся от мифа о божественном происхождении правящей династии.

В результате чисток от общественной и политической деятельности было отстранено свыше 200 тысяч человек, арестованы и преданы суду международного трибунала 28 главных военных преступников. Из тюрем были выпущены свыше 3 тысяч политических заключенных.

После капитуляции Японии вместо ушедшего в отставку кабинета Судзуки было создано правительство во главе с членом императорской семьи принцем Хигасикуни. Оно должно было максимально сохранить атрибутику старой Японии и свести к минимуму меры союзных держав. Это правительство продержалось только до начала октября 1945 г. и было заменено кабинетом Сидэхара, известного своей проамериканской ориентацией. В годы правления этого кабинета и были по директивам американцев осуществлены основные преобразования, в том числе проведены выборы в первый послевоенный парламент. В них приняли участие некоторые вновь образованные партии, включая партии левого крыла — Коммунистическую партию Японии и Социалистическую партию Японии, которые в дальнейшем стали играть существенную роль на политической арене.

Важной позитивной мерой по изменению государственного устройства Японии явилось принятие 3 ноября 1946 г. новой конституции, вступившей в силу 3 мая 1947 г. (действует по настоящее время). Она упразднила абсолютную монархию и фактически отстранила императора от политической власти, объявив его только «символом единства нации». Была провозглашена суверенная власть народа. Новым в практике буржуазного государственного права явилась декларация об отказе Японии «от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров».

По новой конституции гражданами стали считаться как мужчины, так и женщины, получившие равные с мужчинами избирательные права. Вводилось всеобщее избирательное право, упразднялась патриархальная семейная система, декларировались гражданские права.

Верхняя палата парламента стала выборной и получила название палата советников. Нижняя палата (палата представителей) была наделена по сравнению с верхней большими полномочиями.

Политическая партия, имеющая большинство депутатов в палате представителей, могла назначать премьер-министра. Если она обладала большинством в обеих палатах, то могла представлять парламенту предложения об изменении законов. Оппозиционные партии и профсоюзы в первые годы оккупации поддерживались американцами с целью укрепления демократических институтов. Однако с провозглашением «доктрины Трумэна» (1947 г.), положившей начало «холодной войне», они поставили своей задачей превратить Японию в бастион антикоммунизма, своего союзника в борьбе с СССР и коммунистическим Китаем. В этих условиях все организации левого толка (а в силу тяжелого экономического положения Японии профсоюзы вели активную борьбу с правительственным курсом по сдерживанию доходов населения) стали объектами репрессий.

После 1947 г., а особенно после начала войны в Корее (1950 г.) американцами стал проводиться так называемый «обратный курс». Он сводился к трем основным моментам: подавление оппозиционного, прежде всего профсоюзного и коммунистического, движения; пересмотр политики в отношении роспуска дзайбачу; начало перевооружения Японии. Были приняты репрессивные меры против радикальных движений (увольнение с работы, закрытие печатных органов и т.д.), запрещались забастовки. Американцы перешли к политике укрепления японской экономики. В 1950 г. в новогоднем послании премьер-министру Японии командующий оккупационными силами генерал Макартур отметил, что пацифистская 9 статья конституции не запрещает Японии иметь силы самообороны. После этого была принята программа создания 75-тысячного корпуса национальной полиции, ставшего основой для формирования новой армии.

Восстановление японской экономики было крайне медленным. В 1948 г., через три года после окончания войны, индекс промышленного производства Японии по отношению к 1937 г., взятому за 100, составлял только 52, тогда как в других побежденных странах он достигал — в Западной Германии — 100, в Италии — 98. Наиболее острой проблемой была инфляция, не только препятствовавшая восстановлению промышленного производства, но и вызывавшая социальные волнения. Другой их причиной была безработица, поскольку демобилизация армии и флота, возвращение из бывших колоний сотен тысяч переселенцев привели к появлению огромного количества «лишних» рабочих рук.

Восстановление экономики до 1949 г. шло в основном по линии правительственных субсидий крупным монополиям и американской помощи. Однако эти меры могли иметь лишь временный

характер, поскольку создавали положение, при котором, чем больше средств вкладывалось в промышленность для увеличения производства, тем сильнее росла инфляция. Деловые круги Японии не проявляли заинтересованности в изменении этого механизма, обеспечивавшего им большие инфляционные прибыли за счет использования государственных средств.

Поэтому в декабре 1948 г. последовало категорическое указание американского правительства штабу оккупационных войск о вводе в действие плана стабилизации. Он состоял из девяти пунктов, согласно которым японскому правительству вменялось в обязанность: 1) сбалансировать государственный бюджет, 2) увеличить налоговые сборы, 3) строго ограничить выдачу субсидий, 4) стабилизировать заработную плату, 5) установить контроль за ценами, 6) усилить контроль над внешней торговлей и иностранной валютой, 7) улучшить систему снабжения материалами, необходимыми для экспортных производств, 8) увеличить производство местного сырья и товаров для ограничения импорта, 9) улучшить систему продовольственных поставок.

В мае 1949 г. США аннулировали план взимания с Японии репараций, затем пересмотрели закон против монополий, открыв пути для концентрации производства и капиталов. Жесткие меры по обузданию инфляции, стабилизации денежного обращения, сбалансированию экспорта, получившие название «линии Доджа» (по имени главного экономического советника при штабе оккупационных сил) а также связанные с войной в Корее огромные американские военные заказы положили основу форсированному восстановлению и развитию тяжелой и химической промышленности Японии, обеспечили высокие темпы экономического роста в дальнейшем.

Сан-Францис- ский мирный договор

В сентябре 1951 г. была проведена Сан-Францисская мирная конференция. Она была организована правящими кругами США и Англии с целью осуществления формальной процедуры подписания представленного ими варианта мирного договора с Японией. Многие заинтересованные страны не были на нее приглашены либо отказались в ней участвовать (как Индия и Бирма) в знак несогласия с англо-американским проектом договора. В ходе конференции советская делегация выдвинула ряд предложений и поправок к договору, в том числе касающиеся четкого определения принадлежности отошедших от Японии территорий. После отказа принять во внимание возражения и поправки советской делегации она отказалась подписать мирный договор, классифицировав его как сепаратную договоренность между правительствами США и Японии.

В соответствии с Каирской и Потсдамской декларациями, Ялтинским соглашением и решениями Дальневосточной комиссии Сан-Францисский мирный договор закрепил отказ Японии от Южного Сахалина, Курильских островов, Тайваня, островов Пэнху-дао и некоторых других территорий, но не указал на их нынешнюю национальную принадлежность.

Одновременно с мирным договором в Сан-Франциско был подписан «договор безопасности» между США и Японией, по которому США получили право держать в Японии свои войска и после заключения мирного договора. Согласно «договору безопасности» американцы брали обязательства не только по обороне Японии, но и по подавлению в ней внутренних волнений, а также оговаривали необходимость развития японских сил самообороны.

**Япония в
постоккупаци-
онный период
(1952 — середи-
на 1960-х годов)**

Заключение мирного договора покончило с периодом оккупации — возвращение Японии суверенитета стало важным рубежом в жизни страны и открыло новый этап ее развития. В то же время рост политической самостоятельности неизбежно привел к усилению тенденции консерватизма

попыток правящих кругов пересмотреть некоторые демократические завоевания и реанимировать старые порядки.

Возрождались широко известные прежде финансово-промышленные группы (Мицуи, Мицубиси и др.), изменившие свою организационную структуру, но по-прежнему пытающиеся контролировать экономический мир Японии. Была проведена амнистия лицам, подвергшимся чисткам в послевоенное время. Были усилены полицейские законы, ограничены права на проведение демонстраций забастовок. Уже в августе 1952 г. премьер Есида объявил в одной из речей, что целью правительства является создание новой японской армии.

С этого времени на долгие годы сложился политический механизм Японии, возглавлявшийся объединенным лагерем консерваторов и имевшим прочный противовес в виде ряда прогрессивных партий и прежде всего Социалистической партии Японии (СПЯ).

В качестве лидера единой ЛДП (Либерально-демократическая партия, созданная на основе объединения Демократической и Либеральной партий в 1955 г.) премьер-министр Хатояма сформировал свой третий кабинет. Единство консервативного лагеря, успешное развитие преодолевшей кризис экономики страны, позитивные изменения на международной арене позволили правительству Хатоямы проводить довольно самостоятельный по отношению к США

курс. В частности, оно предприняло шаги по налаживанию отношений с СССР. Этот шаг считался крайне важным для улучшения внешнеполитической репутации Японии и решения проблемы вступления в ООН, а также для налаживания выгодного экономического сотрудничества с соседним государством, особенно в области рыболовства. Несмотря на сложные переговоры с Москвой и прямое противодействие США, в октябре 1956 г. была подписана Совместная декларация СССР и Японии, провозгласившая восстановление мира и заложившая основу для нормализации взаимоотношений. Выполняя свои обещания, данные в ходе переговоров, СССР поддержал просьбу Японии о вступлении в ООН и в декабре 1956 г. она стала членом этой организации.

В Совместную декларацию был включен и пункт, касающийся территориальных претензий Японии к СССР. Не подвергая сомнению правомочность своего владения Южными Курилами, Советский Союз соглашался на передачу Японии после подписания мирного договора двух островов.

Внешняя политика Японии в эти годы существенно активизировалась, хотя по-прежнему следовала в фарватере внешнеполитического курса США. В самой Японии большой размах приняли антиамериканские настроения. В 1956 г. в стране находилось 675 военных объектов США, занимавших немало плодородных земель и затруднявших жизнь мирного населения.

По этим обстоятельствам, а также в связи с усилением военной мощи СССР, вследствие чего Япония могла в случае американо-советского конфликта стать объектом ответного удара, росло всеобщее недовольство «договором безопасности» с США. Движение против этого договора приобретало всенародный характер и стало эффективным оружием оппозиции в борьбе против консервативных кабинетов. Поэтому правительством был подготовлен и подписан в январе 1960 г. новый договор, придавший американо-японским военно-политическим отношениям характер военного союза. Япония брала на себя заметную ответственность за стратегию США на Дальнем Востоке, могла вести совместно с ними вооруженные действия, предоставляла для американцев базы на своей территории. Токио взял на себя обязанность наращивать свой военный потенциал, в связи с чем США обещали экономическое сотрудничество в производстве вооружений.

С учетом присоединения Японии в качестве союзника к военно-политическому курсу США в Азии и предоставления американцам обширных прав на использование японской территории в военных целях правительство СССР аннулировало свои обещания о возможной передаче Японии двух островов Южных Курил.

С 1960-х годов существенно возросла экономическая мощь Японии, выдвинувшейся к 1970 г. на второе после США место в капиталистическом мире, что привело к росту противоречий в этой сфере с США и развитыми государствами Западной Европы. В это же время окончательно сформировалась так называемая «полуторапартийная система», в которой противовесом постоянно находящейся у власти ЛДП стала столь же постоянно находящаяся в оппозиции СПЯ, в течение многих десятилетий не имевшая реальных шансов перехватить власть у консерваторов.

Новый кабинет, возглавленный Икэда Хаято, принадлежавший к числу наиболее видных консервативных политиков, учел как ошибки своих предшественников, так и новые возможности, открываемые ускоренным экономическим ростом. Икэда стремился проводить гибкий внутривнутриполитический курс и снизить накал классовых столкновений путем разного рода диалогов противоположных сил. Эта тактика, направленная на внутривнутриполитическую стабилизацию общества, получила название политики, «проводимой в согнутом положении» (тэйси-сэй).

Не изменяя основных ориентиров внешней политики, кабинет Икэды большое внимание стал уделять расширению связей со странами Азии, в том числе путем выплаты репараций тем из них, которые пострадали от японской оккупации. Зачастую эти репарации выплачивались в виде целевых сумм на строительство промышленных предприятий и объектов инфраструктуры и помогали японскому капиталу закрепиться на рынках азиатских государств.

После кризисных явлений 1953—1954 гг. в Японии начался экономический подъем, получивший наименование «процветание Дзимму». Он продолжался до 1957 г. и оказал значительное влияние на формирование структуры послевоенной экономики страны. Одним из основных факторов подъема японской экономики в эти годы стало массовое обновление основного капитала. Другой важной причиной быстрого развития явилось наличие высококвалифицированной рабочей силы, оплачиваемой гораздо ниже, чем в США и странах Западной Европы. Росту производства способствовало также расширение внутреннего рынка, вызванное последствиями земельной реформы и ростом доходов городского населения в результате упорной стачечной борьбы.

Характерной чертой японского экономического роста стало заимствование иностранных научно-технических достижений. Япония не только импортировала новейшую технику, но и перешла к широкой закупке патентов и лицензий на технологии, экономя тем самым время и средства на научно-технических исследованиях.

Определенное влияние на экономические процессы оказывало государственно-монополистическое регулирование. Оно осуществлялось в различных формах, например, путем бюджетной, налоговой, кредитно-денежной политики, созданием благоприятных условий для приоритетных отраслей экономики. В совокупности все эти факторы обеспечили высокие и устойчивые темпы развития. Так, в 1956 г. валовой национальный продукт вырос по сравнению с предыдущим годом на 13%, а промышленное производство — на 22%. Наиболее высокие темпы роста имели машиностроительная, судостроительная, текстильная, химическая и энергетическая отрасли.

Вместе с тем экономические успехи Японии не приводили к спаду активной забастовочной борьбы. В Японии сохранялась сложная структура заработной платы трудящихся, которой были присущи большие различия в зависимости от отрасли промышленности, размера предприятия, стажа работы. В этот период средняя месячная заработная плата занятых в добывающей промышленности составляла около 17 тысяч йен, а в обрабатывающей — около 15 тысяч йен при прожиточном минимуме в 20 тысяч йен на семью. Поэтому характерной чертой внутриполитической обстановки были так называемые ежегодные «весенние наступления» трудящихся, принимавшие год от года все более массовый характер.

Осень 1964 г. премьер-министр Икэда в связи с болезнью вышел в отставку и после длительной борьбы внутри ЛДП роль лидера была отдана Сато Эйсаку, поддержанному деловыми и финансовыми кругами Японии. От него ожидали объединения противоборствующих фракций внутри партии и проведения более жесткого курса в борьбе с набирающим силу влиянием оппозиции. Кабинет Сато стал высказывать мысль о необходимости пересмотра конституции для создания благоприятных условий для перевооружения Японии и наступления на права трудящихся. Стали раздаваться призывы к уничтожению всех последствий поражения в войне.

**Политическое и
экономическое
развитие Японии
(с середины
1960-х — 1990-е
годов)**

В середине 1960-х годов внутриполитическая ситуация в Японии приобрела тот вид, который сохранялся до начала 1990-х годов, т.е. в течение трех десятилетий. Самой мощной из политических партий оставалась правящая ЛДП, получавшая обычно (в зависимости от экономической конъюнктуры) от 58 до 42 % голосов избирателей, участвовавших в выборах. Ее главным оппонентом, не угрожающем тем не менее лидерству ЛДП, оставалась СПЯ. Левее нее находилась компартия Японии, в рядах которой не было единства ввиду сильного

влияния маоизма. Ее представительство в парламенте всегда было небольшим.

Большую группу составляли промежуточные между ЛДП и СПЯ партии «среднего пути» — Комэйто (имевшая религиозную буддийскую идеологию, образована в 1964 г.), Партия демократического социализма (ПДС, образована в 1959 г.), Новый либеральный конгресс (НЛК, образована в 1976 г.). Характерной чертой политической жизни Японии стало постоянное увеличение числа независимых депутатов парламента, что хотя и не влияло значительно на распределение сил, но заставляло партии бороться за их голоса и учитывать тем самым мнение большого числа стоящих за ними избирателей.

Кабинет Сато гораздо активнее, чем его предшественники, наращивал мощь сил самообороны. К 1966 г. численность вооруженных сил Японии составила 247 тысяч человек. Активизировался экспорт вооружений и военного снаряжения. Правительство прилагало усилия для восстановления в стране националистических настроений.

Основой внешнеполитического курса при Сато оставался военнополитический союз с США. Японское правительство активно поддержало агрессию США во Вьетнаме, усмотрев в возможностях военных поставок и других видах содействия США дополнительный стимул для ускорения экономического роста. Под давлением американцев Сато инициировал возобновление переговоров с Южной Кореей, которые ранее неизменно заканчивались провалом. Пойдя на значительные уступки южнокорейскому режиму, консерваторы подписали в феврале 1965 г. договор об отношениях между Японией и Южной Кореей, признав за Сеулом право выступать от имени всего корейского народа.

В 1966 г. Япония вошла в число соучредителей нового политического блока АЗ-ПАК (Азиатско-тихоокеанский совет), куда вошли также Тайвань, Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия.

В течение 1960-х годов Япония продолжала опережать другие развитые страны по темпам экономического роста. В 1961—1970-х годах среднегодовые темпы прироста валового национального продукта составляли в Японии 11%, тогда как в Великобритании они не превышали 2,8%, а в США — 4,1%. Промышленное производство в 1951—1970 годах в Японии росло в год в среднем на 15,2%, а в названных странах — на 3 и 4% соответственно. Если в 1950 г. удельный вес Японии в промышленном производстве капиталистического мира составлял всего 1,7%, то в 1970 г. он достиг 10,1%.

Высокие темпы развития экономики Японии в 1960-е годы определялись рядом факторов. По-прежнему одним из важнейших

среди них был низкий уровень заработной платы при достаточно высокой производительности труда. Так, реальная заработная плата рабочих в обрабатывающей промышленности Японии была в 1969 г. в 4 раза меньше, чем в США, и на 40% меньше, чем в Англии и ФРГ.

Постоянно высокой оставалась при поддержке государства норма накопления капитала. Доля инвестиций в основной капитал по отношению к валовому национальному продукту в том же 1969 г. составила в Японии 35,2%, а в других развитых странах — от 14,1% в США до 25,4% во Франции. Крупные накопления позволили быстро наращивать инвестиции в оборудование, по темпам их роста Япония опережала в 1950—1970-х годах в 2,6 раза Англию, Францию, ФРГ, в 4 раза — США.

Капиталовложения делались в первую очередь в отрасли, определяющие рост экономики в целом — металлургию, машиностроение, нефтехимию. Продолжалось массированное внедрение в производство новейших достижений мировой науки и техники путем закупки патентов и лицензий. Большую роль в обеспечении быстрых темпов экономического роста сыграли сохранявшиеся в течение длительного времени выгодные различия в ценах, характеризовавшиеся низким уровнем цен на нефть и другие виды сырья, импортировавшиеся Японией, и более высоким уровнем — на предметы японского экспорта, в первую очередь машины и оборудование.

Не последнюю роль играл и низкий уровень военных расходов Японии, к 1970 г. едва достигший 1% ВВП. В результате Япония последовательно перегнала по объему ВВП сначала Италию и Францию, затем Англию и ФРГ, и в 1968 г. вышла на второе после США место в капиталистическом мире. В 1969—1970-м годах она заняла второе место и по объему промышленного производства.

Развитие экономики в 1980—1990-х годах В 1980-е годы Япония оставалась динамично развивающейся страной, одним из трех (наряду с США и ЕЭС) главных центров силы современного капитализма. Она занимала и занимает первое место по объему запаса золота и валюты. Доход на душу населения в Японии превысил 18 тыс. долларов в год (в США — 15,5 тыс. долларов). Великолепно развитое сельское хозяйство обеспечило на скудных почвах все ее 125-миллионное население необходимыми продуктами. По уровню производительности труда Япония в 1991 г. обогнала страны Западной Европы и поднялась до 90 % уровня США (в 1975 г. — 50 %). Выявившаяся в ходе экономических кризисов середины 1970-х — начала 1980-х годов уязвимость японской экономики вследствие необеспеченности топливно-сырьевыми ресурсами

показала необходимость приоритетного развития наукоемких отраслей — электроники, производства компьютеров, телекоммуникационного и контрольно-измерительного оборудования, средств автоматизации, биотехнологии. В настоящее время Япония выпускает более 90% мирового производства видеоаппаратуры, обладает 2/3 всех роботов капиталистического мира. Постепенно осуществляется переход от индустриального общества к информационному, в котором основными ценностями, становятся знания. Еще в 1970-х годах покупка патентов и лицензий отошла на второй план по сравнению с финансированием научных и технических исследований. Крупные достижения в этой сфере опираются на высокий образовательный уровень: к середине 1980-х годов 93 % японцев имели полное среднее образование, 40% молодежи, достигших 25 лет, — высшее (В США — 20 %).

Однако в конце 1991 г., после 50 лет подъема, Япония столкнулась с трудностями. Как свидетельствует официальная японская статистика, в 1992 г. рост валового национального продукта страны застопорился и по сути дела прекратился; производство промышленной продукции осталось на прежнем уровне; экспорт сократился из-за быстрого возрастания курса иены и замедления развития экономики; в 1993 г. японские показатели производительности труда дали минусовой рост; а безработица, наоборот, увеличилась до 3,2 % (это самый большой ее уровень с 1953 г.). В результате правительству Японии пришлось пересмотреть цели и задачи общегосударственного плана социально-экономического развития.

Лишь с конца 1995 г. наметились признаки постепенного выхода из состояния экономической депрессии, хотя и в конце 1990-х годов экономика страны переживала сложный период стагнации. Падение последствий для страны имел экономический кризис 1997 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Темпы прироста ВВП в реальном исчислении во второй половине 1990-х годов не превышал 1%.

**Политическая
система и
проблемы
общественно-
политической
жизни совре-
менной Японии**

Политическая система современной Японии основана на многопартийной парламентской демократии с сохранением императора в качестве главы государства. До 1993 г., в течение 38 лет, неизменно господствовала на выборах и формировала правительство ведущая либерально-демократическая партия (ЛДП), что свидетельствовало о постоянных симпатиях избирателей и внутривнутриполитической стабильности. К 1986 г. популярность ЛДП достигла своего пика и ее превосходство выглядело незыблемым. Однако уже через три года она лишается большинства в верхней палате парламента. Это явилось

следствием крупного скандала с коррупцией (так называемое дело фирмы «Рикруто», приведшее даже к смене кабинета министров) и других фактов моральной нечистоплотности в высших партийно-политических кругах, введения непопулярного среди населения потребительского налога.

А выборы в нижнюю палату японского парламента (палату представителей), состоявшиеся летом 1993 года, привели к падению власти ЛДП и перехода ее к Социалистической партии. В результате в политическом мире Японии сложился крайне неустойчивый баланс сил. В крупнейших партиях произошли расколы, в них до сих пор идет борьба соперничающих группировок, лидеры которых придерживаются противоречивых взглядов на принципиальные проблемы политики страны.

ЛДП смогла вернуться к власти, однако прочным ее положение назвать нельзя. В июле 1998 г. она опять проиграла на выборах в верхнюю палату и ее лидер, Рютаро Хасимото, сразу же заявил о намерении уйти в отставку, взяв на себя вину за провал. После этих событий кабинет министров возглавил его соратник по партии Кэйдзо Обути.

Внешняя политика в 1980—1990-е годы Основной доктриной внешней политики остается концепция целесообразности союза с США, которые продолжают располагать военными базами в Японии (крупнейшая из них — в г. Мисава). В 1987 г. было заключено соглашение об участии Японии в программе «звездных войн». С ноября 1975 г. Япония стала непременным участником всех ежегодных встреч глав наиболее развитых капиталистических стран (стран «семерки»). Осенью 1997 г. военные министры и министры иностранных дел США и Японии подписали в Вашингтоне новое соглашение об основных направлениях их военного сотрудничества на основе японо-американского «договора безопасности». Его цель (по официальной версии) — определение более широких параметров военного сотрудничества обеих государств в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР). Еще раньше, в апреле 1996 г., на встрече президента США Б.Клинтона и премьер-министра Японии Р.Хасимото была подписана декларация, в которой подчеркивалось, что военное сотрудничество США и Японии наряду с защитой ее территории от нападения извне ставит своей целью совместные действия по ликвидации конфликтов, возникающих в сопредельных с Японией районах АТР.

Кроме того, японское правительство пытается создать благоприятные возможности для экономической экспансии японских монополий. Поэтому серьезное внимание уделяется Японией вопросам

внешнеэкономической политики. Деловые круги прорабатывают варианты организации «азиатской зоны свободной торговли». Предполагается, что в эту зону вместе с Японией войдут НИСы (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг) и быстро развивающиеся Таиланд и Малайзия. В 1996 г. экспорт Японии в страны Азии составил 192,8 млрд. долларов превысив суммарные объемы ее экспорта в США и Европу 188,8 млрд. долларов.

Большое внимание Токио уделяет налаживанию связей с Пекином. Япония рассматривает Китай как перспективный емкий рынок для своих товаров и источник энергоносителей и других видов сырья. Без малого за четверть века двусторонний товарооборот между этими государствами вырос почти в 60 раз: с 1,1 млрд. долларов в 1972 г. до 62,4 млрд. — в 1996 г. По мере реформирования китайской экономики она становится все более перспективной для инвестирования японского предпринимательского капитала. До недавнего времени его преимущественно привлекали мелкие и средние предприятия, однако теперь отмечается резкое возрастание интереса к инвестированию капитала со стороны крупных японских компаний. Яркий пример тому — самая большая компания-производитель бытовой электроники «Мацусита». В 1992 г. она открыла лишь четыре предприятия в странах Азии, а в 1994 г. — 11 только в одном Китае. Их число там быстро выросло до 29. В ряд крупнейших в КНР производителей телевизоров выдвинулась японская электротехническая компания «Хитачи». Партнерские отношения в торгово-экономической области сопровождаются ростом соперничества за влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В то же время между странами остаются некоторые территориальные проблемы (острова Сенкаку, на которые претендует КНР).

Одним из важнейших вопросов внешней политики Японии оставался вопрос об отношениях с Советским Союзом. СССР отказался подписать Сан-Франциский договор 1951 г. Позже стороны договорились о восстановлении дипломатических отношений, о прекращении состояния войны, а в 1957 г. был заключен торговый договор. Однако мирный договор до сих пор так и не подписан из-за сохранения проблемы «северных территорий» (Япония требует возвращения ей островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и островной гряды Хабомац в группе Южно-Курильских островов, которые, по ее мнению, были незаконно отторгнуты в 1945 г.).

После «встречи без галстуков» поздней осенью 1997 г. в Красноярске президента России Б.Н. Ельцина и премьер-министра Японии Рютаро Хасимото мир узнал, что две страны намерены к 2000 г. заключить мирный договор. Однако этого не произошло. В ходе японо-российских переговоров в апреле 1998 г. Ельцин предложил

заключить не мирный договор (а то получается, что 50 лет шла война), а договор о мире, дружбе и сотрудничестве между Россией и Японией. Это предложение не нашло поддержки в Японии. По инициативе Рютаро Хасимото была принята программа взаимодействия в экономической области («план Ельцина-Хасимото»). Кроме того, Токио явно отказалось от своего курса увязки вопросов торговли и экономики с решением территориального спора.

В целом можно отметить, что послевоенное развитие Японии отмечено огромными успехами, хотя за этот период страна сталкивалась с немалым числом трудностей и проблем. Тем не менее в целом такой путь развития, названный позже «японской моделью», стал образцом для целой группы восточных стран. Их объединяет стремление развиваться по капиталистическому пути, не отказываясь от собственных исторических особенностей и фундаментальных традиций.

§ 9–10. Корея. Южная Корея. Северная Корея

Раскол Кореи В июле 1945 г. в ходе Потсдамской конференции союзные державы потребовали безоговорочной капитуляции Японии и договорились о восстановлении независимой Кореи. Разграничительной линией боевых действий советских и американских войск на Корейском полуострове было условлено считать 38-ю параллель.

Вступив 8 августа 1945 г. в войну с Японией СССР начал масштабные военные действия в Китае, Корее и на Тихом океане. Бои в Корее отличались ожесточенностью, продолжались и после официальной капитуляции Японии (15 августа 1945 г.) и сопровождались тяжелыми потерями. Население, оказывало содействие советским войскам; стихийно организовывая вместо колониальной администрации народные комитеты самоуправления. Подобные органы возникали не только в северной зоне ответственности советских войск, но и в южной части страны. Высадка на юге Кореи американских войск началась только 3 сентября 1945 г., уже после завершения боевых действий.

К 1945 г., после четырех десятилетий колониального управления, Корея имела довольно четкую региональную экономическую специализацию, связанную в основном с потребностями метрополии. Подавляющее большинство предприятий горнодобывающей и тяжелой индустрии находились в северной части страны и были значительно повреждены в ходе боев. В Южной части Кореи, не имеющей полезных ископаемых, находились основные районы

производства сельхозпродукции и предприятия легкой промышленности. Соответственно там проживало больше населения (две трети от общей численности). Начавшееся с 1945 г. разделение Корейского полуострова на два самостоятельных государства привело к разрыву традиционных хозяйственных связей, вынудило Север и Юг заново создавать замещение части экономической системы, сильно усугубило имевшиеся экономические трудности и затруднило сбалансированный экономический рост.

Первоначально разделение Кореи на две части по 38 параллели было задумано как временное. Оно должно было обозначить зоны ответственности за нормализацию жизни гражданского населения и подготовку его к самоуправлению страной. Однако различные подходы США и СССР к послевоенному устройству мира, начало «холодной войны», связанные с нею конфронтации привели к превращению Корейского полуострова на долгие годы в арену соперничества двух мировых центров силы и закреплению раскола страны.

Впервые разногласия между СССР и США четко обозначились на Совещании министров иностранных дел этих стран (с участием Великобритании), проходившем в Москве в декабре 1945 г. США предлагали установить в Корее опеку от имени ООН представителей США, Англии, Китая (гоминьдановского) и СССР на срок до десяти лет. По настоянию советской делегации срок был сокращен до пяти лет, принято решение создать Временное корейское демократическое правительство, и для его образования — учредить совместную комиссию из представителей командования советских и американских войск в Корее.

Уже первые заседания совместной комиссии продемонстрировали непримиримо различное представление сторон о будущем устройстве Кореи и возглавляющих его политических силах, ее работа, поэтому, была непродуктивной и в мае 1946 г. по инициативе американской делегации была прервана. Фактически стороны начали подготовку «своих» политических блоков к борьбе за власть. При этом советское руководство рассчитывало опереться на ширящееся в Корее народно-демократическое движение, поставив во главе его коммунистов, формированию партии которых оказывалось всемерное содействие.

Американская администрация во главе угла поставила создание ориентирующегося на Вашингтон правительства. Поэтому о контактах с представителями левого крыла, включая излишне «самостоятельных» националистов, несмотря на их популярность, не было и речи, ставка с самого начала была сделана на известного своими проамериканскими настроениями эмигрантского политика Ли Сын Мана.

Сразу после освобождения Кореи там наряду с органами самоуправления — народными комитетами стали повсеместно возникать многочисленные политические партии и общественные организации. В Северной Корее наибольшую активность и целеустремленность в создании четкой политической платформы проявили коммунисты, уже в октябре 1945 г. объединившиеся в Трудовую партию Кореи (ТПК). Она подготовила программу демократических преобразований из 20 пунктов, которая была принята к исполнению высшим органом самоуправления — Временным народным комитетом Северной Кореи, образованным в феврале 1946 г. Деятельность ТПК всецело поддерживалась советским военным командованием и партийными органами, оказывавшими ей консультационную помощь.

Уже в течение 1946 г. на Севере были приняты и проведены в жизнь законы о земельной реформе, национализации промышленности, транспорта, связи и банков, а также внешней торговли, о равноправии женщин и другие. Эти шаги, особенно перераспределение земель, оказали сильное воздействие на население Южной Кореи, где все управление по-прежнему находилось в руках Американской военной администрации (АВА).

В 1947 г. США вынесли обсуждение корейского вопроса на сессию Генеральной ассамблеи ООН. Им удалось провести резолюцию о создании Временной комиссии ООН по Корее, которой поручалось проконтролировать проведение выборов в стране. Поскольку было очевидно, что речь может идти только о сепаратных выборах на Юге, закрепляющих раскол Кореи, это решение вызвало значительное противодействие, использованное американцами и группирующимися вокруг Ли Сын Мана силами консервативного толка для разгрома в Южной Корее организаций, возглавляемых коммунистами, националистами и другими представителями левого крыла. Атмосфера террора была использована и для устранения наиболее популярных политиков, которые могли бы составить Ли Сын Ману серьезную конкуренцию на выборах. В частности, был убит лидер националистов Ким Гу, один из наиболее известных организаторов вооруженной антияпонской борьбы.

В мае 1948 г. в Южной Корее были проведены выборы в Национальное собрание, принявшее название государства — Республика Корея (РК), конституцию, провозгласившую суверенитет РК на всей территории Кореи, и избравшее президентом страны Ли Сын Мана. Столицей был оставлен Сеул.

В качестве ответного шага на Севере в августе 1948 г. прошли выборы в Верховное народное собрание (ВНС) Кореи. Им был придан всекорейский характер путем участия ряда представителей

населения Южной Кореи. Первая сессия ВНС провозгласила 9 сентября того же года создание Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР), столицей нового государства стал Пхеньян. По просьбе вновь созданного правительства КНДР Советский Союз вывел с ее территории свои войска. (Американские войска остаются в Южной Корее до сих пор.)

Появление двух корейских государств, каждое из которых провозглашало себя единственным законным и претендующим на всю территорию Кореи, объективно создавало предпосылки для конфликтов между ними. Обе страны готовились к вооруженному противостоянию, причем южнокорейский президент Ли Сын Ман неоднократно официально заявлял о намерении объединить страну путем захвата ее северной части. 38-я параллель стала местом постоянных вооруженных стычек, которых только в 1949 г. было 1836, туда были стянуты с обеих сторон крупные военные контингенты.

В условиях нарастающего противостояния 25 июня 1950 г. начался вооруженный конфликт между Севером и Югом. КНДР начала первой военные действия. На третий день войны Корейская народная армия захватила Сеул и продолжила продвижение на юг. Это привело к вмешательству в военные действия США, направивших в Корею свои войска. Кроме того, им удалось, воспользовавшись отсутствием советского представителя в Совете Безопасности ООН, провести резолюцию, возложившую ответственность за агрессию на КНДР. На базе этой резолюции было создано Объединенное командование для ведения войны в Корее, межкорейский конфликт приобрел международный характер. Под флагом ООН в нем приняли участие, кроме США и Южной Кореи, чьи вооруженные силы составили основную часть сражающихся, еще 15 государств.

Боевые действия проходили с переменным успехом. Первоначально Корейской народной армии (КНА) удалось захватить свыше 90% территории Южной Кореи. В сентябре 1950 г. США высадили в тылу наступавших северо-корейцев крупный морской десант и переломили ситуацию, захватив практически всю территорию Северной Кореи и выйдя в октябре того же года на корейско-китайскую границу. Это привело к вмешательству в войну Китая, который годом ранее уже одержал победу над армиями Гоминьдана, поддерживавшимися и снабжавшимися американцами. 25 октября 1950 г. крупные отряды китайских «народных добровольцев» перешли границу и атаковали противника. Одновременно в Северо-Восточном Китае были дислоцированы советские авиационные и зенитные соединения, ликвидировавшие полное господство в воздухе американской авиации. В Корее находились также советские военные советники, передававшие северянам боевой опыт.

К концу 1950 г. американско-южнокорейские войска отступили за 38-ю параллель, вдоль которой в дальнейшем и велась ожесточенная позиционная война. Последующие боевые действия показали невозможность, несмотря на большие потери в живой силе и технике, для обеих сторон достичь решающего перелома и победы. 27 июля 1953 г. было заключено соглашение о перемирии в Корее, завершившее трехлетнее вооруженное испытание сил двумя социальными лагерями. На территории полуострова остались китайские и американские войска.

Южная Корея

**Режим Ли Сын
Мана в Южной
Корее (1953—
1960 годы)**

В августе 1952 г. Ли Сын Ман был вновь избран президентом РК, чему в немалой степени содействовали предварительное создание им собственной партии Чаюдан (Либеральная партия) и аресты наиболее видных политических деятелей, дру-

жно выступивших с обвинениями в адрес Ли Сын Мана за его диктаторские тенденции.

В ноябре 1954 г. Ли Сын Ман инициировал новые поправки к конституции, предоставившие ему как президенту неограниченные права, но зато сильно урезавшие prerogatives парламента и премьер-министра. Были введены законы о безопасности государства, регистрации политических партий, упорядочении печати, контроле за проведением демонстраций, давшие широкие возможности для политического произвола.

Эти действия предпринимались на фоне глубокого экономического кризиса в стране, вызванного военными разрушениями и разрывом традиционных хозяйственных связей с севером полуострова. Правда еще в 1950 г. правительство Ли Сын Мана начало осуществлять земельную реформу: у помещиков выкупались излишки земель (свыше 3 тыс. га), которые распределялись среди крестьян. Землю получили около 900 тыс. крестьянских хозяйств. Это привело к некоторому смягчению социальных противоречий в деревне, привлечению зажиточной части крестьян на сторону правительства. Стимулировалось привлечение капиталов помещиков и богатых крестьян в сферу капиталистического предпринимательства. Но в целом объем промышленного производства падал: в 1954 г. он составил только 20% от уровня 1945 г., в городах отмечалась массовая безработица, высоким был уровень инфляции, сельское хозяйство не обеспечивало население продовольствием.

На волне недовольства политикой в октябре 1955 г. возникла крупная оппозиционная Демократическая партия (Минчжудан), вслед

за которой было сформировано еще несколько партий. Их целью было участие в президентских выборах 1956 г., однако в атмосфере грубого произвола и подтасовок они не смогли эффективно противодействовать очередной победе Ли Сын Мана.

Фанатически преданный идеям антикоммунизма и силовому решению проблемы объединения, Ли Сын Ман становился все более нетерпимым к любым проявлениям оппозиции. С нарушением всех парламентских процедур он провел в 1958 г. обновленный закон о государственной безопасности, позволивший ему разогнать все оппозиционные партии, кроме Минчжудан. Установленный им режим личной власти сопровождался ростом коррупции, беззакония и произвола, вызывавшими массовое недовольство всех слоев населения.

Поэтому, когда после выборов в марте 1960 г. в обстановке грубых подтасовок при подсчете голосов Ли Сын Ман был вновь объявлен президентом, это привело к огромному возмущению народа и разрастанию выступлений протеста. 19 апреля в Сеуле прошли массовые демонстрации с лозунгами пересмотра итогов выборов, основными участниками их были студенты многочисленных учебных заведений. Ли Сын Ман решил силой подавить протесты и ввел в Сеул войска, открывавшие огонь по демонстрантам. Однако этот шаг привел лишь к расширению масштабов выступлений, направленных уже непосредственно против президента. На этот раз армия отказалась применить оружие, город фактически перешел во власть восставших. На экстренном заседании парламента была принята резолюция о отставке президента и проведении новых выборов. 27 апреля Ли Сын Ман подписал заявление об отречении от власти и покинул страну. Эти события вошли в историю РК как «апрельская революция».

**Южная Корея в
годы «Второй и
Третьей респуб-
лик» (1960—1972
годы)**

В результате «апрельской революции» было организовано переходное правительство, а в июне 1960 г. парламент утвердил поправки к конституции, вводившие процедуру избрания президента двухпалатным парламентом. Он наделялся функциями главы государства, но не имел более исполнительной власти. На выборах победила Манчжудан, президентом был избран видный деятель прежней оппозиции Юн Бо Сон, премьер-министром стал Чан Мен. 1 октября 1960 г. была провозглашена Вторая республика.

Однако сразу после прихода к власти Минчжудан стала терять свое влияние, приобретенное за годы пребывания в оппозиции. Тяжелым продолжало оставаться экономическое положение страны, не уменьшалась безработица. Всеобщее возмущение

вызвали мягкие приговоры суда в отношении организаторов расправ с демонстрантами в ходе «апрельской революции». В феврале 1961 правительство Чан Мена подписало с США экономическое соглашение, дававшее американцам возможность вмешательства во внутренние дела РК.

Параллельно происходили существенные подвижки в межкорейских отношениях. Появившиеся перспективы расширения контактов между Севером и Югом вызвали волну энтузиазма, энергичное подталкивание правительства «снизу» в плане ускорения достижения конкретных договоренностей с КНДР. Это крайне обеспокоило правые силы, особенно офицерство, так и не примирившееся «ничейным» результатом Корейской войны. Антиправительственные настроения в армии еще более возросли, когда оно приняло решение с целью уменьшения расходов сократить вооруженные силы.

В этих условиях группа офицеров во главе с генерал-майором Пак Чжон Хи составила план военного переворота. Он готовился с ведома президента Юн Бо Сона и представителей США, при финансовой поддержке ряда крупных местных бизнесменов. Выступление произошло в ночь с 15 на 16 мая 1961 г., правительственные войска сопротивления мятежникам не оказали. Был создан Высший совет государственной реконструкции (ВСГР), который ввел военное положение, распустил Национальное собрание, партии и общественные организации, запретил проведение митингов и демонстраций, закрыл многие издания. Премьер-министр Чан Мен официально заявил о своем отречении от власти.

6 июня 1961 г. был опубликован закон о чрезвычайных мероприятиях по реконструкции государства, заменивший конституцию. Верховным органом правления определялся ВСГР, получивший всю полноту власти. Главный удар военного режима был направлен на сторонников переговоров и других форм контактов с КНДР. Наиболее видные из них были казнены или просто убиты, остальные приговорены к длительному тюремному заключению (в тюрьмах оказалось около 20 тыс. человек). Готовясь к легализации своего правления, военные издали в марте 1962 г. закон об упорядочении политической деятельности, запретивший членам ранее существовавших партий и общественных организаций заниматься политикой. В «черный список» попали почти все ведущие политики Южной Кореи.

Готовясь к новым президентским выборам, военные в декабре 1962 г. провели референдум по новой конституции, всемерно усиливавшей режим личной власти президента. Он получил самые широкие полномочия — право назначать кабинет и премьера, заключать и ратифицировать договоры, объявлять войну и заключать

мир, быть главнокомандующим и т.д. Президент избирался на четыре года из числа кандидатов, выдвинутых политическими партиями, членами которых они являлись.

Для участия в выборах военные сформировали в феврале 1963 г. Демократическую республиканскую партию (ДРП), которая в августе назвала своим кандидатом Пак Чжон Хи, накануне ушедшего с военной службы. Вновь организованная Партия демократического правления (ПДП) выдвинула своим кандидатом Юн Бо Сона. Между ними и развернулась основная борьба (были также выдвинуты кандидаты от более мелких партий) на выборах в октябре 1963 г., где с незначительным перевесом победил Пак Чжон Хи. В ноябре 1963 г. прошли выборы в Национальное собрание абсолютное большинство мест в котором получила правящая ДРП, 17 декабря состоялась церемония провозглашения Третьей республики, официально возвратившей страну к конституционной форме правления.

Лидерами Третьей республики были в основном лица, прошедшие армейскую выучку и руководствовавшиеся идеями национализма и антикоммунизма. Они ставили своей целью не просто «наведение порядка», но и преодоление экономической отсталости РК, налаживание эффективного хозяйственного механизма, создание «самообеспечивающейся экономики», сравнимой с достижениями в этой области в КНДР. Один из путей для этого новый режим видел в усилении регулирующей роли государства, составлении долгосрочных программ планирования, первая из которых была принята на 1962—1966 гг.

Учитывая социальную структуру южнокорейского общества, в котором преобладали крестьяне, первоначально государство основное внимание нацелило на аграрный сектор. Оно стало предоставлять низкопроцентные кредиты крестьянским хозяйствам, облегчило процедуру их получения, взяло на себя часть долговых обязательств крестьян. Эти меры повысили популярность Пак Чжон Хи и обеспечили успех его выборной кампании, однако не принесли существенного улучшения в экономическую ситуацию в целом. Затем были предприняты неудачные попытки ускорить развитие индустрии за счет внутренних ресурсов, имевших ограниченные размеры, и получения финансовой помощи от США. Лишь к середине 1960-х годов правительство РК перешло к принесшей ему успех политике «индустриализации через экспорт», приняв специальные меры для развития экспортных производств, привлечения иностранного капитала в виде коммерческих займов и инвестиций, контроля со стороны государства за эффективным использованием получаемых средств.

Важное значение для экономического развития РК имела нормализация отношений с Японией (1965 г.), по условиям которой

Токио выплатил Сеулу крупные суммы в виде компенсации за ущерб, причиненный колониальным режимом, а также в виде льготных кредитов.

Южнокорейское правительство применяло жесткую налоговую систему для максимальной мобилизации внутренних финансовых ресурсов, отслеживало использование поступавших в страну валютных средств в производственных целях, ввело значительные льготы для предприятий, создаваемых на передовой технологической базе и ориентированных на выпуск экспортной продукции. Регулирующая роль государства проявлялась и в том, что на каждом этапе роста оно определяло приоритетные отрасли производства, законодательными и кредитно-финансовыми мерами обеспечивало их ускоренное развитие. За счет государственных средств было создано несколько «индустриальных зон» с улучшенной инфраструктурой, в которых частные предприниматели на льготных условиях могли создавать предприятия по производству электроники, электротехники, промышленного оборудования и т.д.

Существенным аспектом, обеспечившим успех экономического роста, было высокое качество рабочей силы. В Корее традиционно была полная грамотность населения, приобретение знаний всегда считалось полезным и даже почетным делом, кроме того, агротехнически сложная система поливного рисоводства воспитала в корейцах привычку к упорному труду. Поэтому, приходя на производство, они достаточно легко осваивали необходимые операции, работали качественно и интенсивно.

При этом в течение длительного времени уровень заработной платы оставался очень низким, что обеспечило дешевизну южнокорейских товаров и помогло им пробиться на рынки США, Японии, Западной Европы. Только еще формирующийся рабочий класс не имел опыта борьбы за свои права, причем забастовки в 1960—1970-е годы были запрещены, государство брало на себя урегулирование трудовых конфликтов и разрешало их обычно в пользу предпринимателей.

С середины 1960-х годов Южная Корея делает резкий рывок в своем экономическом развитии за счет расширения сначала легкой, а затем и тяжелой индустрии, приобщения к новым технологиям, совершенствования сферы услуг и торговли. Постепенно меняется социальный состав населения за счет оттока сельских жителей в предлагающие все новые рабочие места города. Крупные сдвиги происходят в психологии, традиционном жизненном укладе, под воздействием требований растущей промышленности совершенствуется и расширяется система среднего и высшего образования.

Существенные положительные изменения в социально-экономической сфере укрепили позиции правящего режима. На выборах президента (май) и в Национальное собрание (июнь) 1967 г. Пак Чжон Хи одерживает уверенную победу над Юн Бо Соном, представлявшим образованную в феврале того же года Новую демократическую партию (НДП), а правящая ДРП получила 127 мест в парламенте из 175. Однако конституция 1962 г. давала возможность занимать президентский пост не более двух сроков подряд, в связи с чем Пак Чжон Хи инициировал кампанию за пересмотр конституции. Этот план вызвал противодействие даже в лагере сторонников Пака, имевших собственные политические амбиции, однако после фракционной борьбы порядок в рядах ДРП был восстановлен и имея большинство в парламенте, она обеспечила в 1969 г. принятие поправок к конституции, давших, в частности, возможность занимать пост президента три срока подряд.

К этому времени в деятельности Пак Чжон Хи все сильнее стали проявляться тенденции вождизма, его уже не удовлетворяла роль просто политического руководителя, чьи возможности граничили со всевластием. Он начал принимать меры к тому, чтобы на основании экономических успехов Южной Кореи создать себе авторитет как «отцу корейской нации», предложить обществу базирующиеся на этом надклассовые национальные идеалы и с их помощью ликвидировать разногласия в политической и социальной сферах, а затем и добиваться объединения Кореи.

Однако идеологические изыскания Пака и его окружения не пользовались популярностью в обществе, тем более что разразившийся в начале 1970-х годов в мировом хозяйстве экономический кризис остро ощущался в Южной Корее, поскольку «экспортная модель развития» привела ее к глубокой втянутости в систему международных хозяйственных связей. Экономические трудности привели к осложнению внутривластной обстановки, в этой ситуации значительно укрепила свои позиции НДП, лишившая ДРП абсолютного большинства в парламенте, а ее новый лидер Ким Дэ Чжун составил серьезную конкуренцию Пак Чжон Хи на очередных президентских выборах (апрель 1971 г.), выигранных им, по убеждению многих южнокорейцев, с помощью подтасовок результатов голосования. Кроме того, 1970—1971 гг. были отмечены ростом студенческих антиправительственных выступлений, оказывавших на общество глубокое воздействие.

Чтобы сбить нарастание антиправительственных настроений Пак Чжон Хи обратился к популярной среди населения идее возобновления контактов с КНДР. Начатые в августе 1971 г. переговоры с Севером были также использованы им для введения в целях

«национальной безопасности» очередного чрезвычайного положения (декабрь 1971 г.). При этом были нарушены положения действующей конституции. Фракция ДРП в парламенте в отсутствие оппозиционных фракций приняла 26 декабря особый законопроект, расширивший полномочия президента в случае чрезвычайного положения. Одновременно группа правительственных политических экспертов в обстановке секретности стала готовить очередной пересмотр конституции, отвечающий возрастающим запросам Пак Чжон Хи.

17 октября 1972 г. на улицы Сеула были неожиданно введены танки и войска, занявшие центры коммуникаций, здания университетов, штаб-квартиры оппозиционных партий. По радио Пак Чжон Хи обратился к населению и объявил о введении военного положения и принятии следующих мер: распускалось Национальное собрание, запрещалась деятельность политических партий, приостанавливалось действие конституции, а президент брал на себя ответственность за подготовку новой конституции, которая должна быть одобрена национальным референдумом. Дополнительные ограничения ввел командующий военным положением, они включали закрытие университетов и проведение арестов без каких-либо санкций.

**«Четвертая
республика» в
Южной Корее
(1972—1981
годы)**

В этих условиях референдум по конституции стал простой формальностью и 21 ноября 1972 г. она вступила в силу, ознаменовав начало Четвертой республики. Новая конституция носила откровенно антидемократический характер и включала целый ряд положений, позволявших ограничить свободы граждан. Президент, избиравшийся отныне на шесть лет любое число раз, получал практически неограниченные полномочия.

23 декабря 1972 г. при отсутствии каких-либо соперников Пак Чжон Хи стал президентом. Его последующее правление носило ярко выраженный авторитарный характер и было направлено на массированное подавление инакомыслия, детальную регламентацию личной жизни граждан в соответствии с «национальными традициями». Для этого, в частности, было активизировано созданное в 1971 г. «движение за новую деревню» («сэ майль ундон»), в рамках которого не только велось переустройство деревень с внедрением в сельское хозяйство и быт достижений научно-технической революции, но и в многочисленных специальных центрах велась идейная обработка населения на основе трудов Пак Чжон Хи. С 1974 г. это движение, названное президентом «колыбелью корейзированной демократии», было распространено на городское

население, стало преподаваться в школах и вузах. С 1971 г. по 1979 г. в центрах «сэ маиль» прошло подготовку почти все взрослое население страны.

С использованием «сэ маиль ундон» была усилена деятельность так называемых «соседских групп» — сохранившейся с колониального периода системы взаимной ответственности и слежки. На их базе формировались также «отряды самообороны», усиливавшие и без того значительную милитаризацию общества.

1 марта 1976 г. бывший президент Юн Бо Сан, виднейший деятель оппозиции Ким Дэ Чжун и 12 его единомышленников публично зачитали документ, направленный против диктаторского правления. Все они были осуждены за это на тюремное заключение. Однако эта и другие акции правительства по усилению реакции все чаще стали вызывать требования восстановить демократические свободы. Наряду со студенческими выступлениями все активнее стали проявлять себя рабочие, долгое время лишённые возможности защиты своих профессиональных интересов. Резко возросло число забастовок на предприятиях, причем все чаще они проходили под политическими лозунгами. Активизировала свою деятельность НДП, в руководстве которой стал выделяться новый лидер — Ким Ен Сам. Постепенно стал складываться широкий блок оппозиционных сил, включающий часть политиков, предпринимателей, религиозных деятелей, представителей интеллигенции и студенчества. Назревал явный кризис власти, но неожиданно 26 октября 1979 г. Пак Чжон Хи был убит заговорщиками из своего непосредственного окружения.

Незамедлительно было введено чрезвычайное военное положение и ситуацию в стране стала контролировать ранее не проявлявшая себя группировка военных во главе с генерал-майором Чон Ду Хваном. Он опирался в основном на своих однокашников по учебе в военной академии и офицеров, вместе с которыми воевал в Южном Вьетнаме, где части южнокорейской армии помогали США в борьбе с партизанами. Одним из его ближайших соратников был генерал-майор Ро Дэ У.

В длившейся с декабря 1979 г. по февраль 1981 г. переходный период Чон Ду Хван возглавил Комитет по национальной безопасности, к которому перешла вся реальная власть. На февраль 1981 г. были назначены новые президентские выборы, которые Чон Ду Хван выиграл без особого труда, так как несмотря на отмену военного положения, от политической деятельности было отстранено более 500 наиболее видных деятелей. В парламенте лидирующие позиции (более половины мест) заняла созданная в январе этого года правительственная Демократическая партия справедливости (ДПС), остальные места поделили в

основном созданные одновременно с ДПС оппозиционные Партия демократической Кореи и Национальная партия Кореи. Начался период режима Пятой Республики.

Период президентства Чон Ду Хвана в Южной Корее. «Пятая республика» (1981—1987 годы)

В период президентства Чон Ду Хвана продолжился рост экономики РК, сопровождавшийся важными структурными изменениями в промышленности и внешней торговле. К 1983 г. объем валового национального продукта (ВНП) достиг 75 млрд. долларов США, а в подушевом исчислении — 1875 долларов. Рост производства в среднем составил 8,5% ежегодно. Экспорт превысил 23,2 млрд. долларов, причем во внешней торговле с большинством партнеров, включая крупнейшего из них — США, был достигнут устойчивый положительный баланс. В вывозе товаров резко возросла доля технически сложных изделий, в основном продукции тяжелой индустрии. Южная Корея стала признанным экспортером большегрузных судов, электроники и электротехники, вооружений, автомобилей, по многим экономическим показателям заняла второе (после Японии) место в Азии. Это сопровождалось соответствующими достижениями в развитии внутренней инфраструктуры, науки, культуры, здравоохранения. Хотя по-прежнему рост промышленности достигался в значительной степени за счет замораживания заработной платы, а борьба за свои права рабочим, ИТР, служащим была практически запрещена, регулирующая роль государства заставляла предпринимателей делать определенные отчисления в социальную сферу, что сглаживало возникающие конфликты.

Южная Корея вышла на передовые позиции по выпуску электроники, автомобилей, других изделий, обладавших высокой конкурентоспособностью. Корею начали называть «маленькой Японией», одним из четырех драконов «новых индустриальных стран» наряду с Сингапуром, Тайванем и Гонконгом.

В качестве признания достижений Республики Корея Сеул был избран в сентябре 1981 г. местом проведения летней Олимпиады в 1988 г.

На фоне этих успехов внутриполитическая ситуация постепенно разряжалась. К 1985 г. большинству оппозиционных политиков было разрешено возобновить свою деятельность, а в начале года вернулся высланный в 1980 г. из страны Ким Дэ Чжун. Он и Ким Ен Сам также были освобождены от ограничений на политическую активность. Ввиду того, что в преддверии Олимпиады все больше спортивных команд из социалистических стран посещали Южную Корею для участия в подготовительных соревнованиях, впервые были сняты ограничения на распространение информации об этих

государствах. Процесс постепенной демократизации выразился и в том, что правящий лагерь и оппозиция в мае 1986 г. в принципе пришли к согласию насчет необходимости изменений в конституции и совместного поиска приемлемых решений на этом пути.

Тем не менее разногласия оставались существенными и постепенно обострялись по мере приближения срока президентских выборов и мобилизации политическими партиями своих сторонников. Взрыв негодования в ожидающем скорых перемен обществе вызвало заявление Чон Ду Хвана 13 апреля 1987 г. о намерении внести изменения в конституцию только после проведения Олимпийских игр. Против этого решения оппозиционные партии организовали серию выступлений, достигших к июню стадии непрерывающихся массовых демонстраций. Обстановка была разряжена председателем ДПС и ее кандидатом в президенты Ро Дэ У (который к тому времени уже покинул военную службу), выступившим 29 июля с декларацией о демократизации общества.

В декларации содержался призыв в ближайшее время пересмотреть по договоренности с оппозицией конституцию с целью организации прямых президентских выборов, а также внести изменения в избирательный закон для обеспечения их справедливости.

Предложение Ро Дэ У было с одобрением встречено лидерами оппозиции, считавшими, что его реализация увеличит их шансы на президентство. Оно было поддержано и Чон Ду Хваном, ради социального мира изменившим свое предыдущее намерение. Новая конституция (действующая и поныне) была принята на национальном референдуме 27 октября 1987 г. Она ограничила срок пребывания на посту президента пятью годами и сузили его права на использование чрезвычайных мер. Были усилены полномочия Национального собрания и укреплен статус судей, ставших более независимыми.

16 декабря 1987 г. прошли выборы президента, на которых Ро Дэ У одержал убедительную победу, хотя оппозиция и оспаривала результаты голосования. Впервые в истории Республики Корея передача власти прошла мирным путем, началось правление Шестой республики.

**Южная Корея в
конце 1980-х—
1990-е годы**

В качестве президента Ро Дэ У приложил значительные усилия для стабилизации и демократизации общества, уменьшения влияния военных на политику, поднятия международного авторитета страны.

В 1988 г. в РК успешно прошли летние Олимпийские игры. Предшествовавшие им многочисленные контакты с соцстранами

позволили подготовить установление с ними дипломатических отношений. Это делалось в соответствии с подготовленной под руководством Ро Дэ У программой «северной политики», предусматривавшей три этапа: налаживание отношений и установление дипсвязей со странами соцлагеря, затем — с СССР и Китаем, подготовку условий для объединения Кореи. Первой дипотношения с РК, несмотря на протесты КНДР, установила Венгрия, затем постепенно другие страны Восточной Европы, Вьетнам и Монголия, а в 1990 г. — Советский Союз (Китай установил дипотношения с РК в 1992 г.). Признание Сеула соцстранами открыло ему дорогу в ООН, куда РК была принята одновременно с КНДР в сентябре 1990 г.

С тех пор Южная Корея стремится играть в ООН активную роль, участвует во многих других объединениях международного и регионального уровня.

Начало контактов, а затем и установление дипломатических отношений с СССР, являвшимся основным военно-политическим союзником КНДР (то же позднее и потому в менее острой форме коснулось и развития связей с Китаем), имело для южнокорейцев огромное значение, поскольку избавляло их от постоянного напряжения военного противостояния, лишало смысла многие внутренние ограничения, используемые антидемократическими силами для узурпации власти, наконец, давало реальную возможность продвижения в решении проблемы объединения Кореи.

Действительно, в 1988—1990 годах произошло ослабление ряда запретов, включая такие, например, как запрещение проведения организованных протестов на производстве. В результате усилилась борьба наемных рабочих и служащих за свои права, прежде всего за увеличение оплаты труда. Было снято искусственное сдерживание роста заработной платы, вследствие чего произошло достаточно быстрое увеличение доходов значительной части населения. Хотя это принесло ряд экономических проблем — ускоренный рост инфляции, падение ценовой конкурентоспособности ряда экспортных товаров и другие, но в то же время позволило широким массам получить конкретные результаты от достижений страны в экономической сфере, а также стимулировало внутренний спрос и открыло тем самым новые деловые возможности.

Как следствие успехов РК во внешней и внутренней политике произошло сужение области противоречий между различными политическими силами. Это позволило президенту Ро Дэ У после ряда маневров и закулисных переговоров добиться создания новой мощной правящей партии, включившей в себя оппозицию справа (Новую демократическую республиканскую партию Ким Чжон Пхилия) и часть оппозиции слева (Республиканскую демократическую партию Ким

Ен Сама). В январе 1991 г. было объявлено о создании Демократической либеральной партии (ДЛП), куда ДПС и две названные оппозиционные партии вошли на правах фракций. ДЛП стала иметь абсолютное большинство в парламенте и по существу беспрепятственно проводила политический курс правительства и президента.

1990-е годы закрепили за Южной Кореей одно из ведущих мест среди так называемых новых индустриальных стран. Во многом, разумеется, этому способствовали быстрые темпы экономического роста предшествующего периода, составлявшие за последние 20 лет в среднем около 8% ежегодно. В целом это положение не смогли поколебать кризисные явления в экономике РК 1997 г., присущие, впрочем, всему Тихоокеанскому региону. В результате ВВП страны в 1997 г. возрос не более чем на 6%, обанкротилось около 17 тысяч предпринимателей. 21 ноября 1997 г. Республика Корея обратилась к международному валютному фонду с просьбой о срочном представлении ей стабилизационных займов.

Ведущая роль в экономике окончательно закрепилась за обрабатывающей промышленностью. РК занимает одно из первых мест в мире по производству судов, стали, легковых автомобилей, выпуску продукции электроники и электротехники. В результате процесса монополизации южнокорейские корпорации постепенно становятся все более серьезными конкурентами ведущим компаниям Запада. Одиннадцать фирм из РК вошли в список 500 ведущих корпораций, а четыре компании — Хендэ, Самсон, Лаки Голдстар, Тэу — в число 100 крупнейших транснациональных корпораций мира. Главными составляющими экономической политики (и во многом успеха) страны остаются всемерное поощрение экспорта и стимулирование притока иностранных инвестиций. В 1996 г. товарооборот достиг 280 млрд. долларов, экспорт — 130 млрд. долларов.

Ведущие торговые партнеры — США и Япония, страны ЕС, АСЕАН, КНР.

В 1990-е годы происходили изменения в высших эшелонах власти, но теперь уже не отмеченные глубокими социально-политическими кризисами. В 1993 г. Ро Дэ У, обвинявшийся вместе со своим окружением в коррупции, проиграл выборы Ким Ен Саму. В 1995 г. были созданы новые оппозиционные партии, которые стали играть заметную роль в политической жизни страны: Национальный конгресс за новую политику и Объединенные либеральные демократы. Это заставило президента укреплять правительственную партию, переименованную с 1996 г. в Партию новой Кореи.

Однако кризис в финансовой и экономической сферах помог одержать победу на президентских выборах лидеру оппозиции Ким Дэ Чжуну. Экономическая программа новой южнокорейской

администрации предполагает структурные реформы в промышленности, стимулирование привлечения иностранных инвестиций (налоговые льготы, «свободные зоны» и т.п.), продвижение отечественной продукции на мировые рынки.

Одним из первых внешнеполитических шагов Ким Дэ Чжуна стало провозглашение политики «солнечного тепла» в отношении КНДР. Он также выступил за повышение роли России в корейском урегулировании. В результате 13 июня 2000 г. состоялась встреча Ким Дэ Чжуна с лидером Северной Кореи Ким Чен Иром.

Северная Корея

Восстановление хозяйства и социалистические преобразования в КНДР (1953—1956 годы)

После прекращения Корейской войны основной задачей КНДР стало восстановление разрушенного хозяйства. За годы боевых действий в результате временной оккупации территории Северной Кореи и массированных бомбежек были почти полностью разрушены основные города, промышленные предприятия, коммуникации, ирригационные сооружения. Практически все нужно было отстраивать заново — в Пхеньяне, например, сохранилось лишь одно каменное здание.

Параллельно с восстановлением ЦК ТПК принял решение продолжить социалистические преобразования, в частности, ускорить кооперирование сельского хозяйства. Все эти задачи были рассмотрены в практическом плане 6-м пленумом ЦК ТПК в августе 1953 г., постановившим провести восстановительные работы за три года (1953—1956 гг.).

Следует отметить, что послевоенные годы в КНДР характеризовались высоким энтузиазмом населения, рассматривавшим результаты войны как победу над сильнейшей державой противоположного социального лагеря. Кроме того, практически все противники социалистического пути после войны остались южнее 38-й параллели. Хозяйственная разруха также подталкивала колеблющихся к выбору в пользу обобществленных форм собственности, поскольку они получали первоочередную поддержку государства. Поэтому намеченные преобразования проходили быстро и не встречали заметного сопротивления.

С помощью СССР, Китая, других стран соцлагеря восстановление происходило на новой технической базе, позволявшей существенно повышать производительность труда. Благодаря концентрации усилий, капиталовложений, людских ресурсов, трудовому энтузиазму ввод в строй предприятий и объектов инфраструктуры

опережал плановые задания. Было восстановлено 240 и вновь построено 80 предприятий, и уже к августу 1956 г., когда план трехлетки был завершен, уровень довоенного производства (1949 г.) был превышен вдвое.

Столь же успешно шла работа по реконструкции объектов сельского хозяйства, прежде всего обеспечивающих поливное земледелие — основу аграрного сектора Кореи (дамб, плотин, насосных станций, каналов и т.д.). Одновременно шло кооперирование деревни, существенно облегчавшееся подавляющим преобладанием в северной части Корейского полуострова мелких и мельчайших земельных наделов, послевоенной слабостью инвентарной базы крестьянских хозяйств. Помощь кооперативам со стороны государства деньгами, удобрениями, техникой, а также преимущества кооперации при закупках товаров и сбыте продукции сыграли решающую роль в развитии кооперативного движения. К концу 1956 г. кооперативы объединили 81% всех крестьянских хозяйств, владевших 78 % земель. Столь же высокими темпами шло кооперирование в мелком производстве, частной торговле, рыболовстве.

Успехи в восстановлении хозяйства и нормальной жизни, накопление потенциала для быстрого дальнейшего развития, осуществление культурной революции, открывшей доступ широким массам к традиционно ценимому в обществе с конфуцианскими корнями образованию, укрепили авторитет ТПК и ее руководства. В эти же годы постепенно стал складываться культ Ким Ир Сена как «мудрого вождя, ведущего народ от победы к победе». Началась апологетизация его выдающейся роли в партизанском анти-японском движении 30-х годов.

Мощным ударом по этой тенденции стал XX съезд КПСС, разоблачивший культ личности Сталина. Под его влиянием сходные процессы стали проходить и в других компартиях, включая ТПК. Однако «прифронтовое» положение КНДР и особая позиция компартии Китая, в конечном счете не принявшей развенчания культовых явлений (китайские войска все еще находились на территории КНДР), привели к поражению демократических сил в ТПК и дальнейшему развитию культа Ким Ир Сена.

Экономическое и политическое развитие в 1957—1985 годы В апреле 1956 г., когда стала очевидной близость успешного завершения восстановительного периода, был проведен III съезд ТПК. Он наметил курс на «социалистическую индустриализацию» страны, завершение коллективизации, принял пятилетний (1957—1961 гг.) план развития народного хозяйства. По плану к концу пятилетки валовая продукция промышленности должна была возрасти более

чем в 2,6 раза, причем в промышленности намечались важные структурные перестройки, призванные окончательно устранить диспропорции, вызванные разрывом хозяйственных связей с бывшей метрополией и югом Кореи.

В отличие от предыдущего периода в годы первой пятилетки все усилия сосредоточились на создании новых предприятий, в проекты которых были заложены передовые технические решения. Это привело к быстрому росту производительности труда в промышленности (в 1,4 раза), обеспечило среднегодовые темпы прироста продукции в 36,6 % и досрочному выполнению плановых заданий. Столь же успешно шло развитие аграрного производства и в конечном итоге пятилетка была завершена досрочно — в 1960 г. Одновременно были достигнуты большие успехи в жилищном строительстве, организации здравоохранения и образования.

В 1960 г. Север опережал Юг в области экономики по всем основным показателям, что активно использовалось в пропаганде и существенно влияло на устроения населения в обоих государствах. Успехи КНДР в индустриализации привели к расширению ее внешнеторговых связей, число стран — торговых партнеров увеличилось за годы пятилетки с 10 до 40.

Указанные достижения были во многом связаны с помощью, в основном безвозмездной, социалистических стран и прежде всего СССР. В 1960 г. предприятия, построенные или переоборудованные при техническом содействии СССР, давали 40% всего производства электроэнергии, 51% — чугуна, 53% — кокса, 90% — аммиачной селитры, 67% — хлопчатобумажных тканей.

Однако руководство ТПК, оказываясь все более во власти волюнтаристских настроений, недооценивало помощь извне и не смогло вовремя понять необходимость перехода от расширения роста к его интенсификации и внедрению передовых технологий, которыми сама КНДР не располагала. Во вновь принятый IV съездом ТПК (сентябрь 1961 г.) семилетний план на 1961—1967 гг. были по-прежнему заложены в основном экстенсивные факторы роста. Ставилась задача создания самостоятельной промышленности путем преимущественного роста тяжелой индустрии, объем промышленного производства должен был возрасти в 3,3 раза, национальный доход — в 2,7 раза. Несмотря на официально провозглашенное стремление к самостоятельности, важной частью плана было и расширение внешнеэкономических связей прежде всего за счет получения различного содействия от СССР и Китая. В июле 1961 г. с ними были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Вместе с тем в эти же годы руководство ТПК взяло курс на политику дистанцирования от Советского Союза. Это было связано

как с нарастанием советско-китайских противоречий, так и со стремлением оградить расцветающий культ Ким Ир Сена от происходивших в СССР процессов демократизации. Поэтому идеологическое воздействие СССР было признано неблагоприятным («ревизионистским», поскольку в то время ТПК была одной из опор сталинизма). В КНДР стали проходить кампании по борьбе с «низкопоклонством», под которым понималось, в частности, влияние советского примера в технике, литературе, искусстве, резко сократилось число обучавшихся в СССР корейских специалистов.

На рубеже 1950—1960-х годов Ким Ир Сеном была разработана «идеология чучхе», объявленная творческим развитием марксизма-ленинизма. Она призывала все народы, и прежде всего корейский, к опоре только на собственные силы и к развитию чисто национальных черт, отказу от какого-либо внешнего, т.е. иностранного воздействия («Чучхе» в переводе с корейского означает «сам хозяин своего тела»). На практике это вылилось в экономически нереалистичную попытку создать в КНДР автономный хозяйственный комплекс, включая все отрасли производства средств производства. Она привела в дальнейшем к напрасной растрате денежных и трудовых ресурсов, стала причиной существенного снижения темпов развития, вызвала в народном хозяйстве кризисные явления.

Другой стороной «чучхеизма-кимирсенизма» была попытка распространить его в других странах, где создавались финансируемые КНДР центры «изучения идей чучхе». Издавалась «чучхейская» литература на всех языках мира, проводились международные семинары активистов, в самой КНДР воздвигались грандиозные объекты, символизирующие всемирное торжество «идей чучхе». Это отвлекало валютные средства на непроизводительные цели, «съедало» значительную часть экспортных поступлений, стало еще одним тормозом на пути развития страны.

Первоначально плановые задания 1961 и 1962 годов были успешно выполнены, поскольку названные негативные тенденции только набирали силу. Однако приход к власти в Южной Корее в 1961 г. военного режима, карибский кризис осенью 1962 г., нарастающее силовое противостояние главных союзников КНДР — СССР и Китая усилили у пхеньянского руководства ощущение военной угрозы. Поэтому на пленуме ЦК ТПК в декабре 1962 г. был сделан вывод о том, что силы империализма во главе с США активизируют свои агрессивные действия и обращено внимание на необходимость укрепления обороноспособности. По существу, в соответствии с «идеями чучхе», это означало решение подготовиться к самостоятельным военным действиям против США, РК и любых их союзников на Корейском полуострове.

С этого времени стали выделяться значительные ассигнования на оборонные цели. С учетом опыта Корейской войны, проходившей при авиационном преимуществе противника, строились подземные склады, командные пункты, электростанции, заводы и даже аэродромы. Вся страна постепенно военизировалась и готовилась к отражению нападения многократно превосходящих сил врага. Следует отметить, что КНДР стала вести активное противодействие «силам империализма» и в других регионах, оказывая материальную и военную помощь СРВ, Анголе, Египту, палестинцам и другим воюющим государствам и народам.

Проведение курса на параллельное оборонное и хозяйственное строительство, попытки создать полный индустриальный комплекс, огромные пропагандистские расходы, помощь другим государствам обострили проблему накоплений и в конечном счете замедлили выполнение поставленных плановых задач. Уже в октябре 1966 г. конференция ТПК отметила необходимость корректировки семилетнего плана, перенеся его выполнение на 1970 г.

В конце 1960-х — начале 1970-х годов замедление темпов экономического роста КНДР стало резко контрастировать с быстрым развитием экономики Республики Корея. Достигнутые ранее преимущества по большинству показателей были утрачены, а разрыв в пользу Сеула стал неотвратимо нарастать. В конце 1970-х — начале 1980-х годов нарастание экономических трудностей продолжалось. Причинами этого стали растущие межотраслевые диспропорции, поскольку амбициозные планы развития тяжелой индустрии не учитывали в должной мере реальных потребностей экономики и населения, вновь создаваемые промышленные объекты зачастую отличались неоправданно большими масштабами. Волонтаризм в планировании и гигантомания приводили к тому, что напряженный труд и энтузиазм народных масс не давали адекватного улучшения жизненного уровня.

В значительной степени, кроме выше упоминавшихся причин, это было связано с тем, что КНДР вынуждена импортировать подавляющую часть энергоносителей и некоторые другие важные виды сырья. Кроме того, несмотря на огромные усилия по созданию сельскохозяйственных земель на горных неудобьях и отвоеванных у моря пространствах. Северная Корея в силу своего гористого рельефа располагает очень небольшим фондом пригодной для обработки земли. Поэтому в КНДР сохраняется нормированное распределение продовольствия и многих видов ширпотреба.

Характерной особенностью внутривнутриполитической жизни КНДР со второй половины 1970-х годов стало постепенное выдвижение на партийные и государственные посты старшего сына Ким Ир

Сена — Ким Чен Ира. И ранее многие члены семьи северокорейского лидера занимали ключевые посты в ТПК и госаппарате, однако теперь велась целенаправленная подготовка преемника. К началу 1980-х годов по полученным правам и полномочиям младший Ким стал вторым человеком в партийно-государственной иерархии и практически осуществлял руководство большинством направлений внутренней политики.

**КНДР в новой
геополитической
ситуации (1980—
1990-е годы)**

Процессы, приведшие к дезинтеграции СССР несли серьезный удар по всем сторонам общественной жизни КНДР. В области экономики негативно сказалась переориентация бывших социалистических стран, в прошлом традиционных партнеров Пхеньяна, на торговлю с Западом. В результате со второй половины 1980-х годов в КНДР стало наблюдаться сокращение, а затем и падение темпов экономического роста, проявились кризисные явления во многих отраслях народного хозяйства.

1980-е годы стали для КНДР нелегким периодом и во внешнеполитическом плане. В условиях очередного обострения международных отношений, последовавшего после введения советских войск в Афганистан и решения США разместить в Европе крылатые ракеты, КНДР вновь оказалась на передовой линии противоборства двух систем. За постоянную помощь национально-освободительным движениям, выражавшуюся в том числе в военной подготовке их участников и в направлении северокорейских военных специалистов во многие «горячие точки» мира, США еще ранее внесли КНДР в «черный список» как террористическое государство и ввели жесткие санкции на торговлю и контакты с ней. В 1983 г. КНДР была обвинена в покушении на посещавшего с официальным визитом Бирму южнокорейского президента, предпринимались попытки организовать ее международную изоляцию.

В ответ Пхеньян пошел на улучшение политических отношений, несколько ослабевших в результате демонстрации КНДР своей самостоятельности, с СССР, Китаем, странами Восточной Европы. В 1983 г. Ким Ир Сен посетил Пекин, а в 1984 г. предпринял поездку в СССР, Польшу, ГДР, Венгрию, Румынию, Болгарию и Югославию. Эти визиты сопровождались договоренностями по совершенствованию и расширению взаимосвязей КНДР с названными государствами.

Повысилась активность КНДР и на международной арене, в частности, она стала в 1985 г. членом Договора о нераспространении ядерного оружия, а в 1990 г. была одновременно с Республикой Корея принята в ООН.

Однако с 1988 г. прошла, несмотря на резкие протесты КНДР, полоса установления соцстранами дипломатических отношений с Южной Кореей, что вызвало сворачивание связей с ними со стороны Пхеньяна. Затем произошла утрата коммунистическими партиями правящей роли в Восточной Европе и уже восточноевропейские страны сократили свои отношения с КНДР. Руководство КНДР крайне негативно воспринимало и процессы, проходившие после 1985 г. в СССР, в том числе усиливавшиеся обвинения в «одиозности» северокорейского режима.

Достаточно болезненно восприняли в Пхеньяне поглощение ГДР более мощным западногерманским государством, а также внезапное крушение в Румынии власти клана Чаушеску. Эти события, а также «деидеологизация» связей с КНДР со стороны СССР и стран Восточной Европы, утрата ее роли «форпоста социализма» в борьбе с США, коренная перемена международной обстановки привели к усилению в КНДР изоляционистских тенденций. В то же время они сделали очевидными для северокорейского руководства необходимость внесения корректив в его внутреннюю и экономическую политику, а также поиска нового внешнеполитического курса.

На рубеже 1990-х годов своей главной задачей руководство КНДР поставило сохранение в Северной Корее существующего строя и его адаптацию к изменившимся внешним условиям. Практически огражденное от информации извне, северокорейское общество пыталось сохранить стабильность и даже еще более сплотиться под влиянием внешнего давления, однако нерешенность экономических проблем продолжала нести угрозу резкого изменения ситуации. Смерть Ким Ир Сена в июле 1994 г. и переход власти, как и предполагалось, к его сыну вновь показали прочность позиций созданной партийно-государственной системы. Однако эта же система во второй половине 1990-х годов продемонстрировала неспособность справиться с серьезнейшими проблемами страны.

Ситуация в народном хозяйстве становится все более напряженной. Темпы прироста общественного продукта промышленного производства снижаются, испытывается острая нехватка электроэнергии, топлива, сырья, продовольствия. Сельское хозяйство также переживает затяжной спад. Невысокие урожаи зерновых (3,5 млн. тонн в 1995 г.), прежде всего риса — основного продукта питания снижались в последующие годы. В стране сохраняется система нормированного снабжения населения продовольственными товарами, товарами народного потребления.

Тем не менее руководство страны по-прежнему продолжает искать выход из положения не в экономических и социальных реформах, а в установлении жесткой дисциплины и ограничений.

Население ограждается от какого-либо внешнего влияния. В рамках ведущейся в стране пропагандистской кампании делается акцент на раскрытие «преимуществ социализма корейского типа», воспитание национальной гордости и стойкости перед лицом «антисоциалистического наступления реакции». Крайне обострились, вплоть до открытой военной конфронтации, отношения с Южной Кореей. Правда, весной 2000 г., находясь у «последней черты» Ким Чен Ир предпочел несколько разрядить обстановку, сделав ряд заявлений о возможностях открытого диалога с РК при посредничестве России. Начало диалога было положено 13 июня 2000 г. на встрече с лидером Южной Кореи.

§ 11. Китай в 1945–1957 годах

Китай в 1945.— После окончания второй мировой войны снова стал
1946 гг. вопрос о политическом объединении Китая. Две основных силы — КПК и Гоминьдан повели между собой борьбу за гегемонию в стране.

До мая 1946 г., в соответствии с соглашением между СССР и Китайской Республикой, на территории Маньчжурии находились советские войска. Этот район в период существования государства Маньчжоу-го японцы превратили в один из самых экономически развитых, на долю которого приходилось около одной-пятой части всего объема промышленного производства Китая.

СССР и Китай вновь вступили в совместное управление КВЖД (переименованную в Китайско-Чанчуньскую железную дорогу, КЧЖД), советские специалисты оказывали помощь в восстановлении разрушенных объектов в Маньчжурии.

В результате переговоров в Чунцине, КПК и ГМД 10 октября 1945 г. заключили соглашение об установлении мира и национального единства и созыве Политического консультативного совета для перехода от режима «политической опеки» к демократической республике. Однако участники переговоров так и не смогли договориться о будущем статусе вооруженных формирований КПК. Чан Кай-ши настаивал на их роспуске и передаче власти в освобожденных районах представителям его правительства. Мао Цзэдун на это пойти не мог и ответил отказом. Тогда лидер Гоминьдана, заручившись поддержкой США, предпринял попытки осуществления ряда наступательных операций в районах, находившихся под контролем коммунистов. Страна вновь оказалась на грани гражданской войны.

В конце 1945 г. во время работы совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, было принято решение

о необходимости не допустить гражданскую войну в Китае и как можно скорее вывести оттуда советские и американские войска. Тогда же был возобновлен внутрикитайский диалог и 10 января 1946 г. начала свою работу Политическая консультативная конференция. Ее участниками было принято решение о создании Государственного совета Китайской республики, состоящего наполовину из представителей ГМД и наполовину — представителей КПК и других политических организаций страны.

Для внешних заинтересованных сил в тот момент ситуация еще не была достаточно ясной. США, войска которых находились в Китае, рассчитывая на укрепление своих позиций в стране, приняли участие в подготовке армии Гоминьдана, обучив 150 тысяч солдат и вооружив 45 дивизий. СССР, сохраняя официальные отношения с режимом Чан Кайши, еще не определился в своей поддержке китайских коммунистов. Для И.В. Сталина, как и президента США Г. Трумэна, в тот момент казалось, что наиболее удачным вариантом станет коалиционное правительство единого Китая. Однако события разворачивались в другом направлении.

**Гражданская
война 1946—
1949 гг.**

Летом 1946 г. начинается наступление войск ГМД на районы, контролировавшиеся КПК. Это означало возобновление гражданской войны. На первом этапе, продолжавшемся до середины 1947 г., успех был на стороне более оснащенной и хорошо подготовленной армии Чан Кайши, поддержанной США. Отбив у войск КПК контроль над районом Центральной равнины (севернее Янцзы), к осени 1946 г. гоминьдановцы захватили административный центр Внутренней Монголии Чжанцзянкуо. Но главным их успехом явился захват штаб-квартиры КПК — города Яньань весной 1947 г. С помощью СССР вооруженным силам коммунистов удалось осуществить переформирование и к июлю 1947 они отбили у ГМД часть территорий в Манчжурии и почти всю Центральную равнину.

В ходе гражданской войны в полной мере оправдались надежды коммунистов на использование тактики партизанской войны, опыт которой был ими приобретен в ходе событий 1927—1937 гг. На подконтрольных Гоминьдану территориях проводились широкомасштабные операции по уничтожению живой силы и техники противника.

США вынашивали планы оказания помощи режиму Чан Кайши. Так, в частности, была предложена идея установления над Северо-Восточным Китаем совместного протектората СССР, США, Великобритании и Франции. Кроме того, расширялись масштабы военной помощи армии ГМД. Более радикальный вариант —

направление в Китай американских вооруженных сил, не мог быть осуществлен по техническим причинам: в это время в США происходило крупное сокращение армии, да и общественное мнение не было склонно особенно симпатизировать режиму Чан Кайши.

Тем не менее, к началу 1947 г. в Китае находилось почти 100 тысяч военнослужащих армии США. Американская администрация регулярно поставляла ГМД современное вооружение, прежде всего в районы Северного и Северо-Восточного Китая. В июле-августе 1947 г. ГМД дал согласие на создание американских баз на Тайване, в Гуанчжоу, а также в ряде других районов Западного и Северного Китая.

Решающие сражения, определившие конечный итог войны, развернулись в конце 1948 — первой половине 1949 гг. Все свои вооруженные силы коммунисты свели в четыре полевых армии. Первая, под командованием Пэн Дэхуая, размещалась в северо-западной части страны, Вторая армия Лю Бочэна находилась в Центральном Китае, Третья, руководимая Чэнь И, на востоке, а в Маньчжурии размещалась Четвертая армия под командованием Линь Бяо.

Вначале коммунисты одержали победу в районе Шэньяня (Маньчжурия), а затем захватили Чаньчунь. Таким образом, ими уже тогда контролировался Северо-Восточный Китай.

Оказавшись в безвыходном положении, Чан Кайши в январе 1949 г. обратился к руководителям США, Великобритании и СССР стать посредниками в достижении мира с КПК. Однако руководство СССР ответило отказом, заявив, что все происходящее — «внутреннее дело» Китая. 21 января Чан Кайши объявил о своем уходе с поста президента Китайской Республики. Его обязанности переходили к вице-президенту Ли Цзунчжэню.

Сражения в Северном Китае завершились для КПК установлением контроля над стратегически важным районом Пекин-Тяньцзинь. Одновременно южнее Пекина, около города Сюйчжоу, развернулись сражения, открывшие для коммунистов путь к Шанхаю, Нанкину и Уханю, которые вскоре были ими захвачены.

В июле 1949 г. в Москве находилась делегация КПК во главе с Лю Шаоци. На встрече с И.В. Сталиным им высказывалась просьба поддержать авиацией и подводными лодками готовившиеся войсками коммунистов военные операции по освобождению Тайваня и Гонконга. Однако советский лидер не пошел на столь решительный шаг. Другой член делегации — глава правительства Северо-Восточного Китая Гао Ган, выступил с идеей присоединения подконтрольного ему региона к СССР в качестве одной из союзных республик, мотивируя это желанием обезопаситься от возможного

нападения со стороны США. И.В. Сталин также отклонил эту инициативу, понимая ее далеко идущие последствия.

К осени 1949 г., лишь Тайвань и Тибет были вне контроля КПК. Кроме того, Гонконг и Макао продолжали оставаться под управлением Великобритании и Португалии.

Образование КНР В сентябре 1949 г. в Пекине прошло заседание Народного политического консультативного совета (НПКС), в состав которого вошли представители антигоминьдановски настроенных политических сил. Было принято решение о создании Центрального Народного Правительства (ЦНП), в руки которого официально передавалась власть в стране.

1 октября 1949 г. в Пекине официально было провозглашено создание Китайской Народной Республики (КНР). Этому событию предшествовали второй Пленум ЦК КПК (март 1949 г.) и публикация программной работы Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа».

В своей речи на пленуме Мао Цзэдун сформулировал собственное видение развития Китая после окончания гражданской войны. По его мнению, непосредственный переход к социализму в Китае было делом отдаленного будущего, а первоочередной задачей являлась «новая демократия» как своеобразный этап на этом пути. Главной задачей партии провозглашалось превращение Китая в сильную промышленно развитую державу с решающей ролью рабочего класса в обществе:

В статье «О демократической диктатуре народа» лидер КПК прямо указал, что новый Китай будет добиваться поставленных задач при опоре на социалистический лагерь, прежде всего СССР.

Чан Кайши со своими сторонниками, при поддержке США эмигрировал на Тайвань, где формально было сохранено прежнее государственное образование — Китайская Республика, развивавшееся по капиталистическому пути и претендовавшее на место единственного законного представителя китайского народа на международной арене.

КНР в 1949—1952 гг. Несмотря на успехи НОАК, боевые действия с войсками ГМД продолжалось в отдельных районах материкового Китая вплоть до лета 1950 г., а последние очаги сопротивления коммунистам были подавлены лишь к середине 1952 г.

В 1951 г. к КНР был присоединен Тибет в качестве автономного района. Установленный там режим учитывал специфику исторического развития данного района, поэтому во главе местного

управления формально продолжала оставаться местная элита во главе с Далай-ламой.

Первое время после победы революции власть на местах осуществлялась военно-административными комитетами, имевшими широкие полномочия, особенно в борьбе с «врагами революции».

Приход коммунистов к власти сопровождался становлением новых органов власти в соответствии с разработанной под руководством Мао Цзэдуна теорией государства «новой демократии». Она была закреплена в Общей программе Народного Политического Консультативного Совета (НКПС), выполнявшего до осени 1954 г. роль Основного Закона КНР.

Согласно этого документа, новая власть представлялась «демократической диктатурой народа», под которой подразумевались самые широкие слои населения от крестьянства до национальной буржуазии включительно при руководящей роли рабочего класса, осуществлявшей ее через КПК. Всего в правящей партии к тому времени насчитывалось около 4.5 млн. членов, из которых рабочие составляли не более 5 %.

Высшим органом власти в 1949—1954 гг. считалось Центральное Народное Правительство КНР, которое возглавлял Мао Цзэдун. Формально ЦНП было коалиционным. В нем наряду с членами КПК были представлены и другие, враждебно настроенные к ГМД политические деятели. Однако их удельный вес в ключевых министерствах был незначителен. Кроме того, коммунисты сохраняли за собой полный контроль над армией, органами внутренних дел и государственной безопасности.

Военно-административные комитеты провинций и городов возглавлялись командирами или политическими комиссарами НОАК, имевшими там неограниченные полномочия. Постепенно, по мере выполнения своей главной задачи — «подавление контрреволюции», эти комитеты передавали власть избранным местным народным правительствам, представлявших уже органы гражданского управления под непосредственным контролем КПК.

На этом этапе, по тактическим соображениям, еще не объявлялось о проведении непосредственно социалистических преобразований.

КПК унаследовала власть над материковым Китаем в условиях сложного международного положения, в разгар «холодной войны». Промышленность была истощена войной, и ее объем производства составлял к моменту провозглашения КНР около половины довоенного. В сельском хозяйстве ситуация обострялась еще хуже. Резко возросла инфляция. Основная масса населения испытывала большие лишения.

В этой обстановке Мао Цзэдун мог рассчитывать лишь на помощь со стороны СССР и он пошел на решительный шаг в этом направлении. В конце 1949 г. он выехал в Москву на празднование 70-летия И.В. Сталина, по окончании торжеств остался в СССР с визитом вплоть до середины февраля 1950 г.

В ходе переговоров с советским руководством был обсужден широкий круг двусторонних и международных проблем, в результате был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР сроком на 30 лет. На его основе строились двусторонние связи вплоть до конца 50-х гг., хотя формально он просуществовал вплоть до 1980 г.

Одновременно с заключением советско-китайского договора были подписаны соглашения о предоставлении правительству КНР кредита в размере 300 миллионов долларов и помощи в строительстве на ее территории 50 крупных промышленных объектов. СССР безвозмездно передавал японскую собственность в Маньчжурии, а также здания бывшего российского военного городка в Пекине. Отдельное соглашение о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем предусматривало безвозмездную передачу СССР до конца 1952 г. всех своих имущественных прав на эти объекты и выводе из Порт-Артура советских войск.

Летом 1950 г. начал осуществляться на практике Закон об аграрной реформе, согласно которому отменялась помещичья собственность на землю. При этом значительная ее часть национализировалась, а остальная передавалась во владение крестьянам. Эта кампания продолжалась вплоть до весны 1953 г., при этом значительная часть помещиков была физически уничтожена, а позиции зажиточных крестьян ослаблены.

Параллельно в городах проводилась конфискация собственности крупной национальной буржуазии и иностранного капитала, создавался госсектор экономики. К 1952 г. его доля уже составляла около 60 % от общего объема валовой продукции промышленности.

С помощью советских специалистов в 1951 г. был разработан годовой план экономического развития КНР, способствовавший процессу создания в стране единого экономического пространства.

В 1951—1952 гг. по инициативе КПК были развернуты идеологические кампании, формально направленные на борьбу с коррупцией и бюрократизмом, но вылившиеся на практике в еще большее ограничение роли национальной буржуазии в жизни общества, а в отдельных районах приводившие и к физической расправе над представителями ранее господствовавших классов.

После завершения «переходного периода», в 1952 г. КПК выдвинула новую «генеральную линию», суть которой состояла

в переходе к непосредственно социалистическим преобразованиям в промышленности и сельском хозяйстве. Предполагалось осуществление в течение достаточно длительного срока.

Первая пятилетка В 1953—1957 гг. в Китае, при активной экономической помощи СССР, осуществлялся первый пятилетний план развития, заложивший фундамент административно-командной системы. При советской помощи в этот период сооружалось 156 промышленных объектов. К 1957 г. 68 из них были сданы в эксплуатацию.

С 1953 г. правительство ввело государственную монополию на закупку у населения зерна, технических культур, а затем хлопка и тканей. В сельской местности создавались кооперативы, в которых земля пока еще сохранялась в собственности крестьян. К 1955 г. они охватывали до 15% хозяйств. Затем наступил следующий этап — создание кооперативов «высшего типа», в которых в общественной собственности находились земля, а также и орудия производства. В большинстве этих кооперативов наблюдался низкий уровень техники и отсталые методы ведения хозяйства. Тем не менее, сбор продовольственных культур увеличился за годы пятилетки на 20 %.

В это время в городах национальная буржуазия вытеснялась из сферы торговли, а более 3/4 всех предприятий, находившихся под контролем частного капитала, вынуждены были выполнять госзаказы. К 1956 г. почти все они были преобразованы в смешанные и полностью поставлены под контроль государства.

К весне 1956 г. было завершено кооперирование крестьянства, а также преобразование частного сектора в промышленности и торговле. При этом бывшие владельцы получали (вплоть до 1966 г.) 5% годовых от их капитала (с 1979 г. эта практика была возобновлена).

За годы пятилетки общий объем промышленного производства увеличился на 141%, , более чем на 60% удовлетворялась потребность КНР в машинах и оборудовании, на 90% увеличилось производство предметов потребления.

В эти годы тысячи китайских специалистов прошли обучение или производственную практику в СССР (в их числе и нынешние Председатель КНР Цзян Цзэминь, в 1955 г. стажировавшийся в Москве на ЗИЛе, и Председатель ПК ВСНП Ли Пэн, окончивший один из московских вузов). Всего за годы первой пятилетки число инженерно-технических работников утроилось.

Почти полностью была ликвидирована безработица, началось осуществление жилищного строительства в городах, достигнуты успехи в ликвидации неграмотности.

Политическое развитие КНР в 1953—1957 гг. Важным событием, повлиявшим на дальнейшее развитие внутренней и внешней политики КНР, стала кончина И.В. Сталина. Для Мао Цзэдуна, наконец, представилась возможность устранить некоторых политиков, пользовавшихся поддержкой покойного советского лидера. В конце 1953 г. из Северо-Восточного Китая был отозван Гао Ган. На Пленуме ЦК КПК, состоявшемся в феврале 1954 г., он вместе с другим руководителем — Жао Шуши, был объявлен «антипартийным элементом». Вскоре они были арестованы. В начале 1955 г. Гао Ган при неясных обстоятельствах погиб.

Однако только укрепление позиций внутри Китая для Мао Цзэдуна оказалось недостаточным. После смерти И.В. Сталина китайская пропаганда все более определенно проводила мысль о том, что освободившееся место «лидера мирового коммунистического движения» должен занять именно он как «наиболее авторитетный» деятель среди руководителей социалистических стран. Параллельно выдвигался тезис о том, что конечная цель политики КПК — создание «великого Китая», а строительство социализма — лишь один из этапов на этом пути. Для ускорения данного процесса в 1955—1956 гг. были пересмотрены сроки построения социализма. Теперь его завершение намечалось на 1959 год. Китайский народ, по Мао Цзэдуну, уподоблялся «чистому листу бумаги», на котором можно писать «любые иероглифы», и это обстоятельство, следовательно, позволит успешно решать сложные задачи.

Принятая в 1954 г. Конституция юридически закрепляла социалистический характер государства. Были внесены изменения в структуру высших государственных органов. Вводился пост Председателя КНР, правительство стало называться Государственным административным советом, высшим представительным органом объявлялось Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП). Реальная власть на всех уровнях, как и в других социалистических государствах, находилась в структурах компартии.

Важнейшим событием в политической жизни КНР стала первая сессия VIII съезда КПК, проходившая в сентябре 1956 г. Большое воздействие на его делегатов оказал XX съезд КПСС, осудивший культ личности И.В. Сталина. Китайские коммунисты поддержали это решение, однако, повторять в полной мере шаги советских коммунистов они не стали. Своеобразным компромиссом стало изъятие из Устава КПК упоминания об идеях Мао Цзэдуна. Однако он сам сохранил пост председателя партии. Вся текущая организационная работа координировалась генеральным секретарем ЦК КПК Дэн Сяопином, который, по существу, стал одной из ключевых фигур в китайском руководстве.

Незадолго до VIII съезда, по призыву Мао Цзэдуна была объявлена очередная идеологическая кампания «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ». На первом этапе она подразумевала значительную степень плюрализма в выражении взглядов, особенно в среде творческой интеллигенции. Некоторые ее представители, посчитав это, по примеру СССР, «оттепелью», достаточно откровенно высказывались по поводу новых властей и порядков. К лету следующего года ситуация в корне изменилась. Мао Цзэдун прямо заявил, что широкая трибуна оппозиции предоставлялась с одной целью — выявить и затем выкорчевывать «сорную траву». Это и стало осуществляться по решению четвертой сессии ВСНП, проходившей в конце июня — начале июля 1957 г. К 1958 г., по официальным данным, около 10 тыс. «правых элементов» было репрессировано, в том числе своих мандатов были лишены 54 депутата ВСНП, заподозренных в симпатии к ним.

В конце лета 1957 г. было издано постановление о «привлечении к физическому труду» фактически любого неудобного властям гражданина КНР на неопределенный срок. «Перевоспитание», как правило, проходило в специальных лагерях, созданных по всей стране. К осени того же года началась кампания по «воспитанию рабочих и крестьян», которая в сельской местности вылилась в усиление контроля над крестьянством и проведении массовых ирригационных работ, а в городах в требованиях к рабочим резко увеличить производительность труда при одновременном снижении зарплаты.

В ноябре 1957 г. Мао Цзэдун второй раз посетил СССР во главе делегации, принявшей участие в работе международного совещания коммунистических и рабочих партий. В ходе его работы вновь проявились претензии Мао на лидирующую роль. Он пытался доказать, что центр мирового революционного движения переместился в Китай, а также говорил о возможности ядерной войны с «мировым империализмом», в которой социалистический лагерь должен одержать победу, даже если при этом погибнет половина человечества.

§ 12. КНР в 1958–1976 годах

«Большой скачок» и его последствия.

В начале 1958 г., на закрытом совещании в ЦК КПК, Мао Цзэдун сделал несколько заявлений, суть которых состояла в подготовке населения для восприятия нового курса во внутренней политике и экономике. Фразы типа «бедность — это хорошо», «политика — командная сила», наводили на мысль о новых тяжелых испытаниях, ожидающих китайский народ в самом ближайшем будущем.

В мае 1958 г. состоялась вторая сессия VIII съезда КПК, в ходе которой была провозглашена новая генеральная линия партии, сводившаяся к лозунгу «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономнее».

Стремясь показать себя «большими марксистами», чем лидеры СССР, китайское руководство попыталось осуществить на практике форсированное развитие экономики и за три года построить в стране основы коммунистического общества. Намечались совершенно нереальные темпы экономического роста. Так, например, вторую пятилетку предполагалось завершить за один год, производство продукции сельского хозяйства увеличить в 2,5 раза, а промышленной — в 6,5 раз за три года. Таким образом, среднегодовые темпы прироста в промышленности должны были составлять 45 %, в сельском хозяйстве — 20%. Выплавка стали, к примеру, к концу пятилетки должна была увеличиться до 80—100 млн. тонн в год, сбор зерновых составить порядка 300—350 млн. тонн.

Появились новые лозунги — «большого скачка» и «народных коммун», вместе с «новой генеральной линией» получивших обобщенное название «грех красных знамен».

С середины 1958 г., после принятия соответствующего решения на совещании в Байдэйхэ, было создано 26 тыс. «народных коммун», объединивших прежние сельхозкооперативы. Это были объединения высшего типа, в которых происходило почти полное обобществление собственности крестьян, вплоть до домашней утвари. Там осуществлялось уравнивание произведенной продукции, вводилось «бесплатное коллективное питание».

Уже через несколько месяцев подобного рода «эксперименты» дали первые результаты — резко снизилась производительность труда, в отдельных районах начался голод.

В рамках «большого скачка» в конце 1958 г. прошла так называемая «битва за сталь». Более 90 млн. человек, в абсолютном большинстве не имевших до того времени никакого представления о металлургии, по всей стране строили кустарным способом небольшие доменные печи. Таким образом, решалась поставленная руководством задача — удвоение выплавки стали. Результатом же стало появление продукции очень низкого качества, на производство которой израсходовали огромное количество каменного угля и железной руды, а также домашней утвари, отправленной «энтузиастами» на переплавку после того, как закончилось основное сырье.

Еще более непродуманными выглядели меры по преодолению кризиса в сельском хозяйстве. Например, по всему Китаю были предприняты меры по уничтожению воробьев, которые, по мнению Мао, наносили ущерб рисовым полям и могли способствовать

наступлению голода. В результате почти все они были уничтожены многочисленными отрядами «энтузиастов», но проблема еще более обострилась из-за увеличения количества гусениц и других сельскохозяйственных вредителей.

Но это не остановило Мао Цзэдуна и некоторых его соратников. Внеся некоторые коррективы в проводимый курс, они продолжали прежнюю политику еще почти два года. Недовольство ряда руководящих работников особенно отчетливо проявилось в ходе проходившего летом 1959 г. совещания ЦК КПК. Среди его участников было распространено письмо министра обороны маршала Пэн Дэхуая в адрес Мао Цзэдуна с критикой проводимого курса. Его поддерживали некоторые другие партийные и государственные деятели. В результате все они были обвинены в «антипартийной деятельности» и отстранены от работы. Пост министра обороны занял твердый сторонник Мао Цзэдуна маршал Линь Бяо.

Все это происходило вскоре после событий в Тибете, где недовольство населения политикой КПК вылилось в восстание. Его удалось подавить, а Далай-лама вынужден был эмигрировать в Индию, что, в свою очередь, вызвало напряженность в китайско-индийских отношениях. В самом Тибете была проведена чистка среди местной элиты, в этом районе начались реформы с целью интеграции тибетцев в «социалистические отношения».

По некоторым данным, за годы «большого скачка» валовая стоимость продукции народного хозяйства КНР сократилась на треть, национальный доход — на четверть. Стремясь в какой-то степени снять с себя ответственность за происходившее, в 1959 г. Мао Цзэдун уступил пост Председателя КНР своему заместителю по партии Лю Шаоци, к которому постепенно перешли реальные рычаги управления экономикой. Председателем ПК ВСНП стал маршал Чжу Дэ.

И без того сложную экономическую ситуацию, сложившуюся в ходе «большого скачка», еще более осложнило решение Н.С. Хрущева об отзыве из КНР советских специалистов в июне 1960 г. У Мао Цзэдуна появился реальный шанс списать свои ошибки на СССР, нанеся его стране «удар в спину».

**Попытки
преодоления
кризиса**

Хотя официально о прекращении политики «трех красных знамен» объявлено не было, с начала 60-х гг. китайским руководством были предприняты шаги по преодолению ее отрицательных последствий.

Так, на состоявшемся в начале 1961 г. пленуме ЦК КПК провозглашался курс на «урегулирование, укрепление, пополнение и повышение в области народного хозяйства». Осуществление новой внутренней политики проводилось под общим руководством Лю

Шаоци и Дэн Сяопина. В частности, летом 1962 г., когда в некоторых районах Китая наступил голод, Дэн Сяопин на одном из заседаний Секретариата ЦК даже предлагал пойти на частичное восстановление в сельской местности системы единоличных хозяйств с целью увеличения производства продовольствия.

Лю Шаоци в своих официальных выступлениях прямо указывал, что лишь на одну треть тогдашние трудности — последствия стихийных бедствий, а на две трети — результат ошибок.

К концу 1962 г. удалось добиться спада производства. Начал восстанавливаться потенциал сельского хозяйства. Основной единицей в деревне стали производственные бригады, объединявшие крестьян на принципах самоокупаемости и совместного владения землей. Им постепенно возвращались подсобные хозяйства и домашняя утварь, обобщественные ранее.

Особое внимание уделялось военному строительству, вскоре ставшему одной из приоритетных отраслей. Были приложены огромные усилия по реализации китайской ядерной программы, увенчавшейся в 1964 г. созданием собственной атомной бомбы.

В печати все чаще появлялись статьи с завуалированной критикой проводимого ранее курса, подчеркивалась необходимость преобразований в различных сферах жизни. Особенно большой резонанс получили выступления в печати заместителя мэра Пекина У Ханя, опубликовавшего пьесу «Разжалование Хай Жуя», которая содержала прямые намеки на несправедливость, допущенную в отношении Пэн Дэхуая, а также секретаря Пекинского горкома Дэн То и директора института экономики АН КНР Сунь Ефана. Последний предлагал перейти в народном хозяйстве на принципы хозрасчета.

В то же время министр обороны Линь Бяо проводил другую линию, объявив о своем стремлении превратить руководимые им вооруженные силы в «школу идей Мао Цзэдуна». В этом отношении он все больше сближался с позицией жены Мао Цзэдуна Цзян Цин и ее единомышленниками. Весной 1965 г. в НОАК была создана «Группа по делам культурной революции», главным советником которой стала Цзян Цин.

С середины 60-х гг. официальная пропаганда делает упор на еще большее восхваление Мао Цзэдуна. Тиражи его работ стали исчисляться десятками миллионов экземпляров, в официальной пропаганде его стали называть Великим Кормчим, без изучения идей которого невозможно «совершить революцию». Однако китайское общество было все труднее убедить в этом. Тогда Мао решил изменить тактику. Еще в конце 1964 г. на закрытом заседании ЦК КПК обсуждался вопрос о подготовке очередной кампании, которая должна была привести к широкомасштабной чистке в партии.

Лю Шаоци и Дэн Сяопин поддержали эту линию, однако, Мао сделал ставку на группу радикалов во главе с Цзян Цин и Линь Бяо.

Мао Цзэдун накануне решающих событий постарался максимально усыпить бдительность своих оппонентов. В 1963 г. ему исполнилось 70 лет, и в своих немногочисленных выступлениях и интервью он все чаще говорил о готовности вскоре «предстать перед Марксом». На самом деле он рассчитывал вновь сыграть решающую роль в борьбе за власть. Еще в 1962 г. на Пленуме ЦК он подвел теоретическую базу под новую политику, выдвинув концепцию «усиления классовой борьбы» при социализме.

**Внешняя
политика КНР в
конце 50-х —
середине 60-х гг.**

С 1958 г. постепенно начинает меняться характер внешнеполитического курса КНР. Он отличался особым, отличным от позиции СССР и его союзников, отношением к разрешению важнейших международных проблем и переходом на прагматичные оценки ситуации в тогдашнем мире.

В августе 1958 г. китайские войска обстреляли острова Цзиньмынь и Мацзу в Тайваньском проливе, находившиеся под контролем режима Чан Кайши. Таким образом, руководство КНР стремилось напомнить мировому сообществу о своих претензиях на эти территории. Инцидент грозил перерасти в более масштабный военный конфликт с участием США. СССР в тот момент выступил с решительным заявлением в поддержку КНР и вскоре инцидент был исчерпан.

Через год вспыхнул еще один конфликт, теперь уже на границе с Индией. Его также удалось урегулировать, но отношения между двумя великими азиатскими державами ухудшились на долгие годы.

Начиная с 1958 г. постепенно шли на убыль советско-китайские отношения. Особенно ярко это проявилось в ходе визитов Н.С. Хрущева в Пекин в мае 1958 г. и на празднование десятилетия КНР. Советский лидер тогда ответил отказом на просьбу Мао Цзэдуна предоставить Китаю технологию производства атомного оружия, мотивируя свое решение тем, что в случае нападения на КНР какой-либо державы, СССР сумеет защитить своего главного союзника. В ходе переговоров Мао Цзэдун высказывал неудовольствие по поводу осуждения культа личности Сталина, а министр иностранных дел Чэнь И — по поводу отказа СССР открыто поддержать КНР в пограничном конфликте с Индией. Н.С. Хрущев реагировал также достаточно резко на нападки китайских лидеров. В последующие несколько лет объем взаимной полемики нарастал.

В 1960 г. в ходе работы Международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве Лю Шаоци, возглавлявший

делегацию КПК, все же подписал совместное итоговое заявление. Но уже тогда стало ясно, что китайские лидеры ведут дело к расколу коммунистического движения. На сторону КПК стали лишь лидеры Албании, а руководители ДРВ и КНДР заняли в их отношении в целом сочувствующую позицию, при этом сохраняя свои связи с СССР. На стороне КПСС осталось и абсолютное большинство руководителей компартий несоциалистических стран.

XXII съезд КПСС, проходивший осенью 1961 г., стал последним, на котором присутствовала делегация КПК, покинувшая его еще до официального окончания работы. Неудовольствие китайских лидеров вызвала прежде всего новая острая критика культа личности И.В. Сталина и решение о выносе его тела из Мавзолея.

Окончательно разногласия между двумя партиями были сформулированы в 1963 г., когда в адрес КПСС из Пекина поступило письмо озаглавленное как «Предложение о генеральной линии международного коммунистического движения». Китайские лидеры призывали к открытому противоборству между социализмом и капитализмом («действовать острием против острия»). СССР был объявлен страной «современного ревизионизма». Он и его союзники обвинялись в «реставрации капитализма». Предложение о «генеральной линии» продолжило курс на открытый раскол в международном коммунистическом движении. При участии КПК в ряде стран мира образовались самостоятельные пропекинские компартии или же руководители некоторых старых компартий (особенно в Юго-Восточной Азии) объявили о своем союзе с КПК.

В феврале 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС советские лидеры обвинили своих китайских оппонентов в отходе от согласованной линии международного коммунистического движения, в мелкобуржуазном авантюризме и великодержавном шовинизме. В свою очередь, из Китая шли ответные обвинения в «буржуазном переждении».

Таким образом, обе стороны начали соревнование в том, кто из них является «истинными марксистами».

С весны 1965 г. отношения между КПСС и КПК были фактически прерваны, также как и большинство контактов на межгосударственном уровне.

В беседе с японскими социалистами Мао Цзэдун летом 1964 г. выдвинул территориальные претензии к СССР. Кроме того, с начала 60-х гг. в основу официальной внешнеполитической линии была положена так называемая «теория промежуточных зон», позднее трансформированная в концепцию о «гегемонии двух сверхдержав». Суть ее сводилась к провозглашению новой роли КНР в качестве «третьей силы» в противоборстве между СССР и США

на международной арене. К этой силе должны были примкнуть государства, как Запада, так и Востока, недовольные гегемонией двух сверхдержав.

Следует отметить, что такой жесткой линии китайского руководства во многом способствовала позиция тогдашних руководителей СССР, особенно Н.С.Хрущева, усиливающийся со стороны КПСС огонь критики в адрес КПК. В сентябре 1965 г. была опубликована статья Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!», представлявшая собой обоснование новой линии КНР на международной арене. В ней прямо указывалось, что мир можно условно разделить на два района — «мировой город» (развитые страны Северной Америки и Европы) и «мировую деревню» (развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки). Как считал автор, происходит окружение первого района вторым и это создает благоприятные условия для нового подъема «мировой революции». На этой основе строился внешнеполитический курс КНР вплоть до начала 70-х гг.

**«Культурная
революция»
(1966—1976
годы). Первый
этап**

В мае 1966 г. на заседании Политбюро ЦК КПК были сформулированы основные идеи новой кампании борьбы за власть группы Мао Цзэдуна. На нем были подвергнуты критике и сняты со своих постов несколько видных партийных деятелей, в том числе первый секретарь столичного горкома Пэн Чжэнь и заведующий отделом ЦК Лу Диньи. В дополнение к уже существовавшей в армии, создавалась группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК (ГКР). Ее возглавил давний сторонник Мао, его бывший личный секретарь Чэнь Бода. Заместителями главы группы стали жена Мао Цзэдуна Цзян Цин и секретарь Шанхайского горкома Чжан Чуньцяо. Советником был назначен Кан Шэн. Вскоре она подменила собой высшие партийные и государственные органы и сосредоточила в своих руках реальную власть.

В конце мая в Пекинском университете был образован первый отряд хунвейбинов (красных охранников) из числа радикально настроенных студентов. Несколько позднее по всему Китаю среди молодых малоквалифицированных рабочих были образованы отряды цзаофаней (бунтарей). Мао Цзэдун поддержал эти инициативы.

В июне-июле 1966 г. сторонники Лао Шаоци попытались блокировать действия хунвейбинов и цзаофаней, создав в противовес им «рабочие группы» из кадровых работников. Но Мао потребовал их роспуска.

В начале августа 1966 г. состоялся XI Пленум ЦК. На нем отсутствовало около половины уже репрессированных членов ЦК. Зато

в его работе приняли участие представители хунвейбинов и члены ГКР. Мао в ходе его работы вывесил собственное воззвание «Огонь по штабам!».

Мао удалось провести резолюцию с одобрительным решением о разворачивании «культурной революции». Сразу после Пленума в Пекине состоялось несколько встреч-митингов хунвейбинов с Мао Цзэдуном и Линь Бяо. К тому времени по всей стране их насчитывалось около 40 млн. Их лидеры призывали бороться с проявлением буржуазной культуры: громить библиотеки, уничтожать произведения искусства и т.д. Их место должны были занять «новые культурные образцы», прославлявшие мудрость Председателя Мао.

В некоторых провинциях они встречали упорное сопротивление местных руководителей и населения.

Основной удар критики пришелся на Председателя КНР Лю Шаоци и генсека ЦК КПК Дэн Сяопина, объявленных хунвейбинами «каппутистами» и вскоре отстраненных от выполнения своих обязанностей.

Находясь под воздействием официальной пропаганды, хунвейбины и цзаофани повели ожесточенную борьбу против культурного наследия Китая. Уничтожались книги, архитектурные памятники, произведения «враждебной» живописи.

В Пекине на многих языках народов мира огромными тиражами был выпущен сборник цитат из произведений Мао Цзэдуна, объявленных «вершиной человеческой мысли». Его изучение отныне становилось обязательным для каждого гражданина КНР.

«Враги» направлялись для «перевоспитания» в специальные лагеря, где занимались тяжелым физическим трудом и подвергались «перевоспитанию».

В начале января 1967 г. хунвейбины и цзаофани фактически осуществили захват власти в Шанхае. Мао Цзэдун призвал своих сторонников осуществить тоже самое по всему Китаю.

23 января было принято официальное решение о вступлении армии в культурную революцию и военным, предписывалась активная помощь «революционерам».

В марте того же года на совместном заседании ЦК КПК и Военного Совета ЦК состоялся формальный вывод Лю Шаоци из Политбюро.

Наиболее серьезный очаг сопротивления проводимому курсу возник в Ухане летом 1967 г. Попытки установить там безраздельное господство хунвейбинов натолкнулось на сопротивление местного населения. Тогда по приказу Мао туда были переброшены регулярные войска.

После подавления этого выступления Мао предпринимает инспекционную поездку по ряду районов с целью активизировать своих сторонников. В результате волна репрессий стала усиливаться. В весне 1968 г. намечена полная замена парткомов на местах «революционными». При этом часть лидеров хунвейбинов и цзаофаней, которые, по мнению инициаторов «культурной революции», выполнили к тому времени предназначенные им функции, должны были уступить свое место новым выдвиженцам, прежде всего военным. С августа 1968 г. начинается организационная ликвидация движения хунвейбинов и цзаофаней в вузах и учреждениях. Миллионы его участников были выселены из городов в отдаленные сельскохозяйственные районы.

С октября 1968 г. обострилась борьба за власть между различными группами внутри руководства КПК по вопросам дальнейшего развития.

В период 1967—1968 гг. промышленное производство сократилось на 15-20% по отношению к 1966 г. В сельском хозяйстве также наблюдался спад. Производство зерна в 1968 г. упало до уровня 1957 г., а население за этот же период увеличилось примерно на 100 млн. человек.

Замедлились темпы ликвидации неграмотности, из-за приостановления работы вузов государство недополучило значительное количество квалифицированных специалистов. Подвергались репрессиям огромное число научных и инженерно-технических кадров.

Своеобразным итогом первого этапа «культурной революции» стал IX съезд КПК, проходивший в Пекине весной 1969 г. На нем Линь Бяо был объявлен официальным преемником Мао Цзэдуна, а в состав руководства партией вошла Цзян Цин. Новый состав руководства был подобран по принципу личной преданности вождю.

Во внутренней политике главной задачей объявлялись «непрерывная революция», подготовка народа к войне, а в области внешней политики провозглашалось, что КНР будет бороться как с США, так и с СССР («советским социал-империализмом»).

В состав нового ЦК вошла лишь пятая часть прежнего состава, избранного на VIII съезде. В руководстве усилились позиции военных, составивших около половины состава ЦК и Политбюро.

Из наиболее значительных фигур прежних времен в составе Политбюро остались только Чжу Дэ и Чжоу Эньлай. Последнему удалось отстоять и сохранить в руководстве ряд своих сторонников. Их отличие от выдвиженцев «культурной революции» состояло, прежде всего, в большем внимании к экономическим проблемам КНР и терпимом отношении к сотрудничеству со странами Запада.

**Второй этап
«Культурной
революции»
(1969—1973
годы)**

С 1969 г. начинается новая фаза «культурной революции», суть которой заключалась, с одной стороны, в закреплении итогов первого этапа, а с другой — в создании нового механизма управления, полного подчинения интересам правящей группы.

Получение Линь Бяо статуса официального преемника Мао Цзэдуна вызывало беспокойство двух групп китайского руководства. Одна из них, сформулированная из выдвиженцев «культурной революции», так называемые «радикалы», возглавлялась женой Мао Цзэдуна — Цзян Цин, а другая, «прагматики», поддерживалась премьером Госсовета Чжоу Эньлаем. Перед лицом опасности со стороны группировки Линь Бяо они на короткий срок объединили свои усилия и добились устранения своих соперников с политической арены в сентябре 1971 г. Сам Линь Бяо погиб.

Радикалов теперь возглавляли Цзян Цин и Кан Шэн. В отличие от выступлений прагматиков за возврат системы материального стимулирования, повышение производительности труда и эффективности экономики в целом, радикалы продолжали руководствоваться идеями милитаризации всех сторон жизни общества, уравнительного распределения произведенной продукции.

После этого, оставшись один на один, «радикалы» и «прагматики» продолжили свое соперничество за влияние на престарелого Мао Цзэдуна, которому в 1973 г. исполнилось уже 80 лет.

Вначале инициативу перехватили «прагматики». Им удалось добиться реабилитации ряда своих сторонников, пострадавших в годы «культурной революции». Так, в 1973 г. в состав руководства вернулся Дэн Сяопин, ставший заместителем премьера Госсовета КНР и ближайшим сподвижником Чжоу Эньлая.

Завершающий этап «Культурной революции» (1974—1976 годы). В августе 1973 г. состоялся X съезд КПК, на котором с отчетным докладом выступил Чжоу Эньлай. Съезд осудил группировку Линь Бяо, которую навсегда исключили из КПК. Такое же решение принималось и в отношении Чэнь Бода, отстраненного от власти еще в 1970 г.

С докладом об изменениях в Уставе КПК выступил Ван Хунвэнь — ставленник Цзян Цин. Он еще раз подчеркнул мысль о том, что в Китае неизбежны систематические повторения «культурной революции». В результате проведения после 1969 г. чистки, в новый состав ЦК КПК не вышло около четверти членов ЦК прежнего созыва. В основном это были сторонники отстраненных от власти Линь Бяо и Чэнь Бода.

В состав ЦК был введен ряд репрессированных в период 1966—1969 гг. деятелей, в том числе Дэн Сяопин. Это усилило группу

Чжоу Эньлай. Радикалы также сумели укрепить свои позиции в Политбюро. В его состав впервые был введен Хуа Гофэн, которому вскоре предстояло сыграть одну из ключевых ролей в развернувшейся внутрипартийной борьбе.

Однако уже с 1974 г. возобладали «радикалы», по инициативе которых развернулась очередная идеологическая кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». С начала 1974 г. в ее рамках формируются специальные отряды миньбин, в которые входили радикально настроенные рабочие, солдаты и студенты, требовавшие продолжения «культурной революции». Однако им не суждено было стать продолжателем дела хунвейбинов и цзаофаней, так как вскоре эта кампания, вновь дезорганизовавшая китайское общество, была свернута.

В 1975 г. была принята новая Конституция КНР. В ней упразднялась должность Председателя государства, оставшаяся вакантной с 1966 г., а формальные функции главы КНР переходили к Постоянному комитету ВСНП. Расширялась роль армии в жизни общества. Были легализованы в качестве органов власти на местах «ревкомы». Функции прокуратуры передавались в ведение службы безопасности. Судебная система переходила в подчинение ревкомов на местах.

8 января 1976 г. скончался Чжоу Эньлай, что привело к очередному витку борьбы за власть. Уже в период болезни его обязанности исполнял Дэн Сяопин, которого прочили на место премьера. Однако радикалам удалось убедить Мао в нецелесообразности такого назначения, и преемником Чжоу стал сравнительно мало известный в то время министр общественной безопасности Хуа Гофэн.

Поводом к вторичному снятию Дэн Сяопина с высоких постов в партии и государстве послужила демонстрация 5 апреля 1976 г. памяти Чжоу Эньлая. Радикалам удалось убедить Мао в контрреволюционном характере демонстрации и персональной вине за ее организацию Дэн Сяопина. В результате началась очередная идеологическая кампания «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов». Дэн Сяопин вынужден был покинуть Пекин и отправиться в политическую ссылку. Мао Цзэдун все же не позволил радикалам учинить над ним расправу.

Американо-китайское сближение	С начала 70-х гг., после устранения с политической арены группы Линь Бяо, начинается сближение позиций КНР и США на международной арене. В 1971 г. представитель КНР занял место в ООН и начинается двусторонний зондаж перспектив двустороннего сотрудничества.

Формально в Пекине руководствовались концепцией о «гегемонии двух сверхдержав» и призывали другие страны объединяться в борьбе против США и СССР, однако на практике в данный курс вносились существенные коррективы.

Попытки сближения с США вызывали неприятие у части руководства, особенно в армии. Это привело к отстранению от власти в сентябре 1971 г. группы Линь Бяо и усилению прагматиков во главе с Чжоу Эньлаем. По официальной версии, он хотел организовать военный переворот и «совершить покушение на Председателя Мао». Якобы после неудачного осуществления своего замысла, он попытался улететь на военном самолете с ближайшими соратниками в СССР, но разбился над монгольской территорией.

В 1972 г. состоялся первый в истории официальный визит президента США в Китай. Р. Никсон был принят всеми высшими китайскими руководителями, включая Мао Цзэдуна, что свидетельствовало о желании в дальнейшем развитии связей в различных областях. Особенно ярко стремление сотрудничать высказывали «прагматики» во главе с Чжоу Эньлаем, надеявшиеся укрепить таким образом китайскую экономику, прежде всего промышленность.

По итогам визита было подписано Шанхайское коммюнике, в котором стороны подчеркнули обоюдное стремление к дальнейшему продолжению диалога в различных областях.

В СССР и некоторых других социалистических странах этот шаг КНР был воспринят как дальнейшее отступление от идеалов социализма, еще один наглядный показатель «предательства» китайских лидеров. Даже албанские лидеры, не питавшие никаких позитивных чувств в отношении КПСС и являвшиеся до того момента практически единственными последовательными союзниками КНР среди правящих коммунистических партий, начали постепенный отход от внешнеполитического курса КПК. Однако Пекин продолжил свою новую линию.

В 1974 г. китайским руководством была выдвинута «теория трех миров», обосновывавшая сближение КНР с США и другими западными державами тем, что якобы «американский империализм» уже не представляет для развивающихся стран такой опасности, как Советский Союз. Поэтому, по их мнению, народы всего мира должны блокироваться в борьбе именно с этим, «самым опасным», противником. Такая линия была определяющей во внешней политике КНР вплоть до конца 70-х годов.

§ 13. КНР в годы реформ

**Китай после
смерти Мао
Цзэдуна**

9 сентября 1976 г. на 83-м году жизни в Пекине скончался Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун. С его смертью завершилась целая эпоха истории Китая новейшего времени. Мао оставил Китай в кризисной ситуации. По официальным данным, в стране насчитывалось 20 млн. полностью безработных, 8 млн. лиц, «искавших» работу, 100 млн. человек голодало. Среднедушевой годовой доход составлял около 220 долларов в год — один из самых низких показателей в мире. В сельском хозяйстве же он был на отметке около 80 долларов.

Основные продукты питания и большинство непродовольственных товаров распределялось по карточкам. Рост производства продовольствия и предметов первой необходимости не превышал темпы роста населения, что еще более усугубляло экономическую ситуацию.

В результате перераспределения власти внутри партийно-государственного руководства на первые роли вышел Хуа Гофэн, занявший пост Председателя ЦК КПК при сохранении за собой должности главы правительства. Одним из первых его шагов стало устранение с политической арены Цзян Цин и трех ее ближайших сподвижников — зятя Мао Яо Вэньюаня, членов Политбюро Чжан Чуньцяо и Ван Хунвэня. Заклейменные официальной пропагандой как «банда четырех», они оказались в центре новой идеологической кампании по пересмотру итогов «культурной революции».

В 1980—1981 гг. в Пекине прошел открытый судебный процесс над «четверкой». Все подсудимые были признаны виновными в совершении тяжких преступлений в период проведения «культурной революции». Цзян Цин, так и не признавшая предъявленные обвинения, приговаривалась к смертной казни (вскоре замененной на пожизненное тюремное заключение), остальные — к длительным срокам лишения свободы.

Не подвергая в целом критике Мао Цзэдуна, его преемники постарались все прежние ошибки списать на эту группу, в том числе и по дискредитации Дэн Сяопина. На XI съезде КПК, проходившем летом 1977 г., он вновь вернулся к руководству в партии и государстве, заняв посты заместителя премьера Госсовета и заместителя Председателя ЦК КПК. Постепенно под его полный контроль стала переходить и армия, продолжавшая в новых условиях играть важнейшую роль в жизни государства. На этом же съезде официально было объявлено о завершении «культурной революции».

Официальное решение о проведении в КНР широкомасштабной экономической реформы было принято по инициативе Дэн Сяопина на третьем Пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г. Ему предшествовало постановление сессии ВСНП в начале того же года, принявшей директивные указания о разворачивании программы «четырёх модернизаций»: в промышленности, сельском хозяйстве, науке и технике, а также в военной области.

Однако претворение в жизнь той программы столкнулось с большим количеством трудностей, преодолеть которые было невозможно без радикальной модернизации всей экономической системы и поддержке высшей государственной власти.

На сессии ВСНП летом 1979 г. была поставлена задача стабилизации всей системы народного хозяйства в ближайшие три года. Начинается переход к системе производственной ответственности крестьян. Повсеместно внедрялся семейный подряд и видоизменялась прежняя система коллективного ведения хозяйства. Одновременно повышались закупочные цены на продукцию сельского хозяйства. В личную собственность крестьян постепенно переходила и сельскохозяйственная техника. Крестьяне теперь могли распоряжаться по своему усмотрению излишками произведенной продукции.

Затем реформа охватила промышленную сферу. Предприятия получали большую самостоятельность, разрешалась частнопредпринимательская деятельность, создавались свободные экономические зоны с участием иностранного капитала. Принимаются законы, устранявшие обязательное прежде повсеместное директивное планирование. Партийные комитеты теперь занимались лишь воспитательной работой среди населения, а не подменяли, как прежде, государственные хозяйственные органы.

Вскоре проводимые преобразования дали первые положительные результаты. За период шестой пятилетки (1981—1985) темпы роста промышленного производства ежегодно возрастали в среднем на 11%. Доходы городского и сельского населения в 80-е гг. увеличились почти вдвое, однако, продолжали оставаться достаточно низкими в сравнении с другими странами.

К середине 80-х гг. также замедлились темпы роста сельскохозяйственной продукции, начался рост цен, увеличилась инфляция. В этих условиях осенью 1987 г. состоялся XIII съезд КПК, на котором была сформулирована теория о начальной стадии социализма в КНР. Согласно этой концепции, строительство социализма в Китае должно пройти три основных этапа. До 1990 гг. удвоится ВВП (по сравнению с 1980 г.) и население Китая будет обеспечено основными продуктами питания и одеждой без использования карточной

системы. Второй этап, который займет следующее десятилетие, вплоть до 2000 г., даст увеличение ВВП еще в 2 раза (по сравнению с 1990 г.) и население достигнет «средней зажиточности». Последний этап, наиболее длительный по времени, завершится в 2049 г. (т.е. в год столетия КНР) и приведет к превращению Китая в страну среднеразвитого, по мировым меркам, уровня развития.

Для достижения поставленных целей, в конце 80-х гг. были приняты решительные меры по стабилизации экономической ситуации: административными методами ограничивался рост цен на важнейшие товары, законсервировались многие объекты капитального строительства, подняты закупочные цены на ряд сельскохозяйственных товаров. Вскоре «перегрев» экономики удалось остановить.

Параллельно осуществлялись меры, направленные на пресечение злоупотреблений государственных чиновников и партийных работников в отношении частного бизнеса. Разоблаченные коррупционеры подвергались суровым наказаниям, вплоть до длительных сроков тюремного заключения, а в отдельных случаях и смертной казни.

На состоявшемся в октябре 1992 г. XIV съезде КПК было провозглашено начало нового периода преобразований, который должен был ускорить проведение экономической реформы, расширить связи с зарубежными странами и увеличить темпы роста в промышленности и сельском хозяйстве. Именно с экономическими успехами китайское руководство стало связывать задачу превращения КНР в «богатое, мощное, демократическое и цивилизованное демократическое государство».

На съезде была поставлена задача построения «социалистической рыночной экономики», о которой до этого в официальных кругах старались не говорить. По всей видимости, к такому шагу китайских лидеров подтолкнул печальный опыт СССР и других стран бывшего социалистического лагеря, не сумевших вовремя задействовать рыночные механизмы развития и потерпевшими из-за этого политический крах.

После окончания съезда начала сокращаться сфера директивного планирования, ликвидировались многие отраслевые министерства и ведомства.

Политическое развитие КНР в годы реформ	Китайское руководство, в отличие от советского, не связывало успешное осуществление экономических преобразований с коренным реформированием политической системы, в которой руководящую роль по-прежнему продолжала играть коммунистическая партия.

Тем не менее, начался процесс постепенной реабилитации жертв политических репрессий из числа высших руководителей КПК. Так,

посмертно были восстановлены добрые имена вначале Пэн Дэ-хуая, а затем Лю Шаоци. Многие репрессированные, но оставшиеся в живых руководящие деятели КПК возвратились на ключевые посты в партии и государстве.

В докладе, посвященном 30-летию КНР, с которым выступил заместитель Председателя ЦК КПК Е Цзяньин, «культурная революция» оценивалась как жесточайшая «феодално-фашистская диктатура», правда, вина за ее развязывание и проведение возлагалась целиком на Линь Бяо и «четверку». Мао Цзэдун по-прежнему выводился из-под серьезной критики, что отражало борьбу в руководстве по этим вопросам. Тем не менее инициатива окончательно переходит в руки сторонников Дэн Сяопина. Уже в начале 1980 г. Хуа Гофэн и ряд его единомышленников теряют ведущие позиции в руководстве. На вновь восстановленный пост генерального секретаря ЦК КПК был назначен Ху Яобан, в руки которого перешли многие важнейшие функции. Сменивший Хуа Гофэна на посту премьера Госсовета Чжао Цзяян был введен в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Оба они были выдвиженцами Дэн Сяопина и жертвами «культурной революции».

В июне 1981 г. состоялся VI пленум ЦК КПК, на котором было принято «Решение по некоторым вопросам истории КПК с момента образования КНР». В нем официально осуждался культ личности Мао Цзэдуна, политика «большого скачка», «культурная революция», методы террора, осуществлявшегося в стране все эти годы. По обнародованным на пленуме официальным данным, за годы «культурной революции» общее число репрессированных составило 727 тыс. человек, из которых 34 тыс. «были доведены до смерти». Общее число пострадавших составило около 100 млн. человек. Однако на пленуме утверждалось, что заслуги Мао Цзэдуна перед партией и государством занимают главное место, а его ошибки — «второстепенные».

На состоявшемся осенью 1982 г. XII съезде КПК в качестве главной задачи КПК на период до 2000 г., наряду с модернизацией экономики, объявлялось превращение КНР в страну с высоким уровнем культуры и «высокоразвитой демократией».

Сам Дэн Сяопин на съезде был утвержден в должности Председателя Военного Совета КНР, одновременно, до 1989 г., занимая посты заместителя Председателя ЦК КПК и заместителя Премьера Госсовета КНР. Фактически все эти годы он играл решающую роль в руководстве.

С середины 80-х годов в китайском обществе нарастают демократические тенденции, проявлявшиеся в требованиях либерализации политической системы социализма. Особенно резко усилились

выступления студента, в ряде городов перешедшие в открытые столкновения с властями. В начале 1987 г. виновным в «попустительстве буржуазной либерализации» был обвинен Ху Яобан, снятый с поста главы партии. На его должность был назначен Чжао Цзяян. Премьером Госсовета стал Ли Пэн. Однако полностью подавить это движение властям так и не удалось.

После провозглашения политики «перестройки» в СССР, образуются новые группировки, выступавшие не только за демократизацию политической системы, но и пересмотра в ней роли коммунистической партии. Это особенно ярко проявилось в ходе событий лета 1989 г., когда в Пекине оппозиционное студенческое движение начало открытые выступления за демократизацию жизни в стране. Против демонстрантов были направлены войска. Персональная ответственность за происшедшее теперь была возложена на Чжао Цзяяна, который вынужден был уступить свой пост Цзян Цзэминю — стороннику более жесткой линии во внутренней политике. Дэн Сяопин увидел в нем своего реального преемника и в 90-е гг. постепенно передал ему все рычаги управления партией и государством. В последние годы жизни (Дэн Сяопин скончался в 1997 г.) он отошел от руководящей работы, удалившись на покой. Тем не менее, за ним прочно укрепился титул «архитектора китайских реформ».

В марте 1998 г. на сессии ВСНП Цзян Цзэминь был переизбран на пост Председателя КНР и Председателя Военного Совета КНР, Премьером Госсовета был назначен последовательный сторонник реформ Чжу Жунзи. Ли Пэн был переведен на должность Председателя ПК ВСНП.

В официальной пропаганде все более четко проводится линия на подчеркивание выдающейся роли Мао Цзэдуна как основателя КНР, Дэн Сяопина в качестве главного идеолога экономических реформ, а Цзян Цзэминя как верного продолжателя всего лучшего, что было накоплено китайским обществом в период строительства социализма с «китайской спецификой».

Внешняя политика. Нормализация китайско-советских отношений

В конце 1979 г. начались советско-китайские переговоры по урегулированию двусторонних отношений. Проводились они поочередно в Москве и Пекине на уровне заместителей министров иностранных дел. В качестве предварительных условий руководители КНР настаивали на сокращении советских войск вдоль совместной границы до уровня 1964 г., выводе вооруженного контингента из МНР, а также прекращении помощи Вьетнаму.

Советская делегация выдвинула свой проект, в котором выражалось стремление строить двусторонние связи на основе между-

народного права, всемерно расширять контакты в различных областях. Однако настоящий прорыв наступил лишь в конце 1982 г., после XII съезда КПК и смерти Л.И. Брежнева. Отношения между нашими странами активизировались на всех направлениях.

В октябре 1985 г. Дэн Сяопин направил письмо новому советскому лидеру М.С. Горбачеву с предложением о проведении встречи на высшем уровне. Затем состоялся обмен визитами министров иностранных дел.

В феврале 1987 г. были возобновлены переговоры по пограничным вопросам, которые вскоре привели к соглашению о восточном участке советско-китайской границы. Это открыло дорогу к подготовке официального визита М.С. Горбачева в КНР, состоявшегося в мае 1989 г.

В ходе беседы М.С. Горбачева с Дэн Сяопином китайский лидер заявил о полной нормализации двусторонних отношений. Перед двумя странами, таким образом, открывались широкие перспективы для сотрудничества.

После распада СССР отношения КНР с Россией продолжали развиваться по восходящей линии. В конце 1992 г. с официальным визитом КНР посетил Б.Н. Ельцин. Было подписано более 20 совместных документов, в том числе Совместная декларация об основах взаимоотношений.

В свою очередь. Председатель КНР Цзян Цзэминь неоднократно в 90-е годы посещал с официальными визитами Москву. В частности, в ходе его визита в 1994 г. было подписано соглашение о западном участке российско-китайской границы.

Китай и Россия во второй половине 90-х гг. постепенно становились стратегическими партнерами в азиатском регионе.

С конца 70-х годов и вплоть до событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. также по восходящей линии развивались и китайско-американские отношения. В 1978 г. обе страны установили между собой официальные дипломатические отношения. Постоянно расширялось экономическое и военное сотрудничество. Главным камнем преткновения в двусторонних отношениях продолжала оставаться тайваньская проблема. США, хотя и прекратили официальные политические контакты с тайбэйским режимом, продолжали поддерживать с ним широкий спектр отношений.

В 1977 г. был подписан мирный договор между КНР и Японией, что позволило поднять двусторонние отношения на новый уровень.

Продолжали оставаться довольно прохладными связи с Индией, омрачавшиеся давними пограничными спорами и проблемой Тибета.

Но наиболее напряженными оказались, вплоть до начала 90-х годов, отношения с единым Вьетнамом. Руководство СРВ, получавшее

поддержку со стороны СССР, с 1977 г. вступило в серьезный конфликт с Китаем из-за Камбоджи, где у власти утвердился леворадикальный режим Пол Пота. КНР обвинило Вьетнам в преследовании на своей территории этнических китайцев (хуацяо), а после ввода вьетнамских войск в Камбоджу и свержения полпотовского режима, в марте 1979 г. инициировала вооруженный конфликт на совместной границе. Отношения между двумя странами более чем на 10 лет фактически были заморожены на очень низкой отметке. Лишь после распада социалистического лагеря обе страны осознали свою политическую близость, и нашли в себе политическую волю забыть прошлые обиды.

Уже достаточно длительное время в основе внешнеполитического курса КНР лежит идея приоритета национально-государственных интересов над подходом в выборе стратегических партнеров по принципу идеологической близости. Еще на третьем пленуме ЦК КПК в декабре 1978 г. недвусмысленно подчеркивалось, что необходимо видеть мир таким, каков он есть, без излишней идеологизаций и догматических шор.

С середины 80-х годов китайское руководство вырабатывает концепцию многополюсного мира, в котором КНР должна занять подобающее ей место одного из новых «центров силы» не только в Азии, но и в мире в целом. В этом желании КНР находит активную поддержку со стороны России, поддерживающую и развивающую данную идею со второй половины 90-х годов.

**Китай во второй
половине 90-х
годов**

КНР выходит на передовые позиции в мировом экономическом развитии. По производству валового внутреннего продукта (ВВП) она заняла 7 место, по объему внешней торговли — 11. Доля страны в общемировом объеме промышленного производства превысила трехпроцентный уровень.

Несмотря на значительную сумму внешнего долга, Китай имеет возможность вовремя производить его погашение, имея к тому же валютный запас, составивший в 1998 г. 149 млрд. долларов. Однако доход на душу населения, уже превысившего отметку 1 млрд. 200 млн. человек, продолжает оставаться довольно низким — около 560 долларов в год.

Китай продолжает испытывать трудности в связи с неравномерным развитием отдельных районов, относительно неэффективным госсектором экономики.

Значительным событием в жизни КНР стало воссоединение с Гонконгом и Макао — двумя крупными промышленными центрами и важнейшими стратегическими плацдармами на юге страны.

В перспективе интеграция рыночных систем этих образований в экономику Китая может привести к существенным положительным результатам.

Во внешнеполитическом плане КНР пытается играть самостоятельную роль в качестве крупнейшей региональной державы и как один из центров силы в будущем многополюсном мире. В этом китайское руководство поддерживает Россия, и весьма настороженно относятся США и их ближайшие союзники.

§ 14. Другие территории Китая

На территории Китая вплоть до конца 90-х гг. сохранялись две колониальные территории — Аомэнь (до 1959 г. — Макао), являвшаяся колонией Португалии и Гонконг (Сянган) — английское владение. Кроме того, особое положение занимает Тайвань.

Аомэнь Эта китайская территория представляет собой одноименный полуостров и два прилегающих острова общей площадью 21 кв. км. Португалия присоединила ее к своим владениям еще в 1553 г. В период второй мировой войны Макао находилось под контролем Японии. После октября 1949 г. КНР неоднократно заявляла о принадлежности Макао Китаю.

В 1951 г. Португалия провозгласила эту колонию своей заморской территорией и предоставила ей автономию. Во главе стоял португальский губернатор, под началом которого находилось Законодательное собрание в составе 17 человек. В Аомэне две партии — Демократический центр Макао и Ассоциация защиты интересов Макао. После революции 1974 г. в Португалии Аомэнь получил более широкую автономию. В 1975 г. между Португалией и КНР был подписан договор, согласно которому Аомэнь стал считаться китайской территорией, но под управлением Лиссабона.

После установления дипломатических отношений между КНР и Португалией в 1979 г., активизировались попытки Китая вернуть под свою юрисдикцию Аомэнь. В 1987 г. было заключено соглашение о полном возвращении Аомэня КНР к 20 декабря 1999 г. При этом воссоединение не должно означать «полного разрыва» связей с Португалией. Руководители КНР и Португалии высоко оценивали двустороннее сотрудничество в вопросе о передаче Аомэня. Регулярно проходили консультации по различным проблемам переходного периода. В 1988 г. была учреждена специальная комиссия по разработке проекта конституции Особого автономного района (ОАР) Аомэнь. В 1993 г. данный документ был принят на сессии

ВСНП и вступил в законную силу с 20 декабря 1999 г., когда Аомэнь перешел под юрисдикцию КНР.

В сентябре 1996 г. в Аомэне прошли выборы в последний состав Законодательного совета. ВСНП КНР приняло решение, что те из депутатов, которые после декабря 1999 г. признают конституцию и «будут иметь желание верно служить Китайской Народной Республике» смогут войти в состав нового Законодательного собрания ОАР Аомэнь.

Аомэнь — одна из наиболее развитых китайских территорий. Около половины населения занято в промышленности и примерно столько же — в сфере услуг. Темпы экономического роста в последние годы составляли порядка 12% в год, правда, в 1998—1999 г. из-за кризиса на азиатских рынках они пошли вниз.

В Аомэне созданы благоприятные условия для ведения бизнеса, в том числе выгодная система налогообложения. Развивается текстильное производство, радиоэлектроника, оптика, производство пищевых продуктов и др. Годовой объем экспорта — порядка 2 млрд. долларов. От коммерческих операций на территории Аомэня КНР ежегодно получает доход порядка 500 млн. долларов.

Ежегодно Аомэнь посещает около 8 млн. туристов, для обслуживания которых создана разветвленная индустрия. Один только доход от игорного бизнеса в 1998 г. составил около 2 млрд. долларов.

Хотя Аомэнь и снизил темпы своего экономического роста, ВВП на душу населения там к концу 90-х гг. является одним из самых высоких в Азии — 17 тыс. долларов в год.

Гонконг Данная территория представляет расположенный на Юге Китая остров с прилегающими территориями полуострова Цзялун и более чем 200 мелкими островами.

Первые упоминания о Гонконге относятся еще к XII в., однако, повсеместную известность данная территория получила в первой половине XIX в., когда над ней было установлено английское колониальное правление.

За достаточно короткое время Гонконг превратился в заметный центр английской торговли в регионе, а также в стратегический военный плацдарм. В июне 1898 г. Великобритания получила территорию Гонконга в аренду сроком на 99 лет, при этом, однако, не выплачивая соответствующих платежей китайскому государству. С этого времени Гонконг превращается в мощный финансовый и торговый центр на Дальнем Востоке.

С декабря 1941 г. Гонконг был оккупирован японскими войсками. С августа 1945 г. сюда вновь возвратилась английская администрация.

Гонконг в 1945—1997 годы. После прихода на материке к власти коммунистов, власти Гонконга в мае 1950 г. закрепили границу с

КНР, введя там визовый режим. Политическая жизнь колонии находилась под полным контролем англичан, стремившихся не допустить сколько-нибудь заметной активности местного населения.

С середины 50-х годов предпринимаются попытки налаживания отношений с КНР, что неоднократно вызывало протесты со стороны властей Тайваня. В период «культурной революции», наоборот, значительную активность в отношении Гонконга проявляли левые радикалы из КНР, что, в конце концов, привело к тому, что двусторонние контакты вплоть до начала 80-х годов ограничивались лишь политической сферой.

В 1972 г., после передачи места Китая в ООН представителям КНР, последними был поставлен вопрос о возвращении Гонконга Макао под их юрисдикцию. В практическую плоскость данная проблема была переведена в 1982 г., когда в Пекине состоялись китайско-английские консультации по судьбе Гонконга. К тому времени Дон Сяопином была выдвинута формула «одно государство — две системы», которая должна была снять главную проблему — беспокойство жителей колонии по поводу их будущего в составе социалистического Китая. Однако, уже начиная с 1983 г., из Гонконга постепенно начинается отток капиталов, эмиграция и сопряженные с этим социальные проблемы.

Стремясь взять ситуацию под контроль, власти КНР официально объявили, что готовы, после 1997 года, сохранить существующую экономическую систему Гонконга в неизменном виде на 50 лет.

В декабре 1984 г. в Пекине была подписана Совместная декларация, согласно которой Гонконг с 1 июля 1997 г. входил в состав КНР на правах Особого административного района. Такая административная единица была предусмотрена в Конституции КНР.

После событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, усиливается эмиграция из Гонконга, так как многие жители опасались повторения подобных эксцессов на их территории после воссоединения с КНР. Однако уже в первой половине 90-х гг. ситуация несколько стабилизировалась после успокоительных заверений из Пекина.

В 1990 г. сессия ВСНП утвердила Основной закон Сянганского особого административного района. В 1995 г. был создан подготовительный комитет по Гонконгу, начавший непосредственный переход к вхождению этой английской колонии в состав КНР.

**Гонконг в
составе КНР**

К 1997 г. более двух третей ВВП Гонконга производилось в сфере торговли, индустрии, туризма, связи, финансов, где занято более 60 % самодеятельного населения. До 40 % экспорта составляли текстиль и товары швейного производства, однако в ВВП эти отрасли составляют менее 15%. Гонконг остается крупнейшим финансовым центром

Азии, что приносит значительные поступления в бюджет территории. Кроме того, большое значение имеет и туристический бизнес.

Присоединение Сянгана значительно укрепило экономику КНР.

**Тайвань до
1949 г.**

Остров Тайвань (Формоза) — крупнейший в Китае, был присоединен к Японии в конце XIX в. в результате японо-китайской войны. На полстолетия он был выведен из-под юрисдикции Китая.

Руководство островом взял на себя японский военный губернатор, имевший диктаторские полномочия. Деятельность любых политических объединений была запрещена, но сопротивление местных жителей продолжалось, особенно в период Синхайской революции. Колониальная администрация состояла исключительно из японцев, которые проводили в жизнь мероприятия по «японизации» местного населения, а также подчинили себе экономику острова.

С начала XX в. тайваньская элита предпринимала попытки расширения своего участия в управлении островом. Наиболее заметной фигурой был Линь Сянган, организовавший в 1914 г. так называемое «Тайваньское общество ассимиляции», вскоре запрещенное японскими властями.

Одной из форм общественной деятельности местного населения стало направление в японский парламент петиций с прошениями о создании на острове органов местного самоуправления. Радикальные силы в 20-е годы группировались вокруг созданных ячеек компартии Японии (Компартии Тайваня).

Умеренные сторонники реформ создали в 1927 г. Тайваньскую народную партию, вскоре также запрещенную властями. В 20—30-е годы время от времени появлялись и другие организации различной политической направленности, не оказавших существенного влияния на политику властей.

Вплоть до 1945 г. Япония отводила Тайваню роль переднего края «обороны империи». Для привлечения на свою сторону местного населения было объявлено о начале процесса постепенного предоставления острову прав на самоуправление. При японцах на Тайване были заложены основы достаточно эффективной экономики, но бомбардировки авиацией США в период войны на Тихом океане ее значительно подорвали:

В соответствии с подписанной в конце 1943 г. в Каире представителями США, Великобритании и Китая декларацией, Тайвань по окончании второй мировой войны возвращался Китаю. Это решение было подтверждено Ялтинской и Постдамской конференциями глав союзных держав 1945 г.

В октябре 1945 г. японские войска, находившиеся на острове, капитулировали. Пришедшие им на смену представители гоминьдановского Китая установили свой режим, отличавшийся жесткими ограничениями прав и свобод населения. Экономика была дезорганизована, что в конечном итоге привело в 1947 г. к восстанию, жестоко подавленному новыми властями. По некоторым данным, погибло около 40 тыс. человек. Уже в тот период между ГМД и местным населением наметилось заметное отчуждение, сохранившееся и в последующие годы.

В декабре 1948 г. Чан Кайши ввел на острове чрезвычайное положение. Было сформировано провинциальное правительство, в которое были привлечены представители местной элиты. В годы гражданской войны на материке ГМД отводил Тайваню роль «последнего бастиона», куда, в случае неудачного исхода борьбы, могло бы переехать правительство Китайской Республики.

**Тайвань в
1949—1975
годах**

В 1949 г. на Тайвань переехали многие члены партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши и его сыном Цзян Цзинго.

Было объявлено о перенесении в Тайбэй центрального правительства. В марте 1950 г. Чан Кайши стал главой этого государственного образования, положив в основу своей программы «три народных принципа» Сунь Ятсена. Конституция также была основана на его идее о «пяти властях». Чэнь Чэн, являвшийся в 1947—1949 гг. губернатором острова, занял пост главы правительства «Китайской Республики».

Чан Кайши ввел на Тайване новое административное деление, установив режим жесткого контроля над обществом под предлогом «угрозы нападения с материка». В период корейской войны 1950—1953 гг. США взяли остров под свою защиту, и туда в больших количествах стала поступать американская помощь.

С начала 50-х гг. Чан Кайши начал внутреннюю перестройку ГМД, сам возглавил новый орган Центральный реорганизационный комитет. При всей антикоммунистической риторике, его внутренняя организация очень напоминала большевистскую партию. В армии по советскому образцу был введен институт политработников. Органы безопасности (официальное название — Группа документации при секретном кабинете Канцелярии президента) возглавил Цзян Цзинго.

В 1952 г. VII Конгресс ГМД наметил перспективную программу из пяти пунктов: стабилизация экономической жизни, реформа армии, обеспечение общественного спокойствия, внутренняя консолидация общества и формирование демократической системы.

Главными политическими лозунгами были объявлены антикоммунизм и сопротивление СССР.

В то же время коренное население продолжало настороженно относиться к ГМД и его лидеру, что приводило временами к кампаниям массового протеста. Ответом стало введение, с одной стороны, режима осадного положения и внедрение в общество большого количества агентов тайной полиции, а с другой — разрабатывались формы местного самоуправления. В декабре 1951 г. было сформировано Провинциальное (Национальное) собрание Тайваня. Это положительно сказалось на последующем формировании политической системы общества.

Внутри тайваньского общества у ГМД не было серьезных оппонентов. Две партии, существовавшие до 1949 г. на острове — Китайская партия демократического социализма во главе с Чжан Цзюмаем (возникла в 1946 г.) и Младокитайская партия (основана в 1923 г.) — не имели массовой поддержки, и их влияние на политическую жизнь общества было весьма незначительным. Позиции ГМД на Тайване еще более укрепились в результате успешного проведения аграрной реформы.

В 1954 г. США и Тайвань заключили договор о взаимной обороне, по которому на остров поступала значительная военная помощь, однако проблемы в американо-тайваньских взаимоотношениях возникали постоянно.

В 1954 г. Чан Кайши на заседании Национального собрания был переизбран на второй президентский срок. Чэнь Чэн стал вице-президентом. До 1960 г. действовала статья Конституции, запрещавшая президенту занимать свой пост более двух раз, но в результате принятой поправки Чан Кайши в том году был избран на третий срок. Он пользовался авторитетом и уважением в народе, считался подлинным национальным лидером.

В 1960 г. под руководством Лэй Чжэня была образована Китайская демократическая партия, которая вскоре была запрещена, а ее руководитель подвергнут аресту. Это свидетельствовало о нарастании авторитарных тенденций в ГМД.

В начале 60-х годов с особой четкостью проявились противоречия внутри правящей партии между старой «гвардией», олицетворявшейся Чэнь Ченом и новым поколением руководителей, объединившихся вокруг Цзян Цзинго. Конфликт удалось разрешить компромиссом — Чэнь Чен стал заместителем председателя ГМД, а Цзян Цзинго — министром обороны. Последний к тому времени приобрел большой авторитет и в 1972 г. стал во главе правительства. Была стабилизирована экономическая ситуация и достигнуты впечатляющие успехи в экономической области.

С конца 60-х гг. остро встал вопрос о возможном преемнике Чан Кайши. Постепенно на первый план выдвинулся Цзян Цзинго, начавший привлекать на свою сторону коренных жителей острова и сумевший таким образом смягчить их противостояние с выходцами с материка. Произошло заметное омоложение рядов правящей партии.

Тайвань после смерти Чан Кайши. Проблемы объединения с КНР

В 1975 г. Чан Кайши скончался. Его формальным преемником стал вице-президент Ян Цзягань, но фактически бразды правления перешли в руки Цзян Цзинго, продолжавшего занимать пост премьер-министра.

На острове активизировались сепаратистские группы в лице Движения за независимость Тайваня. Еще в 40-50-е гг. в Гонконге и Японии возникали политические организации тайваньцев, в программных установках которых значилось превращение острова в суверенное государство, независимое от Китая. Благодаря усилиям спецслужб эти организации так и не получили широкой базы поддержки, но предпринимали попытки покушения на Цзян Цзинго и совершили ряд других террористических актов.

Кроме того, на Тайване существовала и либеральная оппозиция правящему режиму, к которой, однако, Цзян Цзинго относился благосклонно.

Чан Кайши и его соратники сумели показать, на примере Тайваня, перспективность капиталистического развития Китая.

В конце 70-х годов Цзян Цзинго, являвшийся с 1975 г. председателем ГМД, был выдвинут на безальтернативной основе на пост президента. За его кандидатуру проголосовало абсолютное большинство депутатов Национального собрания. Цзян продвигал на высшие посты уроженцев острова. Так, мэром Тайбэя стал Ли Дэнхуэй.

Руководство КНР в то время выдвигало предложение объединения с Тайванем на основе принципа «одно государство — две системы», но состоявшийся в 1981 г. XII Конгресс ГМД отверг эту идею. Переговоры зашли в тупик,

В начале 80-х годов здоровье Цзян Цзинго заметно ухудшалось. Все большую роль в государстве стали играть молодые выдвиженцы из числа технократов, выступавшие за дальнейшее реформирование тайваньского общества. В марте 1986 г. начался очередной этап реформы правящей партии, в разработке которого видную роль сыграла «группа реформ» во главе с Ли Дэнхуэем, предложившая отменить чрезвычайное положение, дать разрешение на деятельность оппозиционных политических партий, действовавших в рамках Конституции, расширить права и свободы граждан и т.д.

Летом 1987 г. чрезвычайное положение на острове было отменено. Снимались ограничения на передвижение граждан, в том числе и за границу, разрешалась деятельность политических организаций, отменялась цензура печати. В короткие сроки число зарегистрированных политических партий достигло нескольких десятков.

В начале 1988 г. Цзян Цзинго скончался и его преемником стал Ли Дэньхуэй. Лидеры возникшей в 1986 г. (и ставшей наиболее влиятельной из всех оппозиционных ГМД сил) Демократической прогрессивной партии (ДПП) вновь призвали к созданию на острове независимого государства. Ли Дэньхуэю все же удалось тогда нейтрализовать политическую оппозицию.

На начало 90-х годов в рядах ГМД состояло до 2,5 млн членов. В 1993 г. на XIV Конгрессе ГМД в его Устав была внесена поправка о том, что партия больше не называется революционной. Противоречия внутри ГМД привели в 1993 г. к расколу и образованию так называемой Новой партии — Синьдан, начинавшую набирать политический вес и влияние в обществе.

**Тайваньская
проблема
сегодня**

В начале 1993 г. лидер КНР Цзян Цзэминь выдвинул новые предложения о путях дальнейшего решения проблемы Тайваня. Их суть сводилась к признанию существования в мире лишь одного единого Китая. Объединение с Тайванем должно пройти мирным путем. В случае же попыток осуществления извне или политическими силами на самом острове идеи «независимого Тайваня», правительство КНР оставляет за собой право использования любых методов, включая вооруженные, для защиты территориальной целостности государства. Эти предложения были вновь подтверждены Ли Пэном в марте 1998 г. Он выступил с инициативой проведения двусторонних политических переговоров на основе принципа существования единого Китая.

К середине 90-х годов Тайвань завершил переход от авторитарной модели политического режима к демократической, которая подкрепляется значительными успехами в экономической области. Избрание в 1996 г. на первых всенародных выборах президентом Ли Дэньхуэя это наглядно подтверждает.

В конце 90-х годов тайваньская проблема продолжает оставаться одной из наиболее важных для судеб китайского народа. На Тайване правящие круги постоянно подчеркивают, что выдвижение лозунга независимости острова — результат постоянного давления китайских коммунистов. Согласно социологическим опросам, до половины населения склоняются за сохранение нынешнего статуса Тайваня. Правительство продолжает добивать-

ся прорыва международной изоляции острова, возобновления участия в ООН.

Тайваньские лидеры предлагали КНР свою формулу — «одна страна — два правительства», настаивая на равноправии в двустороннем диалоге. Переговоры об объединении, начавшись в 1992 г., спустя четыре года были прерваны и пока не возобновлены.

Проведенные социально-экономические преобразования по японскому образцу вывели этот некогда отсталый остров в число наиболее динамично развивающихся стран Азии. Уровень жизни на Тайване в несколько раз выше, чем на материке. Поэтому лидеры Гоминьдана, продолжающего оставаться правящей партией, с подозрением относятся к призывам КНР к объединению под лозунгом «одно государство — два строя». Они видят будущее острова на путях капиталистического развития.

Тайвань на сегодняшний день один из мировых лидеров в производстве компьютерной, электробытовой техники, одежды и обуви. Утвержденная в 1997 г. десятилетняя программа развития предусматривает дальнейшее развитие острова во всех областях. Тайваню в целом удалось преодолеть неблагоприятные последствия кризиса на рынках Юго-Восточной Азии, но при этом значительно уменьшились его золотовалютные резервы. Темпы экономического роста в последние годы превышают 6 %. Доходы на душу населения составляют более 13 тыс. долларов в год, что намного превосходит соответствующий показатель на материке. Поэтому перспектива мирного объединения, по типу Гонконга, в ближайшем будущем представляется маловероятной.

Многое должно было проясниться в результате состоявшихся в марте 2000 г. президентских выборов. Предвыборная кампания показала явную неудовлетворенность большинств избирателей многолетним правлением Гоминьдана. Стремление к переменам вновь выразилось в выдвижении ДПП лозунга полной независимости Тайваня. В КНР опять пригрозили вооруженными санкциями, тем не менее это не помогло — победу одержал лидер ДПП, заявивший, что Тайваню никак не подходит опыт интеграции с КНР по типу Гонконга или Макао. В значительной степени такой исход определялся и тем обстоятельством, что лидеры Гоминьдана так и не смогли выдвинуть своего единого кандидата, тем самым, распылив значительную часть голосов своих сторонников.

**Монголия в
1945—1960 годы**

20 октября 1945 г. на территории Внешней Монголии был проведен плебисцит по вопросу государственного суверенитета. По официальным данным, за независимость высказалось 100% монголов, имевших право голоса. В начале января 1946 г. Законодательный юань Китайской Республики официально признал независимость МНР, а в феврале того же года между двумя государствами были установлены дипломатические отношения.

Советский Союз продолжал осуществлять фактический контроль над МНР, выступая, таким образом, для нее гарантом сохранения независимого от Китая статуса. Тем более что в результате гражданской войны 1946—1949 гг. на материковом Китае установилась власть коммунистов, не участвовавших в переговорах по установлению нового статуса Внешней Монголии. Монгольский вопрос обсуждался И.В. Сталиным в беседах с Мао Цзэдуном во время визита последнего в СССР в конце 1949 — начале 1950 г. Стороны не пришли к единодушному мнению и решили перенести обсуждение этой проблемы в более поздние сроки.

В этот период монгольское руководство, ориентируясь на СССР, перешло к построению социализма на основе пятилетних планов, первый из которых начал претворяться в жизнь с 1948 г. В том же году с ней установили дипломатические отношения союзные СССР государства Восточной Европы.

К началу 50-х годов валовая продукция промышленности выросла почти вдвое, был создан ряд новых производств. Фактически удалось ликвидировать неграмотность основной массы населения. Однако политическая система по-прежнему оставалась в неизменном виде.

Являясь формально лишь членом Политбюро ЦК МНРП, маршал Х. Чойболсан фактически возглавлял вплоть до своей смерти в 1952 г. и ЦК МНРП, хотя, по согласованию с советским руководством, еще в 1940 г. на пост первого секретаря ЦК МНРП был назначен Ю. Цеденбал. Он занимал эту должность до 1954 г., а затем с 1958 по 1984 гг.

Режим, установленный в МНР, был почти точной копией сталинского в Советском Союзе. В марте 1953 г., в период проведения в Монголии траурных мероприятий по случаю смерти И.В. Сталина, Политбюро ЦК МНРП вновь приняло решение о желании присоединиться к СССР, но позиция нового советского руководства снова оказалась отрицательной.

Весь этот период в МНР существовала однопартийная диктатура сталинского образца, страна во внутренней и внешней политике ориентировалась исключительно на СССР. За это время Монголия добилась существенных успехов в экономическом и культурном развитии, но пороки административно-командной системы проявлялись здесь так же, как и в других странах социалистического лагеря.

Культ личности И.В. Сталина в Монголии после 1956 г. фактически не критиковался, так как руководство страны, и прежде всего Ю. Цеденбал, считало, что Сталин помог монгольскому народу сохранить самостоятельность и оградить страну от притязаний КНР после 1949 г. Формальные мероприятия в поддержку решений XX и XXII съездов КПСС, в частности, пленумы ЦК МНРП в 1956 и 1962 гг., не могли удовлетворить советское руководство, но Ю. Цеденбал сумел убедить Н.С. Хрущева в правильности своей линии. Более того, все несогласные с такой позицией были устранены из руководства партии и страны, включая бывшего первого секретаря ЦК МНРП Д. Дамбу, второго секретаря Л. Цэнда, секретаря ЦК Тимур-Очира и др.

Монголия в 60-х — первой половине 80-х годов	В 1960 г. в Монголии в силу вступила третья по счету Конституция. По ней перед народом ставилась задача «завершить социалистическое строительство и построить в дальнейшем коммунистическое общество». В политическом разделе основного закона, в целом, сохранились принципы конституций 1924 и 1940 гг.

К тому времени объем промышленного производства в стране увеличился в сравнении с 1940 г. более чем в семь раз и ее стали причислять к разряду аграрно-индустриальных.

В 1961 г. Монголия была принята в ООН, что подтверждало окончательное признание мировым сообществом ее независимого статуса.

Фактически с первой половины 60-х и вплоть до начала 80-х годов у Ю. Цеденбала не оставалось очевидных политических оппонентов в руководстве страны. До 1974 г он продолжал занимать пост Председателя Совета министров МНР, а затем, помимо высшего партийного поста, еще и должность Председателя Президиума Великого Народного Хурала МНР.

В начале 80-х годов состояние здоровья монгольского руководителя резко ухудшилось, и все большую роль стала играть его супруга, советская гражданка А.И. Филатова, не занимавшая формально никаких высших постов, но имевшая большое влияние на мужа.

В руководстве страны созрел план устранения Ю. Цеденбала с высших постов, который был поддержан советскими лидерами.

В результате, в 1984 г. состоялся Пленум ЦК, освободивший Ю. Цеденбала, по состоянию здоровья, от занимаемых постов. Вместе с супругой он выехал на постоянное место жительства в Москву, где и скончался в 1990 г.

Монголия в середине 80-х — середине 90-х годов	Попытка МНРП удержать под контролем ситуацию натолкнулась на недовольство интеллигенции и молодежи, в среде которых зрели требования более радикальных изменений. По времени это совпало с перестройкой в Советском Союзе, и поэтому новый руководитель партии и государства Ж. Батмунх объявил на Пленуме ЦК в 1988 г. о начале перестройки во всех сферах жизни монгольского общества, по типу СССР, но с учетом собственной специфики. В постановлении Пленума поддерживалась недопустимость преобладания административно-командных методов руководства в партии и государстве, указывалось на необходимость ликвидации последствий культа личности Х. Чойболсана и реабилитации жертв необоснованных репрессий в период его нахождения у власти. Была дана оценка деятельности Ю. Цеденбала, с именем которого стали связывать застойные явления в монгольском обществе. В 1990 г. его исключили из МНРП и лишили всех государственных наград.

Тем не менее, эти меры не могли удовлетворить возникшую оппозицию, часть лидеров которой требовала прекращения «социалистического эксперимента» и перехода на путь демократизации общества. С конца 1989 г. в МНР возникли оппозиционные политические организации и движения, из которых наиболее заметными были Монгольский демократический союз, Социал-демократическое движение, Новый прогрессивный союз и др. Основной формой их деятельности стали митинги и демонстрации с требованием объективной оценки исторического пути, проделанного Монголией после 1921 г., отставки высших партийных и государственных чиновников. Эти требования правящая верхушка была вынуждена выполнить, и на состоявшемся в 1990 г. чрезвычайном съезде МНРП было избрано новое руководство страны, взявшее курс на демократизацию внутренней политики и переход Монголии к правому демократическому государству с многопартийной системой. Правящая МНРП обязалась трансформироваться в партию парламентского типа и сохранила за собой основные рычаги руководства страной.

С 1992 г. в Монголии вступила в силу новая конституция, согласно которой официальным названием страны стало Монголия (Монгол Улс). Государство провозглашалось правовым с многопар-

тийной системой и рыночной экономикой. Главной целью являлось строительство «гуманного, гражданского демократического общества». В результате проведенных демократических выборов победу одержала коалиция сторонников реформ, объединившихся в Демократический союз.

Тем не менее, на этом пути Монголия столкнулась с серьезными трудностями, прежде всего в экономике. Прекращение широкомасштабной помощи, которую ранее оказывал СССР, проведенная с большими нарушениями приватизация, привели вскоре к обнищанию основной массы населения, разочаровавшегося в проводимых реформах. На этой волне вновь повысился авторитет МНРП, выступавшей за более мягкую интеграцию страны в рыночные отношения и социальную защиту малоимущих.

Монголия во второй половине 1990-х годов. Во вторую половину 90-х годов Монголия вступила в обстановке сложной экономической ситуации. В 1995 г. в стране был собран один из самых низких за последние десятилетия урожай зерновых, около четверти населения жило за официальной чертой прожиточного минимума, а более 50 тыс. человек официально являлись безработными. Продолжали оставаться достаточно высокими темпы инфляции. В следующие годы эти цифры еще более увеличились.

На этом фоне в 1996—1997 гг. парламентские и президентские выборы, на которых основными соперниками выступали правящая коалиция — Демократический союз и МНРП. Несмотря на испытываемые трудности, большинство населения проголосовало за сторонников рыночных реформ, получивших большинство мест в новом составе Великого Государственного Хурала (так, согласно действующей конституции, называется монгольский парламент). Новым президентом Монголии на четырехлетний срок был также избран сторонник реформ Н. Багабанди. Новое руководство намерено продолжить движение по пути рыночных преобразований.

Однако дальнейшее проведение реформ привело лишь к дальнейшему развалу экономики и обнищанию населения. На состоявшихся в 1999—2000 гг. парламентских и президентских выборах победу одержала МНРП.

СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Общая характеристика развития региона. Послеколониальный период в истории государств Юго-Восточной Азии (ЮВА) начинается в разное время. Для Индонезии, Бирмы (Мьянмы), Филиппин, северной части Вьетнама он наступил в первые годы после окончания второй мировой войны. Для Лаоса, Южного Вьетнама и Камбоджи в 1954 г., Малайзии в 1957 г., Сингапура — с 1965 г. (с 1959 по 1965 гг. входил в Федерацию Малайзия), а для Брунея — с 1984 г.

Естественно, что такая неравномерная линия политического развития государств ЮВА сказалась как на внутренней политике каждой страны в отдельности, так и в общерегиональном плане. Достаточно четко можно провести деление региона на две части — государства Индокитая и остальные страны, большинство из которых вошло в созданную в 1967 г. Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В послевоенный период все три государства, Индокитай составлявшие Французский Индокитай, испытали на практике различные модели социалистического развития. Северный Вьетнам (ДРВ) — с 1945 г., Южный — с 1975 г. в составе объединенной Социалистической республики Вьетнам. Камбоджа — с 1975 по 1989 гг, Лаос — с 1975 г. Историю индокитайского региона после второй мировой войны можно, в свою очередь, расчленить на два этапа, водоразделом которых является 1975 год. В 90-е годы страны, в различной степени, также интегрировались в АСЕАН, проводя в экономике курс на развитие рыночных отношений. Поэтому, уже с конца десятилетия, можно говорить об общности судеб всех десяти государств региона.

§ 16. Вьетнам

**Вьетнам в 1945—
1954 годах**

К моменту ухода Японии из ЮВА особенно прочными оказались позиции руководства Лиги независимости Вьетнама (Вьетминь). Именно ее лидер Хо Ши Мин стал главой Национального комитета освобождения Вьетнама, выполнявшего, после ухода японцев, функции правитель-

ства. Как и в ряде других стран ЮВА, лидеры Вьетнама воспользовались ситуацией «вакуума» власти (японцы уже ушли, а старые колонизаторы еще не вернулись). Назвав произошедшие события «Августовской революцией», они провозгласили 2 сентября 1945 г. образование Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Страна обрела фактическую независимость.

Но уже в конце сентября 1945 г. Франция посылает во Вьетнам свои войска, которые, при поддержке англичан (по решению Потсдамской конференции на юге Вьетнама они принимали капитуляцию японских войск), захватили Сайгон, а затем и весь юг страны. Франция и ее союзники небезосновательно считали, что, таким образом, могут предотвратить переход власти в руки коммунистов.

Хо Ши Мин и его соратники пытались лавировать и не высказывать открыто своих взглядов. Для этого, в ноябре 1945 г., компартия Индокитая объявила о своем самороспуске. Одновременно, для решения проблемы расширения социальной базы своих сторонников, коммунистами была создана Лига Льен-Вьет, в которую, наряду с вьетминевцами, вошли националистически настроенные представители буржуазии Севера. Во главе движения остался Хо Ши Мин. Таким образом, начался процесс раскола Вьетнама на две части.

На Севере в начале 1946 г. прошли выборы в Национальное собрание и местные органы власти, а в ноябре того же года была принята конституция, закреплявшая республиканскую форму правления, основные права и свободы граждан.

В марте 1946 г., в результате длительных переговоров, правительство Франции признало ДРВ «свободным государством», но при условии его вхождения в создаваемый Французский Союз. Кроме того, на продолжительный период в стране должен был остаться французский экспедиционный корпус. Однако уже в сентябре 1946 г. Франция признала также так называемую «Республику Кохинхина», созданную на Юге националистами. В декабре 1946 г. Франция начала военные действия против ДРВ, продолжавшиеся в течение 8 лет.

Вначале успех был на стороне французов (к середине 1947 г. они захватили Ханой и большую часть территории ДРВ), но затем, после принятия Хо Ши Мином затяжной тактики партизанской войны в горной местности и в джунглях, инициатива перешла к коммунистам. Тогда, стремясь вновь овладеть ситуацией, Франция провозгласила на Юге «Государство Вьетнам» во главе которого был поставлен отрекшийся от престола 13 августа 1945 г. император Бао Дай. Он согласился на контроль со стороны французов и его режим был признан США, Англией и рядом других дружественных

Франции стран. В ответ, в январе 1950 г., СССР и его союзники установили дипломатические отношения с ДРВ.

В феврале 1951 г. прошел II съезд Коммунистической партии Индокитая (КПИК), на котором коммунисты Вьетнама объявили о своем выходе из «подполья». С того времени вьетнамская часть бывшей КПИК стала именовать себя Партией Трудящихся Вьетнама (ПТВ) в полном соответствии с тогдашним азиатским вариантом теории «народной демократии», получившей повсеместное распространение в странах социалистического лагеря.

Для координации усилий в борьбе трех государств Индокитая за национальную независимость, а также в целях сохранения контроля вьетнамских коммунистов за ситуацией, в марте 1951 г. был образован Единый фронт народов Индокитая, куда вошли представители военных группировок коммунистов всех трех государств.

По мнению некоторых вьетнамских лидеров, такой союз, при благоприятном развитии событий, мог стать основой создания под эгидой Вьетнама «Индокитайской Федерации» на территории бывшего французского Индокитая, хотя официально, видимо, по тактическим соображениям, эта идея отвергалась.

Вплоть до весны 1954 г. Франция при поддержке США безуспешно пыталась нанести военное поражение ДРВ. Решающим стало сражение в районе Дьенбьенфу где северовьетнамские войска, руководимые талантливым военачальником. Во Нгуен Зиапом, окружили, а затем заставили французов капитулировать. Это послужило прологом начала мирных переговоров в Женеве (апрель-июль 1954 г.), в результате которых Вьетнам был разделен демаркационной линией по 17-й параллели.

**Раскол страны.
Особенности
развития ДРВ и
республики
Вьетнам (1954—
1961 годы)**

К 1956 г. предполагалось проведение на территории всего Вьетнама свободных выборов и объединение страны под властью победившей политической силы. Однако США и их союзники, равно как и СССР с КНР, не хотели испытывать судьбу, предпочитая сохранять страну расколотой на две части.

После образования, по инициативе США, военно-политического блока СЕАТО (осень 1954 г.), Франция потеряла свой политический контроль в регионе и вынуждена была согласиться на смену руководства на юге Вьетнама, Профранцузски настроенный Бао Дай осенью 1955 г. был заменен ставленником США Нго Динь Зьемом.

В 1956 г. состоялись выборы в Национальное собрание, принята конституция, закрепившая за Южным Вьетнамом статус республики. На Севере утвердился коммунистический режим, взявший за основу сталинскую модель социализма.

В августе 1955 г. было принято решение о преобразовании Льен-Вьета в Отечественный фронт Вьетнама — организацию, призванную вести борьбу за объединение страны под властью коммунистов. В свою очередь, на Юге, еще летом 1954 г., была проведена реорганизация высших органов власти и во главе правительства был поставлен Нго Динь Зьем, который осенью 1955г. и организовал референдум по принятию «Временного конституционного акта». Согласно этому документу. Южный Вьетнам изменил форму правления и официально стал называться Республика Вьетнам.

В марте 1956 г. в Южном Вьетнаме прошли выборы в Учредительное собрание, которое и приняло в октябре того же года постоянную конституцию, куда было включено положение, по которому преследовались любые деяния, направленные на распространение в стране коммунистических идей. Началось преследование политических противников режима.

С лета 1959 г., под влиянием северовьетнамских коммунистов, на юге стали возникать очаги вооруженной оппозиции и были образованы первые «освобожденные районы». Апогеем этого процесса стало образование в декабре 1960 г. Национального Фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ), во главе которого стояли коммунисты. Была принята Временная программа и определены основные задачи: свержение правящего режима, установление новой власти, мирное объединение страны. На Западе сторонников фронта называли вьетконговцами (сокращение от «вьетнамские коммунисты»).

В состав НФОЮВ вошли три политические партии: Демократическая, Радикал-демократическая и Народно-революционная, а также различные общественные организации. Такая структура создавала определенную иллюзию относительно политического курса новой организации.

В начале 1960 г. в ДРВ вступила в силу новая конституция, определившая главные задачи: строительство социализма на Севере, борьба за освобождение Юга, демократическое объединение в единое государство. Более конкретные задачи были сформулированы в сентябре 1960 г. на III съезде ПТВ, который принял решение о поддержке сторонников коммунистов на Юге. Значительную помощь в этом вопросе лидеры ДРВ получали от СССР и КНР, отношения между которыми в тот момент уже миновали стадию дружбы. Хо Ши Мин и его ближайшее окружение старалось не вмешиваться в разгоравшийся конфликт между СССР и Китаем и соблюдать нейтралитет. Это им удавалось делать вплоть до полного объединения страны в 1975—1976 годах.

Нго Динь Зьем на Юге пытался использовать в своих целях идеи национализма при интегрировании в официальную государственную доктрину основных идей западной цивилизации, в том числе и через католичество, приверженцем которого он сам являлся. Таким образом, гражданская война между Севером и Югом представлялась как «борьба национализма с коммунизмом».

Католическая церковь, наряду с армией, составляла главную опору южновьетнамского режима. Опорой режима являлись также политические партии, состоявшие, в большинстве своем, из католиков. Легальная оппозиция в Южном Вьетнаме выступала под лозунгами защиты буддийской религии, утверждая, что католицизм и коммунизм, как привнесенные извне идеологические доктрины, одинаково чужды вьетнамскому народу.

**Военно-политический конфликт
1961—1975 годов.
Объединение
страны**

При поддержке ДРВ уже весной 1961 г. на Юге была образована Армия Освобождения Южного Вьетнама. В феврале 1962 г. состоялся первый съезд НФОЮВ, на котором была принята его программа и образован ЦК. Президентом фронта был избран Нгуен Хыу Тхо, а генеральным секретарем — Хюинь Тан Фат. В глазах значительной части южновьетнамского населения НФОЮВ выглядел более предпочтительно, чем правящий режим.

Уже в тот период под контролем фронта оказалось большинство провинций и почти половина населения. В этих условиях, стремясь спасти режим, США пожертвовали Нго Динь Зьемом, который был свергнут в ноябре 1963 г. в результате военного переворота. С 1963 по 1965 гг. в Сайгоне сменилось несколько руководителей, пока у власти не утвердился Нгуен Ван Тхиеу. К тому времени США уже вели бомбардировки территории ДРВ и военный конфликт во Вьетнаме находился в самом разгаре.

Придя к власти, Нгуен Ван Тхиеу через два года ввел в действие новую конституцию Республики Вьетнам, провел президентские и парламентские выборы. В конституцию 1967 г. была включена статья, гласившая, что Южный Вьетнам «выступает против коммунизма во всех его формах», а «все действия, имеющие целью распространения или осуществления коммунизма, категорически запрещаются». Нгуен Ван Тхиеу также был католиком. Его поддерживали созданные после его прихода к власти политические организации «Силы великого сплочения», «Народный фронт против коммунистической агрессии» и др. Сам он был основателем и лидером Демократической партии.

В ответ руководство НФОЮВ приняло Политическую программу своей организации, а в районах, находившихся под их контро-

лем, провели выборы в местные органы власти — народные революционные советы. Летом 1969 г. они провозгласили на территории «освобожденных районов» Республику Южный Вьетнам (РЮВ) и учредили ее Временное революционное правительство (ВРП). Нгуен Хыу Тхо занял пост Председателя Консультативного Совета (высшего органа РЮВ). Руководство Фронта при поддержке ДРВ начало проводить политические и социально-экономические преобразования, которые бы позволили расширить социальную базу своих сторонников. Объективно этому способствовала и неэффективная политика ОПТА в Южном Вьетнаме, вызывавшая все большее недовольство во всем мире. В этих условиях администрация РДиксона пошла на подписание в январе 1973 г. в Париже соглашения о прекращении военных действий и восстановлении мира во Вьетнаме. По этому договору США фактически оставили на произвол судьбы своего южновьетнамского союзника. С октября 1973 г. военные силы НФОЮВ начали наступление на ослабший режим Тхиеу. Координировалась эта работа из Ханоя, где соответствующие решения принимались на уровне Политбюро ЦК ПТВ. Так, в марте 1975 г. началось решающее наступление на Сайгон, получившее название «операция Хо Ши Мин». К концу апреля режим Тхиеу пал. Перед Вьетнамом открылась возможность объединения под властью коммунистов. Тысячи сторонников прежнего южновьетнамского режима вынуждены были бежать из страны, опасаясь репрессий со стороны победителей.

**Образование
социалистической
республики
Вьетнам. Интегра-
ция Южного
Вьетнама в
социалистические
отношения**

Переходный период продолжался около года и завершился проведением всеобщих выборов в Национальное собрание (апрель 1976 г.), которое приняло официальное решение о слиянии двух частей Вьетнама в Социалистическую Республику Вьетнам (СРВ). Затем прошло объединение различных общественных организаций и образован Отечественный фронт Вьетнама. В конце 1976 г.

состоялся IV съезд ПТВ, на котором партия была переименована в коммунистическую (КПВ) и главной ее задачей было объявлено строительство социализма во всем Вьетнаме в течение 20 лет. Фактическим руководителем СРВ стал Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан. После смерти Хо Ши Мина в 1969 г., он являлся фактическим руководителем страны. Премьер-министром был назначен Фам Ван Донг, долгие годы занимавший этот пост в ДРВ. Президентом СРВ стал Тон Дык Тханг (эта должность теперь носила, в основном, представительский характер). Нгуен Хыу Тхо занял также почетный пост председателя Национального Собрания СРВ.

В первые годы после объединения, во Вьетнаме действовала конституция ДРВ 1960 г. Новая концепция была принята Национальным Собранием в конце 1980 г. В конституции определялось, что СРВ является государством диктатуры пролетариата. Политическую основу системы государственных органов составляли Национальное собрание и Народные советы всех ступеней. В конституции закреплялась руководящая роль КПВ в обществе, а также сохранялся Отечественный фронт, куда входили КПВ, Демократическая партия, Социалистическая партия, профсоюзные, молодежные, женские и другие общественные организации. Высшим органом государственной власти определялось Национальное собрание. Вместо упраздненных институтов Постоянного Комитета НС и Президента создавался Государственный Совет СРВ.

После объединения, перед Вьетнамом стала проблема определения своего главного политического союзника. В конечном итоге вьетнамские лидеры стали ориентироваться на СССР и его союзников, что привело вначале к ухудшению, а в 1979 г. и к разрыву прежде формально дружественных отношений с КНР. После ввода вьетнамских войск в Камбоджу (КНР поддерживала враждебно настроенный по отношению к Вьетнаму режим Пол Пота), между двумя государствами вспыхнул вооруженный конфликт, еще более обостривший политическую ситуацию в индокитайском регионе.

В первой половине 80-х годов усилились кризисные тенденции во вьетнамском обществе, нарастали экономические трудности. У СРВ, после оккупации Камбоджи, оказались весьма сложные отношения с КНР и другими государствами ЮВА, осудившими действия Вьетнама. С другой стороны, в эти годы еще больше укрепились отношения СРВ со странами социалистического содружества во главе с Советским Союзом, что, в тот момент, безусловно отвечало национальным интересам Вьетнама.

**Вьетнам на пути
реформ (середине
80-х—90-е
годы)**

В 1986г. скончался генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, находившийся несколько десятилетий на высших постах в партии и государстве. Его смерть совпала со стремлением ряда руководителей СРВ начать демонтаж старой модели социализма. Это проявилось уже на VI съезде КПВ в декабре 1986 г., на котором были отмечены ошибки прежнего руководства в проведении внутренней и внешней политики, в частности, форсированной индустриализации без достаточных на то предпосылок. Но эти половинчатые меры не дали быстрого положительного результата. В стране начались

открытые выступления против местных партийных и государственных чиновников. Особенно острыми они были на юге, где население еще не успело интегрироваться в «социалистические производственные отношения».

Власти предприняли в конце 80-х годов ряд мер по стимулированию развития экономики по китайскому образцу. Внедрялась система хозрасчета и самоокупаемости в промышленности и сельском хозяйстве, вводилась единая система цен в сфере обращения и распределения, прекращалась практика государственных дотаций убыточным предприятиям. Крестьяне стали получать землю в аренду в деревнях, а в городах поощрялось частное предпринимательство.

С 1987 г., после принятия закона об иностранных инвестициях, начинается создание смешанных предприятий, а также фирм со сто процентным иностранным владением.

Все это быстро начало давать положительные результаты. Например, впервые за много лет, в 1989 г. СРВ начинает не только удовлетворять собственные потребности в рисе, но и экспортировать его в другие страны (к 1995 г. по этому показателю СРВ выходит на четвертое место в мире, а в 1997- на второе). Тогда же была отменена существовавшая долгие годы карточная система распределения продуктов и важнейших непродовольственных товаров.

К середине 90-х годов темпы роста ВВП находились на уровне 8%, а позднее начали приближаться и к 10-процентной отметке. Однако, по уровню доходов на душу населения, СРВ пока находится на достаточно низком уровне для развитых стран — около 200 долларов в год на человека. Более 75% самодеятельного населения задействовано в сельском хозяйстве.

С конца 80-х годов происходили изменения и во внешней политике СРВ. После вывода вьетнамских войск из Камбоджи и последующего распада мировой социалистической системы, вьетнамские лидеры предприняли шаги по восстановлению отношений с КНР, что, в значительной степени, способствовало улучшению общей ситуации в регионе. Кроме того, Вьетнам стал полноправным участником АСЕАН и его экономика в 90-е годы все более тесно интегрировалась в экономическое пространство Юго-Восточной Азии. Экономические контакты с Россией неуклонно сокращались. В настоящее время при проведении внешней политики, руководители СРВ все в большей степени руководствуются принципами политического прагматизма.

§ 17. Лаос

**Достижение
Лаосом незави-
симости** 12 октября 1945 г. Лаос был провозглашен независи-
мым государством. Накануне этого события, сто-
ронники независимости аннулировали договор о
протекторате и провозгласили объединение всех
лаосских земель. В созданный в противовес королевской власти
Народный комитет вошли деятели фронта Лао Итсала. Король
Луангпрабанга был низложен. Вскоре страна была объявлена кон-
ституционной монархией Патет-лао (Страна Лао).

Франции, начавшей восстановление своей власти в Индокитае,
удалось весьма быстро ликвидировать этот режим, а его активисты
либо эмигрировали, либо ушли в партизанские отряды. В августе

1946 г. Франция и восстановленный королевский режим подпи-
сали договор, по которому Лаос получал автономию и конститу-
цию (вступила в силу в мае 1947 г.). В августе 1947 г. состоялись
выборы в Национальное собрание, в которых приняло участие ог-
раниченное число потенциальных избирателей. К тому времени в
Лаосе уже появились первые политические партии.

Летом 1949 г., в разгар индокитайской войны, Франция сделала
следующий шаг в реформировании колониального управления, под-
писав с Лаосом договор о предоставлении независимости при со-
хранении за ним статуса государства в составе Индокитайского и
Французского Союзов. Этот шаг привел к фактическому распаду
фронта Лао Итсала, руководство которого вернулось в Лаос и по-
лучило высокие должности в государственных структурах. Исклю-
чение составило леворадикальное крыло во главе с принцем Суфа-
нувонгом: Его лидеры продолжили борьбу за полную
независимость, координируя свои действия с вьетнамскими ком-
мунистами. В марте 1949 г. началась, под руководством еще одного
коммунистического лидера — КФомвнхана, партизанская война.
Постепенно на востоке Лаоса, рядом с вьетнамской границей были
образованы освобождённые районы.

В 1950 г. был создан Фронт Свободного Лаоса — ФСЛ (Нео Лао
Итсала) и правительство Соппротивления во главе с Суфанувонгом.
В 1951 г. ФСЛ вошел в Объединенный фронт народов Индокитая,
что способствовало расширению его влияния. К 1954 г. ФСЛ кон-
тролировал около половины территории Лаоса.

К тому времени подошла к концу первая индокитайская война.
На Женевском Совещании западные страны потребовали вывода
с лаосской территории так называемых «вьетнамских добровольцев»
и капитуляции сил ФСЛ. В результате было достигнуто соглашение
о прекращении военных действий в Лаосе и последующем выводе

оттуда французских и вьетнамских войск. Вооруженные силы ФСЛ до момента окончания политического урегулирования концентрировались в двух провинциях. Их членам гарантировалась неприкосновенность и гражданские права. Для контроля за соблюдением соглашения, создавалась специальная международная комиссия.

В Женеве королевское правительство Лаоса взяло на себя обязательство проводить политику нейтралитета в международных делах и не преследовать участников национально-освободительного движения.

**Лаос на первом
этапе независи-
мого развития
(1954—1975
годы)**

Независимый Лаос остался конституционной монархией. Согласно Конституции 1947 г. во главе государства находился король. На момент достижения независимости и до 1959 г. им оставался Сисаванг Вонг. Высшим законодательным органом являлось Национальное Собрание, избираемое на четыре года. Было введено всеобщее избирательное право, в компетенцию короля входило назначение премьер-министра и роспуск Национального собрания.

Из политических партий на тот момент наиболее влиятельной была Прогрессивная (на выборах в НС в декабре 1955 г. она получила 21 место из 39), Партия независимых. Демократическая, Национальный союз, а также Патриотический фронт Лаоса (Нео Лао Хак Сат), созданный коммунистами в качестве легального прикрытия своей деятельности. Сами лаосские коммунисты организационно оформили свою партию в 1955 г. под названием Народная партия Лаоса (НПЛ). Во главе НПЛ стоял К. Фомвихан. Его заместителем стал Председатель ПФЛ принц Суфанувонг (деятельность партии вплоть до 1975 г. проходила в нелегальных условиях и о ее существовании официально не объявлялось).

В 1956 г. король вновь назначил премьер-министром Лаоса принца Суванна Фума, придерживавшегося нейтралистских позиций. При его активном участии, с конца 1956 г., между королевским правительством и ПФЛ было подписано соглашение о создании коалиционного правительства. Но деятельность этого кабинета оказалась малоэффективной в силу непрекращающегося соперничества внутри лаосской политической элиты, каждая из фракций которой была ориентирована на определенные внешние силы.

Летом 1960 г. в стране произошел военный переворот. Для урегулирования конфликта потребовался созыв весной-летом 1961 г. Международной конференции по Лаосу, параллельно с которой в самой стране проходили переговоры между враждующими сторонами — левыми во главе с Суфанувонгом, правыми, представленными рядом

группировок во главе с Бун Умом и нейтралистами, группировавшимися вокруг Суванна Фумы. Вновь возникла проблема формирования коалиционного правительства. Главные дискуссии разгорелись по поводу дележа министерских портфелей в будущем правительстве. В итоге, весной 1962 г., оно было сформировано Суванна Фумой и большинство министерских портфелей оказалось у нейтралистов. Это позволило успешно завершить в Женеве Международную конференцию по Лаосу, на которой был подтвержден нейтральный статус страны. После 1962 г. в Лаосе создалась ситуация, получившая в западной историографии название трипартизма. Именно борьба за гегемонию между тремя названными выше политическими силами составляла главное своеобразие политического развития страны вплоть до декабря 1975 г. В этот период Лаос оказался втянутым в индокитайский конфликт, что не могло не сказаться на внутривнутриполитической ситуации.

США сделали ставку на правых, пытаясь склонить страну к поддержке своей политики в Южной Вьетнаме. ПФЛ был поддержан СССР, КНР и ДРВ, видевшими Лаос в числе своих потенциальных союзников. Франция, заинтересованная в сохранении своего влияния в Лаосе, наиболее последовательно помогала Суванна Фуме и его единомышленникам.

В 1963—1966 годов между различными политическими группировками происходили острые столкновения, в результате которых произошел раскол внутри нейтралистов по вопросу о перспективах сотрудничества с ПФЛ и усилились позиции правых в правительстве. Именно в это время закрепляется территориальное разделение Лаоса на «освобожденные районы» под контролем ПФЛ и «вьентьянскую зону». В последней регулярно проходили выборы в Национальное собрание, которые бойкотировались в «освобожденных районах». Суванна Фума укрепил свой авторитет, пытаясь лавировать, опираясь на большинство в парламенте и имея, по существу, реальную власть лишь во «вьентьянской зоне».

К концу 60-х годов обострился военный конфликт между двумя зонами, в котором участвовали и внешние силы. В тот период усилилась радикализация ПФЛ. В ее Программе («12 пунктов»), принятой в 1968 г., было сформулировано требование последовательной борьбы с «национальными предателями», под которыми подразумевались сторонники ориентации на США.

На нелегальном съезде НПЛ зимой 1972 г. была выдвинута задача скорейшего завершения в стране захвата власти и перехода на путь социализма, минуя капитализм. Партия была переименована в Народно-революционную (НРПЛ). Ее лидером вновь стал К. Фомвихан, формально являвшийся заместителем

Суфанувонга в ПФЛ, но фактически к тому времени игравший более важную роль.

После подписания в Париже, в январе 1973 г., соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, в Лаосе сложилась принципиально новая политическая ситуация. Нейтралисты во главе с Суванна Фумой вновь начинают искать точки соприкосновения интересов с ПФЛ. Но теперь инициатива была явно на стороне последних, что нашло отражение в соглашении, подписанном во Вьентьяне в феврале 1975 г. По нему в Лаосе должно было быть сформировано Временное правительство и ряд других органов. Премьер-министром Временного правительства стал Суванна Фума. Суфанувонг возглавил так называемый Национальный политический коалиционный Совет (НПКС), который вскоре реально стал более влиятельным органом, чем правительство. Действовали они оба на основе Политической программы ПФЛ 1968 г. Однако задачи немедленной ликвидации института монархии и старой системы государственного управления в, тактических целях, сторонниками НРПЛ пока не ставилось.

В апреле 1975 г. было распущено Национальное собрание, где большинство составляли правые. К тому времени коммунисты уже победили в Южном Вьетнаме и в Камбодже. Они начинают постепенно выходить на политическую арену как легальная сила, а их лидеры играть все большую роль в руководстве Лаосом.

Осенью 1975 г. были проведены выборы в местные органы власти, и страна вновь была объединена, в административно-политическом отношении, в единое целое. Юридически процесс перехода власти был оформлен в начале декабря 1975 г. во Вьентьяне на состоявшемся Национальном Конгрессе Народных представителей. Официально упразднялась монархия и провозглашалось образование Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР). Вместо Временного правительства и НКПС было образовано Верховное Народное собрание (ВНС). Его Председателем и одновременно Президентом страны стал Суфанувонг. Премьер-министром нового правительства назначили К.Фомвихана, в руках которого фактически оказалась реальная политическая власть в Лаосе.

Развитие лаосской народно-демократической республики	С декабря 1975 г., впервые в своей истории, Лаос стал государством с республиканской формой правления. К власти пришли силы, ориентированные на форсированное развитие страны по социалистической модели. Принятие Конституции затягивалось, ее заменяли Декларация Национального Конгресса народных представителей и Программа действий правительства ЛНДР, принятые

в декабре 1975 г. Вся полнота политической власти оказалась в руках НРПЛ которая, в лучших традициях стран «народной демократии», осуществляла ее под прикрытием ПФЛ, с 1979 г переименованного во Фронт национального строительства Лаоса (ФНСЛ).

По существу в стране, находившейся на низком уровне социально-экономического развития, была создана административно-командная система управления с присущей ей издержками и перегибами. Такого рода эксперимент был намного либеральнее камбоджийского варианта, но и он привел к серьезным последствиям, в частности, к росту эмиграции. Лаосское правительство, в конце 70-х годов на некоторое время даже прервало отношения с Францией, считая ее правительство виновным в саботировании его важных начинаний в экономике.

В начале 80-х годов были предприняты попытки исправить положение, в частности, отменили принудительное кооперирование крестьян, но ощутимых результатов это не дало. С 1985 года начала осуществляться вторая попытка, выразившаяся в разработке и внедрении в жизнь рыночных механизмов и курсе на сотрудничество со странами АСЕАН.

В конце 80-х гг. в Лаосе начинается либерализация политической жизни, но при сохранении основных рычагов управления в руках НРПЛ, во главе которой по-прежнему продолжал находиться К. Фомвихан. После его смерти в 1992 г., главой правительства и руководителем правящей партии стал Кхамтай Сипхандон. Еще при жизни К. Фомвихана, в августе 1991 г., в Лаосе была принята конституция, несколько демократизировавшая политическую и экономическую систему страны. НРПЛ продолжает оставаться единственной политической партией, согласно конституции, «руководящим ядром политической системы». Проводимые рыночные реформы несколько повысили жизненный уровень населения, который в денежном исчислении в 1996 г. составил около 350 американских долларов (это в полтора раза выше аналогичного показателя в соседнем Вьетнаме). В основу экономической политики лаосское правительство положило принципы равноправного сосуществования различных форм собственности, привлечение иностранных инвесторов, создание смешанных компаний и концессий. Однако экономика развивается достаточно неравномерно и страна продолжает относиться к категории слаборазвитых государств с преимущественно аграрным характером развития. В качестве внешнеполитических приоритетов провозглашена ориентация на дружбу и сотрудничество прежде всего со «стратегическими друзьями», в число которых лаосское руководство относит соседние Вьетнам, КНР, Северную Корею, а также Кубу. Тем не менее, Лаос

не отрицает своей заинтересованности в расширении равноправного взаимовыгодного сотрудничества и с другими странами, включая США, Японию, Францию и Россию.

§ 18. Камбоджа

Особенности развития Камбоджи в 1945—1954 годах	Уже в начале октября 1945 г. Франция восстановила в Камбодже прежний режим протектората, отмененный королем Н. Сиануком еще в марте 1945 г., после прихода японцев и вытеснения метрополии из региона.

В январе 1946 г. правительства Франции и Камбоджи подписали временное соглашение, по которому в рамках Французского Союза последняя получила автономию, означавшую расширение полномочий королевского правительства во внутренних делах.

В 1946 г. в Камбодже были созданы первые политические партии: Демократическая и Либеральная. Первая из них представляла интересы националистически настроенной молодой интеллигенции, выступавшей за независимость и ограниченную монархию по европейскому типу. Вторая выражала взгляды крупных землевладельцев, аристократии, чиновничества и буржуазии. Либералы занимали профранцузские позиции и не выдвигали задачи достижения политической независимости.

В мае 1947 г. была разработана конституция, по которой Камбоджа становилась ограниченной монархией. Значительную роль в жизни государства теперь стал играть парламент — Национальное собрание, в котором демократам принадлежало большинство мест.

В 1949 г. между двумя странами был подписан еще один договор, согласно которому метрополия формально признавала Камбоджу «независимым государством» в рамках Французского Союза:

В конце 40-х годов помимо легальной оппозиции, активизировалась вооруженная борьба за независимость, которую возглавили члены движения Кхмер Иссарак (Свободный Кхмер). Созданное еще в годы второй мировой войны, оно представляло из себя весьма разношерстное образование. Большинство его отрядов действовало исходя из личных планов своих командиров, а не из каких-либо серьезных идейных побуждений. Левое крыло «Кхмер Иссарака» имело тесные контакты со своими единомышленниками из Вьетнама и Лаоса.

Весной 1951 г. на территорию Камбоджи вступили вооруженные формирования ДРВ для оказания помощи камбоджийским левым.

В соответствии с решением второго съезда КЛИК, в конце сентября 1951 г. была образована Народно-революционная партия Камбодеки (НРПК). Партия Трудящихся Вьетнама в тот период имела на нее решающее влияние, а этнические вьетнамцы занимали там важнейшие посты. Другую фракцию составляли представители этнических китайцев, пытавшиеся перехватить инициативу во внутрипартийной борьбе.

1 июня 1952 г. король решил сделать радикальные шаги в вопросе о дальнейших путях перехода Камбоджи к реальной независимости. Он объявил о роспуске Национального собрания и запретил деятельность в стране политических партий. Было объявлено о начале «королевского крестового похода за независимость». В результате, 9 октября 1953 г., французская администрация в Камбодже прекратила свою деятельность.

Вопрос о признании независимости Камбоджи в международном масштабе был окончательно решен летом 1954 г. в ходе Женевского совещания по Индокитаю.

Камбоджа на первом этапе независимого развития (1954—1970 годы). В 1954 г. возобновили свою деятельность прежние политические партии, а также бывшими участниками вооруженного сопротивления французам была создана группа «Прачеачун» (Народ), фактически ставшая легальным прикрытием действовавшей в глубоком подполье НРПК. Между ними, с одной стороны, и королем, с другой, постоянно возникали спорные проблемы, дестабилизировавшие политическую ситуацию в стране.

Для преодоления возникшего кризиса король Н. Сианук пошел на ряд радикальных шагов. 2 марта 1955 г. он официально отрекся от престола в пользу своего отца, а сам занял пост премьер-министра. Кроме того, он объявил о создании массовой опоры режиму своей личной власти — Народно-социалистического сообщества (Сангкум) широкой общественно-политической организации, объединившей практически все слои населения и политические движения, кроме Демократической партии и группы Прачеачун. Целями Сангкума были объявлены укрепление единства камбоджийской нации, превращение Камбоджи в сильное и стабильное государство, улучшение жизни народа.

В основу идейной доктрины Сангкума Н. Сианук положил теорию «кхмерского буддийского королевского социализма», разработанную им в более-менее законченном виде к началу 60-х годов. Она представляла из себя эклектическую смесь из самых разнородных доктрин включая «социализацию» капитализма, «демократизацию» монархии, модернизацию экономики, осуществление политики нейтралитета на международной арене.

Успех Сангкума в значительной степени зависел от личного авторитета Н. Сианука, который с самого начала независимого существования Камбоджи показал умение лавировать между различными политическими группировками, не давая возможности ни одной из них иметь решающее влияние в стране. К концу 50-х годов Сангкум уже насчитывал в своих рядах более миллиона камбоджийцев.

Вплоть до марта 1970 г. Сангкум играл главенствующую роль на политической арене Камбоджи. В него также вошли многие члены Демократической партии и группы Прачеачун, создавшие там свои фракции.

В эти годы Прачеачун фактически находилась на полулегальном положении. В начале 60-х годов ее руководство обвинили в заговоре против правительства и подвергли репрессиям.

Становление кхмерской государственности в 50-е годы осуществлялось в условиях сложной обстановки вокруг Индокитая, которая характеризовалась постоянным давлением на Камбоджу со стороны США с целью ее включения в блок СЕАТО. Оно сопровождалось вооруженными инцидентами на границе с соседними странами — союзниками США — Южным Вьетнамом и Таиландом, которые также стремились заставить Камбоджу отказаться от политики нейтралитета.

Часть проамерикански настроенной кхмерской оппозиции, лишенная возможности для легальной деятельности, перешла к неконституционным формам борьбы. Результатом стал антиправительственный заговор в 1959 г., подготовка которого велась с территории Таиланда при поддержке США. Он был подавлен вооруженными силами, верными Н. Сиануку.

В связи со смертью короля, в апреле 1960 г., Национальное собрание обратилось к Н.Сиануку с предложением взять верховную власть и стать главой государства с широкими полномочиями. Но Сианук отказался. Институт монархии формально был сохранен. Ее символом была объявлена королева-мать.

В начале 60-х годов в Камбодже происходило дальнейшее усиление личной власти Н-Сианука. Происходила поляризация политических сил, дальнейшее оформление оппозиции режиму как справа, так и слева.

В левом движении произошла значительная активизация с появлением в его рядах Пол Пота (Салот Саш) и его сторонников. Большинство из них в 40-50-е годы, учились во Франции, а затем, вернувшись домой, стали активными проводниками коммунистических взглядов. В январе 1963 г. (по другим сведениям-в 1960-м) НРПК была переименована в Коммунистическую (КПК), а ге-

неральным секретарем избран Пол Пот, устранивший прежнего, более умеренного лидера, Тусамута.

Во второй половине 60-х годов в рядах компартии Камбоджи усилилось влияние идей китайской «культурной революции». В 1967 г., по настоянию Пол Пота, было принято решение о развертывании вооруженной борьбы против режима Н. Сианука, в результате чего в некоторых районах Камбоджи вспыхнули восстания. Все они были жестоко подавлены властями.

Важным фактором политической жизни Камбоджи второй половины 60-х годов стал выход на политическую арену армейской верхушки в качестве правой оппозиции, возглавляемой министром обороны Лон Нолом и принцем Сирик Матаком.

Сдвиг вправо в политике правящих кругов Камбоджи повлек за собой репрессии в отношении левых сил, ограничение демократических свобод, подавление легальной оппозиционной деятельности. Поправление режима сопровождалось ростом антивьетнамских настроений, поводом к которым стало использование вооруженными силами НФОЮ в районах пограничных провинций северо-востока Камбоджи для создания там своих баз, что привело к массированным бомбардировкам этих территорий авиацией США.

В ноябре 1963 г., в знак протеста против вмешательства США во внутренние дела Камбоджи, Н.Сианук объявил об отказе от американской помощи, а, некоторое время спустя, и о разрыве дипломатических отношений. Правда, в конце 60-х годов, после назначения премьер-министром Лон Нола, они были восстановлены.

Н.Сианук постоянно подчеркивал свое дружеское расположение к КНР и лично Мао Дзэдуну. Отношения несколько омрачились в период «культурной революции», из-за попыток Китая вмешиваться во внутренние дела Камбоджи и активизацией пропекинских левых групп внутри Сангкума и компартии.

Также весьма неоднозначным было отношение Н. Сианука к южным Вьетнамам и к СССР, что также было вызвано опасениями по поводу возможности сохранения Камбоджой политики подлинного нейтралитета.

Государственный переворот 1970 г. Кхмерская республика. 18 марта 1970 г., воспользовавшись отсутствием Н. Сианука в стране, правые силы, при поддержке США, совершили государственный переворот. К власти пришел генерал Лон Нол.

В апреле 1970 г. американские и южновьетнамские войска вступили на территорию Камбоджи, что вызвало возмущение мировой общественности и вынудило их оттуда уйти уже через месяц.

В мае 1970 г. оппозиционные Лон Нолу силы, при поддержке КНР, образовали в Пекине Национальной единый фронт Камбодеки

(НЕФК), создали собственные вооруженные силы и правительство в изгнании. В состав НЕФК вошли сторонники Н. Сианука и их недавние «враги» коммунисты. Н. Сианук не обладал в НЕФК реальной властью, последняя была сосредоточена в руках коммунистов, более известных в то время как движение «красных кхмеров».

Соединения регулярной армии ДРВ, под видом частей НЕФК, вступили на территорию Камбоджи. Они захватили несколько восточных провинций страны, передав их затем под контроль «красных кхмеров».

9 октября 1970 г. Камбоджа была официально объявлена „Кхмерской Республикой. Пришедший к власти режим Лон Нола провозгласил курс на развитие рыночной экономики при ориентации на США и их союзников. Однако новый режим, с самого начала своего существования, оказался в весьма невыгодной ситуации. Мировое общественное мнение в целом сочувственно относилось к НЕФК, а Н. Сианука многие государства считали единственным законным представителем камбоджийского народа. Дискуссии по этому поводу проходили и в ООН.

С конца 1970 г. столица была отрезана от сельскохозяйственных районов. Стремясь расширить социальную базу своего режима, Лон Пол пытался создать видимость его демократизации, но убедить в этом мировое сообщество он так и не смог.

За пять лет вооруженной партизанской борьбы численность КПК значительно возросла и она превратилась в ведущую политическую силу Камбоджи.

1973 г. стал решающим в ходе гражданской войны. Лишь поддержка американской авиации спасла лонноловский режим от краха.

К началу 1975 г. вооруженные силы «красных кхмеров» и вьетнамские части контролировали до 90% территории Камбоджи. В начале апреля 1975 г. Пномпень оставили Лон Нол и его ближайшие единомышленники. Путь к захвату власти «красными кхмерами», под вывеской НЕФК, был открыт.

**Камбоджа в
период правле-
ния Пол Пота
(1975—1979
годы)**

17 апреля 1975 г. «красные кхмеры» вошли в Пномпень. К власти в стране пришла группа Пол Пота, к тому времени полностью контролировавшего власть в компартии и ориентированная на китайских радикалов- сторонников идей «культурной революции».

После прихода к власти, полпотовская группировка объявила о начале «революционного эксперимента», который в самые короткие сроки должен был привести к построению в Камбодже «сто-процентного коммунистического общества».

На первом этапе состоялось выселение жителей городов в сельскую местность, ликвидация товарно-денежных отношений, преследование буддийских монахов и вообще полный запрет какой-либо религии, физическое уничтожение чиновников и военнослужащих прежнего режима на всех уровнях.

По всей стране создавались высшие формы кооперативов, в которых согнанные из городов люди в тяжелейших условиях занимались малоквалифицированным физическим трудом.

В условиях Камбоджи создавалась уродливая форма «казарменного коммунизма», основанная на идее Пол Пота о том, что для строительства «светлого будущего» необходим «один миллион преданных людей». Таким образом, остальные шесть с лишним миллионов жителей, подлежали физическому уничтожению как «неспособные» перевоспитаться.

С момента прихода к власти, полпотовцы пытались юридически оформить свою диктатуру. Формально, вплоть до начала 1976 г., продолжал существовать НЕФК во главе с Н. Сиануком. Сам он вернулся в Камбоджу осенью 1975 г. и тут же оказался под домашним арестом. Полпотовцы уничтожили многих его родственников и соратников. Новая конституция вступила в силу в январе 1976 г.

Официально страна обрела республиканскую форму правления и стала называться Демократической Кампучией (Кампуча — древнее название страны), премьер-министром которой стал Пол Пот. Его заместителем по иностранным делам был назначен Иенг Сари. Именно с этими двумя именами и стал вскоре ассоциироваться камбоджийский режим.

Кампучия провозглашалась «независимым, единым, мирным, нейтральным, неприсоединившимся государством народа — рабочих, крестьян и всех трудящихся», но это было не более чем демагогией.

В марте 1976 г. в условиях жесточайшей диктатуры прошли выборы в высший представительный орган — Собрание народных представителей. В апреле 1976 г. на первом и одновременно последнем его заседании, была принята формальная отставка Н. Сианука.

Основным административно-территориальным образованием становились коммуны на селе. Камбоджа была разделена на 6 военных зон, контролировавшихся ближайшими сподвижниками Пол Пота. Каждая зона, в зависимости от местоположения и личной близости ее руководства к Пол Поту, имела свою специфику управления.

Во внешней политике проводился курс на почти полную изоляцию от внешнего мира. Главными союзниками режима стали КНР и Северная Корея (северокорейский лидер Ким Ир Сен даже при-

своил Пол Пота в 1977 г. звание Героя КНДР). Вьетнам объявлялся главным врагом, против которого уже с 1976 г. начались пограничные провокации.

К 1978 г. в стране вспыхнули народные восстания, в том числе руководимые отдельными лидерами «красных кхмеров», недовольными политикой Пол Пота. Некоторые из них установили связи с Вьетнамом.

В начале декабря 1978 г., при поддержке СРВ, был создан Единый Фронт национального спасения Кампучии (ЕФНСК), поставивший своей целью свержение режима Пол Пота. Его лидеры опубликовали формальное обращение с просьбой ввести в страну вьетнамские войска, что и произошло в конце декабря 1978 г. Они развернули боевые действия в масштабе всей страны и в короткое время овладели большей частью Камбоджи.

Образование Народной республики Кампучия. Попытки камбод- жийского урегулирования	7 января 1979 г. вьетнамскими войсками был захвачен Пномпень. Власть перешла к созданному при поддержке вьетнамцев Народно-революционному совету Кампучии (НРСК), руководителем которого стал Хенг Самрин. 10 января им был опубликован манифест, провозгласивший образование Народной Республики Кампучия (НРК).

Новый режим отменил законы прежней власти и предпринял попытки восстановления нормальной жизни в стране. Однако отошедшие в труднодоступные районы Камбоджи сторонники Пол Пота продолжили сопротивление, на подавление которого были направлены вьетнамские войска. Весной 1979 г. им удалось ликвидировать главные базы Пол Пота, но тот продолжал контролировать опорные пункты на границе с Таиландом.

Летом 1979 г. специально созданный трибунал в Пномпене осудил Пол Пота и Иенг Сари как палачей своего народа, приговорив их (заочно) к смертной казни.

В мае 1981 г. состоялся съезд Коммунистической партии, делегаты которого были бывшими «красными кхмерами», порвавшими с Пол Потом. Партия вновь была переименована в НРПК. Съезд взял курс на постепенное создание в Кампучии предпосылок для перехода к строительству социализма. Сторонники Пол Пота в том же году объявили о самороспуске своей коммунистической партии, признав проводившиеся в годы их правления кровавые эксперименты «трагической ошибкой».

В июне 1981 г. вступила в силу конституция НРК. Постоянно действующим органом Национального собрания стал Государственный совет, председателем которого был избран Хенг Самрин.

Народно-революционный совет передал свои полномочия Совету министров НРК. Была конституционно закреплена руководящая роль НРПК в обществе.

События в Камбодже, приведшие к власти новый провьетнамский режим, вызвали в общественном мнении самые противоречивые отклики. США, КНР и большинство стран-членов ООН продолжали официально признавать режим Пол Пота, а также сторонников Н. Сианука и бывшего премьер-министра Сон Санна, создавших «коалиционное правительство Демократической Кампучии в изгнании». В качестве главной причины такой позиции со стороны Запада использовался факт присутствия вьетнамских войск и советников на территории Камбоджи и фактический их контроль внутренней и внешней политики НРК.

НРК была признана на международной арене только странами социалистического содружества (кроме Румынии) и их союзниками среди некоторых государств «третьего мира».

Камбоджа в 1989—1998 годах. Вьетнамские войска находились в Камбодже до 1989 г. За этот период правящему режиму не удалось добиться сколько-нибудь существенного ослабления позиций своих политических противников. Более того, неуклонно среди камбоджийцев укреплялся авторитет Н.Сианука. Что касается Пол Пота, то он из тактических соображений оставил формальное командование силами «красных кхмеров», перепоручив руководство Кхиеу Самфану, занимавшему в период полпотовской диктатуры один из высших постов в государстве.

На международной арене все эти годы лидеры НРК так и не смогли прорвать дипломатическую блокаду своего режима.

В 1989 г. было принято решение о внесении поправок в Конституцию, направленных на восстановление монархии и отказ от социалистического выбора Камбоджи. В 1990 г. НРПК была переименована в Народную партию Камбоджи (НПК), а НРК — в Государство Камбоджа.

Переходный период растянулся на четыре года. За это время в Камбодже были развернуты силы ООН для контроля за прекращением боевых действий, проведения всеобщих выборов, поддержания спокойствия в стране.

Весной 1993 г. состоялись выборы в Учредительное собрание, в которых приняли участие все политические силы, кроме «красных кхмеров». Партия сторонников Н.Сианука ФУНСИНПЕК во главе с его сыном принцем Ранаритом одержала на них победу с небольшим перевесом над Народной партией Камбоджий, возглав-

ляемой к тому времени Хун Сеном, бывшим министром иностранных дел и Председателем совета министров НРК.

Сон Санн занял пост председателя Учредительного собрания, которое утвердило коалиционное правительство. Для сохранения хрупкого баланса политических сил, было признано необходимым введение двух председателей правительства: первым стал принц Ранарит, а вторым Хун Сен.

Осенью того же года вступила в силу новая конституция Камбоджи, окончательно закрепившая восстановление монархии. Н. Сианук, хотя и торжественно обещал соотечественникам в 1955 г, во время отречения от престола, что «никогда» больше в своей жизни не возвратится на королевский трон, во имя «единства нации» пошел на этот шаг. Теперь официальным названием страны стало Королевство Камбоджа.

В течение второй половины 90-х годов обострялось противостояние между НПК и ФУНСИНПЕК, вылившееся в июле 1997 г. в открытые вооруженные столкновения. Принц Ранарит вынужден был покинуть Камбоджу, а реальная власть перешла в руки Хун Сена. Мировое сообщество неоднозначно восприняло эти события, что отразилось на международном престиже страны: было отложено ее вступление в АСЕАН, Камбоджа лишилась своего места на очередной сессии ГА ООН.

Прошедшие летом 1998 г. всеобщие свободные выборы под международным контролем, несколько стабилизировали внутриполитическую ситуацию, и Камбоджа продолжает свое движение по пути демократизации и стабилизации общества.

§ 19. Таиланд и Бирма (Мьянма)

Таиланд

Таиланд в
период военных
переворотов
(1945—1973
годы)

Наряду с экономическими трудностями нарастало политическое напряжение в обществе. В январе 1946 г. были проведены выборы в Ассамблею народных представителей. В марте она приняла новую Конституцию, по которой упразднялось назначение членов парламента, и он превращался в двухпалатный. Правительство вновь возглавил П. Ланомионг. Была разрешена легальная деятельность политических партий, в том числе и коммунистической. Три члена КПТ стали депутатами парламента. Это вызвало беспокойство правых партий, которым удалось консолидироваться и создать свой политический блок. Ведущую роль в нем играла партия «Тамматипат» («Право — в силе»).

В ноябре 1947 г. произошел очередной военный переворот. К власти пришли силы, находившиеся у руководства Таиландом в годы второй мировой войны. Это событие совпало с началом «холодной войны» и определило на долгие годы проамериканский курс тайских лидеров. Страна стала для США форпостом в ЮВА, а для военной верхушки Таиланда американцы были гарантом стабильности проводимой внутренней политики. Таиланд поддержал США во время войны в Корее и Вьетнаме, а с 1954 г. вошел в блок СЕАТО, штаб-квартира которого располагалась в Бангкоке.

По мере односторонней ориентации на США, в Таиланде нарастало недовольство правительством. Его глава Сонгкхрам, стремясь держать ситуацию под контролем, объявил о новом курсе своего режима, получившем название прачатапати (демократия). Вновь была разрешена деятельность политических партий (за исключением КПТ), декларированы основные права и свободы граждан. В стране возникает в тот период около 20 партий, из которых наиболее влиятельными являлись Национал-Демократическая, Объединенный социалистический фронт и др. Но самые сильные позиции имела проправительственная «Сери Манангасила», многие члены которой участвовали еще в событиях 1932 г.

В 1957 г. прошли парламентские выборы, но политический кризис так и не был преодолен. Правительственная партия раскололась. Из нее выделилась группа во главе с «сильной личностью» — маршалом С.Танаритом, которая в середине сентября 1957 г. совершила военный переворот. Через год у власти утвердился «Революционный Совет» во главе с Танаритом. Была упразднена конституция, распущен парламент, запрещена деятельность политических партий. Новый режим активно проводил репрессии против своих политических противников.

В 1957 г. на свет появилась уже седьмая по счету «временная» конституция, согласно которой парламент заменялся Учредительным собранием и значительно расширились полномочия премьер-министра, которым стал Сарит Танарит. После его смерти в 1963 г. политическая ситуация в стране продолжала оставаться напряженной. Обострялись внутренние противоречия, приведшие к партизанской войне против правящего режима, которую возглавила пропекински настроенная КПТ.

В этих условиях правительство вновь начинает маневрировать. В 1968 г. была обнародована очередная, восьмая по счету конституция, восстановившая парламент и принцип разделения властей. Парламент состоял из двух палат: Сената и Палаты представителей. Члены верхней палаты назначались королем по рекомендации

правительства, а нижней — избирались. После долгого перерыва была вновь разрешена деятельность политических партий. Часть из них вышла из подполья, а другие создавались вновь. На состоявшихся в начале 1969 г. выборах правительству удалось сохранить большинство, однако парламентский режим просуществовал недолго. Уже в 1971 г. произошел новый переворот, в ходе которого был распущен парламент, отменено действие конституции, запрещены политические партии. Власть оказалась в руках военных. Начались репрессии в отношении противников диктатуры.

Происходило это на фоне ухудшавшегося экономического положения Таиланда, обострения социальных проблем. Первыми открыто выступило студенчество, объединенное под руководством Национального студенческого центра. В число их первоочередных требований входило восстановление конституции и гражданских прав. В октябре 1973 г. начались столкновения студентов с полицией, в ходе которых погибло несколько десятков человек. Стремясь подавить сопротивление, правительство отдало приказ о вводе в столицу армейских подразделений, но руководство сухопутных войск приказ не выполнило и предложило главе режима Т. Кичтикачону и его ближайшим сподвижникам покинуть страну. Король поддержал требования военных.

Таиланд на путях перехода к гражданскому правлению	Этими событиями завершился почти сорокалетний период тайландской истории, связанный с правлением военных диктатур. С октября 1973 г. Таиланд начинает переходить к правлению гражданских правительств. Военные лишались права быть депутатами парламента и занимать посты в правительстве. Было объявлено о проведении аграрной реформы, а во внешней политике декларирован отказ от односторонней ориентации на США.

В начале 1975 г. состоялись парламентские выборы. В ходе их подготовки в стране возникло более 40 партий, но реальные рычаги влияния по-прежнему находились в руках военных. Они создали Тайскую национальную партию и Партию социальной справедливости, поддержанные представителями крупного капитала. Кроме того, большим влиянием пользовались Демократическая партия, Партия социального действия и другие партии, составившие либерально-демократическую коалицию. Именно их представители сумели сформировать гражданское правительство и принять программу демократических преобразований.

В ходе выборов и вскоре после их окончания, в стране развернулась борьба между правыми и буржуазно-либеральными силами по вопросу о путях дальнейшего развития Таиланда. В начале 1976 г.

король распустил парламент и назначил новые выборы, на которых победу одержала Демократическая партия. К лету 1976 г. из Таиланда были выведены последние американские войска. Это вызвало недовольство правых. Вновь в их среде возникает идея «наведения порядка».

Вскоре произошел очередной военный переворот с последующей отменой конституции и введением чрезвычайного положения. Но, понимая свою непопулярность, военные, введя в октябре 1976 г. новую конституцию, поставили у власти гражданский кабинет. Однако ожидания на быструю стабилизацию не оправдались. В среде военных в этой связи вновь вызревает идея военного переворота. Возглавил заговор главнокомандующий вооруженных сил К. Ламаман. Членов этой группировки окрестили в печати «младотурками», так как они выступали за проведение в стране широкомасштабных политических и экономических реформ.

В октябре 1977 г. военное командование захватывает власть. Принимается новая временная конституция, по которой создается Национальное законодательное собрание, начавшее разработку постоянной конституции. На пост премьер-министра был назначен К. Ламаман, одновременно сохранивший за собой в силовых органах ключевые посты. Новый кабинет провел ряд демократических реформ, разрешил деятельность политических партий при сохранении запрета на деятельность КПТ. В конце 1978 г. была принята еще одна конституция Таиланда, вновь предусматривавшая переход к парламентской форме правления. Однако реализация на практике ее основных положений встретила сопротивление ряда политических сил.

После парламентских выборов 1979 г. К. Ламаман был вновь избран премьер-министром. Но правительство не имело в парламенте большинства и вскоре вынуждено было уйти в отставку.

Во главе нового кабинета встал генерал Н. Тинсуланон, опиравшийся на поддержку партий, имевших большинство в парламенте, — Партии социального действия, Таиской национальной партии и Демократической партии. Самой крупной оппозиционной группировкой была Национально-демократическая партия во главе с К. Ламаманом. КПТ продолжала вести повстанческую войну с правительственными войсками, начавшуюся еще в 1965 г.

В этих условиях возросла роль короля П. Адульядета, который превратился в своеобразного третейского судью в непрекращающихся политических раздорах. Именно он помог предотвратить попытки государственных переворотов в 1981 и 1985 гг.

В целом, к концу 80-х годов политическая ситуация в стране продолжала оставаться напряженной. В 90-е годы она стала более ста-

бильной благодаря демократизации политической жизни после принятия в 1991 и 1997 гг. новых Конституций. Вторым важнейшим фактором стабильности стали успехи в экономическом развитии. Благодаря проведенным реформам, до конца 90-х годов постоянно увеличивался ВВП, цифры роста промышленного роста временами превышали 11-процентную отметку. Таиланд превратился в одного из ведущих экспортеров одежды, компьютеров, ювелирных изделий, а также некоторых сельскохозяйственных продуктов (риса, морепродуктов и др.). Большие поступления в бюджет давал иностранный туризм.

С 1997 г. Таиланд оказался в числе государств, охваченных азиатским экономическим кризисом. Резко упали темпы экономического роста, сократились валютные запасы, увеличились внешний долг и уровень инфляции. В настоящее время правительство принимает меры по ликвидации этих негативных последствий.

Бирма (Мьянма)

Достижение Бирмой незави- симости	После ухода японских войск наиболее влиятельной силой в Бирме была Антифашистская лига народной свободы (АЛНС). Под ее руководством началась кампания за обретение национальной независимости. Возвратившаяся английская колониальная администрация была вынуждена считаться с АЛНС и согласилась на преобразование ее вооруженных сил в Народно-добровольческую организацию (НДО).

В том же году были проведены выборы в Учредительное собрание, на которых АЛНС получила абсолютное большинство мест. Лидер АЛНС Ауь Сан, по согласованию с английскими властями, был назначен главой временного правительства. Он также возглавил на переговорах с Великобританией бирманскую делегацию по вопросу о предоставлении независимости.

В 1946 г. произошел раскол в коммунистической партии, входившей в АЛНС. Из нее выделилась левозэкстремистская группировка, лидеры которой отказались от сотрудничества с АЛНС и призывали к установлению в стране диктатуры пролетариата. С того времени в Бирме действовало две параллельных компартии, одна из которых получила название «Белый флаг», а другая — «Красный флаг», вскоре ушедшая в подполье. Лидер «Белого флага» Такин Тан Тун оставил пост генерального секретаря Лиги, но сама партия продолжала некоторое время оставаться в ее составе. В октябре 1946 г. коммунисты «Белого флага» ушли в знак протеста против сотрудничества Аун Сана с колониальной администрацией.

В ходе переговоров с английскими властями было достигнуто соглашение о создании независимого государства Бирманский Союз, в который должны были войти, на правах субъектов федерации, районы проживания национальных меньшинств.

К лету 1947 г. наметилось сближение позиций «Белого флага» с АЛНС, что вызвало недовольство правых сил, организовавших 19 июля 1947 г. физическое уничтожение Аун Сана и почти всех лидеров АЛНС. Новое руководство Лиги сдвинулось вправо. Особенно четко это было видно по позиции ее нового лидера У Ну.

В августе-октябре 1947 г. прошли англо-бирманские переговоры о предоставлении независимости Бирме. 24 сентября 1947 г. Учредительное собрание приняло Конституцию страны, а в середине октября в Лондоне было подписано соглашение об официальном признании нового государства бывшей метрополией.

**Бирма в первый
период незави-
симого развития
(1948—1962
годы)**

4 января 1948 г. состоялось официальное провозглашение независимости Бирманского Союза. Это была федеративная республика, во главе которой стоял президент, избиравшийся парламентом. Парламент состоял из двух палат (депутатов и национальностей) и имел широкие полномочия. Исполнительная власть принадлежала правительству во главе с премьер-министром, который назначался президентом по представлению палаты депутатов. Этот пост до 1958 г. бессменно занимал У Ну.

В период независимого развития страна вступила в обстановке внутренней нестабильности, связанной с межнациональными противоречиями и борьбой за выбор пути дальнейшего развития, развернувшейся прежде всего между АЛНС и компартией «Белого флага».

С весны 1948 г. началась гражданская война, поводом к которой стала попытка властей арестовать коммунистического лидера Та-кин Тан Туна. Ситуация обострялась ростом сепаратистских настроений среди национальных меньшинств каренов и монов. Однако в тот период объединить свои усилия в борьбе против правительства им не удалось. Более того, национальные меньшинства горных районов поддерживали тогда У Ну, видя в нем меньшее зло, чем в коммунистах.

Вначале военные удачи сопутствовали коммунистам. Они овладели рядом стратегически важных пунктов и уже к весне 1949 г. правительство контролировало лишь треть территории Бирмы. Но вскоре, центральная власть несколько выправила положение, особенно после того как в страну вошли части разгромленной в Китае гоминьдановской армии (ушли они оттуда лишь в 1961 г.).

В этих условиях еще более ухудшилось и без того тяжелое положение основной массы населения. В правящей верхушке наметился раскол. В 1958 г., после того как У Ну выступил с идеей национального примирения, правящая АЛНС раскололась на две партии: одна стала называться Чистой лигой (с 1960 г. — Союзная партия), ее возглавил У Ну, а другая — Стабильной лигой во главе с У БаСве.

У Ну оказался не в состоянии контролировать ситуацию и передал осенью 1958 г. власть военным, которые сформировали переходное правительство. Его возглавил начальник штаба бирманской армии генерал Не Вин.

В начале 1960 г. состоялись парламентские выборы, на которых победу одержали сторонники У Ну. Он вновь стал премьер-министром. Стремясь заручиться поддержкой влиятельного буддийского духовенства, он провел закон, по которому буддизм становился государственной религией. Это вызвало недовольство национальных меньшинств, не исповадавших эту религию. Возникла угроза распада Бирманского Союза как единого государства. В этих условиях ответственность за дальнейшее развитие событий вновь взяла на себя армия.

Бирма на втором этапе независимого развития (1963—1988 годы). 2 марта 1962 г. в Бирме произошел военный переворот. Власть перешла к армейской верхушке во главе с Не Вином.

Приход к власти военных сопровождался приостановлением действия конституции, роспуском парламента, арестом ряда высших руководителей и наиболее радикальных лидеров национальных меньшинств. Высшим органом государства был объявлен Революционный совет, представлявший на практике обычную военную хунту. Было сформировано также «революционное» правительство из числа военных. Оба этих органа возглавил генерал Не Вин.

Программа деятельности военных была обнародована в конце апреля 1962 г. под названием «Бирманский путь к социализму». Она предусматривала национализацию наиболее важных отраслей производства и создание «социалистической экономики», основанной на государственной собственности. Парламентская система объявлялась непригодной для Бирмы, и предполагалась ее замена «социалистическим демократическим государством».

Эту программу вынуждены были поддержать основные бирманские политические партии и организации, и с 1963 г. она стала претворяться на практике. Для этого с лета 1962 г., в несколько этапов, создавалась новая политическая организация, получившая название Партии бирманской социалистической программы (ПБСП, бирманское сокращение — Ланзин). Вначале она строилась как кадровая, а затем стала приобретать массовый характер.

Чтобы монополизировать политическую жизнь Бирмы, Революционный совет принял в 1964 г. Закон «О защите национальной солидарности». В соответствии с ним была запрещена деятельность всех политических партий, за исключением ПБСП, т.е. в стране была узаконена однопартийная система. Официальной идеологией становилась выработанная военными концепция «Система отношений человека и окружающей его среды», принятая в качестве программы ПБСП. Согласно этой теории, ПБСП считала неприемлемой как политику и идеологию социал-демократов за их реформизм, буржуазный парламентаризм, так и коммунистов, которые недооценивают роль человека и его разума в развитии общества. В основу была положена буддийская философия и заявлено о том, что ПБСП отдает предпочтение духовным, а не материальным факторам.

Стремясь к укреплению своего авторитета, военные начали летом 1963 г. переговоры с повстанческими организациями о достижении перемирия. К тому времени КПБ, Каренская национальная объединенная партия, Национально-прогрессивная партия Кая, Чинская национальная организация и Партия нового Монского государства образовали Национальный Демократический Объединенный Фронт (НДОФ), который и вел переговоры, закончившиеся неудачей. После этого гражданская война развернулась с новой силой. К 1983 г. под контролем НДОФ находилось уже половина территории и около трети населения Бирмы.

К началу 70-х годов стало ясно, что проводимая военными политика завела страну в еще больший тупик, чем до 1962 г. Военная диктатура показала свою полную неспособность руководства как в экономике, так и в политической жизни. В стране начались забастовки и демонстрации протеста, жестоко подавленные с применением военной силы.

На этом фоне в 1974 г. была принята новая конституция, по которой страна официально стала называться Социалистическая Республика Бирманский Союз (СРБС), а ПБСП была объявлена в ней руководящей силой. Декларировалась социалистическая система хозяйства, «социалистическая» демократия и т.д. Высшим законодательным органом становилось однопалатное Народное собрание, а в перерывах между его сессиями — Государственный совет. Председатель Госсовета становился по должности Президентом страны. Высшим органом исполнительной власти остался Совет министров. На местах образовывались местные народные советы.

С принятием конституции формально закончилось 12-летнее правление Революционного совета, однако значительная роль армии продолжала сохраняться. Военные, понимая свою непопулярность, предпринимали некоторые маневры. Так, в 1972 г., с воен-

ной службы уволились два десятка ведущих политических деятелей, включая и главу режима.

По мере нарастания кризиса разворачивается борьба и внутри правящей партии. Там образуется группа сторонников более умеренного курса, которая вскоре теряет свое влияние. Кроме того, свергнутый в 1962 г. У Ну с конца 60-х годов вновь выступал за восстановление прежнего курса. Вскоре он покинул Бирму и эмигрировал в Таиланд, где возглавил бирманскую оппозицию, открыто боровшуюся с военным режимом Не Вина.

В 1980 г. правительство объявило амнистию политическим противникам режима. У Ну и ряд других деятелей ей воспользовались, вернувшись в страну. Однако переговоры с другой оппозиционной силой — КПБ и их союзниками, начавшиеся в 1981 г. вновь завершились безрезультатно.

В 80-е годы правительство на съездах ПБСП объявляло курс на строительство социализма, однако никакого существенного прогресса ни в экономике, ни в политической жизни не наступило. Более того, еще сильнее обострились негативные явления, связанные с наличием в стране однопартийной диктатуры. В августе 1988 г. в Бирме началась всеобщая забастовка, и власти вынуждены были пойти на частичное удовлетворение требований оппозиции, главной фигурой в которой стала дочь Аун Сана Су Чжи, удостоенная за свою правозащитную деятельность Нобелевской премии мира.

Чрезвычайный съезд ПБСП, состоявшийся в 1988 г., высказался за переход к многопартийной системе. Престарелый Не Вин вынужден был формально уйти со всех высших постов в ПБСП и государстве, так как с его именем в бирманском обществе ассоциировались все самые негативные стороны развития страны после 1962 г.

Бирма в поисках выхода из кризиса (1989—1998 годы)	В результате государственного переворота, произошедшего 18 сентября 1989 г., вся полнота власти перешла в руки Государственного совета по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП). Военные обещали передать власть новому парламенту (Народному собранию), после проведения всеобщих и свободных выборов.

Новое руководство объявило об изменении политического курса государства, которое с июня 1989 г. получило официальное название Союз Мьянма (по названию крупнейшей этнической группы в Бирме). Столица страны с того же времени стала именоваться Янгон вместо Рангун.

В мае 1990 г. военные провели обещанные всеобщие выборы, на которых более 4/5 всех мест завоевала ведущая оппозиционная организация Национальная лига за демократию (НДЛ). Однако военные отказались передать ей власть. В ответ на границе с Таиландом было сформировано правительство в изгнании. Военные, которых с 1992 г. возглавляет генерал Тан Шве (он одновременно является главой правительства, министром обороны и главы ГСВЗП), в качестве первоочередных задач декларируют разработку новой конституции и прекращение гражданской войны с националистически настроенными повстанцами. К середине 90-х годов в этом направлении ими были достигнуты определенные успехи: созвана Национальная конституционная конференция, ослабла напряженность в районах проживания национальных меньшинств, однако переговоры с параллельным правительством в изгнании пока не ведутся. В 1995 г., под давлением общественного мнения, вышла на свободу лидер НДЛ Су Чжи. Она возглавила легальную оппозицию режиму военных. Однако, уже в следующем году, ее сторонники вновь стали подвергаться репрессиям. Вплоть до настоящего времени обстановка в Мьянме далека от стабильной.

В 1997 г. ГСВЗП была преобразована в Государственный совет мира и развития (ГСМР), поставивший перед собой задачу узаконить особую роль армии в жизни общества и национальное примирение с повстанцами.

Основой экономики Мьянмы продолжает оставаться аграрный сектор, в основном, выращивание риса. Правительство пытается для оживления экономики задействовать рыночные механизмы и создать более благоприятные условия для роста иностранных инвестиций, особенно для британского, сингапурского и французского капитала. Однако главным политическим и экономическим союзником страны является КНР.

Мьянма — крупнейший в мире производитель опиума-сырца (около 2,5 тыс. тонн в год), на ее территории находится часть так называемого «золотого треугольника» — одного из крупнейших мировых центров наркобизнеса, неподконтрольного правительству.

В области внешней политики бирманское руководство продолжает декларировать политику нейтралитета и неприсоединения, направленную на создание благоприятных условий по выходу из состояния международной самоизоляции, в которую страну ввело прежнее руководство ПБСП. В последние годы неуклонно расширяется сотрудничество с соседними государствами АСЕАН, особенно в рамках экономического взаимодействия и интеграции.

§ 20. Филиппины и Индонезия

Филиппины

Достижение независимости

После возвращения США на острова, вновь встал вопрос о предоставлении Филиппинам независимости. За это выступали самые широкие слои населения. В стране стали возникать профсоюзные и крестьянские организации, а также политические партии и объединения. Если левые силы группировались вокруг Демократического альянса (ДА), выдвигавшего главными лозунгами получение полной независимости и проведение аграрной реформы, то правые, поддерживаемые США, сплотились под знаменами Партии националистов и лично одного из ее лидеров М. Рохаса, еще в 30-е годы игравшего заметную роль в правительстве «автономии». Именно его кандидатура в начале 1946 г. была выдвинута на пост президента. ДА поддержал С. Осменью, одного из лидеров националистов, проводившего более гибкий, чем его коллега из числа правых, политический курс. После того как Осменья дал согласие баллотироваться на пост президента, группа Рохаса вышла из Партии националистов и образовала новую самостоятельную партию — Либеральную, получившую поддержку части чиновничества, крупных предпринимателей и землевладельцев.

М.Рохас с небольшим преимуществом победил на президентских выборах, а его партия на парламентских. После этого правительство США окончательно приняло решение о дальнейшей судьбе Филиппин как самостоятельного государства.

4 июля 1946 г. Филиппины официально получили политическую независимость, однако на практике продолжало сохраняться сильное влияние США на внутреннюю и внешнюю политику. На территории страны были созданы американские военные базы, значение которых возросло в связи с началом «холодной войны».

Филиппины на первом этапе независимого развития (1946—1965 годы) В основу государственного устройства была положена двухпартийная американская система, определявшаяся соперничеством старой Партии националистов и новой Либеральной партии, между которыми не было принципиальных различий ни в социальной базе сторонников, ни в программных установках.

Первое независимое правительство Филиппин возглавил М. Рохас, решительно взявший курс на подавление в стране любых форм демократического движения. В 1947 г. по его инициативе была создана комиссия по расследованию «антифилиппинской деятельности»

и запрещен ряд политических организаций, в том числе и Компартия. Этот курс был продолжен преемниками М.Рохаса что привело к возникновению вооруженной оппозиции. Так, на о. Лусон под руководством КПФ в 1948—1953 гг. проходило крестьянское восстание, завершившееся поражением повстанцев.

В 1954 г. на президентских выборах победу одержал лидер партии националистов Р. Магсайсай, который несколько смягчил напряженность в обществе. Им была выдвинута идея филиппинского национализма в виде теории «таоизма» и проведении ряда буржуазно-демократических реформ. В том же году Филиппины вступили в блок СЕАТО, связав тем самым себя в регионе еще сильнее с политикой США. В 1957 г. был утвержден закон о подрывной деятельности по которому смертной казнью могла караться одна лишь принадлежность к запрещенным левым организациям.

В конце 50-х годов в стране образовалось национальное движение «Филиппины прежде всего» во главе с К. Рекго. Его опорой стали средние слои буржуазии и интеллигенция. Но вскоре эта организация прекратила существование, так и не реализовав своего потенциала.

В 1962 г. к власти пришло правительство либералов во главе с Д.Макапагалом, которое попыталось решить аграрный вопрос путем ломки старых отношений в деревне. Однако осуществить эту идею на практике так и не удалось.

К началу 60-х годов внутренняя политика правительства несколько смягчилась, что дало возможность укрепления в стране позиций левых организаций.

Филиппины в период правления Ф. Маркоса (1965—1986 годы)

На этом фоне в 1965 г. прошли президентские выборы, победу на которых одержал кандидат от Партии националистов Ф. Маркос, перешедший туда незадолго до этого с рядом своих сторонников из Либеральной партии.

Это был, пожалуй, первый президент в истории Филиппин, который не только получил поддержку традиционной элиты, но и сумел привлечь на свою сторону широкие социальные слои популистскими лозунгами типа «рис, школы, дороги». Во внешней политике он сохранил ориентацию на США. В частности, Филиппины направили свои войска в Индокитай, но затем во внешнеполитический курс были внесены некоторые коррективы.

Страна в 1967 г вошла в АСЕАН и пыталась проводить, по мере возможностей, самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Но уже к началу 70-х годов в обществе нарастают кризисные тенденции, особенно в сельском хозяйстве. Вспыхивали антипра-

вительственные мятежи крестьян. Попытки их подавления вооруженным путем успеха не имели. Начинаются сепаратистские выступления мусульманского населения на юге Филиппин, традиционно отстававшем в своем развитии от других районов. Еще в 1969 г. там был создан Фронт национального освобождения моро (ФНОМ), объединивший в своих рядах мусульман-сепаратистов.

В число оппозиционных входили также созданное в 1968 г. буржуазно-националистическое Христианско-социальное движение (ХСД), требовавшее осуществления преобразований, направленных на улучшение жизни рядовых филиппинцев. Особенностью движения было наличие в его рядах католического духовенства, до того времени не участвовавшего в активной политической жизни. Лидер организации Манглапус, попытался превратить его в подобие «третьей силы», противостоящей двум «традиционным» партиям. Тогда же активной политической силой стало «Движение за развитие национализма» (МАИ) во главе с соратником Ректо Л. Таньада, выступавшего за «деамериканизацию» внутренней и внешней политики Филиппин.

Что касается деятельности коммунистов, то в конце 60-х годов под влиянием идей китайской «культурной революции» в рядах КПФ произошел раскол. Выделившаяся группировка во главе с Х. Сисоном (А. Гереро) выступила за вооруженные формы борьбы против правительства. В 1968 г., при поддержке КНР, была создана параллельная КПФ (КПФ идей Мао Цзэдуна), укрепившая связи с «новыми хуками» — крестьянскими отрядами, которые продолжали борьбу после поражения восстания 1948—1953 гг. на острове Лусон. В марте 1969 г. была образована «Новая народная армия» (ННА), начавшая гражданскую войну. Большая часть КПФ в такой обстановке пошла на переговоры с правительством и в 1974 г. был снят запрет ее деятельности.

В оппозицию Ф. Маркосу встали также наиболее влиятельные филиппинские кланы Лопесов, Акино и др. Они опирались на старую аристократию и, в отличие от Ф. Маркоса, выражали интересы крупной национальной буржуазии. На практике этот конфликт вылился в противоборство правящей Партии националистов во главе с Ф. Маркосом и Партии либералов, лидером которой являлся сенатор Б. Акино.

Б. Акино стремился составить соперничество Ф. Маркосу на выборах 1973 г. Понимая реальную для себя опасность потерять власть, последний ввел в сентябре 1972 г. на всей территории страны чрезвычайное положение. С этого момента в политической истории Филиппин принято выделять следующий этап, продолжавшийся вплоть до свержения Ф. Маркоса в 1986 г.

На практике режим чрезвычайного положения выразился в отмене действия конституции, роспуске парламента, запрещение деятельности политических партий и выдвижении новой концепции развития Филиппин — так называемой доктрины «нового общества».

Суть доктрины состояла в попытках выработки своего, отличного от социализма и капитализма, пути развития Филиппин, истоки которого уходили в теории мыслителей конца XIX в., в частности, Х. Рисаля. Важным элементом выступала также апелляция к прошлому, как аргумент выработки государственной политики, стремление синтеза идей западной демократии с элементами традиционной филиппинской политической культуры.

Впоследствии Ф. Маркос развил свою доктрину и выдвинул идею альтернативы, которая могла бы, по его мнению, соединить капиталистическую и социалистическую системы. На практике данные теоретические положения прикрывали авторитарную диктатуру, опиравшуюся на несколько богатейших кланов и подавлявшую любые формы оппозиции режиму личной власти.

В январе 1973 г. была введена в действие новая конституция, заменившая прежнюю, выработанную еще в 1935 г. американцами. По новому основному закону Филиппины трансформировались из президентской в парламентскую республику. Высшим законодательным органом становилась однопалатная Национальная ассамблея. Исполнительной властью должен был руководить премьер-министр, однако, в условиях действовавшего чрезвычайного положения, фактическую власть имел президент (одновременно являвшийся и премьер-министром). Правил он посредством декретов и роль парламента, таким образом, была номинальной.

В 1978 г. на базе Партии националистов было создано правящее Движение за новое общество, победившее на президентских и парламентских выборах. Однако правящий режим опирался не только на эти институты, а прежде всего на армию, которая при Ф. Маркосе стала играть в обществе важную роль.

В 1981 г. Ф. Маркос, обеспечив себе победу на выборах, отменил действие чрезвычайного положения. В этот период усиливается влияние католической церкви на политическую жизнь Филиппин. Еще в 1979 г. руководство требовало отмены чрезвычайного положения и призывало Маркоса не выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах во избежание гражданской войны.

После президентских выборов и отмены чрезвычайного положения, юридически Ф. Маркос потерял право возглавлять исполнительную власть. Но факт всенародного избрания должен был показать широкую поддержку населением его кандидатуры и дезорганизовать набиравшую силу оппозицию, создавшую накануне

не выборов блок Объединенная демократическая оппозиция (ЮНИДО). Однако реальных шансов на победу это движение не имело. Понимая это, лидеры ЮНИДО накануне президентских выборов призвали к их бойкоту.

Таким образом, у Ф. Маркоса не оказалось серьезных соперников. После победы он объявил о начале следующего этапа развития филиппинской государственности — так называемой «новой республики». Тем не менее, выборы выявили серьезный раскол в обществе. Особенное недовольство вызывали авторитарные методы правления, сохранение американского военного присутствия в стране, ухудшение жизненного уровня основной массы населения.

Летом 1983 г. был убит один из лидеров оппозиции. Б. Акино. Согласно официальной версии, его убил фанатик-одиночка из ННА, но в общественном мнении росла уверенность в причастности к этому преступлению окружения президента. Это вызвало волну демонстраций, поддержанную церковью и частью армии. В стране вновь нарастала политическая напряженность.

К середине 80-х годов начало сокращаться промышленное производство и ВВП, рос внешний долг. Ширилась популярность оппозиции, и прежде всего вдовы Б. Акино-Корасон. Буржуазные оппозиционные партии раздирались внутренними противоречиями. Этим решил воспользоваться Ф. Маркос неожиданно объявивший о проведении досрочных президентских выборов в феврале 1986 г.

Оппозиция, считавшая главной задачей во что бы то ни стало свергнуть Ф. Маркоса, сумела объединиться вокруг кандидатуры К. Акино. Это явилось неожиданностью для Ф. Маркоса, баллотировавшегося на очередной срок от правящей партии Движение за новое общество.

На состоявшихся выборах Корасон Акино одержала победу. Ф.Маркос вынужден был покинуть страну и уехать в США, где вскоре скончался.

Филиппины
в конце
80-х—90-е годы

Поиск выхода из кризиса. Приход к власти К. Акино сопровождался принятием в 1987 г. новой конституции, по которой предусматривалась демократизация политической жизни Филиппин. Согласно

Конституции, Филиппины являлись президентской республикой, в которой глава государства одновременно исполняет обязанности руководителя правительства. В 1988 г. сторонники К. Акино объединились в движение Борьба за филиппинскую демократию. Их основным соперником осталась Партия Националистов. Претворение в жизнь этих начинаний затруднялось ситуацией нарастающей политической нестабильности, вызывшейся как

в попытках сторонников бывшего президента совершить государственный переворот, так и в активизации экстремистов.

Мусульманская оппозиция также стремилась реализовать свои цели и в 1990 г. даже провозгласила образование на юге Филиппин «исламской республики». Лишь в 1996 г. правительству удалось достигнуть с ними соглашения о прекращении военных действий.

В 90-е годы Филиппины продолжали оставаться государством, в котором сохраняется острая внутривластная ситуация. К. Акино в 1992 г. добровольно покинула пост президента и на ее место был избран Ф. Рамос. С 1998 г. президентом является Джозеф Эстрада. К этому времени Филиппины превратились в государство с развивающейся экономикой, в которой более половины самостоятельного населения продолжает заниматься сельским хозяйством.

В стране господствует крупное землевладение, аграрная реформа, направленная на усиление элементов рынка в сельском хозяйстве, пока успехом не увенчалась из-за недостатка у правительства средств для выкупа земли у помещиков и сопротивлению на местах. По официальным оценкам, свыше двух третей населения проживает за чертой бедности, хотя среднедушевой годовой доход в 1300 долларов намного выше, чем, например, в соседних государствах Индокитая или в Бирме. Страна имела к концу 90-х годов сравнительно большой внешний долг — около 45 млрд. долларов, который, тем не менее, имеет тенденцию к увеличению.

Индонезия

**Борьба за
независимость
(1945—1950
годы)**

После капитуляции Японии во второй мировой войне 17 августа 1945 г. была провозглашена независимость Индонезии. На следующий день президентом Республики Индонезия стал Сукарно.

В основу государственной идеологии были положены теория мархаэрнизма и выработанные накануне провозглашения независимости принципы Панча сила, которые в новых условиях трактовались следующим образом: национализм — как принцип унитарного государства, утверждающий идеалы общеиндонезийской нации; интернационализм (единство человека) — подчеркивал равноправие Индонезии на мировой арене и отрицание шовинизма;

суверенитет народа (народовластие) — внедрение традиционной общинной системы (обсуждение спорных проблем вплоть до достижения консенсуса); социальное благоденствие означало справедливость для всего народа; вера в единого Бога — свободу вероисповедания и веротерпимость. Первые четыре принципа являлись развитием теории мархаэрнизма, а последний был сформулирован Сукарно впервые.

Голландия, не успевшая вернуться в Индонезию после ухода японцев, не смирилась со сложившейся ситуацией и попыталась силой восстановить положение, существовавшее до второй мировой войны. Осенью 1945 г. начались военные действия, так и не давшие голландцам ощутимых результатов. В ноябре 1946 г. между двумя странами было подписано соглашение, по которому Индонезия получала статус субъекта международного права.

С началом «холодной войны» военные действия вновь были продолжены, и лишь в августе 1949 г. Голландия признала независимость Соединенных Штатов Индонезии (СШИ), президентом которых стал Сукарно. Западный Ириан остался под управлением Голландии. СШИ входили в так называемый Голландский Индонезийский союз и обязаны были ограничить свой суверенитет. Такое положение не могло устроить индонезийских лидеров и 15 августа 1950 г. было провозглашено создание унитарной Республики Индонезия, которую вскоре признали СССР, КИР и их союзники.

Легальная политическая деятельность началась в Индонезии сразу после августа 1945 г. Согласно принятой конституции, высшим законодательным органом объявился Народный консультативный конгресс (НКК), в полномочия которого входило избрание президента, утверждение конституции, определение основных направлений внутренней и внешней политики государства.

Из политических партий в тот период значительную роль играла коммунистическая (КИИ), но после неудачных попыток захвата власти в 1948 г. и 1951 г. она оказалась ослабленной. В январе 1946 г. была воссоздана Национальная партия (НИИ). Ее идеологической основой стали принципы Панча сила и мархаэрнизма. НИИ пользовалась поддержкой значительной части населения. Вскоре на политической арене укрепились и партия Мушуми, лидеры которой ставили основной своей задачей создание в Индонезии мусульманского теократического государства.

Всего к началу 50-х годов в Индонезии насчитывалось порядка тридцати партий.

Индонезия в период 1950—1965 гг. «Направляемая демократия»

Окончание войны с Голландией ознаменовало новый этап политической истории Индонезии. К тому времени значительно возрос авторитет армии и ее верхушка стала претендовать на роль самостоятельной политической силы.

В начале 50-х годов наиболее влиятельными были НПИ и Ма-шуми, представители которых и формировали коалиционные правительства. Но к середине 50-х годов постепенно возродились, как значительная сила, коммунисты, руководство которых во главе

с Д. Айдитом выступило за более умеренный курс, чем предшественники.

В октябре 1952 г. часть армии потребовала роспуска парламента и передачи всей полноты власти в руки президента. И вплоть до 1959 г. страна представляла собой арену острейшей борьбы различных политических группировок за власть. На парламентских выборах 1955 г. больше всех голосов получили НПИ, Машуми, Надхатул Улама (НУ, группировка, отколовшаяся от Машуми) и КПИ. Через два года, на следующих выборах КПИ вышла на первое место, оттеснив другие партии. Это обстоятельство не мог не учитывать Сукарно, начавший конфликтовать с Западом и в политическом плане сближаться с СССР и КНР.

В конце 50-х годов в Индонезии налицо был кризис парламентской системы, а в политической жизни в качестве главных центров выделились коммунисты, армия и мусульманские партии. В этих условиях Сукарно решил взять на себя инициативу и выдвинул теорию президентской формы правления — так называемой «направляемой демократии», в основе которой лежала его концепция функциональных групп. Согласно рассуждениям Сукарно, члены таких групп связаны между собой общей сферой деятельности, религией, уровнем образования и т.д. Отсюда их общие интересы.

Большинство политических партий, включая КПИ, поддерживало Сукарно. В апреле 1959 г. он выступал с речью в Учредительном собрании, где изложил главные принципы своей новой политики. В марте 1960 г. был распущен парламент, и президент соединил в своем лице функции законодательной и исполнительной власти. Новые выборы в парламент были отложены на неопределенный срок, а до этого времени Сукарно сам назначал депутатов. Все высшие властные органы получали лишь совещательные функции. Правительство преобразовывалось в институт «помощников президента».

Составной частью новой теории стал лозунг НАСАКОМ (сокращение индонезийских слов, означающих национализм, религию, коммунизм), на практике предполагавший сотрудничество сторонников трех основных идеологических доктрин тогдашней Индонезии. С начала 60-х годов было объявлено о строительстве «индонезийского социализма», основой которого должны были стать все те же принципы Панча сила. «Буржуазной демократии» противопоставлялась идея построения «общенародного государства», а рыночным отношениям — «направляемая экономика». В целом эта теория была весьма неясной и расплывчатой, позволявшей Сукарно и его единомышленникам трактовать ее отдельные положения в зависимости от конкретных обстоятельств.

При активном участии армии, ставшей одной из «функциональных групп», Индонезия присоединила в 1963 г. оставшуюся за Голландией территорию Западного Ирана. Это способствовало поднятию авторитета армии среди населения. Более того, военным удалось объединить под своим контролем часть «функциональных групп» и создать в 1964 г. Объединенный секретариат (Голкар). В то же время усилились позиции КПИ, особенно в связи с помощью Индонезии со стороны СССР и КНР. По словам ее лидеров, в то время в КПИ насчитывалось около 3,5 млн. членов (больше в мире было только в рядах КПСС и КПК). Стремясь развить свой успех, коммунисты в период проведения аграрной реформы выступили за так называемые «односторонние действия», подразумевавшие самозахват крестьянами земли и разделение полученного урожая, принадлежавшего крупным собственникам. Буржуазные партии открыто обвинили коммунистов в попытках раскола национального единства и навязывании стране марксистского пути развития. Сукарно в этой обстановке выступил в роли третейского судьи, заставив буржуазные партии прекратить нападки на КПИ, а коммунистов отказаться от «одноосторонних действий». В тот период президент все больше в политическом отношении эволюционировал в сторону КНР. Не без влияния китайского руководства он провозгласил в 1963 г. политику «сокрушения Малайзии». В 1965 г. Индонезия вышла из ООН, обосновывая это теорией о конфликте в мире «новых нарождающихся» и «старых устоявшихся» сил. Под влияние КПК все в большей степени попадало и руководство КПИ.

Напуганные таким развитием событий, часть военных в союзе с рядом лидеров правых партий попытались устранить Сукарно и КПИ с политической арены. Этому могло способствовать все более ухудшавшееся экономическое положение Индонезии. В свою очередь, левые силы также стремились вооруженным путем устранить своих политических противников. Их опорой в армии было движение прогрессивного офицерства, противостоявшее правым, объединенным в Совет генералов.

В ночь на 1 октября 1965 г. так называемое «движение 30 сентября» во главе с подполковником Ушунгом предприняло попытку военного переворота, но отсутствие координации действий с руководством КПИ привело в конечном итоге к его поражению. Созданный заговорщиками Революционный совет не сумел взять власть в свои руки. В стране начался террор против левых сил. Его развязало руководство армии во главе с генералом Сухарто. Жертвами террора стали сотни тысяч человек.

Созданный 4 октября фронт правых сил потребовал запрещения деятельности КПИ и других левых радикальных организаций.

Сухарно оказался заложником этой политики. Продолжая формально оставаться на посту президента до 1967 г., он уже не контролировал развитие внутривнутриполитической ситуации.

**Индонезия в
период правле-
ния Сухарто
(1965—1998
годы)**

К власти пришли представители военной верхушки, выступавшие за ориентацию Индонезии на капиталистический путь развития. Страны Запада поддержали Сухарто и его сторонников, которые к середине 1967 г. окончательно сформулировали свою политику, получившую название «нового порядка». На первом этапе ее основными чертами являлась дискредитация существовавших политических партий, ослабление их влияния на внутривнутриполитическую жизнь. Это касалось прежде всего КПИ и НПИ. На передний план вышли исламские партии, прежде всего Нахдатул Улама.

В ноябре 1968 г. был принят Закон о выборах, по которому военные получили 22% мест в парламенте и 33% в НКК в качестве условия отказа от участия в выборах. На их стороне выступил Голкар. В 1967 г. были утверждены программа и устав этой организации. Главная ее цель определялась как завершение индонезийской революции на основе принципов Панча сила и конституции 1945 г.

К началу 70-х годов роль НПИ еще более ослабла, а мусульманские партии, в свою очередь, окрепли.

В 1972 г. в НКК было представлено 80% военных и представителей Голкара. В парламенте было образовано четыре фракции — военных, Голкара, «единства и развития», «демократии и развития». Две последних представляли, соответственно, мусульманские организации и сторонников НПИ.

В 1973 г. произошло слияние четырех мусульманских партий в единую Партию единства и развития (ПЕР), а НПИ была преобразована в Демократическую партию (ДНИ). Голкар, в свою очередь, подчинил себе профсоюзные организации, которые, таким образом, выводились из-под контроля политических партий. В 1975 г. был принят закон о политических партиях и Голкаре, а в 1977 г. состоялись выборы в парламент — однопалатный Совет народных представителей (СНП). Абсолютное число мест завоевал Голкар. Лидеры партий оспорили их результаты под предлогом нарушения правил голосования. В стране начались студенческие волнения, подавленные войсками.

Понимая непрочность своего положения. Сухарю и его окружение в конце 70-х годов начали кампанию за принятие единой «идеологической основы» на все тех же принципах мархаэриннзма и Панча сила, что в значительной степени затрагивало позиции как леворадикальных, так и мусульманских организаций. Особенное не-

довольство в этой связи высказывала мусульманская оппозиция, однако составить серьезную конкуренцию режиму Сухарю она была не в состоянии.

В 1982 г. единая «идеологическая основа» была закреплена в законодательном порядке. Благодаря проводимым в тот период экономическим реформам Индонезии удалось преодолеть социально-экономическую отсталость вплотную приблизиться к так называемым «азиатским драконам». Страна являлась одним из крупнейших в мире производителей натурального каучука, пальмового масла, табака, кофе, а также морепродуктов и пряностей. Динамично развивалось и промышленное производство, в частности, такие отрасли как производство потребительских товаров, наукоемкие технологии и электроника, авиа и судостроение и др.

К середине 90-х годов темпы прироста ВВП ежегодно составляли порядка 7,5%. Численность населения, живущего за чертой бедности за четверть века сократилась почти в четыре раза.

Отрицательным последствием проводимой политики в области экономики являлся один из самых высоких в мире уровней внешней задолженности, хотя Индонезия все это время добросовестно выплачивала необходимые суммы кредиторам.

В 1995 г. был принят 25-летний план национального развития, согласно которому в конце этого срока страна должна была выйти на уровень наиболее развитых в экономическом отношении государств Азии.

Индонезия в конце 90-х годов. Разразившийся в 1997 г. кризис на азиатских рынках больше всего ударил по Индонезии. Резко снизились темпы роста ВВП — в 1998 г. более чем на 15%. В 6 раз упал курс национальной валюты, резко возросла инфляция и цены на основные товары. Внешний долг вырос до 117 млрд. долларов (третье место в мире после Бразилии и Мексики). До 40% возросло число людей, живущих за чертой бедности.

В этих условиях в стране разразился крупнейший с 1965. политический кризис, в результате которого в мае 1998 г. Сухарто вынужден был уйти с поста президента Индонезии. Значительная часть индонезийской оппозиции сплотилась вокруг фигуры дочери первого президента Сукарно — Сукарнопутти, которая на состоявшихся президентских выборах в 1999 г. заняла второе место, уступив победу ставленнику армейских кругов А. Хабиби. В целях достижения внутривнутриполитической стабильности, вновь избранный президент предложил своей сопернице занять второй по значению пост вице-президента Индонезии. Предпринятые шаги привели к относительной стабилизации, но кризисное положение в Индонезии сохраняется.

Малайзия

На пути к федерации

После возвращения англичан, начиная с 1946 г., система колониального управления малайскими территориями была модернизирована. 9 княжеств и 2 сетгельмента были объединены в колонию Малайский Союз с единым управлением и гражданством. Султаны княжеств были лишены своих прежних привилегий.

Создание новой колонии вызвало волну оппозиционных выступлений среди малайского населения, увидевшего в нововведениях англичан угрозу своим привилегиям по сравнению с китайской и индийской общинами. Малайцы создали новую политическую организацию — Объединенную малайскую национальную организацию (ОМНО), взявшую на себя организацию бойкота реформы.

В это время левые силы, значительно окрепшие в период второй мировой войны, также развернули борьбу с английскими властями.

Тогда колониальная администрация пошла на компромисс с верхушкой малайской общины. Была разработана конституция, в которой восстанавливалась система протектората над малайскими княжествами. Султаны вновь становились верховными правителями княжеств. При английском верховном комиссаре создавались законодательный и исполнительный советы, члены которых не избирались, а назначались властями.

1 февраля 1948 г. официально была провозглашена Малайская Федерация. В стране создается новая политическая система. Так, в 1949 г. возникла Китайская ассоциация Малайи (КАМ), объединившая верхушку китайской общины. В 1952 г. КАМ заключила союз с ОМНО. На выборах в муниципальные советы этот блок одержал убедительную победу. Вскоре была принята программа совместных действий двух партий, главной целью которой объявлялось достижение независимости путем проведения выборов в Законодательный совет и формирование собственного правительства.

Английский верховный комиссар дал согласие на проведение выборов летом 1955 г. Вскоре в коалицию КАМ—ОМНО вступил Индийский национальный конгресс, выразивший интерес индийской общины. Таким образом, эти три организации образовали *Союзную партию*, которая на выборах в Законодательное собрание получила 51 из 52 мест, подлежавших избранию. Правительство протектората — Исполнительный совет — возглавил лидер ОМНО Абдул Рахман.

После выборов началась подготовительная работа по провозглашению независимости. Султаны получили гарантии своих привилегий в новом государстве и выразили согласие вместе с Союзной

партией начать переговоры с англичанами. Из представителей Британского содружества наций была создана специальная конституционная комиссия, начавшая выработку основного закона будущей независимой Малайзии. Было предложено создать федеративное государство с системой парламентской демократии и сохранением в княжествах султанов в качестве конституционных монархов.

**Достижение
Малайзией
независимости**

С 1957 г. Малайя получила политическую независимость, а в 1963 г. было провозглашено образование Федерации Малайзия. Согласно конституции, Малайзия состоит из 13 штатов, 9 из которых пред-

ставляют собой княжества во главе с наследственными султанами. Султаны из своего состава выбирают верховного правителя (Янг ди-Пертуан Агонт). Большую роль играет центральное правительство, во главе с премьер-министром.

Ислам объявлен государственной религией. Султаны одновременно являлись в своих княжествах религиозными руководителями. Верховный правитель выполнял представительские функции. Малайский язык получил статус государственного. Это обстоятельство, а также ряд других причин вызвали во второй половине 60-х годов конфронтацию на общинном уровне. Однако правительству удавалось держать ситуацию под контролем. Особая роль в этом принадлежала премьер-министру Абдул Рахману.

На 1969 г. были назначены выборы, в ходе которых поляризация по этническому признаку все более нарастала. Ряд политических сил малайского населения требовал превращения страны в мусульманское государство. Немалайские же партии добивались расширения прав некоренных жителей. В их среде возник ряд политических партий (Народное движение Малайзии, Народно-прогрессивная и др.), начавших активную подготовку к выборам. Победу на них вновь одержала Союзная партия, однако две трети мест в парламенте, необходимых для внесения поправок в конституцию, она не получила. Особенностью состоявшихся выборов являлось то обстоятельство, что немалайская оппозиция победила в городах, а это было воспринято значительной частью представителей китайской и индийской общин как их победа. Начались столкновения на этнической почве. Союзная партия как межобщинная организация фактически распалась, а премьер-министр Абдул Рахман вынужден был уйти в отставку.

В этих условиях наиболее дальновидные политики пошли на решительные действия. Было введено чрезвычайное положение, приостановлена работа парламента, а вся полнота власти оказалась в руках Национального совета, возглавляемого заместителем

премьер-министра Абдул Разаком. На период действия чрезвычайного положения был создан Генеральный совет доброй воли, главной функцией которого являлось восстановление межобщинных связей, и Государственный консультативный совет, которому отводилась важнейшая политическая роль в разрешении возникшего кризиса. По существу он заменил в тот период парламент.

Кроме того, был образован Комитет национального единства для осуществления социально-экономических программ, способствовавших межобщинному сближению. Этот комитет выработал новую экономическую политику и официальную идеологию, проект которых был представлен летом 1970 г. для окончательной доработки. Доктрина получила название Рукунегара (Основы государства), и в ее основу были положены пять главных положений: вера в Бога и терпимость к различным религиям, преданность монархии и патриотизм, уважение конституции, соблюдение законов и норм морали. На этой основе предполагалось решить рациональный вопрос и постепенно образовать единую малайзийскую нацию без различия веры и этнической принадлежности.

Появление такой идеологии явилось предпосылкой к сглаживанию противоречий между тремя основными этническими общинами в Малайзии. Она явилась альтернативой так и не прижившейся здесь традиционной западной демократии.

Вскоре было отменено действие чрезвычайного положения, и пришедший к власти Абдул Разак выдвинул идею межпартийного сотрудничества. Она получила отклик и в рядах оппозиции. Летом 1974 г. официально был создан Национальный фронт (НФ), куда вошли ОМНО, КАМ, ИКМ, Исламская партия и др. На состоявшихся вскоре парламентских выборах и выборах в Законодательные собрания штатов НФ получил абсолютное число голосов. Абдул Разак возглавлял правительство вплоть до 1976 г. Затем он тяжело заболел и уступил свой пост Д.С. Махатхир бин Мохамadu, который продолжил сотрудничество со всеми политическими силами, разделявшими идеи Рукунегара и устранил из руководства радикалов и сторонников сепаратизма.

Особое беспокойство малайзийского руководства с начала 80-х годов вызывала исламская оппозиция, причем чем дальше Малайзия вступала на путь рыночных реформ, тем большее неприятие этого курса высказывали исламисты. В результате Исламская партия вышла из НФ и ее влияние в обществе ослабло.

В стране продолжала действовать и вооруженная оппозиция. С 1948 г. вела вооруженную борьбу КППМ, состоявшая, в основном, из этнических китайцев. В 1974 г. она раскололась на три самостоятельных части, но тем не менее пользовалась значительной под-

держкой среди радикально настроенной молодежи. Также на нелегальном положении находилась и некоторые организации исламских фундаменталистов. Их основной опорой являлось малайское крестьянство, часть которого требовала установления мусульманского теократического режима.

В 80- начале 90-х годов правительство в одинаковой степени боролось с обоими направлениями нелегальной оппозиции и, в целом, продолжало контролировать ситуацию в стране.

Малайзия в 90-е годы	В 1990—1997 гг. Малайзия продолжала развивать- ся достаточно высокими темпами. Ежегодный при- рост ВВП превышал 8%. Динамично развивались машиностроение, электроника, нефтеперерабатывающие отрасли, а также строительная индустрия. В экономику Малайзии охотно вкладывали средства иностранные инвесторы, прежде всего из Япо- нии, США, Южной Кореи, ФРГ и др.

Малайзия входила в число 6 крупнейших азиатских экспорте- ров производимой продукции и к 2020 г. планировалось ее вхожде- ние в число наиболее промышленно развитых государств.

Ситуация изменилась после начала в 1997 г. азиатского эконо- мического кризиса. Прирост ВВП сразу же сократился до 6%, воз- никли трудности во всех основных отраслях промышленного про- изводства. Внешняя задолженность увеличилась до 45 млрд. долларов. Правительство предпринимает решительные меры по преодолению возникших трудностей.

Сингапур

Достижение независимости	В политической истории послевоенного Сингапу- ра можно выделить три основных этапа: нахождение под английским протекторатом, вхождение в состав Малайзии и период независимого развития.

В декабре 1945 г. возникла первая политическая организация — Малайский демократический союз (МДС), выступавший с нацио- налистических позиций. Социальной опорой МДС была мелкая буржуазия и интеллигенция. Главным программным требованием объявлялось самоуправление в рамках Британского содружества, предоставление демократических свобод, всеобщего избирательно- го права, а также вхождение в Малайский Союз.

В апреле 1946 г. англичане реформировали колониальное управ- ление. Сингапур был отделен от Малайи, что вызвало стремление значительной части населения к воссоединению.

С 1948 г. в Малайе и Сингапуре было введено чрезвычайное положение, а КППМ начала вооруженную борьбу. К тому периоду

относится возникновение Прогрессивной партии, созданной крупной и средней буржуазией. Она одерживала победы на выборах в Законодательный совет в 1948 и 1951 гг.

С начала 50-х годов создаются профсоюзные организации и ряд политических партий. В ноябре 1954 г. была образована Партия народного действия (ПНД), объединившая наиболее активную интеллигенцию и часть левых сил на реформистской основе. Генеральным секретарем партии стал адвокат китайского происхождения Ли Куан Ю. Главным программным требованием ПНД стали предоставление независимости и объединение с Малайской Федерацией.

С середины 50-х годов Англия ввела в Сингапуре ограниченное самоуправление, а в мае 1958 г. было принято решение о предоставлении ему статуса «самоуправляющегося государства» в рамках Британского содружества. В том же году в силу вступила конституция. ПНД приобрела большую популярность и на выборах 1959 г. получила в новом парламенте абсолютное большинство мест.

С приходом к управлению государством ПНД, ее лидер Ли Куан Юд стал премьер-министром. В условиях обострения внутри политической борьбы руководство ПНД видело будущее Сингапура в союзе с Малайей. Это вызвало сопротивление части элиты Малайи, опасавшейся конкуренции с буржуазией Сингапура и усиления позиций левых сил.

В ПНД произошел раскол, и в 1961 г. из нее выделился Социалистический фронт (СФ). Однако ПНД удалось сохранить лидирующие позиции. В сентябре 1962 г. состоялся референдум по вопросу о вхождении в Малайзию. Большинство участников референдума высказалось за объединение.

После образования в августе 1963 г. Федерации Малайзия — Сингапур вошел в эту федерацию. Однако вскоре Сингапур стал ощущать свое неравноправное положение в федерации, и в августе 1965 г. Абдул Рахман и Ли Куан Ю подписали соглашение о выходе Сингапура из Малайзии. С 9 августа 1965 г. провозглашалось создание нового независимого государства. В декабре того же года официально за ним был закреплен статус республики.

Сингапур в период независи- мого развития

По конституции главой государства является президент, избираемый на четыре года. Однако основная ответственность за развитие страны лежала на парламенте, который формировал правительство и утверждал премьер-министра.

После достижения независимости наиболее важную роль в политической жизни Сингапура играли Партия народного

действия (ПНД) во главе с Ли Куан Ю, Барисан сосиалисес (Социалистический фронт Сингапура), либерально-демократическая партия и др.

На всеобщих выборах в 1965 г. победу одержала ПНД. Ее лидер стал премьер-министром. ПНД проводила политику, направленную на развитие национальной экономики с привлечением внутреннего и национального капитала. Она согласилась на сохранение в стране английских военных баз, оказывала посильную помощь США во время вьетнамской войны. Выступления левой оппозиции против такой линии довольно жестко пресекались. ПНД вошла в Социалистический Интернационал и неоднократно заявляла устами своих лидеров, что, проводя линию на жесткий контроль за политической деятельностью в стране, признает лишь те партии и движения, которые действуют в рамках существующего законодательства.

К началу 70-х годов в стране появилось еще несколько новых партий — Национальная партия, Народный фронт, Объединенный фронт. Первые две выступали за воссоединение с Малайзией, а ОФ являлся по существу осколком Рабочей партии.

В 1974 г. возник Объединенный народный фронт (ОНФ), куда вошли пять ранее самостоятельных оппозиционных партий. Таким образом, они пытались оказать более серьезную конкуренцию ПНД. В 1980 г. на политической арене появилась Демократическая партия, выступавшая за упрочение парламентской демократии. Ее основу составили представители интеллигенции, госслужащих, мелкого бизнеса. На выборах 1984 г. она провела в парламент всего одного депутата. Еще одно место оставалось за Рабочей партией, имевшей примерно тот же социальный состав, что и демократы.

Таким образом, можно констатировать, что фактически с 1959 г. ни одна из политических партий Сингапура не смогла составить конкуренции ПНД, которая выступала в стране как главная политическая сила. Эту же тенденцию подтвердили и состоявшиеся в 1997 г. очередные парламентские выборы, в ходе которых ПНД получила 81 из 83 депутатских мандатов.

Сингапур входит в число наиболее развитых в экономическом отношении государств Юго-Восточной Азии («азиатских драконов»), является одним из крупнейших центров мировой торговли и финансов, его руководство поставило перед страной задачу к 2030 г. стать «великой малой нацией». По уровню компьютеризации страна занимает второе место в мире после Японии, выступая также в качестве одного из важнейших центров нефтепереработки, а также как крупнейший морской порт.

Кризис 1997 г. на рынках Юго-Восточной Азии привел к некоторому уменьшению показателей экономического роста, но не столь масштабным, как, например, в соседней Индонезии. Поэтому в XXI столетие Сингапур вступает с впечатляющими показателями — один только доход на душу населения в 1999 г. составил порядка 25 тыс. долларов при отсутствии внешнего долга.

Бруней

Период британского протектората	Провозглашение независимости Индонезии и Вьетнама вызвало волну поддержки в Брунее. Британские власти попытались удержать в своих руках ситуацию. Было принято решение упредить союз с брунейской элитой, модернизировать систему протектората.

В 1951 г. на престол вступил султан Омар Али Сайфутдин, человек более либеральных взглядов, чем его предшественники. В условиях зависимости он стремился добиться от Англии уступок по расширению собственной власти. В 1959 г. в Брунее была принята конституция, которая подразумевала наличие парламентской системы. Султан получал большие права во внутреннем управлении, увеличив свои доходы от нефти.

Согласно конституции, Бруней был провозглашен «малайским исламским демократическим государством» и разделен на четыре административных округа. Первые всеобщие выборы в законодательные и окружные советы состоялись осенью 1962 г. Единственная в то время политическая организация — Народная партия Брунея (НПБ), образованная в 1956 г., одержала внушительную победу. Однако власти султана это не поколебало.

В период 1962—1964 гг. в стране происходили массовые волнения. НПБ была запрещена, а часть ее членов вошла во вновь созданный Фронт народного освобождения (ФНО). Но следующие выборы показали, что серьезной оппозиции у правящего режима нет.

Особенностью судебной системы Брунея являлось существование, помимо гражданских, шариатских судов, что подчеркивало особую роль ислама в государственной политике.

В середине 60-х годов усилились антиколониальные настроения среди значительной части брунейского общества. Это вынудило англичан пойти на дальнейшие уступки, расширив участие местной элиты в управлении обществом.

Из политических сил наиболее влиятельной продолжала оставаться НПБ. Ее лидер, шейх АМАЗархи, сформулировал весьма расплывчатую программу, в которой ощущалось очень сильное влияние индонезийского руководства времен Сукарно. Главные требования этой программы — ликвидация английского протектората, введение

конституционной монархии, демократизация политической жизни и установление тесных связей с Сараваком и Сабахом, вплоть до образования федерации.

НПБ не участвовала в переговорах 1959 г. и при принятии конституции ее требования не были учтены. В ходе событий начала 60-х годов лидеры НПБ попытались захватить власть, но эта попытка успехом не увенчалась.

После некоторых колебаний султан отказался от вхождения в федерацию Малайзия, так как небезосновательно считал, что только что подавленное восстание являлось выражением протеста против такого шага. Бруней еще на 20 лет остался под английским протекторатом.

Летом 1968 г. новым султаном стал сын Сайфутдина Хассана-лал Балкиах. Однако Сайфутдин остался главным советником сына и продолжал играть важную роль в политической жизни Брунея.

В 1968 г. была образована Народная национальная партия Брунея. Как и ФНО, она опиралась, в основном, на малайское население, выступая за расширение их прав в общественной жизни и освобождение от английского протектората. Однако большого влияния в обществе она не получила. Профсоюзное движение также можно характеризовать как слабое и неразвитое.

Следует отметить, что со второй половины 60-х годов наблюдался значительный спад в политической жизни Брунея. Это было связано, прежде всего, с экономическим благополучием и традиционным почитанием в обществе власти султана.

Независимое развитие Брунея

С конца 70-х годов султан проводил переговоры с Англией, закончившиеся в 1984 г. получением независимости. После ее достижения власть полностью перешла в руки султана. Режим считал для себя образцом малые нефтяные монархии Персидского залива, прежде всего Оман.

Официальное название государства — Негара Бруней Дар-ус-Салам (Духовно благоденствующее государство Бруней — обитель духовного мира). В стране продолжает действовать конституция 1959 г., в которой политической основой султаната объявляются монархизм, исламизм, национализм, главенство и благосостояние. Эти принципы включены в преамбулу конституции.

Исполнительная власть осуществляется правительством, во главе которого стоит сам султан, а членами кабинета являются его ближайшие родственники.

В рамках существующего строя практически отсутствуют возможности для активной общественно-политической жизни. К 1990 г.

в стране было зарегистрировано четыре партии (НПБ действовала в подполье), их влияние на политическую жизнь продолжает оставаться незначительным.

В 1992 г. была принята в окончательном виде официальная идеологическая доктрина Брунея — «Малайская исламская монархия», краеугольными постулатами которой объявлены мусульманское право, монархия и основные ценности малайской культуры.

Благодаря доходам от продажи нефти, в стране один из самых высоких в Азии доходов на душу населения — около 16 тысяч долларов в год, подданные султана освобождены от уплаты подоходного налога, имеют возможность получать бесплатно медицинскую помощь и образование. Запасы валюты оцениваются в размере 70 млрд. долларов.

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

§ 22. Доминион Индийский Союз (1947—1950)

Обретение независимости Индией

15 августа 1947 г. вступил в силу Закон о независимости Индии, по которому ей был предоставлен статус доминиона в рамках Британского содружества наций. Изменение государ-

ственно-правового статуса страны открывало принципиально новую страницу ее истории. Учредительное собрание получило полномочия издавать свои законы, приступило к работе первое независимое правительство Индии.

Председателем Учредительного собрания стал один из деятелей Индийского Национального Конгресса (ИНК) — Раджендра Прасад, первым премьер-министром Индии — Джавахарлал Неру. В состав правительства вошли представители нескольких политических партий. В нем преобладало влияние умеренно-консервативных сил. Большинство министерских постов оказалось в руках конгрессистов: министром обороны и иностранных дел стал Дж.Неру, министром внутренних дел — В.Патель, министром финансов — Ч.Дешмукх, министром торговли — Т.Т.Кришнамачари, министром промышленности и снабжения — лидер партии Хинду маха сабха Ш.П.Мукерджи, министром юстиции — лидер Федерации неприкасаемых — Б.Р.Амбедкар.

Первоочередными задачами новой государственной власти стала индианизация административного аппарата и вооруженных сил, работа по подготовке новой конституции и разработка системы отношений с субъектами федерации. Проблема определения государственных границ Индии оставалась нерешенной и зависела от разработки формулы присоединения княжеств к Индийскому Союзу. С этой целью в 1947 г. было образовано министерство по делам княжеств, возглавляемое В.Пателем. Министерство определило порядок передачи политической власти от князей центральным органам власти Индийского Союза и роспуска или интеграции с соединениями индийской регулярной армии княжеских воинских подразделений.

Вхождение княжеств в Индию или Пакистан, согласно положениям Закона о независимости Индии 1947 г., зависело от волеизъявления их представителей. В период с 1947 по 1949 г. 555 из 601 княжества присоединились к Индии (остальные вошли в состав Пакистана). 70 княжеств вошли в состав доминиона как административные единицы, управляемые непосредственно из центра, либо в старых административных границах, либо объединенные в союзы княжеств, 269 княжеств образовали федеральные единицы — союзы княжеств или отдельные федеральные провинции в старых границах, 216 княжеств объединились с соседними провинциями, образовав там отдельные округа.

В новых провинциях, представлявших собой союзы княжеств или отдельные княжества, были проведены выборы в законодательные органы и созданы правительства. Губернаторами провинций, как правило, оставались бывшие князья.

Процесс интеграции княжеств с доминионом в целом ряде регионов был затруднен и встретил сопротивление, вплоть до вооруженного. Как правило, такая обстановка была характерна в регионах с высокой концентрацией мусульманского населения. Наиболее сложная ситуация сложилась в княжествах Хайдерабад и Джамму и Кашмир. Если введение индийских войск в течение года решило проблему присоединения первого, то положение во втором оставалось нерешенным на всем протяжении последующего периода независимого развития Индии. Соглашение о присоединении Индии представляло княжеству Джамму и Кашмир особую автономию и оставляло открытым вопрос о его будущем статусе. Это послужило в дальнейшем причиной нескольких военных конфликтов между Индией и Пакистаном и осложнило общую обстановку в южно-азиатском регионе.

События в Кашмире и Хайдерабаде усилили напряженность между индусами и мусульманами. Кровавые столкновения на конфессиональной почве происходили повсеместно. Кульминационным моментом трагических событий 1948 г. стало убийство коммуналистами национального лидера Индии, выступавшего за налаживание единства индусов и мусульман, Мохандаса Карамчанда Ганди.

Присоединение княжеств к Индийскому Союзу, а также потребности осуществления программ национального развития автоматически выдвигали на повестку дня вопрос о реорганизации административно-политической структуры, сложившейся в колониальный период, и не отражавшей новой системы связей регионов. Вопрос об упразднении прежней структуры и создании штатов на лингвистической основе обсуждался на съезде Конгресса в

Джайпуре. Комитет по разработке проекта Конституции назначил специальную комиссию по проблемам лингвистических провинций (Комиссия Дара). Ее рекомендации были переданы специальному комитету, назначенному Джайпурским съездом Конгресса, для рассмотрения и вынесения окончательного решения. Комитет в составе Дж.Неру, В.Пателя и П.Ситарамайи отверг идею создания штатов на национальной основе (несмотря на принципиальное решение Конгрессом этого вопроса еще в 1928 г.), мотивируя это тем, что этнолингвистическая консолидация народов Индии после недавнего раздела страны породит новые сепаратистские притязания. Приоритет государственной целостности Индийского Союза обусловил централизацию власти и нашел выражение в политике «национальной концентрации».

В ноябре 1949 г. Учредительное собрание рассмотрело и одобрило проект конституции Индии, составленной на основе конституционного права стран с высокоразвитой рыночной экономикой и устоявшимися демократическими традициями. Конституция была введена в действие 26 января 1950 г., ставшего Днем Республики. Действующая по настоящее время и обраставшая по мере развития страны поправками и дополнениями, она изначально состояла из 22 частей, занимавших 395 страниц и 9 объемистых приложений. Это самая большая по объему конституция в мире. Индийскую конституцию отличает детальная и исчерпывающая проработка разделов, обстоятельность и скрупулезность. В ее создании приняли участие ведущие политические деятели страны, имевшие, как правило, юридическое образование: Дж.Неру, Р.Прасад, Б.Р.Амбедкар, П.Ситарамайя и др.

**Основные
положения
конституции
Индии 1950 г.**

Согласно конституции, Индийский Союз провозглашался суверенной парламентарной республикой, основанной на принципах демократизма и секуляризма. В конституции закреплялись важнейшие буржуазно-демократические свободы, запрет лю-

бой формы дискриминации на национальной, расовой, кастовой или религиозной основе. Неприкосновенность частной собственности закреплена в статье 31-й, ограничивающей право изъятия собственности в общественных целях и предусматривающей выплату в таких случаях компенсации.

Глава государства — президент — обладает, согласно конституции, важными полномочиями: он является главнокомандующим вооруженными силами, назначает премьер-министра и министров центрального правительства, издает и отменяет законы в периоды между сессиями парламента, приостанавливает действие конституции.

Президент имеет право вводить в стране чрезвычайное положение, в случае которого Индия перестает быть федерацией и превращается в унитарное государство, в котором вся власть сосредотачивается в руках центрального правительства — совета министров. Совет министров является коллегиальным органом, состоящим из глав всех центральных правительственных ведомств во главе с премьер-министром. Ядро правительственного аппарата, включающее министров, ведающих наиболее важными отраслями управления, составляет кабинет, на деле осуществляющий как внутреннюю, так и внешнюю политику.

Высшим органом законодательной власти является Центральный парламент, состоящий из двух палат: Народной палаты (Лок сабха) и Совета штатов (Раджья сабха). Народная палата избирается путем прямых выборов сроком на 5 лет и целиком обновляется по истечении срока полномочий. Выборы в нее производятся по мажоритарной системе относительного большинства, согласно которой избранным по данному избирательному округу считается тот кандидат, который набрал голосов больше, чем каждый из его противников в отдельности, вне зависимости от того, превышает это большинство половину общего числа избирателей или нет.

Согласно конституции, в Индии устанавливается всеобщее избирательное право. Право участвовать в выборах предоставлялось гражданам Индии, достигшим 21 года (в 1988 г. возрастной ценз был снижен до 18 лет). Совет штатов представляет собой постоянно действующий орган при обновлении его состава каждые 2 года на 1/3. Отдельный депутат Совета штатов избирается на 6 лет, сам же Совет штатов не переизбирается целиком никогда. Норма представительства отдельных штатов в верхней палате неодинакова и колеблется в широких пределах, определяемых IV приложением к конституции.

На уровне штатов исполнительная власть осуществляется губернатором, назначаемым президентом на 5 лет, а законодательная — легислатурами штата, состоящими из двух палат: верхней (законодательный совет) и нижней (законодательное собрание).

Штаты подразделяются на более мелкие административно-территориальные единицы: области, округа, уезды, деревни. Характерной особенностью местного самоуправления является сочетание выборных органов местного самоуправления с назначаемыми правительствами штатов чиновниками.

Верховный суд Индии и высшие суды штатов наделены правом толкования законов и могут приостанавливать их действие, если оно противоречит конституции.

Конституцией предусмотрено четкое разграничение экономических и политических функций между центром и штатами, административная система страны сочетает высокую степень централизации с элементами федерализма. Однако термин «централизованная федерация» (каковой Индия является фактически) не употребляется в конституции. Согласно тексту конституции, Индия представляет собой федеративное государство, являющееся союзом штатов. Конституция не гарантирует сохранения, уменьшения или увеличения числа штатов — парламент вправе создавать новые, укрупняя или разделяя отдельные из них, менять названия, он не может лишь упразднить все штаты, поскольку Индия должна оставаться «союзом штатов». Субъекты федерации не обладают правом выхода из Союза (пропаганда сепаратизма карается законом), не имеют своего гражданства и своей конституции. Центральное правительство и президент имеют право при угрозе безопасности страны вводить чрезвычайное положение на всей территории или части ее. В условиях чрезвычайного положения федеративное государство становится унитарным.

По конституции 1950 г. в Индии создавалось 3 группы штатов с различным правовым статусом: а) бывшие провинции Британской Индии (Уттар-прадеш, Мадхья-прадеш, Бихар, Мадрас, Бомбей, Ассам). Система управления в них: губернатор, правительство штата, двухпалатная ассамблея; б) бывшие княжества (Джамму и Кашмир, Хайдерабад, Майсур, Траванкур-Кочин, Пепсу, Мадхья-Бхарат, Саураштра, Раджастан, Виндхья-прадеш). Система управления: губернатор (раджпрамух) — бывший князь, однопалатная ассамблея; в) бывшие главнокомиссарские провинции, т.е. провинции, не имевшие самоуправления (Дели, Трипура, Манипур, Андаманские острова, Локкадивские острова, Аджмер, Бхопал, Куч-Бихар, Кург, Кач, Химачал-прадеш). Система управления: губернатор штата группы «А» или назначаемый президентом комиссар.

Статьи, касающиеся официального языка Индийского Союза, были выделены в отдельную часть и разбиты на четыре главы: официальный язык Союза; местные (национальные) языки; язык, употребляемый в Верховном суде, высших судах и т.п.; специальные директивы. Общим языком Индийского Союза провозглашался хинди, употребляемый в графике деванагари, однако в течение 15 лет со дня принятия конституции английский язык должен был сохраняться в употреблении для всех официальных целей. Все делопроизводство в Верховном суде и высших судах штатов, а также тексты всех законопроектов и постановлений должны были составляться на английском языке до принятия парламентом

законодательным путем иного решения. Предусматривалось учреждение специальной комиссии по языковому вопросу через 5 и 10 лет после принятия конституции, призванной контролировать процесс перехода к повсеместному употреблению языка хинди на всех уровнях государственной власти.

Конституция перечисляла 15 основных языков Индии, получавших статус «национальных»: тамили, каннада, малаялам, телугу, ассами, бенгали, гуджерати, хинди, кашмири, маратхи, ория, пенджаби, синдхи, урду, санскрит.

Принятие конституции 1950 г. в качестве основного закона Индийского Союза открывало новый этап в развитии независимой Индии — республиканский.

§ 23. Республика Индия. Становление основ индийской государственности (1950—1970 гг.)

**ИНК и другие
партии Индии
после приобрете-
ния независи-
мости**

Предоставление Индии независимости привело к существенным изменениям в расстановке партийно-политических сил. Идеино-политические установки индийских буржуазных партий были обусловлены особенностями их возникновения и становления. Если для первой половины XX столетия

были характерны центристские тенденции по отношению к возникшему в последней четверти XIX в. ИНК, то с завоеванием суверенитета начался период расслоения общенациональной антиколониальной коалиции, основным содержанием которого стала перегруппировка партийных сил за счет отделения от ИНК политических течений и образования новых партий в зависимости от понимания сущности и путей предполагаемых преобразований в социально-экономической сфере.

Внутри самого ИНК образовались два течения, противоборство которых определяло внутрипартийную жизнь. Группировка Дж.Не-ру, поддержанная центристами и левыми, отстаивала линию на развитие «смешанной экономики» при преимущественном развитии государственного сектора, внесение планового начала в развитие регулируемой государством экономики, осуществление аграрной реформы и социальных программ, направленных на поднятие уровня жизни малоимущих слоев, следование нейтралистскому антиколониальному внешнеполитическому курсу, предполагавшему всестороннее развитие отношений со всеми государствами, включая страны социалистической системы. Группировка В.Пателя (за-

местителя премьер-министра и министра внутренних дел) и П.Тандона (председателя Конгресса), представлявшая консервативные круги в ИНК, выступала за всемерное и неограниченное развитие частнокапиталистического предпринимательства, создание рынка и подключение страны к международной капиталистической системе разделения труда. Понимая необходимость капиталистической трансформации деревни, они избегали коренных радикальных преобразований и делали упор на техническое перевооружение сельского хозяйства. В области внешней политики они считали приоритетным ориентацию на западные страны, прежде всего страны Британского содружества наций.

Усиление давления группы В.Пателя привело к выходу из Конгресса нескольких левых группировок, образовавших Крестьянско-рабочую партию, имевшую массовую базу в Западной Бенгалии, Народный конгресс, пользовавшийся поддержкой в Уттар-прадеше, и Демократический фронт. В 1951 г. вышедшие из Конгресса левые образовали Крестьянско-рабочую народную партию (Кисан маздур праджа парти) во главе с А.Крипалапи и Р.А.Кидваи.

Покинули ИНК и Конгресс-социалисты, образовавшие Социалистическую партию. Как единая организация она просуществовала недолго. В 1951 г. возникли разногласия между Дж.Нараяном, все в большей степени эволюционировавшим в сторону «гандистского социализма», и «левыми социалистами» во главе с Аруной Асаф Али, выступавшими за сотрудничество с коммунистами. Это противостояние закончилось выходом «левых» из партии. Социалистическое движение стало развиваться разными путями и в рамках различных организаций: «левых социалистов», собственно Социалистической партии, Народно-социалистической партии, впоследствии на время сплотившихся в Объединенную социалистическую партию.

Поворот части социалистов к КПИ был связан с начавшимися позитивными процессами в коммунистическом движении, которое постепенно преодолевало свою многолетнюю изоляцию от ведущих политических сил страны во главе с ИНК. До этого лозунг борьбы за свержение проимпериалистического правительства Дж.Неру, принятый коммунистами после достижения Индией независимости, привел к резкому снижению популярности партии и уменьшению ее численного состава (около 25 тысяч чел. на 1951 г.). Постепенный отход от прежних позиций и курс на поддержку прогрессивных преобразований национального правительства, связываемый с выдвижением на пост генерального секретаря партии Аджоя К.Гхоша, создал предпосылки для

совместных действий коммунистов и мелкобуржуазных революционно-демократических партий: Форвард блок, Революционно-социалистической, Рабоче-крестьянской партии Махараштры и др. Революционно-демократические партии действовали в пределах отдельных штатов и не имели общеиндийского характера. В их идеологии сочетались элементы марксизма и «гандистского социализма».

В начале 50-х годов проявилась тенденция и к консолидации право-консервативных сил. Накануне первых в истории независимой Индии выборов возникла организация Джан сангх (Народный союз), опиравшаяся на проиндусски ориентированную часть торгово-предпринимательских средних городских слоев. Она блокировалась с ранее возникшими коммуналистскими партиями Хинду маха сабха (1915), Раштрия сваям севак сангх (1925), Рам раджья паришад (1948). Партия, возглавляемая Ш.П.Мукерджи, выдвинула программу «истинного национализма», предполагавшую изменение секуляристского характера индийского государства и обеспечение приоритета во всех сферах жизнедеятельности представителям индусской общины.

Всего в предвыборной борьбе приняло участие около 80 партий. Такое многообразие было следствием не только огромных масштабов страны, но и отсутствия четкой поляризации сил в партийно-политической системе, размытостью социально-классовой структуры и наличия огромного числа переходных по своему типу слоев и групп индийского общества, не структурированных в развитое общество.

**Совершенство-
вание админис-
тративной
системы в
Индии**

Первые общеиндийские выборы состоялись в 1951—1952 гг. и принесли победу ИНК, получившему возможность сформировать однопартийные правительства в центре и штатах. На выборах в парламент Конгресс получил 44,5% голосов и 74,3% мест.

При общем абсолютном преобладании ИНК выявились регионы, где партия имела особенно прочные позиции. Так, 90% мест Конгресс получил в Законодательных собраниях Уттар-прадеша и Саураштры, 80% мест — в Бомбее, Мадхья-прадеше, Бхопале и Дели, от 51 до 77% — в остальных штатах. Коммуналистские партии пользовались особой поддержкой в Раджастанхоне и Ориссе, а коммунисты, не получившие ни одного места в хиндиязычных регионах, имели успех на юге и в Западной Бенгалии.

Выборы санкционировали возможность проведения в жизнь программы социально-экономического развития ИНК, получившей на-

звание «курса Неру», и предполагавшей осуществление импортзамещающей индустриализации при форсированном развитии государственного капитализма, аграрных преобразованиях, включающих ликвидацию системы заминдари и установление «потолка» землевладения, и административно-политической реформе, нацеленной на создание этнолингвистических штатов.

Административная система, узаконенная конституцией 1950 г., не отвечала как потребностям сбалансированного развития штатов, необходимого для проведения единой экономической программы, так и сдерживала развитие народов Индии, требовавших самоопределения в рамках отдельных национальных штатов. Различный юридический статус индийских штатов создавал трудности и в развитии партийно-политической жизни. Борьба за создание лингвистических провинций охватила целый ряд регионов и носила крайне ожесточенный характер. В 1953 г. был образован самостоятельный штат Андхра, территория которого ранее входила в штат Мадрас, а в 1956 г. был принят Закон о реорганизации штатов, ставший самой крупной административно-политической реформой за весь период независимости. Согласно закону, в Индии создавалось 19 штатов и союзные территории (группа «С»), границы которых в значительно большей степени совпадали с ареалами расселения этнолингвистических общностей, требовавших автономии: Андхра-прадеш, Ассам, Бихар, Бомбей, Керала, Мадхья-прадеш, Мадрас, Майсур, Орисса, Раджастхан, Уттар-прадеш, Западная Бенгалия, Пенджаб (группа «А»), Джамму и Кашмир (Группа «В») и Дели, Химачал-прадеш, Манипур, Трипура, Лаккадивские и Андаманские острова (группа «С»). Реформа носила незаконченный характер и не привела к затуханию деятельности сторонников создания штатов на лингвистической основе.

Процесс воплощения в жизнь этнолингвистического построения административно-политической системы в Индии растянулся в дальнейшем на десятилетия. Основными его вехами станут: 1960 — реорганизация штата Бомбей и разделение его на Гуджерат и Махараштру; 1962 — создание штата Нагаленд; 1967—1968 — реорганизация штата Пенджаб и выделение из него штата Хариана; 1971 — реорганизация Северо-Восточной Индии и создание штатов Мегхалая, Манипур, Трипура, а также присоединение к Индии в 1975 г. Сиккима в качестве штата.

Борьба за создание этнолингвистических штатов и стремление народов Индии к повышению их статуса в Индийском Союзе сделали необыкновенно острой проблему официального языка. Утверждение конституцией в этом качестве языка хинди при всех

сопутствовавших этому решению смягчающих оговорок было воспринято в нехиндиязычных районах как национальное бедствие. На протяжении последующих десятилетий движение против распространения хинди в качестве официального языка Индийского Союза было заметным дестабилизирующим фактором в общественно-политической жизни страны.

**Концепция
«индийского
социализма»**

Становление современного буржуазного общества происходило в Индии на фоне преобразований, осуществлявшихся в странах социализма, и общедемократическое радикальное движение по

пути реформ ассоциировалось с понятием социалистического переустройства общества. Социалистическая фразеология использовалась ИНК еще в период борьбы за независимость, после ее обретения нашла отражение в программе построения «общества социалистического образца». По инициативе Неру на съезде Конгресса в Авади (1955) такая формулировка была официально внесена в резолюцию ИНК. «Конгрессистский социализм» подразумевал не ликвидацию частной собственности на средства производства, а ограничение «стяжательских инстинктов» и собственнических устремлений на благо общественного развития. Он предполагал осуществление эгалитаристских принципов: отмену кастовых ограничений, упразднение неприкасаемости, создание условий для развития племен и малых народностей, введение равноправия полов и т.п. Социализм означал смешанную экономику, предполагавшую параллельное развитие государственного и частного секторов при сохранении приоритета первого и регулировании им второго, поддержку мелкого предпринимательства в различных сферах народного хозяйства, — т.е., по сути, предполагал систему буржуазно-демократических преобразований.

«Индийский социализм» строился на принципах социального компромисса (консенсуса), секуляризма и предотвращения конфликтности на этно-конфессиональной почве. Составной его частью был этатизм, включающий в себя представление о государстве как катализаторе экономического прогресса и регуляторе социально-классовых и этноконфессиональных отношений, силе, способной цементировать общеиндийский рынок и обеспечивать территориальную целостность страны.

Элементы социалистической идеологии нашли свое отражение в Уставе и других документах ИНК, в которых указывалось, что Индия стремится построить «общество социалистического образца», призванное обеспечить благосостояние народа. Эта концепция нашла отражение в ряде положений «Руководящих принципов по-

литики государства» и «Основных прав граждан» в конституции. Кульминационным пунктом «социалистической» фразеологии станет внесение в преамбулу к конституции в 1976 г. 42-й поправкой определения Индии как «суверенной, социалистической, светской и демократической республики».

Последующие лидеры ИНК останутся приверженными ставшей традиционной для партии системы ценностей. В 70-е годы Индира Ганди скажет, что «социализм, являющийся нашей целью, не означает экспроприации богатых и передачу всего бедным. Его смысл в том, чтобы уменьшить экономическое неравенство и сократить разрыв в доходах». Уникальность, национальный характер «индийского социализма» будет подчеркивать и Раджив Ганди в 80-е годы: «Наш социализм... не есть социализм, перенесенный с какой-либо иностранной почвы. Он не создан по примеру чьей-либо идеологической модели».

**Индия в конце
50- начале 60-х
годов**

Вторые всеобщие выборы 1957 г. обеспечили правящей партии ИНК как абсолютное, так и относительное увеличение голосов на выборах в парламент, а также в Законодательные собрания штатов. Выборы продемонстрировали укрепление позиций партии Джан Сангх, число голосовавших за которую удвоилось. Особенно были сильны позиции этой организации в штатах хиндиязычного пояса, наименее — в Западной Бенгалии и на юге. Вместе с тем увеличилось количество голосов, поданных за КПИ, занявшую после 1956 г. реалистические позиции и окончательно отказавшуюся от курса на свержение буржуазно-националистического правительства.

Наибольшего успеха коммунисты добились в штатах Керала, Западная Бенгалия и Андхра-прадеш. Историческим событием в истории коммунистического движения в Индии стало образование в Керале правительства КПИ, завоевавшей абсолютное большинство в законодательном собрании штата. Коммунистическое правительство просуществовало с 1957 по 1959 г. и было расформировано под предлогом нарушения закона, а в штате введено президентское правление. Однако этот эпизод создал прецедент пребывания коммунистов у власти на уровне штата, что в более поздний период окажется для Индии не редкостью.

Приход коммунистов к власти конституционным путем открывал возможности для конструктивной позитивной деятельности, к осуществлению общедемократических программ. Однако последующее силовое вмешательство властных структур вернуло часть коммунистов на только что преодоленные изоляционистские и не-

примиримые позиции и создало предпосылки для раскола коммунистической партии.

В конце 50-х годов усилилось значение региональных партий, которые упрочили свои позиции на выборах в Законодательные собрания штатов, и в ряде районов вошли в коалиционные правительства с ИНК. Так, в Ориссе было образовано коалиционное правительство ИНК и региональный Ганатантра паришад.

В 1959 г. группа консервативно настроенных конгрессистов (Ч.Раджагопалачария, И.Р.Ранга и др.) вышла из Конгресса и образовала новую правооппозиционную ИНК партию Сватантра (Свобода), выступившую с резкой критикой «курса Неру».

Во второй половине 50-х годов активизировали свою деятельность Джан-сангх, опиравшийся на коммуналистскую военизированную Раштрия сваямсевак сангх во главе с Голвалкармом, отстаивавшим концепцию «истинного» или «индусского национализма». Активизация Джан сангх и других индусских коммуналистских организаций способствовала расширению деятельности мусульманских общинных группировок, таких как Джамаат-и-ислами хинд (Совет индийских мусульман) и Маджлис иттихад уль-муслимин (Союз воинствующих мусульман), выступивших не только с коммуналистских позиций, но и с критикой «курса Неру». Усилился и процесс политизации христианских организаций. Особенно заметна стала деятельность консервативного Католического конгресса Кералы, сыгравшего существенную роль в отстранении от власти в этом штате КПИ. Менее политизированными оставались Партия христианского демократического социализма и Всеиндийский совет христиан.

Наряду с ростом коммунализма и сложением диверсифицированной системы конфессиональных организаций, произошло формирование региональной политической структуры. Ведущие штаты нашли свое представительство в таких организациях, как Акали дал (Пенджаб), Ганатантра паришад и Джхаркханд (Орисса), Телугу десам и Андхра маха сабха (Андхра), Ассам гана паришад (Ассам), Дравида муннетра кажагам (ДМК) (Тамилнаду) и некоторые другие. Региональные партии стали оказывать влияние на общендийскую политическую жизнь. Обострились и конфликты на кастовой основе, знаменовавшие нарастание противоречий между традиционно доминирующими в политической жизни страны брахманскими слоями и среднестатусными земледельческими и торгово-ростовщическими кастовыми группами. В каждом регионе они принимали различные формы: например, противоборства раджпутов и джатов в Раджастхане, брахманов и бания с паттидарами в Гуджерате, камма и редди в Андхре, брахманов и низкокаст-

товых в Махараштре и Мадрасе и т.п. В ходе этого противостояния происходил процесс политизации каст, приведший к возникновению политических партий, являющихся кастовыми ассоциациями (объединение членов одной касты) или кастовыми федерациями (объединение членов нескольких каст). Они стали выступать как за свои собственные права и повышение статуса в рамках традиционной кастовой структуры, так и выдвигать программы социально-экономического развития.

В 1957 г. была создана Республиканская партия Индии, выражающая интересы низкокастовых и внекастовых индийцев, с наиболее крупными центрами в Махараштре и Уттар-прадеше. Партия возникла на базе Федерации неприкасаемых каст (ФНК), образованной в 1942 г. Б.Р.Амбедкаром. С момента своего создания ФНК находилась в оппозиции Конгрессу, опасаясь того, что политика привлечения к деятельности ИНК хариджанов, начатая Ганди, лишит их собственной политической организации и не даст возможности максимально отстаивать свои права. Тем не менее Амбедкар сотрудничал с лидерами ИНК при создании индийской конституции, особенно разделов, содержащих статьи о ликвидации института неприкасаемых и кастовой организации и гарантированном представительстве хариджанов в государственных органах и административном аппарате, а также занимал пост министра юстиции в первом правительстве независимой Индии. Однако в 1952 г. он вышел из Конгресса, перешел в оппозицию и выставил свою кандидатуру от ФНК как партии, оппозиционной ИНК. Социально-экономическая программа партии была близка позиции правых и отрицала «курс Неру». Идеология Республиканской партии, принявшей участие в выборах 1957 г., была основана на взглядах Амбедкара. Ее лидеры выступали против системы резервации мест для «регистрируемых» каст в законодательных собраниях и советах местного самоуправления, так как эта система способствовала, по их мнению, не решению проблем низкокастовых, а укреплению ИНК, проводящего на эти места своих сторонников. Кроме РПИ, интересы низкокастовых отстаивала Всеиндийская лига хариджанов и Хариджан севак сангх (Общество служения хариджанам).

Кастовое соперничество проявилось не только в образовании кастовых ассоциаций и федераций, оно нашло отражение и в борьбе внутри ИНК (противостояние «новых лидеров» бания (Ч.Б.Гупта) «старым лидерам» (Сампурнананд, Трипатхи) в филиале ИНК в Уттар-прадеше и поддержка последних со стороны Дж.Неру; противостояние коалиции брахманов и раджпутов объединению джатов и тьяги и т.п.). Борьба за власть в ИНК

«новой элиты» со старыми брахманскими лидерами, ослабляла, раскалывала руководство в штатовских организациях, усиливала фракционную деятельность, приводила к непрочности власти ИНК во многих районах.

К концу 50-х годов, при сохраняющемся доминировании ИНК на уровне центра, происходит ослабление его позиций на уровне штатов. На штатовском уровне наряду с общеэкономическими и общеполитическими проблемами все большую роль стали играть «местные» факторы — кастовые, религиозные, лингвистические, субрегиональные. В различных штатах сформировались неодинаковые формы соперничества в зависимости от социально-экономического уровня развития того или иного региона.

Индия
в 60-е — начале
70-х гг.

На третьих всеобщих выборах 1962 г. наметилась тенденция к абсолютному и относительному снижению числа голосов, поданных за конгрессиистских кандидатов по сравнению с выборами 1957 г.

ИНК потерял свыше 6 млн. избирателей. На выборах в законодательные собрания штатов доля ИНК также сократилась. Выборы свидетельствовали об укреплении позиций правых сил — Сватантры и Джан сангх. Ослаблению позиций ИНК способствовала развернувшаяся в партии фракционная борьба. Она развивалась как на основе противоречий группировок, связанных с различными регионами, интересы которых они представляли: хиндиязычные районы, Махараштра, Западная Бенгалия, южные штаты, так и на основе идеологических разногласий. Процесс поляризации сил внутри ИНК привел к образованию трех основных фракций: центристской во главе с Дж.Неру, правой во главе с Морарджи Десаи и С.К.Патилем, левой во главе с К.Д.Малавией. Фракционная борьба была настолько сильна, что на выборах 1962 г. представители различных группировок выступали против официально выдвинутых конгрессиистских депутатов. В 1963 г. правые потребовали в парламенте отставки правительства Неру и образовали внутри Конгресса группу «синдикат», влияние которой было очень велико вплоть до ее выхода из ИНК в 1969 г. Со смертью Дж.Неру в 1964 г. размежевание сил внутри Конгресса, сдерживаемое личным авторитетом этого крупнейшего политического деятеля Индии, приняло необратимый характер. Несмотря на гибкую политику лавирования между группировками, новому премьер-министру Индии Л.Б.Шастри не удалось приостановить развитие центробежных тенденций в ИНК. На фоне ослабления центрального руководства усилились группы, контролировавшие партийный аппарат в штатах, произошло выдвижение на политическую авансцену ру-

ководителей местных конгрессиистских организаций. Такими фигурами стали А.Гхош (Западная Бенгалия), Ч.Б.Гупта (Уттар-прадеш), Б.Патнаик (Орисса) и др.

Усиление «боссизма» привело к созданию биполярной структуры в штатах, где соперничавшие силы объединились вокруг главного министра штата и местного лидера ИНК. Эта тенденция проявилась и на уровне центрального руководства. Она выразилась в усилении роли председателя ИНК К.Камараджа в определении не только партийного, но и правительственного курса.

Развитие центробежных тенденций в крупнейшей партии страны оказало воздействие на всю политическую жизнь Индии и привело к усилению борьбы внутри оппозиционных партий вокруг поисков путей выхода из нараставшего политического кризиса.

Произошел раскол в социалистическом движении. Объединенная социалистическая партия (ОСП) в 1965 г. распалась на две организации, из которых она и была изначально составлена: Социалистическую партию и Народно-социалистическую партию. Часть социалистов во главе с Ашокой Мехтой ушла в Конгресс. Основной причиной конфликта стали разногласия по вопросу о сотрудничестве с коммунистами как в работе в законодательных органах, так и в проведении массовых кампаний. Группировка социалистов во главе с С.М.Джоши и Р.Лохией была настроена на сотрудничество с левыми силами, в то время как основная часть социалистов, возглавляемая Дж.Нараяном, все теснее сближалась с антиконгрессиистскими буржуазно-националистическими партиями.

В 1964 г. произошел раскол в коммунистическом движении. Разногласия в КПИ по вопросам о роли национальной буржуазии и отношении к ней коммунистов, о первоочередных и конечных целях партии, о социальной базе коммунистического движения и возможных союзниках, о программах экономического развития, об отношениях с существующими немарксистскими партиями и целому ряду других возникли на рубеже 50—60-х годов. В 1961 г. на 6 съезде КПИ были предложены два проекта программы партии. Процесс размежевания завершился выходом из партии группировки, недовольной «реформизмом» КПИ. Так была образована параллельная компартия во главе с генеральным секретарем П.Сундарайей, которая стала называться КПИ(м) — Коммунистическая партия Индии (марксистская). В то время как КПИ ставила своей целью создание общедемократического фронта для осуществления радикальных преобразований, ведущих к созданию государства национальной демократии, КПИ(м) отрицала возможности коалиции с буржуазно-националистическими

силами и делала установку на создание государства народной демократии. «Центристы», не примкнувшие ни к КПИ, ни к КПИ(м), образовали в 1965 г. самостоятельную группу «марксистов-интеллектуалов». Недовольная участием КПИ(м) в выборах 1967 г. часть членов этой партии, обвинившая руководство в «ревизионизме» КПИ без КПИ», отделилась в группу, назвавшую себя КПИ(м-л) — Коммунистическая партия (марксистско-ленинская). Наиболее экстремистские группировки, покинувшие КПИ, а затем и КПИ (м), образовали так называемое «движение наксалитов», выступавшее за вооруженный захват власти и передел земли и имущества. Эпицентрами движения стали Западная Бенгалия и Андхра-прадеш. Несмотря на существование множества направлений в коммунистическом движении, реально действующих партий было две — КПИ и КПИ(м). С 1964 г. по 1980 г. они находились в состоянии идейного неприятия и практической конфронтации, в частности, блокируя друг друга на выборах.

Накануне очередных четвертых выборов 1967 г. внутриполитическое положение оставалось сложным. К 1966 г. в ряде конгресси-стских штатовских организаций произошел раскол. Размежевание в штатовских организациях ИНК продолжалось и в ходе выборов, и после и привело к падению в конечном итоге конгресси-стских правительств в этих штатах. В 1967 г. большинство местных партий бывших конгресси-стов образовали новую общендийскую партию Бхаратия кранти дал (Индийская революционная партия). Кончина Л.Б.Шастри в 1966 г. поставила вопрос о выдвижении кандидата на пост премьер-министра. От центристской и левой фракций была выдвинута Индира Ганди, от правой — Морарджи Десаи. В результате ожесточенной борьбы победу одержала И.Ганди, которой суждено было стать на долгие годы как лидером Конгресса, так и индийского государства в целом.

Победив на выборах, ИНК потерял 5% голосов и 19% мест в Народной палате, а также утратил свое положение правящей партии в 9 из 17 штатов. Коалиционные правительства оппозиционных сил были образованы в Бихаре — с преобладанием ОСП, в Пенджабе — Акали дал, в Уттар-прадеше — Джан сангх, в Мадрасе — ДМК, в Ориссе — Сватантры, в Мадхья-прадеше — Джан сангх, в Хариане — отколовшихся правых конгресси-стов. В Керале и Западной Бенгалии были созданы коалиционные правительства с преобладанием коммунистов (КПИ(м)). Монополия на власть ИНК оказалась подорванной.

В этой обстановке ИНК принял целый ряд мер популистского характера, призванных расширить социальную базу партии за счет

поддержки низших слоев национального капитала: национализация 14 крупнейших частных банков, принятие закона о монополиях и ограничительно торговой практике, установление сфер предпринимательства государства, крупных частных компаний и мелкой промышленности, увеличение ассигнований в государственный сектор, контроль государства над импортом товаров 38 наименований, программы увеличения занятости в сельской местности и ряд других.

В 1969 г. произошел раскол ИНК и образование двух параллельных организаций Конгресса по всей стране: ИНК (И) во главе с Индирой Ганди (отсюда и название ИНК(И) и Организация Конгресс — ИНК(О) («синдикат») во главе с М.Десаи.

**Индия во
второй полови-
не 70-х гг.**

**Падение
популярности
ИНК**

Пятые всеобщие выборы 1971/72 гг. принесли победу ИНК (И). Он завоевал абсолютное большинство в парламенте и получил 2/3 голосов, необходимых для внесения поправок в конституцию. На выборах в законодательные собрания штатов ИНК получил около 76% мест, сформировав правительства в 15 из 21 штата.

Важным событием этого периода стало крупное изменение на политической карте Южной Азии — образование в 1971 г. нового государства — Народной Республики Бангладеш за счет отделения от Пакистана Восточной Бенгалии. Крушение режима военной администрации Пакистана, военная победа Индии и капитуляция пакистанских вооруженных сил сыграли роль факторов, способствовавших росту авторитета И.Ганди и ИНК в целом.

В начале 70-х годов Конгресс вновь обрел доминирующее положение в политическом механизме в результате идеологического обновления и популизма, явившихся закономерным продолжением курса Дж.Неру. Концепция «организованного капитализма» и признание регулирующей роли государства в осуществлении социально-экономических реформ нашла сторонников не только в среде мелких и средних предпринимателей, но и среди крупных монополистических объединений. Внешнеполитический курс продолжал базироваться на развитии взаимоотношений как со странами социалистической системы, в первую очередь, СССР, так и с западным миром. Повысилась роль Индии в движении неприсоединения.

В ходе выборов 1971 г. отчетливо проявилось двойственное отношение торгово-промышленного капитала к ИНК (И), которое сказалось в одновременном оказании поддержки как Конгрессу, так и оппозиционным буржуазным партиям с целью обеспечения

стабильного, сбалансированного развития партийно-политической системы в целом.

Однако практика государственного этатизма привела вскоре к усилению автократических централизаторских тенденций в руководстве ИНК, к застою и коррупции. Кризисные процессы в индийском обществе (неудачи в осуществлении экономических и социальных программ, нарастание социальной и этноконфессиональной напряженности, усиление сепаратистских тенденций) стимулировали поиск альтернативных путей развития и объективно вели к складыванию организованной оппозиции ИНК. Принцип консенсуса уступал место принципу альтернативности в формировании концепции капиталистической модернизации.

Одной из отличительных характеристик этого периода стало сближение основных оппозиционных сил, весьма разных по своей направленности, на основе общего неприятия политической и идеологической линии ИНК, прежде всего связанной с централизаторской и регулирующей ролью государства. С одной стороны, нарастающий государственный контроль над экономической жизнью тяготил монополистические объединения. С другой — непомерно возросшая мощь государства, превратившего государственный сектор в своего рода кормушку для бюрократической буржуазии и строго регламентировавшего любую экономическую активность, порождали чувства недовольства у нижних предпринимательских слоев. Общее чувство неуверенности перед бесконтрольностью государственной власти и партийного руководства ИНК сделали возможным не только политический диалог, но и объединение таких несхожих между собой организаций, как Джан сангх, Сватантра, ИНК (о), ОСП и ряда региональных организаций.

Партии, оппозиционные Конгрессу, выступали за приоритетное развитие частного сектора на основе свободной рыночной конъюнктуры. Отличие их линии от конгрессистской заключалось не в стремлении к полному расформированию государственного сектора, а в резком сокращении его доли в общенациональной структуре и в ограничении государственного контроля над частным предпринимательством. Различия в подходах к решению национальных проблем проявились не только в такой области, как характер и степень государственного регулирования социально-экономических процессов, но и в интерпретации основных положений буржуазной демократии, в отношении к левым силам, в понимании содержания внешнеполитического курса.

Подобную позицию можно охарактеризовать как антиэтатистскую, возникшую в связи с потребностью в разработке системы

альтернативы ИНК для достижения более сбалансированного партийно-политического развития, напоминающего модель типа США с ее системой двух альтернативных политических партий, попеременно сменяющихся у власти и тем самым корректирующих друг друга.

Экономическая программа оппозиции предполагала ослабление государственного контроля над экономикой, отказ от централизованного планирования, децентрализацию экономической системы, замену социально ориентированных аграрных реформ технологическим переустройством деревни.

В 1974 г. была образована Бхаратия лок дал (Индийская народная партия) — БЛД — с преимущественной ориентацией на аграрную тематику и претендующую на роль выразителя интересов капитализирующихся слоев деревни. Аграрная программа БЛД принесла ей популярность в сельских районах, лишив ИНК поддержки значительной части крестьянства. То, что в целом прогрессивная социально-экономическая политика правительства не приводила к кардинальным улучшениям на фоне демографического взрыва, а экономическая ситуация в начале 70-х годов серьезно осложнилась, послужило сигналом для выступления оппозиционных партий.

Массовое антиправительственное движение в форме открытых политических акций — маршей протеста, харталов, забастовок, кампаний гражданского неповиновения возглавил в прошлом один из наиболее известных лидеров Социалистической партии — Джаяпракаш Нараян. Нараян выдвинул популистские лозунги «тотальной революции», понимаемой как создание в Индии параллельных органов власти, противостоящих существующей административной структуре. Ненасильственные формы массового действия, вызвавшие реминисценции о гандистских сатьяграхах, отказ от парламентской демократии и партийной политики и установление народного правления без партий («коммунитарная демократия»), отказ как от социалистического, так и капиталистического пути и предлагаемая концепция «интегрального гуманизма» как ведущей силы развития привлекли в движение средние городские слои, лиц свободных профессий, студенчество. Нараян призывал полицию не повиноваться приказам, а население не платить налоги. Движение началось в 1974—1975 гг. в Бихаре и Гуджерате и было наиболее интенсивным в северных и западных штатах — Уттар-прадеше, Махараштре. Оно было всецело поддержано оппозиционными ИНК организациями — как общендийскими, так и региональными. Движение в этих штатах стало кульминационным моментом острого социально-политического кризиса, поставив под сомнение легитимность власти ИНК.

Аллахабадский суд аннулировал депутатский мандат И.Ганди ввиду нарушений законов о проведении избирательной кампании 1971 г., объявив о том, что ее избрание в Народную палату недействительно и потребовал ее отставки. С аналогичным требованием выступили и 120 конгрессистов во главе с Ч.Шекхаром, М.Дхари-ей и К.Кантом, 25 июня 1975 г. вручив ей меморандум с соответствующим предложением. На пост премьер-министра в меморандуме выдвигался Дж.Рам.

Фракция Ч.Шекхара покинула Конгресс и примкнула к оппозиции. (В 1977 г. из ИНК уйдут и последователи Дж.Рама, образовав новую партию — Конгресс за демократию).

Оппозиция учредила «Комитет народной борьбы» за смещение правительства И.Ганди, который принял решение о начале общенациональной антиконгрессистской кампании 29 июня 1975 г.

Способности правительства маневрировать в рамках буржуазно-демократического процесса были исчерпаны. 26 июня 1975 г. в Индии было введено чрезвычайное положение, а 1 июля 1975 г. была принята «программа из 20 пунктов», с помощью которой ИНК пытался сохранить рассыпавшуюся под ним социальную базу. Программа содержала уступки как в пользу индустриальной, так и сельской элиты и в то же время превращала ИНК в этатизированную жесткую централизованную организацию, призванную добиться политической консолидации индийского общества силовыми средствами. Расширение функций исполнительной власти повышало роль лидеров в деятельности ИНК: в руках И.Ганди оказались сосредоточены несколько министерских постов, что давало ей возможность принятия единоличных решений.

Одновременно произошло усиление власти организации «Молодежный конгресс» во главе с младшим сыном премьер-министра Санджаем Ганди, сторонником жесткой линии руководства. Выдвинув идеи форсирования капиталистической модернизации, обновления правящей партии и придания ей динамичного характера, он предложил так называемую «программу из 5 пунктов»: 1) ликвидация неграмотности; 2) ограничение рождаемости; 3) искоренение неприкасаемости; 4) отмена приданого; 5) борьба за чистоту улиц. Ее осуществление вылилось в серию антидемократических акций, наиболее odioзной из которых стала кампания по проведению массовой добровольно-принудительной стерилизации, в ходе которой имели место многочисленные злоупотребления. Борьба за «чистоту» улиц обернулась выдворением за городскую черту бесчисленного населения окраинных трущоб и обрекло их фактически на физическую гибель.

Складывание параллельного неконституционного центра власти в лице Молодежного Конгресса и его деятельность привели к критическому сужению социальной опоры ИНК и лишению его последних союзников.

Антикоммунистическая кампания 1976 г. привела к осложнению отношений с КПИ (КПИ(м) примкнула к оппозиции еще до введения чрезвычайного положения). Чрезвычайное положение привело к сближению государственного и партийного аппаратов, усилению авторитарных и персоналистских приемов руководства и кризису легитимности правления ИНК. 18 января 1977 г. было отменено чрезвычайное положение и назначены на март 1977 г. шестые парламентские выборы. Накануне выборов было объявлено о создании коалиции оппозиционных партий под названием Джаната фронт (Народный фронт) во главе с М.Десаи. Его составили Организация Конгресс (ИНК(о)), Джан сангх, Бхаратия лок дал (БЛД), Социалистическая партия и группа Ч.Шекхара при сотрудничестве с КПИ (м), Акали дал и Дравида муннетра кажагам (ДМК).

Предвыборная платформа ДФ содержала следующие пункты: восстановление демократических свобод; построение демократического, социалистического общества, основанного на традициях и принципах национально-освободительного движения; децентрализацию экономической и политической власти при приоритетном развитии мелкой промышленности и кустарного производства; проведение аграрной реформы; обеспечение полной занятости населения; устранение кастовых пережитков; установление справедливого экономического порядка; ограничение сферы деятельности государства и государственного сектора.

ИНК(И), переживавший период внутреннего кризиса, не противопоставил ДФ убедительного предвыборного манифеста. В феврале 1977 г. накануне выборов из Конгресса вышла группа деятелей во главе с министром сельского хозяйства Дж.Раом, заявив о поддержке созданной ими партии Конгресс за демократию (КЗД) Демократического фронта. Уход Дж.Рама из ИНК окончательно перевесил чашу весов в пользу ДФ.

Выборы 1977 г. впервые в истории страны принесли поражение ИНК, получившему 34,5% голосов и 153 места в Народную палату. Оппозиция в общей сложности получила 43,2% голосов и 328 мест. Особенно неблагоприятными для ИНК стали результаты выборов в штатах хиндиязычного пояса; в Уттар-прадеше, Мадхья-прадеше и Раджастане — всего 2 места. Потери ИНК в избирательных округах с преобладанием хариджанов и мусульман были еще более ощутимыми. Всего в штатах Севера блок ДФ получил 221 из 298 мест.

В западных и северо-восточных штатах голоса между ДФ и ИНК распределились равномерно при незначительном перевесе ДФ. Штаты юга Индии (Керала, Карнатака, Андхра-прадеш, Тамилнад) отдали предпочтение ИНК.

Таким образом, при общей победе ДФ итоги выборов оказались следующими: 3/4 общего количества мест, завоеванных блоком оппозиции, приходилось на 7 штатов пояса хинди и союзную территорию Дели, в то время как 3/5 мест, полученных конгрессом, было сосредоточено в 4 южных штатах.

1 мая 1977 г. состоялся учредительный съезд Джаната парти, на котором произошло организационное слияние партий оппозиции (ОК, Джан сангх, БЛД, СП, КЗД), целью которой провозглашалось построение в Индии демократического, светского, социалистического государства на принципах гандизма на основе децентрализации экономической и политической власти и преемственности во внешнеполитическом курсе. Однако консолидационный процесс был затруднен, как в силу социальной и идейной разнородности оппозиции, так и в силу ограниченности ее территориальной базы северными районами Индии. Начавшиеся разногласия были связаны с различным видением перспектив и путей экономического развития, включая баланс между государственным сектором и частным, промышленностью и сельским хозяйством, альтернативными взглядами на принципы построения партии (свободное членство или кадровые начала, федерализм партийных структур или жесткая централизация), ориентаций на светские, секуляристские основы политики или на коммунизм и, наконец, с личными амбициями.

Острая фракционная борьба, не прекращавшаяся на протяжении 1978 г., привела к расколу Джаната парти летом 1979 г. Ряд депутатов парламента от ДП во главе с Чаран Сингхом вышли из нее и образовали новую партию, первоначально названную Джаната парти (светская), а впоследствии переименованную в Лок дал (Народная партия). Обособление Лок дал было обусловлено усилением позиций в ДП коммуналистской Джан сангх, опиравшейся на Раштрия сваям севак сангх (РСС). В июле 1979 г. лидеры оппозиции в парламенте выдвинули предложение о вотуме недоверия правительству Джанаты, которое было принято премьер-министром М.Десаи, подавшим в отставку. Вновь созданный коалиционный кабинет под руководством Чаран Сингха вскоре также объявил об отставке и назначении внеочередных выборов на январь 1980 г.

За время пребывания у власти Джаната не стала партией в собственном смысле слова. Хотя партии, образовавшие ее, заявили о са-

мороспуске, они, однако, продолжали функционировать как организованные группировки. Когда Джаната пришла к власти, казалось, что в Индии начинает складываться система главных альтернативных партий, способных сменять друг друга у власти либо самостоятельно, либо в коалиции с другими, менее крупными партиями, т.е. политический режим, основанный на доминировании не одной, а двух сил. Недостаточная социально-политическая поляризация индийского общества сделала невозможным сложение такой партийно-политической системы в масштабах всей страны. Однако на региональном уровне биполярная партийная структура начала формироваться.

В 1978—1979 гг. внутри ИНК также произошли изменения. За время пребывания в оппозиции он размежевался на три силы: ИНК(И) объединял сторонников Индиры, ИНК(С) — сторонников бывшего министра иностранных дел Сваран Сингха, ИНК(А) — сторонников Девараджа Арса. Наиболее многочисленным продолжал оставаться ИНК(И), который сумел извлечь уроки из случившегося.

§ 24. Развитие партийно-политической и государственно-правовой структур Индии на современном этапе (80–90-е годы)

Возвращение ИНК к власти

Выборы 1980 г. стали своеобразным рубежом в политической истории независимой Индии. Они выявили существенные изменения в раскладе сил в

рамках партийно-политической системы страны и определенную их перегруппировку. В выборах приняли участие шесть общенациональных партий — ИНК(И), ИНК(А), Джаната парти, Лок дал, КПИ, КПИ(м) — и более 20 региональных. Из них только три партии — ИНК(И), Джаната и Лок дал претендовали на получение большинства мест в Народной палате парламента и формирование однопартийного правительства. ИНК(И) не только одержал победу, но получил абсолютное большинство мест в Народной палате (351 из 524). Остальные голоса распределились следующим образом: Джаната — 31, Лок дал — 41, КПИ — 11, КПИ(м) — 35.

Всего левый фронт, составленный из КПИ, КПИ(м), Крестьянско-рабочей партии, Революционно-социалистической партии и Форвард блока, получил 53 места в парламенте. Победа ИНК(И) и раздельное выступление оппозиционных сил показали, что говорить о сложении системы альтернативности на общеиндийском уровне преждевременно и что оппозиционные партии не цементированы

в конкурентоспособные прочные объединения. Сами составные части оппозиции стали иными. Фактически прекратили свое существование Сватантра, ИНК(о), СП, КЗД, на базе Джан сангх — РСС возникла в 1980 г. новая организация Бхаратия джаната парти (БДП). Произошло существенное сокращение в парламенте представительства небольших партий, а также независимых кандидатов (доля их голосов сократилась с 8,4 до 6,6%, а число мест с 13 до 8).

Впервые за последние 15 лет КПИ и КПИ(м) выступили совместно, договорившись о создании предвыборного блока — Левый фронт.

Начало 80-х годов характеризовалось консолидационными процессами в коммунистических партиях Индии — КПИ и КПИ(м). Сближение происходило на общей платформе критики внутренней политики ИНК(И), особенно в области экономики и социальных преобразований, представлявшейся коммунистами «антидемократической» и «антинародной». На съездах обеих партий после 1980 года неоднократно подтверждалась общая стратегическая линия и поднимался вопрос о восстановлении единства коммунистического движения, однако практических шагов в этом направлении сделано не было. Между двумя партиями сохранялись разногласия, касавшиеся ряда программных положений. КПИ выступала за создание государства национальной демократии при сбалансированном допуске к власти рабочего класса и буржуазии, КПИ(М) — за государство народной демократии, основанное на коалиции антифеодальных и антиимпериалистических сил во главе с рабочим классом. Оставались и разногласия относительно причин раскола 1964 г., а также некоторых тактических установок. Различия касались также как социальной, так и региональной базы КПИ и КПИ(м).

Главное отличие выборов 1980 г. от предшествующих заключалось в совпадении позиций, декларируемых главными буржуазными партиями. Никогда ранее предвыборные манифесты ИНК(И), Джанаты и Лок дал не были столь близки по провозглашаемым целям и задачам, ставящимся перед обществом, и предлагаемым путям их осуществления: построение «социалистического» общества на демократических принципах с максимальным учетом интересов всех слоев индийского общества, модернизация сельского хозяйства за счет улучшения его технической оснащенности, программа «интегрированного» развития промышленности — крупной, средней и мелкой и т.п.

Программные документы отличались эклектичностью, размытостью и обтекаемостью формулировок, носили реформистский, прагматический характер. Становилось очевидно, что накал страс-

тей в обществе в связи с борьбой различных социально-экономических стратегий развития иссякает. Он смещался в иную плоскость. Первоочередными для индийского общества стали вопросы, связанные с поисками путей урегулирования межэтнических, межкастовых и межконфессиональных столкновений, захлестнувших страну и нарушивших мирное течение жизни. В результате кампаний гражданского неповиновения, в штатах Ассам, Трипура и Манипур были введены войска, жесткие меры осуществлены против сикхских сепаратистских сил, выступавших за отделение от Индии и создание самостоятельного государства Халистан, а также против тамильских экстремистских группировок, борющихся за государство Тамил илам. Индо-мусульманские вспышки в Уттар-прадеше, Джамму и Кашмире заставили правительство И.Ганди вновь обратиться к чрезвычайному законодательству: оно объявило себя полномочным вводить в действие чрезвычайные законы в районах беспорядков. Опираясь на большинство в 2/3 голосов, ИНК(И) провел через парламент «Акт о национальной безопасности», дающий властям право арестовывать и содержать под стражей сроком до года по подозрению в нарушении законности, а также указ, облегчающий возможность привлечения к суду лиц, разжигающих религиозную, кастовую или национальную рознь. Отдельные представители ИНК(И) (среди них генеральный секретарь конгресса Ш.С.Махапатра) стали выступать в пользу введения в стране президентского правления.

Индия во второй половине 80-х годов	В октябре 1984 г. Индира Ганди была убита сикхскими террористами. В декабре 1984 г. состоялись восьмые всеобщие выборы, принесшие ИНК (И) беспрецедентное за всю историю независимой Индии число мест в Народной палате — 401 из 508. На пост премьер-министра был избран старший сын Индиры — Раджив Ганди, активно включившийся в деятельность ИНК(И) с начала 80-х годов. Основные оппозиционные партии (Джаната парти, Бхаратия джаната парти, Лок дал, переименованная накануне выборов в Далит маздур кисан парти (Партия угнетенных рабочих и крестьян) получили минимальное число мест. Уменьшилось и представительство коммунистов. КПИ (м) осталась на антиконгрессиистских позициях, КПИ же, продолжая считать политику ИНК антидемократической и антинародной, поддержала его после выборов в связи с изменившейся обстановкой: наступлением сепаратистских сил, приведшим к убийству лидера страны, и выдвижением на первый план задачи сохранения единства и целостности Индии, а также поддержания правопорядка. Пришедший к власти при драматических

обстоятельствах, обеспечивших ему массовую поддержку избирателей, Р.Ганди олицетворял тип современного динамичного лидера, начавшего свою деятельность с решительного реформирования организационной структуры Конгресса. Приуроченные к празднованию 100-летия юбилея Конгресса (1985 г.), были проведены внутрипартийные выборы на всех ступенях (они не проводились более 12 лет), обновлен состав партии, реорганизованы и активизированы Индийский национальный конгресс профсоюзов, Индийский молодежный Конгресс, Национальный союз студентов Индии и некоторые др. Р.Ганди был избран председателем ИНК(И).

С середины 80-х годов получила продолжение и развитие наметившаяся на рубеже 70-80-х годов линия на постепенный отход от первоначальной экономической стратегии ИНК — «курса Неру». Принятие экономической стратегии объяснялось ее создателями и теоретиками, среди которых следует назвать заместителя председателя плановой комиссии Индии Манмохана Сингха (председателем ее был сам Р.Ганди), президента Национального совета прикладных экономических исследований П.Л.Тандона, члена Плановой комиссии, ответственного за развитие в сфере промышленности, Абида Хусейна, министра черной металлургии, угольной и горнодобывающей промышленности Васанта Сатхе, следующими причинами: 1) изменением основы индустриализации с импортзамещения на форсированное производство на экспорт; 2) перенесением упора в соотношении науки и технологии с развития науки на абсорбирование технологии; 3) необходимостью убрать бюрократические препоны при внедрении современной технологии в производство; 4) изменением характера частного сектора и преобразованием его из «агента иностранного капитала» в «национальный индийский сектор»; 5) необходимостью пересмотра отношения к нерентабельным предприятиям государственного сектора.

Седьмой пятилетний план, рассчитанный на 1985/86-89/90 годы, предполагал развитие государственного сектора без новых капиталовложений, за счет собственных накоплений. «Больные» предприятия подлежали приватизации. В целом, доля государственного сектора, лишенного командных высот, впервые была запланирована меньшей, чем доля частного сектора. Это означало изменение официальной концепции государственного сектора: на смену командно-административным методам управления экономики приходила концепция «экономического федерализма», предполагающая развитие свободной рыночной конъюнктуры.

Правительством Р.Ганди проводилась политика модернизации экономики, тесно связанная с притоком иностранного, в том числе

частного капитала, прежде всего в электронную промышленность. Ведущими партнерами Индии стали США, Япония, ФРГ. В целях увеличения притока новейших технологий была облегчена процедура их привлечения при условии, что наряду с предоставлением финансовых средств будет предусмотрена передача технологии.

В 1985 г. удалось добиться частичных улучшений в плане разрешения этноконфессиональной ситуации. Были подписаны соглашения об урегулировании кризиса в штате Пенджаб, затем в штате Ассам. Но действие этих соглашений не было долгосрочным.

В целом усилия ИНК(И) в разрешении этнических, религиозно-общинных и кастовых конфликтов не увенчались успехом. Уже в следующем году возобновилась террористическая деятельность сикхских сепаратистов в Пенджабе, обострилась обстановка в пограничном с Пакистаном штате Джамму и Кашмир, произошла серия кровавых столкновений между индусами и мусульманами в штатах Уттар-Прадеш и Бихар, межкастовые волнения в штате Тамилнаду, вооруженные выступления племен в Ассаме.

Обострилась фракционная борьба в ряде местных организаций Конгресса. Возвращение в партию ранее покинувших ее сил не привело к сплочению Конгресса. Оппозиция обвинила правительство Р.Ганди в коррупции и в нарушении правил ведения финансовых операций в связи с так называемым «делом Бофорс», связанным с закупкой у шведской фирмы «Бофорс» гаубиц в 1986 г. Премьер-министр категорически отверг все выдвинутые против него обвинения, однако общественное мнение было настроено против него.

Ослабление позиций ИНК, падение его авторитета и престижа проявилось на дополнительных выборах в Народную палату парламента (1988), когда из шести мест кандидаты ИНК(И) смогли завоевать только два, а также на выборах в Законодательные собрания штатов, где ИНК утратил свои позиции (Западная Бенгалия, Керала, Хариана, Тамилнаду).

Беспрецедентной акцией, впервые имевшей место в практике индийского парламента, явился коллективный выход в отставку 106 депутатов от оппозиционных партий, как правых, так и левых, выдвинувших требование немедленной отставки правительства и проведения выборов.

В 1987 г. из ИНК(И) вышла группа во главе с В.П.Сингхом и образовала партию Джан морча (Народный Фронт), которая в 1988 г. объединилась с Джаната парти и Лок дал. Новая коалиция стала называться Джаната дал. Она возглавила антиконгрессиистское движение, создав Национальный фронт (Раштрия морча) всех

оппозиционных ИНК сил. Лозунги борьбы с коррупцией и защиты интересов малоимущих слоев населения, обещания обуздать рост цен и инфляции способствовали росту популярности оппозиции.

**Индия в первой
половине 90-х
годов**

Состоявшиеся в конце 1989 г. девятые парламентские выборы привели к поражению правящей партии ИНК(И), отставке конгрессистского правительства, находившегося у власти с 1984 г.

и формированию нового правительства во главе с лидером оппозиционного блока В.П.Сингхом. Впервые в истории независимой Индии ни одной из политических партий не удалось набрать достаточного количества мест в нижней палате парламента для формирования однопартийного правительства.

Партией, получившей наибольшее количество мандатов (192 из 525), остался ИНК (И), отказавшийся от попыток создания коалиции и перешедший в оппозицию. Национальный фронт, получивший 144 мандата в парламенте, сформировал так называемое «правительство меньшинства» во главе с В.П.Сингхом. Национальный фронт представлял собой блок пяти центристских партий: Джаната дал, ИНК(С), Ассам гана паришад, Дравида мунетра кажагам, Телугу десам. При формировании правительства его поддержали религиозно-общинная Бхаратия джаната парти и блок левых партий, включая обе крупнейшие компартии (КПИ и КПИ(м)).

Новое правительство объявило о намерении предпринять шаги по повышению уровня жизни беднейших слоев населения, по обузданию роста цен и инфляции, по урегулированию острых религиозно-общинных противоречий и нормализации положения в Пенджабе.

Однако коалиционный характер кабинета и разнородность поддерживавших его политических сил затрудняли реализацию намеченных программ. Это привело, в частности, к потере правительством Джаната дал большинства в законодательном собрании штата Карнатака и введению там президентского правления.

Экономическая политика Национального фронта не имела кардинальных различий с линией, намеченной ИНК(И). По-прежнему большое внимание было уделено привлечению иностранного капитала, с которым связывалась идея модернизации экономики Индии в форме новых технологий, технических консультаций и лицензий. Несмотря на избирательность подхода к участию иностранного капитала в индийской экономике, общую стратегию экономического развития в этот период можно охарактеризовать как политику либерализации.

Конец 80-х годов был отмечен очередным ростом социальной напряженности, активизацией действий экстремистских сил, направленных на подрыв единства страны.

В 1991 г. состоялись десятые внеочередные выборы. В течение менее чем двух лет стала ясна неспособность правительства во главе с В.П.Сингхом и Ч.Шекхаром обеспечить устойчивый экономический рост и добиться внутривнутриполитической стабильности. Выборы проводились в 22 из 25 штатов Индии. Несмотря на то, что ни одна из основных партий не смогла представить четкую и убедительную программу преодоления кризисных явлений, как в социально-экономической, так и в общественно-политической жизни страны, у избирателей появилась альтернативность выбора.

Трагическая гибель Р.Ганди (он был убит тамильскими террористами в ходе избирательной кампании) отсрочила второй и третий туры всеобщих выборов и заставила основных претендентов пересмотреть свою тактику перед заключительным этапом голосования. В новом парламенте победивший ИНК(И) получил довольно прочные позиции: 225 мест из 541 в Народной палате (а вместе с союзной АИДМК — 240). БДП получила 119 мест, а блок Национального фронта с левыми силами — 129. Премьер-министром очередного «правительства меньшинства» стал конгрессист П.В.Нарасимха Рао.

Экономический курс правительства Нарасимха Рао предполагал денационализацию части государственной собственности, акционирование ряда предприятий госсектора в целях повышения эффективности и увеличения финансовых поступлений в бюджет. Правительство провозгласило своей целью продвижение от неэффективной командно-административной экономики, ограниченной внутренними рамками и связанной различными формами контроля к интегрированной в международном масштабе, быстро развивающейся, конкурентоспособной и ориентированной на рынок экономике. Девальвация индийской рупии, отмена экспортных субсидий и промышленного лицензирования почти во всех отраслях, за исключением стратегически важных, разрешила свободный доступ большинству иностранных инвестиций в 34 основные сектора, открытие индийского рынка для более свободного импорта, приватизация государственного сектора, реформа финансового сектора, сокращение огромного бюрократического аппарата и устранение государственного вмешательства в экономику, прекращение деятельности нежизнеспособных компаний и ряд других мер определили экономическую стратегию восьмого пятилетнего плана, который охватил период с 1992 по 1997 гг.

Глобальные перемены, резкое сужение перспектив Движения не-присоединения определили необходимость серьезно переосмыслить целый ряд фундаментальных основ внешнеполитической стратегии Индии.

В советско-индийских отношениях, несмотря на продление в августе 1991 г. на 20 лет Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, произошло снижение уровня двусторонних отношений в связи с резким ослаблением возможностей межгосударственной торговли, задержками платежей с советской стороны, требованиями Индии поднять курс рупии при совместных расчетах и т.п. Особое значение придавалось в Индии развитию отношений с Западной Европой (прежде всего Германией), США и Японией.

Непрочное положение Конгресса у власти, острая фракционная борьба внутри партии как в результате различной трактовки дальнейшего социально-экономического и политического развития страны, так и на основе личных амбиций ряда лидеров, растущие обвинения руководителей ИНК(И) в причастности к финансовым махинациям (вновь всплывшее дело «Бофорс», ставшее роковым для Конгресса на всеобщих парламентских выборах 1989 г.), усиление оппозиции в лице БДП, выдвинувшей популярный лозунг «борьбы с коррупцией», характеризовали ситуацию, сложившуюся в стране в начале 90-х гг.

«Борьба с коррупцией», провозглашенная Бхаратия джаната парти, началась с разоблачительной кампании против премьер-министра Нарасимха Рао, обвиненного в получении 10 млн. рупий (400 тыс. долл.) для организации своих выборов в парламент в 1991 г., что повлекло за собой беспрецедентный финансовый скандал с государственными ценными бумагами. БДП сумела оправиться после кровавых индусско-мусульманских столкновений в Айодхье и укрепить свои позиции. Растущая популярность БДП была обусловлена не только взрывом традиционалистских и националистических настроений в стране в последнее десятилетие, но и некоторыми изменениями в политике партии. Она стала носить более сбалансированный и умеренный характер. Так, БДП, выступавшая за создание «хинду раштра» — государства индусов, объявила о своей приверженности в то же время секуляристским принципам конституции республики, трактующим как свобода вероисповедания. Высказывая свое неприятие по отношению к инициативе ИНК(И) принять поправку к основному закону страны, предусматривающую отделение религии от политики, лидеры БДП апеллировали к знаменитому высказыванию Махатмы Ганди о том, что «политика без религии — грязь». Партия консолидировалась в результате избрания в качестве председателя Л.К.Адвани. Он выдвинулся на этот

пост благодаря своей программе, предусматривающей прекращение фракционной борьбы и обеспечение единства действий между БДП и рядом других коммуналистских партий: Вишва хинду паришад, Раштрия сваямсевак сангх, Баджран дал. Адвани сменил на этом посту М.М.Джоши, обвиняемого многими членами партии в провоцировании фракционности и неосуществлении контроля над действиями активистов Вишва хинду паришад, предпринявшими штурм мечети в Айодхье и спровоцировавшими волну индо-мусульманской розни, захлестнувшей страну. Выдвижение на позиции лидерства в БДП Л.К.Адвани и провозглашение лидером оппозиции в нижней палате парламента известного деятеля БДП А.Б.Ваджпай создало предпосылки для усиления позиций этой партии на общеиндийском уровне и способствовало развитию тенденции к превращению БДП в альтернативную ИНК партию. Популярность лидеров БДП, среди которых особо стала выделяться фигура А.Б.Ваджпай, неуклонно росла.

Наряду с усилением БДП, к середине 90-х годов произошла также консолидация сил, традиционно составлявших оппозицию ИНК: Объединенный фронт (ОФ) в составе 14 центристских, региональных и левых партий стал представлять собой реальную силу, способную конкурировать с Конгрессом на выборах.

**Индия во
второй
половине 90-х
годов**

Одиннадцатые парламентские выборы, проходившие в апреле-мае 1996 г., продемонстрировали противоборство трех основных политических объединений — ИНК, БДП, ОФ — и привели к неоднозначным результатам: правительство победившей

БДП во главе с А.Б.Ваджпай просуществовало всего 13 дней и вынуждено было подать в отставку в результате правительственного кризиса, формирование же нового правительства было поручено ОФ. Премьер-министром Индии стал лидер Объединенного фронта Х.Д.Деве Гоуда, вскоре однако смененный на этом посту И.К.Гуджралом.

Коалиционность становится ведущей чертой индийской политической жизни, однако понимается основными политическими партиями по-разному. В то время как ОФ является сторонником создания правительственных коалиций, ИНК по-прежнему придерживается коалиционной политики только на штатовском уровне, а не на уровне центра. Не располагая достаточным количеством мест в нижней палате парламента (145 из 545), ИНК сделал ставку на раскол Объединенного фронта и переход входящих в него центристских и региональных партий в Конгресс. После 18-месячного пребывания у власти правительства ОФ Конгресс отказал ему

на поддержке и выступил за проведение досрочных парламентских выборов. Представители конгрессистов, в частности, заявили, что их партия готова возобновить поддержку извне правительства Гуджрала только в том случае, если из состава кабинета будут выведены трое министров от правящей в штате Тамилнаду партии Дравид муннетра кажагам (ДМК): ее руководитель М.Карунанидхи обвинялся лидером Конгресса С.Кесри в связях с тамильскими террористами, совершившими в 1991 г. убийство Раджива Ганди. Используя это обвинение как предлог для отказа в поддержке администрации ОФ, конгрессисты вынудили правительство Гуджрала 28 ноября 1997 г. подать в отставку, что сделало неизбежным роспуск нижней палаты парламента.

В феврале-марте 1998 г. состоялись двенадцатые внеочередные парламентские выборы, в ходе которых победу одержала Бхаратия джаната парти (БДП), совместно с ее многочисленными партнерами по коалиции, представляющими различные политические силы в 17 индийских штатах. В нижнюю палату парламента Индии были избраны 539 депутатов, из которых 264 составляли представители фракций БДП и их союзников по коалиции. Ровно столько же парламентариев вошли в отдельные фракции главных оппонентов БДП — ИНК(И), во главе которого стала Соня Ганди, вдова Раджива Ганди, и альянса Объединенный фронт. 19 марта 1998 г. президент Индии Р.К.Нараянан привел к присяге нового премьер-министра Атал Бихари Ваджпаи, провозгласившего стратегию нового правительства, направленную на «укрепление национальной независимости, решение главных социально-экономических проблем Индии при опоре на собственные силы в сотрудничестве со всеми политическими и общественными партиями и организациями страны». Новое правительство продолжило политику экономической либерализации с использованием рыночных рычагов и методов управления и при расширении сферы деятельности частного сектора и привлечении иностранных капиталовложений с целью ускоренного технического перевооружения и модернизации индийской экономики. Внешнеполитический курс Индии характеризовался большей жесткостью, что привело к очередному обострению отношений с соседним Пакистаном в результате проведения серии ядерных испытаний и растущего несогласия сторон по вопросам разрешения Кашмирской проблемы.

Нестабильность коалиционного правительства БДП привела страну к очередному правительственному кризису и новым внеочередным выборам, состоявшимся в октябре 1999 г. В ходе ожесточенного соперничества сложившихся в Индии альтернативных политических группировок победу вновь одержала Бхаратия джаната

партии, получившая в нижней палате парламента 182 места (из 539) и сформировавшая очередное коалиционное правительство в составе 10 партий во главе с А.Б.Ваджпаи. Лидером оппозиции стал ИНК(И), завоевавший 112 мест. 26 января 2000 г. Индия отметила 50-летний юбилей республиканского развития.

§ 25. Особенности социально-экономического и административно-политического развития Индии в период независимости

Особенности партийной системы Индии

Итогом пятидесятилетия независимого развития Индии стало образование легитимной политической системы при постоянном и неуклонном расширении ее массовой базы. О втягивании масс в политический процесс свидетельствует как восходящая динамика активности избирателей (доля участвующих в выборах превышает 60%), так и рост числа голосующих не за личность, а за конкретную политическую партию, снижение числа голосов за «независимых» кандидатов. Однако такое социальное явление, как политический абсентеизм, остается характерным для наименее развитых экономически штатов, где не завершен процесс классовообразования. Абсентеизм гораздо более характерен для жителей сельских районов, нежели городских.

В период независимости в Индии ускорился процесс формирования буржуазного компонента гражданского общества. Легитимность именно буржуазной политической системы в этой стране стабильно обеспечивалась растущей поддержкой голосующих за основные буржуазные партии. Совокупная доля голосов, поданных за буржуазные партии, колебалась от 66—67% до 76—78%. Неразвитость и нечеткость политических ориентиров небуржуазных групп населения предопределили последовательную ориентацию их на какую-либо общендийскую буржуазную партию. Так, значительная часть индийских рабочих традиционно поддерживает ИНК(И) и отдает ему свои голоса (за исключением выборов 1977 г., принесших массовую поддержку блоку Джаната).

Вместе с тем в Индии существует широкий спектр политических сил, ориентированных на небуржуазные категории общества (городских и сельскохозяйственных рабочих, маргинальных городских слоев, низших групп крестьянства): об этом свидетельствует наличие значительного числа партий мелкобуржуазного революционно-демократического типа, социалистического и коммунистического движений.

Партийная система Индии является по своей структуре и функциям одной из наиболее развитых и дифференцированных среди афро-азиатского мира. Однако, несмотря на высокий уровень развития, она не приобрела законченных форм, массовая политизация не исчерпала потенциальных возможностей развития вширь, а развиваясь вглубь, привела не к становлению политической культуры современного типа, а вместе с ней и гражданского общества, не к выкристаллизовыванию осознанных социально-классовых интересов различных страт индийского общества, но к «архаизации» политической жизни и взрыву традиционализма: проникновению элементов кастового, кланового, этноконфессионального сознания в функционирование системы современного политического представительства. Расширение состава участников политического процесса привело к тому, что социальные интересы отдельных групп стали выражаться не только через посредство собственно партий, но через кастовые ассоциации и федерации, этнолингвистические и племенные группировки. Огромную роль играет «конфессиональная» партийная система: все большие и малые религиозно-общинные группы имеют свое политическое представительство.

Процесс политизации индийского общества сопровождался институционализацией политических партий и регламентацией их деятельности государством. Так, с 1961 г. Избирательная комиссия стала издавать перед каждым выборами Кодекс поведения политических партий. В 1968 г. был установлен порядок резервирования и предоставления избирательных символов. В этом же году было запрещено финансирование политических партий частными компаниями. В 1985 г. этот запрет был снят, при условии публичной отчётности партий о своих финансовых поступлениях.

Закон 1985 г. (52-я поправка к конституции), оцениваемый как «конституционное признание политических партий» ввёл запрет членам парламента и легислатур штатов на выход из партии или переход в другую, а также самостоятельное голосование, без согласования этого вопроса со своей партийной фракцией.

Налицо тенденция к упорядочению отношений между отдельными составляющими единой партийно-политической системы, придания ей правового характера и устойчивости.

Для Индии на всём протяжении периода независимого развития было характерно деление партий на общеиндийские и региональные. Партии, получающие на парламентских выборах не менее 4% голосов избирателей не менее чем в четырёх штатах, официально признаются общеиндийскими, остальные считаются «штатовскими» и действуют, как правило, в рамках одного штата.

Динамика взаимодействия этих двух систем была различна. Если в первые десятилетия независимого развития региональные партии играли роль, соответствующую своему названию, то со второй половины 70-х годов они начинают оказывать все большее воздействие на формирование общеиндийской политики. Общеиндийские партии, чтобы добиться успеха на выборах, стремятся заручиться поддержкой региональных сил, которые становятся составной частью коалиционных правительств. Так, в Центральном парламенте (Народной палате) оказываются представленными группы, имеющие региональную базу поддержки (Телугу десам в Андхра-прадеш, Акали дал в Пенджабе). Региональные проблемы нередко приобретают общеиндийские масштабы и их разрешение подчиняется интересам партийной политики общенационального уровня.

Характерной чертой партийной системы Индии на первоначальных этапах независимого развития являлось преобладание ИНК над оппозиционными партиями на общеиндийском уровне — феномен, получивший название «однопартийное преобладание». ИНК(И) не только располагал существенным влиянием в массах, но и, в отличие от большинства оппозиционных партий, обладал организационными возможностями почти во всех штатах, имея там филиалы. В отличие от оппозиционных партий, представляющих отдельные (национальные, региональные, отраслевые) подразделения собственнических слоев, Конгресс, несмотря на все расколы и потери, сохраняет в себе представительство имущего класса в целом в общеиндийском масштабе. Если Конгресс обычно получал на общеиндийских парламентских выборах от 41 до 49% голосов избирателей (лишь в 1977 г. — 34%), то ни одна оппозиционная партия в отдельности не набирала более 11% (не считая Джаната парти в 1977 г.).

Первоначальное преобладание ИНК было обусловлено ее характером национального объединения, приведшего страну к независимости, затем ее приверженностью к курсу, обеспечивавшему растущую преобразовательную и регулирующую роль государства в вопросах социально-экономической стратегии и обеспечения единства и целостности страны.

Начальный период независимости характеризовался недостаточным развитием многопартийной системы, вернее таким очевидным преобладанием в ее рамках одной партии, что элемент соревновательности на выборах практически отсутствовал. Ни одна из оппозиционных партий, несмотря на оказываемое давление, не могла считаться альтернативной, т.е. соперничающей на равных и могущей одержать либо самостоятельную победу, либо в коалиции с другими силами как на уровне центра,

так и штатов. Между тем социально-классовая диверсификация общества в условиях парламентской демократии вела к развитию оппозиционных партий, к становлению сложной многопартийной системы, предполагавшей как функционирование партий общендийских, так и региональных.

Особенностью индийской политической жизни стало не только усиление роли региональных организаций, но и постепенное выделение крупнейшей оппозиционной партии из числа оппозиционных партий в конкретном штате и появлению в ряде штатов партий, способных соперничать с ИНК(И), т.е. альтернативных партий.

В результате возникла такая структура, при которой преобладание правящей общендийской партии в центре (ИНК(И)) сочеталось с системой альтернативных партий на уровне штатов, впоследствии альтернативная политическая структура сложилась и на уровне центра: ИНК(И) потерял монопольное право на формирование центральных властных органов.

Партийно-политическая система независимой Индии прошла два этапа своего развития. Первый этап начался с предоставлением Индии независимости и продолжался вплоть до конца 70-х годов. Это был период становления национальной государственности в форме парламентарной демократии и период крупных социально-экономических реформ, приведших к преобразованию колониальных структур, период доминирования в партийно-политической жизни крупнейшей безальтернативной партии — ИНК. Второй этап, начавшийся на рубеже 70-80-х годов, и продолжающийся в настоящее время, характеризовался функционированием сложносоставной многопартийной системы, в условиях общества со сложившейся в основных чертах капиталистической структурой. Этот период отличается появлением на политической арене новых партийных объединений, и исчезновением ряда организаций, игравших значительную роль в предыдущий период (Сватантры, Народно-социалистической и Объединенной социалистической партий — НСП и ОСП, ИНК(о) и ряда других). Он отмечен тенденцией к образованию блоковых коалиций, оппозиционных Конгрессу, и подрывом монополии ИНК(И) на власть (1977—1979 гг., 1989—1991 гг. были периодами нахождения у власти оппозиции; с 1996 г. Конгресс вновь потерял властные полномочия). При этом ни одна из существующих оппозиционных партий в отдельности не могла претендовать ни на положение общендийской альтернативной партии, ни на преобладание или реальное лидерство в общендийской коалиции оппозиционных партий.

**Эволюция
теории «индийского социализма»**

При усилении соревновательности партийно-политической системы, произошло значительное сокращение различий между позициями буржуазных партий по социально-экономическим вопросам, прежде всего по вопросам развития государственного сектора и аграрных реформ.

Теория «демократического социализма» («гандистского социализма», «индийского социализма») использовалась различными политическими силами Индии, что приводило к чрезвычайной пестроте ее идеологических модификаций. Однако общая эволюция «индийского социализма» отчетливо прослеживается как в программных документах партий, так и в деятельности государства в целом. С переходом страны от фазы капиталистической ориентации к этапу непосредственного капиталистического развития и с превращением Индии на рубеже 70-80-х годов в среднеразвитое капиталистическое государство начался постепенный отход руководства страны от ряда положений провозглашавшегося ранее популистского курса и переход к более последовательному проведению политики, направленной на формирование современной рыночной экономики, сопровождавшийся постепенной трансформацией концепции правящего класса в более реалистическое прагматичное буржуазно-реформистское русло. Отсюда вполне закономерным является снижение «социалистического» пафоса и перенесение смыслового ударения со слова «социализм» на его определения «демократический», «гандистский», «индийский». Если в начальный период независимости концепции общественного развития имели тенденцию к идеологизации, то с начала 80-х годов наблюдался обратный процесс — деидеологизации общественно-политической жизни Индии и усиления прагматических тенденций.

**Развитие
системы управления
Индией**

Сдвиги в партийно-политической жизни сопровождались развитием системы государственно-правового регулирования. За пять десятилетий конституция независимой Индии претерпела глубокие

изменения. Внесенные за этот период 65 поправок к основному тексту существенно видоизменили как структуру, так и реальное ее содержание. В десять приложений к конституции 30 раз вносились поправки, 320 раз изменялись статьи Основного закона. Свыше 40 статей было добавлено, около 20 — упразднено. Всего в конституцию было внесено более 400 изменений. Это свидетельствует о том, что развитие конституционных основ индийского государства происходило достаточно интенсивно, но при сохранении принципов преемственности и эволюционности.

В конституционном развитии Индии, так же как и в партийно-политическом, прослеживаются два крупных этапа. Первый начался с обретения независимости и продолжался до конца 70-х — начала 80-х годов, когда произошло складывание государственной и партийно-политических структур, соответствующих среднему уровню развития капитализма.

Важными конституционными изменениями, ознаменовавшими переход от одного этапа развития к другому, стали изменения, внесенные в институт права собственности, способствующие развитию эффективной рыночной экономики, уточнение компетенции высших органов государственной власти, институционализация политических партий, ликвидация наиболее авторитарных положений в отношениях центр — штаты, демократизация деятельности Верховного суда и ряд других.

Ведшаяся на протяжении всего периода независимого развития дискуссия о наиболее приемлемой форме правления для Индии — парламентской или президентской, находила свое практическое разрешение в постоянном усилении положения премьер-министра и его кабинета, в концентрации и централизации их реальных властных полномочий при сокращении функций и возможностей их осуществления президентом — явление, получившее название «премьер-министеризм» (по аналогии с «президентализмом»). Характерной чертой политической жизни Индии явилась тенденция к персонализации власти, а также к закреплению династийности. Из пяти десятилетий независимого развития почти сорок лет страной руководили представители семьи Неру-Ганди, а передача власти происходила от отца Джавахарлала Неру к дочери Индире Ганди и далее к ее сыну Радживу. Однако харизматичность государственных руководителей постепенно снижалась. Руководство Конгрессом и ныне принадлежит вдове Раджива — Соне Ганди, итальянке по происхождению.

Принятая в 1950 г. индийская конституция претерпела изменения в связи с эволюцией как социально-экономической структуры индийского общества, так и партийной системы. Эволюция конституции была тесно связана с особенностями развития политического режима, сочетающего в себе элементы парламентарного авторитаризма и буржуазной демократии. Целый ряд поправок свидетельствует о тенденции в сторону демократизации общества.

Одной из наиболее ярко выраженных черт и тенденций развития Основного закона Индии является стремление создать независимое, единое и прочное многонациональное государство. Стремление к суверенитету привело к введению в качестве государственного языка хинди в 1965 г., а также признанию полной

юридической равноценности текстов конституции на хинди и на английском языках в 1987 г. — ранее полноценным официальным текстом признавался лишь английский.

Важным добавлением стало внесение в преамбулу определения «неделимость» к слову «нация» (1976 г.). Конституционный термин «нация» трактует это понятие как форму общности всех населяющих страну национальностей и единство их государственных интересов.

В результате реформ 1956, 1960, 1962, 1971, 1975, 1987 гг. в основном была завершена реорганизация штатов на национально-территориальной основе. Реформа федеративной системы продемонстрировала способность политической системы к саморегулированию конституционными средствами, без вмешательства силовых структур.

Последовательная децентрализация управления в связи с постоянным реформированием федеративной системы вела к растущему несоответствию между централизованным однопартийным правлением и федеративным устройством, вносило противоречие в политическую систему. Нарастание авторитарных тенденций в правящей партии, усилившаяся практика введения в штатах чрезвычайного положения и роспуска законодательных собраний штатов, наступление на автономию штатов, достигшее пика в 1975—1977 годов (принятие в 1976 г. 42-й поправки к конституции, резко ограничившей их права и расширявшей возможности чрезвычайного положения), ускорили формирование локального национализма и отход от Конгресса значительной части электората. (С момента принятия конституции 1950 г. президентское правление вводилось 71 раз в 22 штатах — в Керале 9 раз, в Пенджабе — 7 раз, Ориссе и Уттар-прадеше — 6 раз). Рост региональных политических сил и падение влияния Конгресса в национальных штатах стали явной тенденцией развития политической системы Индии. Конгресс, в начале 50-х годов стоявший у власти во всех штатах, со второй половины 80-х годов стал оппозиционной партией практически в половине штатов страны.

Изменение политической линии становилось неизбежным. Усиление авторитарности в отношениях центр — штаты сменилось во второй половине 80-х годов попыткой мирного урегулирования отношений между центральным правительством и регионами. Примерами проявления этой тенденции явились соглашения по урегулированию конфликтных ситуаций в Пенджабе и Ассаме в 1985 г., в Западной Бенгалии, Мизораме и Трипуре в 1988 г. В результате этого к власти, в противовес сепаратистам, приходили умеренные силы, выступавшие за единство страны.

На протяжении периода независимого развития развивалась, при всех издержках чрезвычайных положений, устойчивая тенденция к увеличению числа субъектов Индийской федерации, начиная с создания союзных территорий и последующего преобразования их в штаты. Так, создание союзных территорий Мизорам и Аруначал-прадеш и предоставления им статуса штатов помогло достичь компромисса с сепаратистскими силами в этих регионах и тем самым ослабить там социальную напряженность. Незавершенность этнообразующих процессов в Индии и начавшийся период их бурного развития означает для Индии перспективную реорганизацию ряда штатов с изменением их границ, переход отдельных союзных территорий в ранг штатов, а также образования новых союзных территорий. Это позволяет выделить в качестве доминирующей тенденции развития политической системы Индии движение в сторону становления демократического режима, основанного на принципах федеративности и политического полицентризма.

§ 26. Пакистан. Становление пакистанской государственности

Образование Пакистана и первые годы независимости	15 августа 1947 г. на территории Южной Азии было провозглашено образование нового независимого государства — доминиона Пакистана, первым генерал-губернатором которого стал лидер Мусульманской лиги и руководитель движения за создание Пакистана Мухаммед Али Джинна.

Религиозно-общинный принцип, положенный в основу раздела Британской Индии, привел к тому, что в состав Пакистана были включены территориально разобщенные области субконтинента с численным преобладанием мусульманского населения, разделенные 1600 км индийской территории: на северо-западе — Западный Пенджаб, Синд, Северо-Западная пограничная провинция, Белуджистан — Западный Пакистан; на северо-востоке — Восточная Бенгалия и округ Силхет провинции Ассам — Восточный Пакистан.

Важнейшими факторами, обусловившими политическое развитие страны были общая социально-экономическая и культурная отсталость, относительная слабость современного сектора экономики, устойчивость традиционных социальных и политических структур, отсутствие четкой социальной стратификации, низкий уровень политического самосознания населения и слабая подключенность масс к участию в общественной жизни, огромное влияние патриархальных и религиозных представлений во всех сферах

жизни государства. Пакистан отличался этнической неоднородностью населения, а также значительными различиями в уровнях социально-экономического и политического развития отдельных регионов, где партийно-политические системы находились на разных уровнях становления. В составе государства были с одной стороны, Белуджистан и Северо-западная пограничная провинция с архаичными политическими структурами, основанными не на приверженности общей политической и идеологической платформе, а на принадлежности к племени, роду или клану, с другой стороны, — Восточная Бенгалия с ее давними традициями функционирования развитой политической системы, сложившейся еще во времена колониального господства.

Важной особенностью политического развития Пакистана был значительный удельный вес в общественной жизни религиозно-общинных партий и группировок, выдвигавших лозунги исламизации государства.

В условиях незаконченности процессов классовобразования большинство политических партий представляли собой аморфные союзы разнородных социальных сил, что обуславливало неустойчивость и противоречивость их позиций, фракционизм, дробление партий, не способствовало установлению стабильной гражданской власти, а в конечном итоге вело к выдвижению на передний план политической жизни Пакистана армейского руководства как силы, способной сementировать разнородное и разноуровневое пакистанское общество.

До 1954 г. в политической жизни страны господствовала старейшая организация, с начала XX в. отстаивавшая интересы южно-азиатских мусульман, — Мусульманская лига. Однако в результате усиления фракционной борьбы в этой организации в конце 40-х — начале 50-х годов, а также в силу нерешенности основных проблем Пакистана и необходимости поиска альтернативных путей развития страны стали возникать первые оппозиционные буржуазно-демократические партии: Авами лиг (Народная партия), Азад Пакистан (Свободный Пакистан) и др. Серьезные противоречия между политическими силами страны проявились в связи с обсуждением различных проектов конституции Пакистана.

16 октября 1951 г. был убит премьер-министр Пакистана Лиакат Али-хан, а его пост занял восточнобенгальский политический деятель Ходжа Назимуддин. Обострившаяся борьба за власть привела к отставке его правительства, а политическое противоборство лидеров Западного и Восточного Пакистана имело следствием формирование партийно-политических систем, тяготеющих соответственно к двум разным центрам. Так, в 1953 г. был создан

Объединенный фронт оппозиционных партий Восточного Пакистана, нанеший сокрушительное поражение Мусульманской лиге на выборах в марте 1954 г. в Законодательное собрание Восточного Пакистана. Для сохранения власти правящие круги, связанные с западнопакистанской буржуазией, ввели в Восточном Пакистане чрезвычайное положение, вскоре распространенное на всю страну. Было распущено Учредительное собрание Пакистана. Выборы во второе Учредительное собрание состоялись в июне 1955 г., а в августе было сформировано коалиционное правительство Мусульманской лиги — Объединенного фронта.

29 февраля 1956 г. Учредительное собрание приняло конституцию, согласно которой 23 марта 1956 г. доминион Пакистан был провозглашен республикой.

Первая конституция Пакистана

До принятия первой конституции 1956 г. общественно-политическая жизнь Пакистана развивалась на основе Акта об управлении Индией 1935 г. и Закона о независимости Индии 1947 г.: во главе государства стоял генерал-губернатор, а функции парламента выполняло Учредительное собрание, состоявшее из депутатов бывшего индийского парламента, созданного в 1946 г., принадлежавших в основном партии Мусульманская лига. Принятая в 1956 г. конституция Пакистана, установила федеративный принцип государственного устройства страны. Пакистан объявлялся федеративной республикой, состоящей из двух провинций — Западный Пакистан и Восточный Пакистан.

Пакистанская федерация имела ряд особенностей: как и в Индии она основывалась на парламентской форме правления, но Национальное собрание было однопалатным. Принцип равного представительства от обеих провинций (при соотношении населения в пользу Восточной провинции — 50,8 млн. по сравнению с 42,9 млн. человек в Западной) закладывал основы приоритетности развития Западного Пакистана. Главой государства Пакистан, согласно конституции, являлся президент, избиравшийся коллегией выборщиков, состоявшей из членов Национального и провинциальных законодательных собраний, сроком на 5 лет. Исполнительная власть принадлежала кабинету министров, несшему ответственность перед Национальным собранием.

Главами исполнительной власти в провинциях были назначаемые президентом губернаторы. Провинциальные законодательные собрания избирались на 5 лет и были также однопалатными. Конституция 1956 г. действовала всего 30 месяцев. Коалиционное правительство Мусульманской Лиги — Объединенного фронта смени-

лось в сентябре 1956 г. коалиционным правительством Авами лиг — Республиканской партии во главе с Х.Ш.Сухраварди. В ноябре 1956 г. в Западном Пакистане в результате объединения шести партий возникла Национальная партия, которая в июле 1957 г. слилась с левым крылом Авами лиг в единую Национальную народную партию (ННП). Усиливавшаяся борьба партийных группировок привела в октябре 1957 — октябре 1958 г. к серии правительственных кризисов: ушедший в отставку кабинет Х.Ш.Сухраварди сменило коалиционное правительство И.И.Чундригара, которому, в свою очередь, на смену пришло правительство Республиканской партии во главе с М.Ф.Нуном.

Военный переворот 1958 г и мероприятия военных властей

Нестабильность и слабость гражданских правительств привели к тому, что 8 октября 1958 г. в Пакистане произошел военный переворот, в результате которого к власти пришла армия во главе с генералом М.Айюб-ханом. Центральное и провинциальные правительства были смещены, законодательные органы власти распущены, деятельность политических партий запрещена. Была отменена конституция 1956 г. и упразднен пост премьер-министра. В течение трех с половиной лет в Пакистане действовал военный режим с централизованной системой управления. Вся полнота власти оказалась сосредоточенной в руках верхушки вооруженных сил. Главный военный администратор М.Айюб-хан издавал распоряжения, имевшие силу закона, поскольку не существовало выборных законодательных органов. Распоряжения военной администрации были обязательны для всех органов гражданской власти. Для разбора дел, связанных с нарушением военного положения, были созданы военные суды. Представители армии заняли практически все высшие гражданские посты. М.Айюб-хан в качестве президента страны (с 1960 г.) возглавил всю исполнительную власть (наряду с законодательной и судебной).

Военный режим поначалу носил сугубо репрессивный характер: был введен запрет на митинги, демонстрации, забастовки, цензура на печать, произведены аресты руководителей демократических партий и общественных организаций, за нарушение распоряжений военной администрации предусматривались суровые наказания, вплоть до смертной казни. Однако с начала 60-х годов власти стали проводить более гибкую политику, частично легализовав партийно-политическую жизнь в стране. Новое правительство стало проводить чрезвычайные, рассчитанные на быструю отдачу мероприятия по стабилизации экономического положения, повело борьбу с контрабандой и спекуляцией, установило государственный контроль

над ценами. Курс на форсированное развитие капитализма коснулся не только промышленности, но и сельского хозяйства. Аграрная реформа, ограничившая размеры помещичьего землевладения, и последовавшие затем мероприятия по улучшению технической базы сельскохозяйственного производства способствовали капитализации аграрного сектора экономики и расширяли социальную базу режима. Политика в области промышленности, внешней торговли и системы налогообложения создала благоприятные условия для развития национального производства и обеспечила поддержку властям со стороны торгово-предпринимательских слоев преимущественно Западного Пакистана. (Меры, предпринятые для ликвидации экономической отсталости Восточного Пакистана, были недостаточны и не ликвидировали его неравноправного положения). Важное значение для эффективного функционирования административно-политической системы имело введение в октябре 1959 г. единой по всей стране пятиступенчатой системы органов местного самоуправления.

Однако мероприятия властей затронули лишь верхние слои населения. За годы военного режима не произошло существенных изменений к лучшему в положении основных масс населения Пакистана, что, наряду с политическим бесправием, было причиной роста недовольства властями. Растущие требования демократизации сочетались с развитием национального движения в Восточном Пакистане.

**Конституция
Пакистана
1962 г. Пакистан в 60-е годы**

1 марта 1962 г. была провозглашена вторая конституция Пакистана, согласно которой при сохранении федеративной структуры изменялась форма правления: Пакистан становился президентской республикой. Президент наделялся

исключительными законодательными и исполнительными полномочиями по сравнению с Национальным собранием. Положение конституции о референдуме как средстве решения конфликтов между президентом и парламентом также умаляло роль верховного законодательного органа. Провинциальная система управления строилась аналогичным образом: во главе каждой из провинций находился губернатор, назначаемый президентом. Он созывал и распускал провинциальное собрание, назначал главного министра, членов провинциального правительства.

Национальное собрание оставалось однопалатным. Конституция 1962 г. не изменила правового положения провинций — сохранялась их зависимость от центра и равное представительство. В соответствии с конституцией в апреле 1962 г. состоялись

выборы в парламент (Национальное собрание), а в мае — в провинциальные законодательные собрания. На первом заседании Национального собрания было объявлено об отмене военного положения и запрета на деятельность политических партий. Возобновила свою деятельность Мусульманская лига, ставшая правящей партией (с декабря 1963 г. ее возглавил президент М.Айюб-хан). Из нее выделилась группировка, руководимая Ходжой Назимуддином и Сардаром Бахадур-ханом, впоследствии смененными М.М.Даултаной и А.Кайюм-ханом, составившая Оппозиционную Мусульманскую лигу.

Широкую популярность обрели Авами лиг во главе с Шейхом Муджибур Рахманом и Национальная народная партия (ННП) во главе с Г.Б.Бизенджо, А.Х.Бхашани, А.Вали-ханом, Музаффар Ахмадом и М.Х.Усмани. (В 1967 г. группировка А.Х.Бхашани образует самостоятельную партию). Активизировалась деятельность религиозно-общинных партий Джамаат-и ислами и Низам-и ислам.

В конце 1964 — начале 1965 г. возник блок пяти крупнейших оппозиционных партий — ННП, Авами лиг, Оппозиционной мусульманской лиги, Джамаат-и ислами, Низам-и ислам — с целью нанесения поражения на предстоящих выборах правительству М.Айюб-хана. Общей платформой этих разнородных сил стало требование парламентской демократии. Религиозно-общинные партии добились внесения в предвыборный манифест требования о включении в конституцию ряда исламских положений (это требование оказалось реализованным: провозглашенное конституцией официальное название государства — республика Пакистан — было изменено на Исламская республика Пакистан). Кандидатом на этот пост президента от оппозиции была выдвинута Фатима Джинна, сестра Мухаммеда Али Джинны.

Выборы президента страны состоялись 2 января 1965 г.: им вновь стал М.Айюб-хан, а в марте и в мае коллегия выборщиков избрала членов Национального собрания и законодательных собраний провинций. Правящая мусульманская лига получила большинство мест во всех трех законодательных органах и сформировала центральное и оба провинциальных правительства. В сентябре 1965 г. в стране было введено чрезвычайное положение в связи с вооруженным конфликтом с Индией, вызванным обострением кашмирского вопроса. Волна репрессий вновь обрушилась на представителей оппозиционных партий. Авторитарный характер государственной власти способствовал разворачиванию движения за демократизацию страны, замену президентской формы правления парламентской, введение всеобщих прямых выборов, изменение

административно-политической системы и реорганизации ее на национально-лингвистической основе.

В Западном Пакистане выдвигалось требование замены единой провинции четырьмя, созданными по лингвистическому принципу — Пенджаб, Синд, Северо-западная пограничная провинция (СЗПП) и Белуджистан. Борьба западнопакистанцев увенчалась успехом.

В Восточном Пакистане развернулась борьба за экономическое и политическое равноправие провинций. Ущемление интересов восточной провинции Пакистана проявлялось во всех сферах экономической и общественно-политической жизни страны, включая неравноправное представительство в государственном аппарате (менее 10%), полиции, вооруженных силах. Дискриминационный характер носила языковая политика пакистанского правительства в отношении населения Восточной Бенгалии. Хотя большая часть населения страны говорила на бенгали (54,6%) и лишь 7,2% — на урду, до 1954 г. государственным языком на всей территории Пакистана был урду. В 1954 г. в результате борьбы восточнопакистанцев за языковое равноправие бенгали был признан вторым официальным языком страны, однако все ключевые посты в управлении и экономике Восточной Бенгалии оставались в руках западных пакистанцев, говорящих на урду.

Целям политической консолидации государства отвечала политика, направленная на создание общепакистанского национализма на базе ислама, однако региональный национализм оказывался более стойким явлением. Сложившееся неравенство обусловило формирование в стране партий и организаций, отстаивающих права бенгальцев на провинциальную автономию: Восточнопакистанской мусульманской народной лиги (с 1955 г. — Народной лиги — «Авами лиг»), Рабоче-крестьянской партии («Кришак шрамик парти») и ряда других. К 1964 г. был создан Координационный комитет действия оппозиционных партий во главе с крупнейшей организацией, отражавшей идеи бенгальского национализма, — «Авами лиг». Генеральным секретарем партии и лидером движения за самоопределение Восточной Бенгалии стал с 1963 г. Шейх Муджибур Рахман.

Если до середины 60-х годов борьба восточнобенгальцев велась за расширение национальных прав, то во второй половине 60-х годов она переросла в движение за предоставление Восточному Пакистану полной региональной самостоятельности. В 1967 г. в стране была создана Партия пакистанского народа (ППН) во главе с З.А.Бхутто, который после отставки с поста министра иностранных дел в 1966 г. перешел в оппозицию к правительству М.Айюб-хана.

причин политического кризиса в Пакистане 1969 г. и прихода к власти генерала А.М.Яхья-хана, введшего в стране военное положение. Генерал А.М.Яхья-хан возглавил администрацию по осуществлению военного положения и взял на себя обязанности президента страны.

В 1970 г. была разрешена деятельность политических партий и проведены парламентские выборы. В них приняли участие 22 политические партии, из которых наиболее массовыми и влиятельными были Авами лиг, Партия пакистанского народа, Национальная народная партия, Всепакистанская мусульманская лига. Победу одержала восточнобенгальская партия Авами лиг, завоевавшая 160 из 162 мест, отведенных Восточному Пакистану в Национальном собрании (при общей его численности в 350 депутатов), а также абсолютное большинство мест в провинциальном Законодательном собрании (288 из 300). В Западной провинции победила Партия пакистанского народа во главе с З.А.Бхутто. Авами лиг стала единственной партией большинства, а ее лидер Муджибур Рахман получил право на формирование правительства как в восточной провинции, так и в центре. Он потребовал передачи власти избранному большинству депутатов Национального собрания и закрепления в конституции права Восточной Бенгалии на региональную автономию. Отказ Яхья-хана выполнить это требование послужил причиной начала кампании гражданского неповиновения властям, охватившей территорию Восточного Пакистана. Руководство кампанией неповиновения взяла на себя Авами лиг.

В ночь с 25 на 26 марта 1971 г. по приказу военной администрации Муджибур Рахман был арестован, а деятельность Авами лиг запрещена. В Восточную Бенгалию были переброшены войска, вступившие в боевые действия с вооруженными отрядами восточнобенгальцев — «мукти бахини». Гражданская война приняла бурный и кровопролитный характер. Движение восточнобенгальцев за провинциальную автономию переросло в вооруженную борьбу за полное отделение Восточной Бенгалии от Пакистана и создание независимого государства Бангладеш. Отличительной чертой этого движения в противоположность другим автономистским движениям в южно-азиатском регионе являлось то, что в Пакистане автономию требовало не национальное меньшинство, а абсолютное большинство населения. В нем выделяются четыре основные фазы: 1) 1947—1958 — борьба в условиях действия парламентского режима за конституционное

признание бенгальского языка и предоставление бенгальцам больших политических и экономических прав; 2) 1958—1969 — борьба в период правления М.Айюб-хана за региональную автономию, являвшаяся составной частью общепакистанского движения за демократизацию общественно-политической жизни страны; 3) 1969- март 1971 — борьба за региональную автономию политическими средствами, в рамках предвыборной и избирательной кампаний; 4) март 1971 — вооруженная борьба за самоопределение как ответная акция на военно-репрессивные меры центрального правительства.

26 марта 1971 г. гражданская война закончилась победой восточных бенгальцев и провозглашением суверенной республики Бангладеш. Большую роль в этом сыграли действия индийской армии. Создание нового независимого государства было поддержано ООН и мировым сообществом. Оно видоизменило карту Южной Азии и внесло существенные изменения как в геополитическую ситуацию в регионе, так и в дальнейшее развитие Пакистана.

§ 27. Пакистан после образования Бангладеш

**Пакистан в
период прези-
дентства
З.А.Бхутто**

20 декабря 1971 г. генерал А.М.Яхья-хан ушел в отставку, передав власть З.А.Бхутто, лидеру Партии пакистанского народа, одержавшей победу на выборах 1970 г. в провинции Западный Пакистан.

1971 г. положил начало новому этапу в истории Пакистана: 1) после многолетнего периода военных режимов М.Айюб-хана (1958—1969) и А.М.Яхья-хана (1969—1971) власть была передана гражданской администрации; 2) страна продолжала свое развитие в измененных географических границах; 3) произошла перегруппировка партийно-политических сил, результатом которой стало лидерство в политической жизни и выдвижение на политическую авансцену Партии пакистанского народа, предложившей стране как новую программу социально-экономических преобразований («программа из 21 пункта»), так и ее идеологическое обоснование.

Опыт социально-политического развития Пакистана в 1958—1971 гг. показал неспособность авторитарных режимов решить жизненно важные для страны проблемы, как экономического, так и национального характера. Серьезными факторами, содействовавшими кризису власти были узость социальной базы военных администраций, глубокие разногласия и рост фракционной борьбы как внутри правящей партии Мусульманская лига, так и в среде высшего

командного состава вооруженных сил, находившихся на ключевых постах во всех звеньях государственного аппарата. Важнейшей составной частью политического кризиса стала проявившаяся к концу 60-х годов несостоятельность идеологической концепции, на которой строилась пакистанская государственность: одна религия — одна нация. Политика репрессий в отношении национальных и демократических движений, а также развитие бенгальского национализма обнаружила иллюзорность лозунга мусульманского единства, приоритетность этнического начала в этноконфессиональном симбиозе. Неслучайным стал кризис таких старинных партий мусульманского коммунизма, как Мусульманская лига, и появление принципиально новых политических групп.

Придя к власти, ППН в начале 70-х годов осуществила ряд насущных социально-экономических и политических преобразований, отвечавших потребностям капиталистического развития страны и модернизации социальной структуры общества. Общая стратегия экономического развития предполагала создание значительного по масштабам государственного сектора, принятие антимонополистического законодательства, национализацию страховых компаний, частных банков, экспортной торговли хлопком, введение государственного планирования, реформу трудового законодательства, аграрную реформу, значительно снижавшую «потолок» землевладения. Она существенным образом отличалась от курса военной администрации, нацеленного на приоритетное развитие частного сектора при предоставлении привилегий крупному капиталу. Иным стал и внешнеполитический курс: Пакистан вышел из СЕАТО и Британского содружества наций, нормализовал отношения с Индией (Симлское соглашение 1972 г.), признал Народную Республику Бангладеш, расширил свои международные связи, включая развитие отношений с СССР.

ППН провозгласила три основополагающих принципа своей деятельности: «Ислам — наша вера; демократия — наша форма правления; социализм — наша экономика». Им соответствовала «программа из 21 пункта», предусматривавшая ряд мероприятий, направленных на демократизацию пакистанского общества.

Мощным средством социальной интеграции в руках ППН был ислам, имевший статус государственной религии Пакистана. Усиление пропаганды исламской идеологии отражало стремление не только к обеспечению прочного положения среди традиционно ориентированного мусульманского населения, но и к развитию связей с мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока.

С самого начала своей деятельности ППН активно использовала социалистические лозунги, объявляя «построение социализма»

главной своей целью. В программе ППН указывалось, что «требование социалистических преобразований не противоречит принципам ислама». Концепция «исламского социализма» стала важнейшей составной частью идеологической платформы ППН, обеспечив ей поддержку самых различных слоев пакистанского общества. Социальная широта имела и оборотную сторону: она готовила благодатную почву для внутренней нестабильности и фракционности. Лидер ППН З.А.Бхутто подчеркивал преемственную связь с национальными лидерами Пакистана старшего поколения, приписывая идею «исламского социализма» создателям пакистанской государственности М.А.Джинне и Лиакат Али-хану.

**Конституция
Пакистана
1973 г.**

Важной акцией для упрочения позиций новых властей было принятие в августе 1973 г. новой (третьей) конституции, разработанной идеологами правящей партии. Согласно конституции 1973 г., Па-

кистан объявлялся парламентской федеративной республикой. Ислам был провозглашен государственной религией страны, что нашло отражение в ее официальном названии — Исламская Республика Пакистан. Среди исламских положений, содержащихся в тексте конституции, наиболее значимыми представляются статьи о необходимости соответствия законов страны исламским установлениям и об обязательности мусульманского вероисповедания президентом и премьер-министром.

Конституция установила всеобщие прямые тайные выборы законодательных органов власти по мажоритарной системе относительного большинства при 18-летнем возрастном цензе избирателей. Пассивное избирательное право связывалось с более высоким возрастным цензом (депутатом нижней палаты парламента — Национального собрания мог быть гражданин, достигший 25 лет, членом верхней палаты — Сената — не моложе 30 лет).

Главой государства объявлялся президент, избираемый тайным голосованием на совместном заседании обеих палат парламента. Им мог стать только мусульманин не моложе 45 лет. Срок полномочий президента был определен в 5 лет. Президент наделялся полномочиями по назначению на многие высшие посты государственной власти, созыву сессий парламента, введению чрезвычайного положения, правом помилования и т.п. Однако в осуществлении своих полномочий он должен был действовать по совету премьер-министра, носившего обязательный характер. Указы президента должны были подписываться премьер-министром.

В отличие от конституции 1956 г. и от традиционной политической практики пакистанского общества, глава пакистанского го-

сударства не назначал премьер-министра и членов правительства, не являлся главнокомандующим вооруженными силами страны, не обладал правом отлагательного вето по отношению к законопроектам парламента.

Парламент, состоящий из двух палат: нижней (Национальное собрание) и верхней (Сенат) становился высшим Законодательным органом Пакистана. В Национальном собрании провинции (Пенджаб, Синд, Северо-Западная пограничная провинция, Белуджистан), столичный округ Исламабад и управляемые центром районы племен представлялись пропорционально численности населения, в сенате — поровну. Национальное собрание состояло из 200 депутатов, избранных населением страны сроком на 5 лет, сенат — из 63 членов со сроком полномочий — четыре года при обновлении половины сенаторов каждые два года.

Высшая исполнительная власть сосредотачивалась в руках правительства во главе с премьер-министром, который должен был быть мусульманином, членом нижней палаты, лидером фракции большинства в парламенте. Правительство несло коллективную ответственность перед Национальным собранием и автоматически уходило в отставку в случае отставки или смещения премьер-министра, если Национальное собрание большинством голосов выразит ему недоверие.

Согласно конституции, исполнительная власть правительства распространялась на все вопросы, по которым парламент мог издавать законы. Правительство наделялось значительными полномочиями в период чрезвычайного положения, командовало вооруженными силами и осуществляло над ними контроль.

Премьер-министр объявлялся председателем Национального экономического совета — высшего экономического органа страны, вырабатывающего планы хозяйственного развития Пакистана. Он также должен был возглавлять Национальный совет развития сельских районов, а также Совет общих интересов, призванный координировать отношения между центральной и провинциальными властями.

Пакистан объявлялся федерацией, состоящей из четырех провинций (Пенджаб, Синд, Северо-западная пограничная провинция, Белуджистан), столичной территории Исламабад, и расположенных на северо-западе, вдоль границы с Афганистаном, так называемых районов племен, управляемых из центра. Структура власти в провинциях повторяла схему управления на уровне центра: высшим должностным лицом в провинции был губернатор, назначаемый президентом, высшим органом законодательной власти — законодательное собрание, избираемое сроком на пять лет

и избирающее из числа своих членов главного министра, назначающего членов провинциального правительства.

В 1973 г. был издан указ президента «Об ответственности за антинациональную деятельность», объявлявший сепаратизм и регионализм нарушением федеральных законов, а к числу элементов антигосударственной деятельности относивший «поддержку идеи о наличии в Пакистане более одной нации».

Поправка к действовавшему с 1962 г. закону о политических партиях наделяло федеральное правительство правом запрещать создание и деятельность политических партий, чьи цели признавались опасными для суверенитета и единства Пакистана.

Падение правительства З.А.Бхутто	Реформа административного аппарата позволила правящей партии усилить свой контроль над госаппаратом. Закон «О наказании за проявление неуважения к конституции», а также серия законов, жестко регламентирующих взаимоотношения правящей партии с оппозиционными силами, с одной стороны, и с пакистанской армией, с другой наряду с рядом смещений и новых назначений на командные должности, укрепили позиции администрации З.А.Бхутто.

ППН добилась успеха на выборах в сенат в июле 1979 г., получив 30 из 45 мест. В Национальном собрании ППН располагала 2/3 мест и пользовалась поддержкой Всепакистанской Мусульманской лиги.

С 1972 г. усилился переход в ППН членов других партий: Пакистанской демократической партии, Техрик-и истиклал, белуджистанской организации Рабоче-крестьянской партии, Революционной группировки Национальной народной партии, а позднее и самой ННП, Джамиат-ул-улама-и Пакистан. Переход носил не единичный, а массовый характер.

Одновременно внутри ППН стали возникать фракционные группы, недовольные проводимой З.А.Бхутто политикой. Одной из первых фракционных групп, выступивших с критикой линии З.А.Бхутто, стала так называемая «прогрессивная группа» ППН во главе с Ахмад Раза-ханом Касури, обвинившим руководство ППН в отходе от предвыборной программы. Сторонники группировки Мухтара Раны и Мохаммеда Рашида активно выступили против любой формы признания Бангладеш, негативно оценивая внешнеполитический курс З.А.Бхутто в целом. С ними солидаризировалась группа деятелей ППН во главе с министром здравоохранения Шейхом Мохаммедом Рашидом. Против ратификации соглашения с Индией в Симле и за отстранение

З.А.Бхутто от руководства выступали депутаты ППН в Законодательном собрании Абдул Малик-хан и Рао Хуршид Али. Серьезные разногласия проявились в партийном руководстве на местах. «Несогласие с линией руководства» стало причиной выхода из ППН многих прежних ее активных деятелей.

Фракционные настроения в ППН послужили причиной чистки рядов партии, проводимой в ходе кампании по ее реорганизации. Вопрос и приеме новых членов в ППН ставился под непосредственный контроль руководства. К концу 1976 г. завершилась продолжавшаяся несколько месяцев общенациональная кампания по перерегистрации старых и приему новых членов ППН. Вместе с тем, за 10 лет существования ППН в ней ни разу не были проведены выборы руководящих партийных органов.

В начале января 1977 г. было официально объявлено о проведении всеобщих выборов: 7 марта 1977 г. в Национальное собрание, 10 марта — в Законодательные собрания провинций. Предвыборный манифест ППН носил умеренный характер по сравнению с манифестом 1970 г. ППН объявляла о приверженности принципу смешанной экономики и сбалансированного развития государственного и частного секторов, обещая в ближайшие пять лет увеличение национального производства на 50%. Усиливался акцент на укрепление исламской идеологии в связи с приходом в ППН выходцев из Мусульманской лиги и других религиозно-ориентированных партий.

ППН противостоял блок 9 оппозиционных партий — Пакистанский национальный альянс (ПНА), созданный накануне выборов из партий, входивших в состав Объединенного демократического фронта, а также Техрик-и истиклал и Национальной демократической партии. В блоке преобладали право-коммуналистские силы, что определило характер их предвыборного манифеста: создание благоприятного климата для развития частного капитала, денационализация, возвращение к прежней внешнеполитической ориентации. Выборы принесли победу ППН, получившей 155 мест (77,5%) из 200 в Национальном собрании.

ПНА бойкотировал выборы в законодательные собрания провинций на основании заявления о фальсификации выборов в парламент правящей партией и организовал кампанию гражданского неповиновения во многих крупных городах, вылившуюся в массовые беспорядки, дезорганизовавшие нормальную жизнь страны. Переговорный процесс между ПНА и ППН о проведении новых парламентских выборов зашел в тупик.

**Пакистан в
период военного
режима М.Зия
уль-Хака**

В условиях резкого усиления политической неустойчивости 5 июля 1977 г. в стране произошел военный переворот и в третий раз был установлен военный режим во главе с М.Зия уль-Хаком. ППН была подвергнута репрессиям. Значительная часть ее руководящего состава была посажена в тюрьмы, а лидер партии З.А.Бхутто казнен 4 апреля 1979 г. по обвинению в антигосударственной деятельности.

Установление в Пакистане военного режима М.Зия уль-Хака существенно изменило внутренний и внешнеполитический курс страны. Гражданское правительство было отстранено от власти и заменено вновь военной администрацией, ограничившей деятельность буржуазно-демократических институтов и внесшей значительные перемены в экономическую и социальную политику. Частному капиталу был возвращен ряд ранее национализированных предприятий, разрешены частные капиталовложения в те отрасли, которые ранее были зарезервированы за государственным сектором.

В стране вводилось чрезвычайное положение, территория делилась на 5 зон, во главе которых были поставлены высшие армейские офицеры. Были созданы трибуналы.

Зия уль-Хак мотивировал свою деятельность как направленную на восстановление в стране демократии: вскоре были освобождены политические заключенные, разрешена политическая деятельность, назначены новые парламентские выборы. Однако вскоре было объявлено об отсрочке парламентских выборов на неопределенный срок, а ряд высших руководителей ПНП вновь подверглись аресту и были преданы суду по обвинению в присвоении государственных средств и злоупотреблении служебным положением.

Действия военных властей по преследованию лидеров ППН вызвали перегруппировку сил, как внутри Пакистанского национального альянса (ПНА), так и среди леводемократических сил. Партия Техрик-и истиклал, возглавляемая Асгар Ханом вышла из альянса, охарактеризовав его как «реакционную группировку». Восемь политических партий и групп левой ориентации, в том числе Пакистанская социалистическая партия, Пакистанская рабочая партия, Пакистанская народная демократическая партия, объединились в рамках Народного демократического союза, выступившего с требованием коренных радикальных преобразований в промышленности и сельском хозяйстве, а также за выход Пакистана из военного блока СЕНТО.

Постепенно М.Зия уль-Хак сосредоточил в своих руках всю полноту власти: 13 сентября 1978 г. он стал президентом страны, сохранив за собой пост Главного военного администратора.

Основной своей целью новый военный режим провозгласил создание в Пакистане подлинного исламского порядка — «низам и ислам», объявив деятельность З.А.Бхутто как антиисламскую, несмотря на использование исламских лозунгов. Вину ему вменялось проведение курса на «секуляризацию» политики, на создание системы, в которой экономические проблемы больше, чем религиозные, должны определять динамику политического курса. Политика «полной исламизации» общества и «создание исламской политической структуры, проводимая военными при привлечении религиозно-общинных партий и верхушки улемов трактовалась как путь к установлению в Пакистане «общества всеобщего благоденствия и равенства». Были введены традиционные телесные наказания (публичная порка, ампутация кисти руки за кражу и др.), создан федеральный шариатский суд, определявший соответствие принимаемых законов Корану и сунне, восстановлена система курiales выборов по конфессиональному признаку, изменены учебные программы с целью пропаганды ислама, проведены меры по «исламизации экономики», введение беспроцентного кредита, традиционных исламских налогов и др. Исламскому идеологическому совету было поручено готовить проекты и рекомендации для превращения Пакистана в «идеальное мусульманское государство». В марте 1982 г. он представил президенту предварительный вариант «новой системы правления и выборов на исламских принципах», основывающийся на президентской форме правления в сочетании с консультативными органами, контролируемые исполнительной властью. Новая система правления предполагала конституционное закрепление политической роли армии и конституционные гарантии ее особого положения в пакистанском обществе, а также создание при президенте Высшего командного совета в составе ряда министерств и начальников штабов родов вооруженных сил с полномочиями верховного консультативного органа и политическими функциями.

В целях расширения социальной базы военного режима, была предпринята попытка создания «гражданского правительства» с привлечением ряда деятелей из исламских партий. В состав первого «гражданского правительства», созданного в июне 1978 г., кроме военных были введены представители Пакистанского Национального альянса от Мусульманской лиги, дополненные впоследствии членами других партий ПНА, Джамаат-и ислами, Джамиат-ул-улама-и ислам, Пакистанской демократической партии.

24 марта 1981 г. был обнародован Временный конституционный закон, кардинально изменивший многие положения конституции 1973 г. Закон закрепил неограниченную власть президента,

ограничив Федеральный консультативный совет и кабинет министров совещательными функциями. Многие положения закона облегчили президенту чистку госаппарата, борьбу с политической оппозицией. Хотя закон предусматривал возможность возобновления ограниченной деятельности ряда партий, сотрудничавших с военным режимом, запрет на их политическую деятельность в 1982 г. был продлен.

В январе 1982 г. был сформирован Федеральный консультативный совет, заменивший упраздненное Национальное собрание. В 1985 г. генерал Зия уль-Хака кардинально изменил конституцию, наделив себя как президента исключительными правами: назначать и смещать премьер-министра, командующего сухопутными силами и старших членов Верховного суда. Этот шаг Зия уль-Хака позволил ему также распустить законодательный орган. Последовавший в результате этого переход от парламентской системы правления к президентской, основанной на возглавляемой президентом исполнительной власти, привел к возникновению в дальнейшем конфликтных ситуаций между президентом и премьер-министром.

Военный режим стремился поддерживать контакт с лидерами мусульманских фундаменталистских партий. В 1982 г. произошло воссоединение двух мусульманских лиг в Объединенную Мусульманскую лигу, лидеры которой предложили М.Зия уль-Хаку пост председателя этой партии.

Несмотря на существовавший запрет на оппозиционную политическую деятельность, ППН удалось сохранить свое влияние в стране и организовать «движение за восстановление демократии», выдвинувшее четыре требования: немедленной отмены военного положения и передачи власти временному правительству; восстановления конституции 1973 г.; отмены цензуры печати; освобождения политических заключенных. ППН была поддержана Пакистанской национальной партией, Национальной прогрессивной партией, Пакистанской народной демократической партией, Рабоче-крестьянской партией, Техрик-и истиклал и рядом других.

**Пакистан в
конце 80-90-е
годы**

В 1988 г. во внутривнутриполитической жизни Пакистана произошли крупные изменения. После 11 лет правления режима генерала М.Зия-уль-Хака страна вернулась к гражданскому демократическому правлению.

К власти пришло правительство ППН. Премьер-министром стала Беназир Бхутто, дочь З.А.Бхутта, казненного в 1979 г. Выборы состоялись через четыре месяца после гибели М.Зия уль-Хака в

авиационной катастрофе в августе 1988 г. Согласившись с результатами выборов и созданием гражданского правительства, военные вместе с правомусульманскими партиями сохранили сильные позиции в административном аппарате, верхней палате парламента, власть в провинции Пенджаб. Их ставленником являлся президент Гулам Исхак Хан. В этих условиях правительство Б.Бхутто фактически не обладало свободой действий: приходилось учитывать позиции армейского командования, сохранялось особое положение военных спецслужб. Используя напряженную внутреннюю ситуацию и обострение отношений с Индией из-за кашмирского вопроса, президент Пакистана в начале августа 1990 г. распустил парламент, объявив чрезвычайное положение и отстранил правительство Б.Бхутто, обвинив его в недееспособности, коррупции и других злоупотреблениях. Были расформированы и провинциальные правительства, состоявшие из членов ППН. Проводилась чистка в правительственных учреждениях.

В «президентском перевороте» активно участвовала армия, несмотря на стремление новых властей опровергнуть сообщения о ее роли в августовских событиях.

В апреле 1993 г. Гулам Исхак Хан сместил нового премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа, лидера партии Мусульманская лига. На этот раз он также обвинил правительство в коррупции, семейственности, плохом управлении. Несмотря на то, что действия президента были предприняты в строгом соответствии с конституцией, они расценивались как еще один «конституционный переворот», свидетельствующий о том, что этот феномен становится прочной составной частью политического процесса в Пакистане. Как и в 1990 г. причиной смещения стали стремление к введению поправки к конституции, лишавшей президента особых прав смещать премьер-министра, и попытки конституционно ограничить роль армии в политическом процессе. На смену чисто военным режимам на рубеже 80-90-х годов пришло жесткое президентское правление, гражданское по форме, но обеспеченное прочной поддержкой армейских сил. Новый приход к власти Б.Бхутто не нарушил общей тенденции к авторитаризму.

В ноябре 1996 г. президент Сардар Фарук Ахмед Легари распустил Национальную ассамблею и отправил в отставку правительство Б.Бхутто. На выборах в начале 1997 г. победу одержала Пакистанская мусульманская лига. Возглавил правительство Наваз Шариф. Пребывание его кабинета у власти было отмечено нестабильностью. Нерешенность ряда социально-экономических и политических проблем, противоборство политических партий выливалось в периодические столкновения на межэтнической

и религиозно-общинной основе, произошло новое обострение отношений с Индией в результате проведенных обоими государствами ядерных испытаний и с новой силой вспыхнувшего противостояния по кашмирской проблеме.

Осенью 1999 г. в Пакистане вновь произошел военный переворот и власть перешла к армейскому командованию во главе с генералом Первезом Мушаррафом.

Особенности политического развития Пакистана	В истории Пакистана выделяются ряд периодов в зависимости от режимов управления. Первый период (1947—1958), в течение которого предпринимались попытки создания парламентарной демократии, выявил нехватку соответствующих политических институтов и кадров, необходимых для функционирования такой системы. Второй период (1958—1968) продемонстрировал возможности прямого военного режима. Третий период (1969—1971) явился переходным к смешанному правлению, когда под контролем военной администрации были подготовлены и состоялись всеобщие выборы. Он закончился тотальным политическим кризисом, приведшим не только к перегруппировке политических сил и смене военного режима на гражданский, но и к расколу пакистанской государственности и образованию на месте Восточного Пакистана самостоятельного независимого государства Бангладеш. Четвертый период (1971—1977) представляет собой возвращение на новом витке развития к попыткам создания парламентарной демократии в рамках изменившихся государственных границ. Пятый период (1977—1988) во многом повторил второй, характеризовался жесткой авторитарностью военного режима управления, опиравшегося на авторитет Корана и подчинившего общественно-политическую жизнь страны принципам шариата. Шестой период (1988—1999) вернул страну к гражданскому демократическому правлению, которое было вскоре прервано «президентским переворотом» с участием армии и знаменовало переход к смешанным формам правления, при переплетении военных и гражданских институтов власти. Начавшийся процесс демократизации пакистанского общества и стабилизации гражданских институтов власти не носил необратимого характера: военный переворот осенью 1999 г. обозначил начало нового витка в истории этого государства.

Функционирование политической системы Пакистана обнаруживает закономерность чередования у власти гражданских и военных режимов — нестабильность и недолговременность обоих свидетельствуют об отсутствии надежного стабилизирующего механизма в пакистанской политической системе, не сумевшей

обеспечить поступательного политического развития. Наличие глубоких противоречий социально-экономического и идеологического характера, некомпетентность и неспособность сменявшихся правительств разрешить кризисные ситуации, слабость и аморфность политических партий, не имеющих развитой структуры и влияния на общество — характерные черты политической ситуации в стране.

События последних лет демонстрируют тенденции не к противоборству двух альтернативных моделей политического развития — военной и гражданской, но к их взаимному сближению и заимствованию друг у друга целого ряда черт. В результате гражданские режимы обретают авторитарный характер и тяготеют к централизованным президентским формам правления, а военные режимы пытаются обрести «гражданский» фасад и обеспечить себе легитимность за счет привлечения к администрации гражданских чиновников и политиков, руками которых проводится разрабатываемый военными курс.

Динамика политического развития Пакистана обуславливалась борьбой за власть между различными группами элиты, сторонниками ускоренной капиталистической модернизации и вестернизации, с одной стороны, и традиционными консервативными ортодоксальными силами, с другой. Противоборство концепций экономического развития за счет привнесения западной технологии через неокOLONIAЛИСТИЧЕСКИЕ союзы, военные и политические пакты при ориентации на западные образцы общественного устройства и традиционалистских концепций, переплетаясь с противостоянием светской концепции «государства для индийских мусульман» и теократической концепции «исламского государства», обостряли борьбу за власть различных социальных, религиозных, этнических группировок.

Вопрос об отношении к исламу имел огромное значение для развития политической системы страны. Он сыграл ключевую роль в формировании Пакистана; и пакистанский национализм всегда был основан на исламе, определяемом как государственная идеология. Взяв ислам за политическую основу пакистанской государственности, создатели Пакистана, тем не менее, избрали изначально для страны светскую форму власти. Проблема заключалась в том, чтобы найти оптимальную форму модернизации ислама, устанавливающую связь между традициями пакистанского общества и потребностями современного капиталистического развития, а также обеспечивающую сохранение и поддержание объединения различных этнонациональных групп на основе религиозной общности. Из всех попыток такого рода программа З.А.Бхутто была наиболее продуманной и последовательной, но и она потерпела крах.

Концепция теократического исламского государства последовательно завоевывала позиции. Конституции 1956 и 1973 гг. уже содержали в себе термин «исламская республика», а конституция 1985 г. стала венцом приведения в соответствие норм и законов гражданского общества с положениями Корана и сунны.

Значительное воздействие на политическую ситуацию оказывало и противоборство различных этнонациональных региональных групп, связанных с Западным Пакистаном, с одной стороны, и Восточным Пакистаном, с другой. Непреодоленность этнической дезинтеграции и нерешенность национального вопроса даже после образования Бангладеш вели к ослаблению связей между провинциями и углублению политического хаоса в стране. Периодические перемены в руководящей роли отдельных этнических групп западных областей (наибольшим политическим и экономическим влиянием обладал Пенджаб, за ним Синд) в свою очередь вели к кризису государственного единства. Развитие Пенджаба и Синда за счет остальных провинций послужило причиной концентрации власти в руках представителей элитарных слоев этих двух провинций, углубило разобщенность и затруднило процесс интеграции.

Важным фактором, оказывающим дезинтегрирующее влияние на пакистанское общество, явилась изначально сформировавшаяся устойчивая антииндийская позиция. Установка на конфронтацию с Индией приводила к отчуждению Пакистана как от общеиндийского прошлого, так и от современных интеграционных процессов в Южной Азии, обуславливало его участие в военных блоках, стремление к «реваншу» и достижению военного равенства с Индией. Это автоматически приводило к концентрации усилий, направленных на развитие армии и военных секторов экономики, выдвижению военных на ключевые государственные посты.

Напряженность отношений с Индией и вооруженные конфликты с ней, возложение на армию гражданскими правительствами ответственности за сохранение единства страны, закона и порядка, общая убежденность общества в том, что армия является гарантом политической стабильности, слабость политических партий и противоречия между ними, монолитность армии и ее сравнительно однородный в этническом отношении состав (преобладание пенджабцев и пуштунов), легкость в установлении контроля над гражданскими политическими институтами представляют собой далеко не полный перечень постоянно действующих факторов, обеспечивающих реальную возможность для армии оказываться у власти прямо или косвенно в критические для страны моменты, представляя себя цементирующей силой пакистанского общества,

берущей на себя ответственность за сохранение государственного единства.

Общественно-политическая жизнь Пакистана характеризуется острой конфронтацией политических сил, неразвитостью гражданских политических институтов, отсутствием юридически обоснованных, общепризнанных методов разрешения конфликтных ситуаций в политике и установившейся вследствие этого практикой использования всех возможных средств удержания власти, включая неконституционные. Произвольное обращение с конституционными положениями, бесчисленные изменения, причем кардинального характера, вносимые в законодательство без соответствующей санкции ответственных за это органов власти, приводят к отсутствию в обществе традиции и практики легитимной модели политического поведения, к политической нестабильности и взрывоопасности.

§ 28. Бангладеш

**Образование
народной
республики
Бангладеш**

Народная Республика Бангладеш была образована в качестве самостоятельного государства в 1971 г. в результате выхода из состава Пакистана Восточной Бенгалии, представлявшей собой его восточную провинцию. Дискриминационная политика пришедшей к власти в Пакистане партии Мусульманская лига в отношении Восточной Бенгалии вызвала сопротивление, переросшее в национально-освободительное движение за создание независимого суверенного государства под руководством партии Авами лиг (Народная лига).

В своем развитии национально-освободительное движение восточных бенгальцев прошло несколько этапов: от требований экономического и политического равноправия, через борьбу за региональную автономию к вооруженной борьбе за независимость под лозунгом национального единства бенгальцев в противовес пропаганде мусульманской общности населения Западного и Восточного Пакистана. История становления государственности Бангладеш полна драматических событий, кровопролитных переворотов, чередований гражданского и военного правлений.

Первым конституционным актом страны, принятым еще во время борьбы за независимость, стала Прокламация независимости от 26 марта 1971 г., вошедшая потом составной частью в Декларацию независимости, провозгласившую создание на территории Восточного Пакистана Народной Республики Бангладеш. Президентом республики и главнокомандующим всеми вооруженными силами

страны объявлялся лидер Авами лиг Муджибур Рахман, в руках которого сосредоточилась вся исполнительная и законодательная власть. Сроки пребывания президента на своем посту, полномочия главы правительства, назначаемого им, порядок проведения парламентских выборов в декларации не оговаривались. Было образовано Временное правительство во главе с Таджуддином Ахмедом, призванное играть роль «военного кабинета», направляющего и координирующего борьбу за освобождение. Характерной особенностью формирующихся органов государства была их тесная связь с партией Авами лиг.

В сентябре 1971 г. был образован Национальный освободительный фронт (НОФ) в составе Авами лиг, Коммунистической партии Бангладеш, Национальной народной партии и Национального Конгресса, представлявшего интересы индусов. Параллельно действовал и Координационный комитет, объединивший около десяти политических партий и организаций. Армейские силы республики складывались из двух частей: регулярных войск (бывших восточно-бенгальских частей пакистанской армии) «мукти фоудж» и партизанских отрядов «мукти бахини», состоявших из самых различных слоев бенгальского общества. По мере освобождения ими восточно-бенгальских территорий от западно-пакистанских войск функции органов государственного управления на местах брали на себя партийные комитеты Авами лиг. К концу 1971 г. правительство Бангладеш осуществляло контроль над всей территорией страны. В этом немалую роль сыграли индийские войска, принимавшие участие в ликвидации очагов сопротивления некапитулировавших подразделений пакистанской армии и мятежных групп, а также содействовавшие нормализации экономической жизни Бангладеш. 12 января 1972 г. правительство издало декрет о временной конституции, утвержденной Национальным собранием Бангладеш 10 апреля 1972 г.

Временная конституция предусматривала (в отличие от Декларации независимости) парламентскую форму правления и наделяла премьер-министра широкими полномочиями в законодательной и исполнительной областях. В принятии парламентской формы правления сказались как стремление отмежеваться от авторитарного режима Айюб-хана — Яхья-хана в президентской республике Пакистан, так и учет опыта 30-летнего демократического развития соседней парламентарной республики Индия.

Временная конституция определила структуру органов государства. Главой государства становился лидер партии большинства в парламенте. Им стал Муджибур Рахман. Президента, главу государства, назначал кабинет министров. Он призван был действовать

в соответствии с рекомендациями премьер-министра. 1971—1972 годы стали периодом становления национальной государственности Бангладеш, государственной власти национальной бенгальской буржуазии в союзе со средними слоями общества, включая «профессиональные» группы, служащих, творческую интеллигенцию, мелких и средних торговцев и т.п., осуществлявшейся первоначально в условиях буржуазно-демократического режима при опоре на наиболее массовую партию Восточной Бенгалии — Авами лиг.

В этот период была разработана стратегия социально-экономического развития, включавшая программы национализации ключевых отраслей экономики страны, в том числе банков и страховых компаний, джутовой, хлопчатобумажной, сахарной и ряда других отраслей промышленности, большей части водного транспорта и внешней торговли при приоритетном развитии государственного сектора. Предполагалось проведение аграрной реформы с целью перераспределения земли и урегулирования системы раздела урожая. Был создан специальный конституционный комитет под руководством министра юстиции и по парламентским делам М.А. Чоудхури и при участии Шейха Муджибур Рахмана для разработки постоянно действующей конституции. Проект конституции во многом был ориентирован на индийский образец и основывался на «Программе из шести пунктов» партии Авами лиг, сформулированной Рахманом еще в 1967 г. на конференции оппозиционных партий в Лахоре. В некоторых частях проект новой конституции дословно повторял соответствующие положения конституции Индии. Помимо Индии, на государственное право Бангладеш оказала воздействие английская система права, а частично сохранилось влияние и государственного права Пакистана.

Основные положения конституции 1972 г.	4 ноября 1972 г. Национальное собрание большинством голосов приняло конституцию Народной Республики Бангладеш. Впоследствии к ней были добавлены многочисленные поправки и дополнения, существеннейшим образом изменившие ее характер. Преамбула, носившая декларативный характер и не имевшая юридической силы, провозглашала в качестве основной цели государства «построение демократическим путем социалистического государства» и утверждала четыре главных принципа бангладешского общества: национализм, социализм, демократию и секуляризм. Национализм определялся как «основа единства и солидарности бенгальского народа», цементирующее и основополагающее начало бенгальского общества. Ставшее традиционным для политических лидеров Южной Азии стремление к использованию понятия «социализм»

не миновало и бангладешских руководителей. Идеологи правящей партии Авами лиг вкладывали в него собственное содержание. Закрепление в конституции положений о «создании основ социализма в экономике», о «построении демократического социализма», о «постепенном вживании в социализм демократическими средствами» означало, что государство берет на себя обязательства по достижению экономической, социальной и политической справедливости для граждан республики. Под демократией понималась «гарантия основных прав и обязанностей граждан и эффективное участие народа в управлении страной». Провозглашение в качестве четвертого принципа построения бангладешского общества секуляризма отражало стремление покончить с коммунализмом, дискриминацией по конфессиональному признаку, отделить религию от политики. Декларативность этого принципа проявилась в том, что несмотря на объявление Бангладеш светским государством и отсутствие в тексте конституции слов «ислам» и «мусульманский», эта религия продолжала сохранять определяющие позиции в общественно-политической жизни страны, являясь негласным мерилom ценностей (поправка к конституции, принятая в мае 1976 г., отменит принцип секуляризма и провозгласит Бангладеш исламским государством). Четыре основных принципа государственной политики вошли в историю под названием «принципов муджибизма» и закрепили отождествление интересов государства и правящей партии во главе с Муджибур Рахманом.

**Складывание
многопартий-
ной системы**

Конституция Бангладеш устанавливала многопартийную систему организации общества. К моменту ее принятия в стране насчитывалось более 30 политических партий и группировок, однако реаль-

ное влияние на общественно-политическую жизнь страны оказывали лишь некоторые из них. Бесспорно и однозначно доминирующей партией восточно-бенгальского общества была Авами лиг, члены которой занимали все ведущие государственные и административные посты. Рабочий комитет Авами лиг контролировал деятельность правительства, сформированного в свою очередь из руководящих деятелей партии. Сращивание государственного и партийного аппарата было почти полным.

Второй наиболее влиятельной партией в стране являлась Национальная народная партия (ННП), расколотая на две самостоятельные организации с единым названием. ННП во главе с Музаффар Ахмедом выступала за союз демократических сил страны и вошла в 1973 г. наряду с Коммунистической партией Бангладеш, достаточно влиятельной в бенгальском обществе, в коалицию трех веду-

щих партий страны — Авами лиг, ННП и КПБ, получившую название Фронт национального единства (ФНЕ). ФНЕ был создан «для обеспечения в стране законности и порядка, борьбы за эффективность производства, чистки государственного аппарата от коррупционеров, борьбы со спекуляцией и контрабандой, военным и экономическим саботажем противников нового режима». Однако существование ФНЕ оказалось недолгим: коалиционность и в будущем не стала отличительной чертой Бангладеш. ННП во главе с А.Х.Бхашани представляла собой экстремистскую организацию, выступавшую за свержение правительства М.Рахмана и создание исламизированной государственности в Бангладеш. В оппозиции к М.Рахману стояла и Национальная социалистическая партия под председательством М.А.Джалила, пропагандировавшая вооруженную борьбу за социализм.

Многopатийная система Бангладеш была пестрой, рыхлой, раздробленной и разнородной с отсутствием традиций создания прочных и долговременно действующих коалиций конструктивных национальных сил, способных обеспечить стабильность, правопорядок и приверженность демократизму. Она изобиловала группами, деятельность которых была направлена на "нестабилизацию политической обстановки при отсутствии четко сформулированной альтернативы. Создание ФНЕ не изменило сложной политической ситуации. Тяжелое экономическое положение в одной из самых бедных стран мира было осложнено послевоенной разрухой, грабежами, политическими убийствами и террором, многочисленными актами промышленного саботажа, контрабандой, диверсиями. Коррупция и nepoтизм глубоко укоренились в правящей Авами лиг, действовавшей независимо от администрации и вопреки нормам законодательства. Оппозиционные партии перешли в открытое наступление и организовывали массовые кампании неповиновения. Страна оказалась на грани политического кризиса.

Бангладеш в период чрезвычайного положения	В 1973 г. была принята вторая поправка к конституции, дававшая президенту право введения в стране чрезвычайного положения, сроки действия которого не устанавливались. В апреле 1974 г. был принят закон о контроле над печатью, партиями, союзами и другими общественными организациями, включая профсоюзные объединения. Все это законодательно закрепляло тенденцию к усилению исполнительной власти в лице главы правительства, вело к установлению единовластия. 28 декабря 1974 г. президент республики Мохаммедулла объявил о введении на всей территории страны чрезвычайного положения.

Задача обеспечения законности и порядка возлагалась на армию, полицию, силы безопасности. Временно приостанавливалось действие конституции в отношении осуществления основных гражданских прав населения, бралась под запрет деятельность политических партий.

В условиях действия чрезвычайного положения Национальное собрание 25 января 1975 г. приняло четвертую поправку к конституции, устанавливавшую в Бангладеш однопартийную систему и вводящую президентское правление. Все политические партии и организации распускались и вместо них формировалась единая общенациональная партия, в которую обязывались вступить все члены парламента, государственные служащие и военные. Эта партия получила название Крестьянско-рабочая народная лига (Бангладеш кришак срамик авами лиг), сокращенно БАКСАЛ. Организационная структура новой партии в корне должна была отличаться как от бывшей правящей, так и от оппозиционных партий. Она обладала строгой централизацией и дисциплиной. Устав предусматривал создание при партии пяти массовых общественных организаций — крестьянской, рабочей, молодежной, студенческой и женской, призванных осуществлять контроль и жесткую регламентацию общественной жизни страны, необходимые для преодоления тяжелого экономического и политического кризиса. Генеральным секретарем партии стал премьер-министр Мансур Али, а Муджибур Рахман занял пост президента республики. Однопартийная система в Бангладеш явилась результатом политики правящей группировки, нацеленной на упрочение личной власти и установления режима личной диктатуры.

Введение президентской формы правления открывало неограниченные возможности для нового президента страны. Конституция после внесения поправок предусматривала исключительную ответственность президента в области обороны, внешних отношений, правосудия и превращала парламент в орган, всецело подчиненный президентским структурам власти. Президент наделялся правом абсолютного вето и мог распускать парламент на неопределенный срок. Как высшее должностное лицо государства, президент становился не только над государственными институтами, но и над руководящими органами БАКСАЛ, всецело единолично формируя политику государства. Предпринятые конституционные изменения, диктуемые безудержным стремлением к личной власти, поставили Муджибур Рахмана в исключительное положение и оттолкнули от него даже вчерашних ближайших сподвижников.

Бангладеш в период военных переворотов и правления армии Августовские события 1975 г. доказали это. 15 августа 1975 г. в стране был произведен военный переворот группой молодых офицеров бангладешской армии в целях «борьбы с коррупцией, демагогией и неэффективностью правящих кругов». После переворота на пост президента страны было назначено гражданское лицо — бывший министр внутренней и внешней торговли Кхандакер Муштак Ахмед, взявший на себя функции главного военного администратора; закреплялись старые формы государственного правления: конституция была сохранена, а парламент оставался нераспущенным. Новые власти объявили о приверженности четырем руководящим принципам государства (национализм, социализм, демократия, секуляризм). В то же время запрещалась всякая политическая деятельность, включая образование новых политических партий. Партия БАКСАЛ подлежала роспуску.

Однако отсутствие единства в среде военных обусловила неустойчивый характер власти К.М.Ахмеда. В ноябре 1975 г. в Бангладеш была осуществлена серия переворотов, отражавших борьбу за власть внутри армейских структур, в результате которых в стране была установлена полностью военная диктатура. Период с августа по ноябрь 1975 г. представляет кровавую страницу в истории Бангладеш, связанную с физическим уничтожением значительной части крупнейших политических деятелей страны. Р.Рахман и все члены его семьи (за исключением дочери Хасины Вазед, ставшей впоследствии лидером возрожденной партии Бангладеш Авами лиг) погибли, равно как и его ближайшие соратники и члены правительства.

Приход к власти военных в ноябре 1975 г. повлек за собой значительные изменения в государственно-политической жизни страны. Если после августовского переворота военные сохранили существовавшие гражданские формы государственного управления страной, то после ноября 1975 г. политическая власть полностью перешла в руки армии. Парламент был распущен, кабинет министров заменен на Консультативный совет при президенте, должность главного военного администратора, введенная в августе 1975 г., передана начальнику штаба армии. Президентские полномочия К.М.Ахмеда были переданы главному судье Верховного суда С.М.Сайему, вице-президент и министры отстранены от должностей. Все руководящие посты в государстве заняли военные. Политические решения принимал Военный совет при главном военном администраторе, состоявший из начальников штабов трех родов войск.

Окончательный переход власти к армии произошел 29 ноября 1976 г., когда указом президента полномочия главного военного администратора были переданы генералу Зиаур Рахману. Конституционное оформление режима военной диктатуры заняло еще несколько месяцев. В апреле 1977 г. в результате отставки С.М. Сайема президентом Бангладеш был объявлен Зиаур Рахман, в руках которого оказалась сосредоточенной вся исполнительная и законодательная власть. Конституционное развитие страны осуществлялось в виде декретов президента, единолично принимавшего поправки к конституции, действие ряда статей которой было приостановлено на неопределенный срок (например, статьи о выборах президента, о партиях, о сроках чрезвычайного положения).

Главными задачами военного режима объявлялись поддержание законности и порядка в стране и реорганизация экономики. Президент предпринял реорганизацию административного деления страны: она была разделена на военные зоны и округа под началом Контрольных центров, призванных бороться с коррупцией и бандитизмом по законам военного положения. Реформа административного аппарата страны была нацелена на уменьшение немотивированно раздутых штатов и экономии средств на содержание государственных чиновников. В целях утверждения законности и порядка был издан ряд указов президента, предусматривавших суровые кары за любое выступление против режима и администрации. Поправки к конституции 1976—1977 гг. изменили характер государственной власти в Бангладеш: принцип секуляризма был заменен принципом «абсолютной верности исламу». Менялась и экономическая стратегия государства: был взят курс на развитие частного сектора, денационализацию ведущих отраслей промышленности, всемерное привлечение иностранного капитала.

Возрождение партий и борьба против военного режима В июле 1976 г. было принято постановление о партиях, согласно которому регламентировались условия воссоздания и деятельности политических партий Бангладеш. Для ведения легальной деятельности партии должны были предоставить властям устав, программу, предвыборный манифест и список организаций, выступающих с данной партией в коалиции. К концу ноября 1976 г. с заявками к военной администрации обратилось около 60 партий и группировок, из которых 21 получила официальное разрешение на деятельность.

Бывшая правящая партия Авами лиг возобновила свою деятельность под названием Бангладеш Авами лиг. Главным требованием возрожденной партии стало возвращение власти гражданским ин-

ститутам и демократизация общественной жизни страны. Сходные задачи ставили перед собой практически все зарегистрированные партии: Демократическая лига (К.М.Ахмед), Национальная народная партия (Музаффар Ахмед), Народная лига (Алим-аль-Рази), Трудовая партия Бангладеш (Абдул Матин), Мусульманская лига (А.Сабур Хан), Национальная народная партия (М.А.Османи), Исламская демократическая партия (Сиддик Ахмед), Национальная социалистическая партия (М.А.Авдал), Национальная лига (А.Бегум). Получила разрешение возобновить свою деятельность и Коммунистическая партия Бангладеш.

В феврале 1978 г. Зиаур Рахман объявил о создании Националистической демократической партии (ДЖАГОДАЛ), целью которой провозглашалось содействие выполнению президентской программы «19 пунктов» по преодолению экономического кризиса. Партия была создана для поддержания кандидатуры Зиаур Рахмана на президентских выборах, назначенных на июль 1978 г. Зиаур Рахман в целях придания легитимного характера установленному им режиму внес изменения в законодательство, запрещавшие участие в политической жизни лицам, находящимся на действительной военной службе. В соответствии со своим указом он ушел с должности начальника штаба армии и выдвинул свою кандидатуру на пост президента. При этом он сохранил приверженность президентской форме правления, при которой одно лицо одновременно исполняет функции главы государства и главы правительства.

ДЖАГОДАЛ была поддержана пятью политическими партиями (одна из фракций Мусульманской лиги, Национальная народная партия М.Рахмана, Объединенная народная партия, Трудовая партия, Федерация низших каст), объединившимися в Националистический фронт. НФ был распущен сразу же после выборов, а составлявшие его силы влились в Националистическую партию во главе с Зиаур Рахманом.

3 июля 1978 г. состоялись президентские выборы, принесшие победу Зиаур Рахману. За него проголосовало более 3/4 избирателей. Основным соперником З.Рахмана (всего претендентов было девять) стал кандидат от Объединенного демократического фронта (ОДФ) М.А.Г.Османи, генерал в отставке. ОДФ был образован накануне выборов из народной лиги, ННП М.Ахмада, Национальной партии народа, Лиги народной свободы и Бангладешской народной лиги при поддержке Коммунистической партии Бангладеш.

Предполагалась дальнейшая постепенная передача власти гражданским институтам: президент объявил о проведении 27 января 1979 г. выборов в Национальное собрание. Парламентские выборы

1979 г. принесли победу Националистической партии Зиаур Рахмана, завоевавшей 207 из 300 мест в парламенте. 39 мандатов получила Авами лиг, 8 — Национальная социалистическая партия, 1 — Национальная народная партия М.Ахмада, 20 — коалиционный блок Мусульманской лиги и Исламской демократической лиги. Смягчение чрезвычайного положения проявилось не только в плане проведения парламентских выборов и снятия ограничений на деятельность политических партий, но и в освобождении политических заключенных и обещании отмены военного режима.

Зиаур Рахман предложил программу экономического развития, названную им «мирной индустриальной революцией» на базе осуществления мероприятий по поднятию сельскохозяйственного производственного уровня, ликвидации неграмотности и сокращению прироста населения. Ее осуществление привело к некоторому оживлению экономической жизни страны, но общая несбалансированность экономики, зависимость от иностранной помощи, нищета и отсутствие реальной перспективы выхода из создавшегося положения способствовали в условиях легализации партийной системы разворачиванию широкого оппозиционного общественно-политического движения. В антиправительственной кампании приняли участие самые разнородные силы: буржуазно-националистические партии, религиозно-общинные группировки, левозэкстремистские силы, армейские круги, недовольные гражданской направленностью политики Зиаур Рахмана.

Видное место в движении, направленном на свержение режима З.Рахмана, заняла партия Бангладеш Авами лиг, руководимая дочерью М. Рахмана Хасиной Вазед. Действуя под лозунгами реабилитации имени Муджибур Рахмана и претворения в жизнь четырех государственных принципов «муджибизма», Авами лиг ставила своей основной задачей возвращение к власти. Резко возросло влияние религиозно-общинных партий, выступавших за дальнейшую исламизацию Бангладеш. Среди них наиболее многочисленными были Джамаат-и-ислами и Исламская демократическая лига. Демократический фронт, составленный из пяти левозэкстремистских группировок во главе с М.Тоха, и Демократическая лига (К.М.Ахмед) выступали за немедленное свержение правительства и проведение досрочных президентских и парламентских выборов. Лишь Компартия Бангладеш и Национальная народная партия, критикуя авторитарное правление З.Рахмана, не призывали к его смене.

Нарастал конфликт с администрацией З.Рахмана и в армейской среде, считавшей деятельность президента предательской в отношении поддерживавшей его поначалу армии. Кульминацией этого противостояния стало убийство Зиаур Рахмана 30 мая 1981 г.

в Читтагонге мятежными воинскими частями. Временно исполняющим обязанности президента, а также председателем националистической партии стал вице-президент Бангладеш Абдус Саттар. В стране было введено чрезвычайное положение при сохранении деятельности политических партий. Началась подготовка к президентским выборам. В предвыборной кампании НПБ, выдвинувшая своим кандидатом Абдус Саттара, выступала под лозунгом преемственности политики президента Зиаур Рахмана. В преддверии президентских выборов политические партии стали группироваться, объединяться в союзы, однако ни один из них не оказался конструктивным и прочным. Всего было зарегистрировано 83 претендента на пост президента при официально зарегистрированных 60 политических партиях. Из них избирательная комиссия отвергла 11 кандидатур. В результате внеочередных президентских выборов 1981 г. пост президента занял Абдус Саттар, сформировавший правительство, не пользовавшееся доверием армии.

Бангладеш в период военного режима
Х.М.Эршада

24 марта 1982 г., через четыре месяца после приведения к присяге президента А.Саттара, в Бангладеш вновь был совершен военный переворот, введено военное положение, запрещена политическая деятельность. Глава военной администрации генерал-лейтенант Х.М.Эршад принял на себя неограниченные полномочия по управлению государством. Создавалась сеть военных судов и трибуналов для «искоренения коррупции, преступности и наведения порядка в стране». Глава военной администрации сформировал Консультативный совет, который стал исполнять функции кабинета министров. Он состоял преимущественно из военных. Главным военным администратором Х.М.Эршадом был назначен на пост президента бывший главный судья Верховного суда Бангладеш Абдул Ф.М.А.Чоудхури, присягнувший на верность военному режиму. Новый военный переворот отличался от предыдущих тщательной подготовкой и участием в его осуществлении всех вооруженных сил. Мотивируя совершенный армией переворот, Х.М.Эршад заявил, что «введение военного положения в стране было продиктовано стремлением избежать полного развала экономики, покончить с неэффективной деятельностью гражданской администрации и разгулом коррупции на всех уровнях власти, восстановить законность и порядок и сохранить национальную независимость и суверенитет Бангладеш». В марте 1983 г. Х.М.Эршад провозгласил программу деятельности своей администрации в социально-экономической области, получившую название «программа из 18 пунктов». Эта

программа носила такой же общий декларативный характер, как и «программа из 19 пунктов» Зиаур Рахмана и по многим положениям перекликалась с ней. В новой программе были сохранены задачи преимущественного развития сельского хозяйства, достижения самообеспечения продовольствием, контроля над ростом населения. В нее были внесены популистские лозунги — «равное распределение национального богатства», «сокращение разрыва между богатыми и бедными», «проведение аграрных преобразований, обеспечивающих справедливость в жизни крестьянства». Демагогический и пропагандистский характер программы обнаружился при первых же попытках ее осуществления. Важнейшее место в деятельности правительства Х.М.Эршада занимали мероприятия по исламизации страны и превращению ислама в идеологическую основу режима. Попытки исламизации системы образования вызвали массовое недовольство в среде студенчества, ставшего активной силой, противостоящей военному режиму. Студенческие выступления явились отличительной чертой политической жизни Бангладеш во второй половине 80-х годов.

После переворота политические партии страны заняли выжидательную позицию по отношению к военному режиму, постепенно группируясь в оппозиционные блоки: союз 15 партий, альянс 7 партий и блок 10 партий. Союз 15 партий возглавлялся Авами лиг, альянс 7 партий — Националистической партией, блок 10 партий объединял мусульманские силы. Наиболее решительную борьбу против военного режима повели две крупнейшие партии страны — Авами лиг и Националистическая партия. Основной формой противостояния властям стал хартал — всеобщая забастовка. Серия харталов практически парализовала всю деловую и экономическую жизнь страны. Их участники требовали отмены военного положения и назначения парламентских и президентских выборов.

Стремясь создать политический противовес оппозиции, военные власти предприняли шаги по созданию под эгидой армии политической партии Джанадал (Народная партия), одновременно перетягивая на свою сторону отдельных политических деятелей оппозиции и партии в целом с целью расширить социальную базу режима и внести раскол в ряды оппозиции. Партия отстаивала идею об особой, решающей роли армии в управлении государством и провозглашала в качестве своих основных принципов «национализм, идеалы и ценности ислама, демократию и прогресс».

Х.М.Эршад занял в декабре 1983 г. пост президента. Консолидируя власть в стране, он предложил оппозиционным политическим партиям провести диалог по вопросам, связанным с перехо-

дом к демократическим формам правления. Однако первые же встречи представителей военной администрации с руководителями политических партий показали, что власти не намерены удовлетворить основные требования оппозиции: отменить военное положение и провести парламентские выборы ранее, чем президентские. Парламентские выборы были назначены на 6 апреля 1985 г., а военное положение было обещано отменить на первой сессии вновь избранного парламента.

Отношение оппозиционных сил, не добившихся удовлетворения своего главного требования — об отмене военного положения до проведения голосования, к уступкам военной администрации было неоднозначным. Однако после упорной внутренней борьбы оба блока (союз 15 партий и альянс 7 партий), а также большая часть других политических партий страны высказались за бойкот парламентских выборов. Принятое решение круто изменило развитие политической обстановки в Бангладеш. 1 марта 1985 г. Х.М.Эршад отреагировал на него объявлением о восстановлении в стране в полном объеме законов военного положения. Вновь была запрещена политическая и профсоюзная деятельность, введена цензура печати, восстановлена деятельность военных судов и трибуналов, закрыты на неопределенное время все шесть университетов страны. Крупнейшие политические деятели были подвергнуты тюремному заключению, а лидеры Авами лиг и Националистической партии — Хасина Вазед и Халеда Рахман — домашнему аресту. Внутривнутриполитическая ситуация, возникшая в марте 1985 г., фактически повторила мартовские события 1982 г., когда армейское командование всецело взяло власть в свои руки и регламентировало жизнь страны жесткими рамками военного положения.

В целях придания демократического фасада военному режиму, 21 марта 1985 г. был проведен референдум, в ходе которого населению предстояло высказать мнение о политике военных властей и продолжении пребывания Х.М.Эршада на посту президента. Состоявшийся в условиях запрета на политическую деятельность и проводившийся под полным контролем армии, референдум принес победу Х.М.Эршаду: более 94% участвовавших в голосовании высказались в его пользу.

Х.М.Эршад сумел воспользоваться расколом в рядах оппозиционных партий по вопросу об участии в парламентских выборах и перетянул на свою сторону группу политических деятелей из ряда оппозиционных партий (Националистической партии, Объединенной народной партии, Демократической партии и Мусульманской лиги), введя их в правительство наряду

с представителями Джанадал. Правительство стало носить «многопартийный характер».

В августе 1985 г. руководители пяти партий, вошедших в правительство, объявили о создании нового блока — Национального фронта, ставшего главной политической опорой военной администрации. Образование Национального фронта изменило расстановку сил в пользу Х.М.Эршада, что дало ему возможность снять ограничение на деятельность политических партий. Военные власти освободили из-под домашнего ареста Хасину Вазед и Халеду Рахман. Вышедшие из подполья руководители оппозиционных сил активно включились в политическую борьбу. Вновь заявило о себе мощное студенческое движение.

В 1990 г. генерал Хусейн Мохаммед Эршад вынужден был уйти в отставку в результате студенческих демонстраций и давления со стороны оппозиции, а в 1991 г. состоялись парламентские выборы и осуществился переход к парламентской демократии после многолетнего режима военных. Выборы принесли победу Националистической партии Бангладеш (НПБ), возглавляемой вдовой убитого президента З.Рахмана. Премьер-министр Бегум Халеда Зия Рахман стала первым избранным демократическим путем руководителем страны. Ее главной соперницей на выборах была лидер оппозиционной Авами лиг Хасина Вазед, дочь Шейха Муджибур Рахмана.

На следующих парламентских выборах, состоявшихся в июне 1996 г. и завершивших очередной период политической нестабильности, победа досталась Авами лиг, а премьер-министром стала Шейх Хасина Вазед. Х.Вазед осталась верной политическим принципам своего отца, основателя бангладешского государства Муджибура Рахмана, убитого в ходе государственного переворота в 1975 г. Правящая Авами лиг выступает в целом с секуляристских, левоцентристских позиций. Ведущей оппозиционной партией является Националистическая партия Бангладеш во главе с Бегум Халедой Зией Рахман. Определенное влияние сохраняет Национальная партия бывшего президента Х.М.Эршада. Заметным влиянием среди определенной части населения пользуется крайне правая Джамаат-и-ислами, выступающая с позиций исламского фундаментализма. В настоящее время в Бангладеш, представляющей собой унитарную республику с парламентской формой правления, действует конституция 1972 г. (с последующими изменениями). Парламент представляет собой однопалатную национальную ассамблею с 5-летним сроком полномочий. На такой же срок парламентом избирается глава государства — президент (с октября 1996 г. — Шахабуддин Ахмед). Всего в стране действует свыше 100 политических партий — от крайне правых до ультралевых.

Особенности политического развития Бангладеш Таким образом, политическая история Бангладеш характеризовалась крайней нестабильностью, резкими и неожиданными попеременными приходами к власти гражданской и военной администраций, постоянными перегруппировками в рамках дробной и слабо сформировавшейся партийно-политической системы. За годы независимого развития в Бангладеш произошло несколько государственных переворотов, сменились 13 президентов, из которых Муджибур Рахман и Зиаур Рахман были убиты политическими противниками. Дважды досрочно распускался парламент, почти десятилетие страна жила в условиях военного положения. Наличие огромного числа противоборствующих политических группировок при невыкристаллизованности и аморфности их политических программ — отличительная черта ее функционирования. Постоянно повторявшиеся запреты на деятельность политических партий и многолетняя практика нелегального или полуполюгального существования наложили неизгладимый след на характер их стратегии и тактики и ориентировали их скорее на поиски путей выживания, нежели разработку программ перспективного социально-экономического развития. Неслучайна приверженность ведущих политических партий страны (Авами лиг, Националистической партии) принципам, возникшим на заре их создания и почти полное отсутствие эволюции политических и социально-экономических установок.

Попеременная смена гражданской и военной администраций привела к модификации обеих: гражданское правление, как правило, осуществлялось в авторитарных формах при тенденции к диктаторским единоличным методам руководства правящей партии в целом и ее лидера, в частности; военное же, как правило, тяготело к созданию видимости разграничения полномочий между главным военным администратором и гражданским президентом, сохранению партийно-политической системы и парламента.

В целом обнаруживается последовательная тенденция в сторону централизации и концентрации власти в руках жесткого лидера вне зависимости от его гражданского или армейского статуса. Непоследовательность в соблюдении принципов государственной политики, отсутствие единой устойчивой структуры органов власти, несоответствие эволюции государственно-правовых норм изменениям в социально-экономической сфере, произвольное и бесконтрольное изменение конституции страны, приводящее к предельной концентрации политической власти при провозглашаемом курсе на децентрализацию административной системы и экономических структур, создавали обстановку, чреватую военными переворотами

и частой сменой власти. Беспрецедентная жестокость к политическим противникам, политические убийства и кровавые расправы с силами, неугодными режиму, находящемуся у власти, свидетельствовали как о необычайно накаленной взрывоопасной политической обстановке в стране, так и о непрочности пребывания у власти сменявших друг друга группировок, толкавшей их на крайние меры.

Неустойчивость правительств и неуверенность в завтрашнем дне затрудняли последовательное претворение в жизнь программ социально-экономического развития, углубляя и без того труднопреодолимый экономический кризис.

Непрекращавшиеся кровавые внутренние междоусобицы, произвол и метания во внутренней политике не затронули, тем не менее, неизменной внешнеполитической ориентации Бангладеш: приверженности принципам мирного сосуществования государств, уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела соседних государств, мирного урегулирования существующих споров и права народов самим определять свою судьбу. Бангладеш являлась постоянным участником движения неприсоединения, стала инициатором создания Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии — СААРК и проведения встречи глав государств и правительств стран-членов СААРК в 1985 г. в Дакке.

§ 29. Южная Азия как политико-географический регион

Особенности развития малых стран Южной Азии (Шри Ланка, Мальдивы, Непал, Бутан)

Особенности развития стран южно-азиатского региона и их взаимоотношений

Южная Азия представляет собой политико-географический регион, включающий в себя помимо трех основных государств — Индии, Пакистана и Бангладеш, составлявших до 1947 г. территорию единой Британской Индии, Демократическую Социалистическую Республику Шри Ланка, Мальдивскую Республику, Королевство Непал и Королевство Бутан. Единая культурно-цивилизационная основа и во многом общая история являются мощным цементирующим началом в развитии отношений стран региона, находившихся в разной степени зависимости от Британской империи и боровшихся за свои суверенные права. Однако политические системы, сложившиеся в государствах Южной Азии различны. Индия, крупнейшая страна региона, представляет собой

парламентарную республику с наиболее стабильными демократическими институтами и развитой партийно-политической структурой. Президентские республики Пакистан, Бангладеш и Шри Ланка тяготеют к авторитарным централизованным формам правления, в первых двух у власти неоднократно оказывались военные режимы. Большим своеобразием отличается государственное устройство конституционной монархии Непал. В наибольшей степени обособленным от единых процессов, происходящих на территории южно-азиатского региона, остается королевство Бутан.

Все страны региона отличает сложный этно-конфессиональный состав населения. Следует отметить и религиозную гетерогенность южно-азиатских государств при доминировании в каждой из них определенной конфессиональной группы (в Индии и Непале преобладает индуистское население, в Пакистане, Бангладеш и Мальдивской республике — мусульманское, в Шри Ланке и Бутане — буддийское).

Проблемы взаимоотношений стран южно-азиатского региона многоплановы: территориальные и пограничные, религиозно-этнические и миграционные, экономические, военные, политические. Конфликтность развития стран Южной Азии, переходящая в открытые военные столкновения (особенно Индии и Пакистана), является характерной устойчивой чертой их развития. Доминирование Индии в регионе порождает стремление ее соседей к противостоянию ей и налаживанию двусторонних отношений.

Расчленение субконтинента в 1947 г. на Индийский Союз и Пакистан, последующее обретение независимости остальными странами региона, а затем выделение из состава Пакистана самостоятельной Бангладеш в 1971 г. разрушили привычные экономические взаимосвязи и создали новые экономико-хозяйственные структуры, существовавшие обособленно друг от друга. Различен уровень социально-экономического развития стран региона, неодинаковы стратегии экономического и политического развития. Отсутствует консенсус по проблемам региональной безопасности. Неодинаковы уровни и типы сложившихся политических культур.

Вместе с тем, проявляется и растущее стремление стран Южной Азии к развитию внутрирегиональных политических и экономических связей, что выразилось, в частности, в создании Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), ставшем важной вехой в развитии политического и экономического развития стран региона. Однако с годами различий в политических и экономических структурах стран южно-азиатского региона становится больше, чем сходств. Малые страны региона отличает двойственное отношение к партнерству с огромной Индией: стремление

наладить сотрудничество с мощным соседом и опасения его гегемонистских проявлений.

Все государства Южной Азии имеют долгую историю культурных и экономических контактов, равно как и противоречий и напряженности в отношениях населяющих их народов. Политические деятели малых стран региона всегда пристально следили за событиями в Индии и во многом заимствовали политический опыт индийских лидеров и общественно-политических движений, однако отстаивали право на свой собственный путь развития и провозглашали свои государственно-национальные ценности, подчеркивая самостоятельность избираемых политических курсов и экономических стратегий развития.

Внутреннее положение, уровень социально-экономического развития, характер складывавшейся партийной системы, отношения с британской стороной накануне получения независимого статуса в регионах, составивших нынешние государства Шри Ланку, Мальдивскую республику, Непал и Бутан отличались большой спецификой и во многом не совпадали с ситуацией в центральных областях Индостана.

Обретение Шри Ланкой независи- мости	Шри Ланка (в колониальный период и до 1972 г. — Цейлон) стала одной из первых стран в Южной Азии, попавшей в колониальное подчинение; с начала XVI в. — Португалии, с середины XVII в. — Голландии, с начала XIX в. — Великобритании.

С 1800 г. Цейлон стал британской королевской колонией, наделенной самостоятельной от Индии колониальной администрацией во главе с генерал-губернатором, подотчетным Департаменту по делам колоний в метрополии. По сравнению с Индией, национально-освободительное движение на острове было разобщено и незрело, и возникшая тенденция к преодолению межобщинной розни не возобладала. Первая политическая организация, объединившая сингальских, тамильских и мусульманских предпринимателей, была образована лишь в 1919 г. по образцу Индийского национального конгресса (ИНК), возникшего в 1885 г. Она получила аналогичное название — Цейлонский национальный конгресс (ЦНК), однако этой организации не суждено было сыграть ту роль, которая была отведена в истории ИНК. В 1921 г. внутри ЦНК произошел раскол, приведший к отделению тамильской общинной организации Тамил махаджана сабха, начавшей борьбу за увеличение тамильского представительства в Законодательном совете. Это закрепило традицию построения политических партий по национально-религиозному принципу. Наряду с ЦНК, представлявшим интересы сингальской

части населения, были сформированы Всецейлонский тамильский конгресс, отстаивавший права так называемых «цейлонских тамиллов», Цейлонский индийский конгресс, защищавший «индийских тамиллов», а также Цейлонская мусульманская лига, выражавшая требования цейлонских мавров.

Роль партии, приведшей страну к независимости, подобно ИНК, выпала на долю организации, сформированной в 1946 г., всего за два года до получения страной независимости, и получившей наименование Объединенная национальная партия (ОНП). Цейлон получил статус доминиона вскоре после Индии — 4 февраля 1948 г., однако республикой страна стала гораздо позже: Индия обрела республиканский статус в 1950 г., Цейлон же был провозглашен республикой Шри Ланка лишь в 1972 г. В первые годы после получения независимости внутриполитические курсы ИНК в Индии и ОНП на Цейлоне были различны, равно как и ориентация в общемировой системе координат, возникшей после окончания второй мировой войны и начала крушения колониальной системы. Правительство ОНП оказалось прозападно ориентированным и, в отличие от Индии, проводившей «курс Неру», делало упор на экономической политике, связанной с развитием свободной рыночной экономики, не подлежащей контролю со стороны государства.

Складывание и функционирование двухпартийной системы в Шри Ланке

С начала 50-х годов, во времена безальтернативного пребывания у власти ИНК в Индии, цейлонское общество создало политическую систему, основанную на периодической смене у власти двух основных политических партий — ОНП и Партии

Свободы (ПС), которая была образована в 1952 г. в результате раскола ОНП. Лидер ПС Соломон Бандаранаике выступил со следующей программой: создание независимой республики, вывод английских вооруженных сил с Цейлона и возвращение ему иностранных военных баз, национализация важнейших отраслей экономики и создание государственного сектора, введение планового начала, проведение аграрной реформы. Идеологическая система новой партии представляла собой синтез «демократического социализма» и «буддийского национализма». Социальной опорой ПС стали городские и сельские средние слои, интеллигенция, представители буддийского духовенства.

Система двухпартийного преобладания в многопартийной политической структуре стала отличительной чертой развития цейлонского общества и привела к формированию специфической коалиционной политики, существенно отличающейся от индийской модели: более мелкие политические партии группировались либо

на основе приверженности курсу ОНП, либо блокировались вокруг Партии Свободы. Еще одна разновидность коалиционности была связана с объединительным движением внутри тамильских политических кругов, часть которых выступала за автономию провинций с преобладанием тамильского населения, а часть — под сепаратистскими лозунгами. В современном политическом развитии Шри Ланки выделяются этапы, связанные с последовательной сменой у власти ОНП и ПСШЛ:

1948 — 1956 — ОНП (премьер-министры Д.С.Сенанаяке (1948—1952), Д.Сенанаяке (1952—1953), Д.Котелавала (1953—1956));

1956 — 1965 — ПС (премьер-министры Соломон Бандаранаике (1956—1959), Сиримава Бандаранаике (1960—1965));

1965 — 1970 — ОНП (премьер-министр Д.Сенанаяке);

1970 — 1977 — ПС (премьер-министр Сиримава Бандаранаике);

1977 — 1994 — ОНП (премьер-министр, затем президент Д.Джаявардене (1977—1988), президенты Р.Премадаса (1988—1993), Д.Виджетунге (1993—1994));

с 1994 — ПС (президент Чандрика Кумаратунге).

Подобная схема сильно отличается от индийской, где ИНК теряет монополию на власть лишь в 1977 г. Когда Партия Свободы впервые пришла к власти в 1956 г. с программой, схожей с конгрессистской времен «курса Неру» и ставящей своей основной целью создание государственно контролируемой экономики с жесткой системой планирования, проведение аграрной реформы, развитие сотрудничества со всеми странами, включая государства социалистического лагеря, ее стали сравнивать с правящей партией на субконтиненте. Однако Партия Свободы привнесла в свою политическую стратегию «буддийские мотивы» и в конечном итоге привела страну к принятию конституции в 1972 г., которая провозгласила Шри Ланку «буддийской республикой», в отличие от секуляристской Индии. «Буддийская стратегия» лидеров ПСШЛ — Соломона Бандаранаике, а затем и его вдовы Сиримава Бандаранаике положила конец сравнениям с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди, ассоциирующимся со светским политическим мировоззрением.

Индия, напротив, не создала устойчивой системы двух альтернативных политических партий, попеременно сменяющих друг друга у власти: начиная с конца 70-х годов здесь создаются широкие политические коалиции — Национальные фронты — с варьирующимся составом входящих в них партий от выборов к выборам, как общеиндийских, так и региональных, а со второй половины 90-х годов реально соперничающих сил становится три: Индийский национальный конгресс, Объединенный фронт и Бхаратия джаната парти (БДП), с 1998 г. находящаяся у власти.

Тенденция к созданию коалиций оказалась гораздо сильнее в политической жизни Индии, чем Шри Ланки. В то время как коалиционность с наибольшей силой проявляется в Индии начиная с рубежа 70-80-х годов, интерес политических кругов Шри Ланки к формированию широких объединений ослабевает. Создание самых мощных межпартийных блоков в этой стране относится ко второй половине 50-х — первой половине 60-х годов, времени формирования и эффективного пребывания у власти Объединенного народного фронта в составе Партии Свободы, коммунистов и социалистов. Принятие новой президентской конституции 1978 г. после прихода к власти ОНП заметно ослабила позиции сторонников коалиционной политики: формирование предвыборных фронтов было запрещено, так же, как и участие «независимых» кандидатов, что привело к увеличению числа голосующих за две ведущие политические партии.

Конституции Шри Ланки и образование президентской формы правления	В отличие от Индии, придерживающейся на протяжении всего периода независимого развития парламентской конституции 1950 г., в Шри Ланке конституция менялась трижды: первая (1946 г.) представляла собой конституцию доминиона Цейлон, вторая (1972 г.) узаконила республиканский статус и новое название страны — Шри Ланка (обе строились в соответствии с парламентскими формами правления), третья (1978 г.) установила президентскую форму правления и изменила мажоритарную избирательную систему на пропорциональное представительство. Конституция Демократической Социалистической Республики Шри Ланка 1978 г. провозгласила отказ от парламентаризма и создание государственного механизма, основанного на личной власти главы государства — президента. Президент является главой государства, главой исполнительной власти и правительства, а также главнокомандующим вооруженными силами. Он избирается всеобщим голосованием на шесть лет (при действии запрета на переизбрание более чем на два срока) и в течение срока своих полномочий несменяем и независим от законодательного органа — однопалатного парламента. Наделяя президента самыми широкими полномочиями и формально провозглашая его ответственность перед законодательными органами, конституция фактически узаконивает подчиненную роль парламента и превращение правительства из самостоятельного органа в составной элемент механизма президентской власти. Конституция не предусматривает поста вице-президента. Концентрация политической власти в руках одного лица усиливается еще

и тем, что действующий президент является лидером правящей партии. Однако несмотря на частые введения чрезвычайного положения и усиление авторитарных методов управления в связи с остротой этно-конфессиональной ситуации, в Шри Ланке сохраняется гражданское правление.

Президентская форма правления, по мнению лидеров ОНП, пришедших к власти в 1978 г., в большей степени, чем парламентская, отвечала сложившейся в стране ситуации. Курс, избранный партией, был направлен на денационализацию предприятий государственного сектора, расширение сферы деятельности частного капитала, в том числе и иностранного. Правительством была учреждена специальная «зона поощрения капиталовложений», или «зона свободной торговли», призванная способствовать привлечению в страну иностранных инвесторов. Был подписан ряд соглашений о широком финансировании ланкийской экономики Международным банком реконструкции и развития, Международным валютным фондом, иностранными монополиями. По объему иностранных инвестиций Шри Ланка стоит на первом месте среди государств Южной Азии в расчете на душу населения. Продолжая проводить в целом традиционную для Шри Ланки внешнюю политику, основанную на принципах неприсоединения, ОНП активизировала сотрудничество с США, Великобританией, Японией и другими капиталистическими странами (в отличие от ПС, уделявшей большое внимание развитию отношений с социалистическими государствами, прежде всего СССР и КНР).

ОНП продержалась у власти до 1994 г., когда на парламентских выборах победу одержала ПС. С этого времени президентом страны является Чандрика Кумаратунге, дочь Соломона и Сиримаво Бандаранаике. (Сама Сиримаво занимала пост премьер-министра вплоть до августа 2000 г., а в октябре 2000 г. скончалась в ходе предвыборной кампании). Президентские выборы конца 1999 г. подтвердили пребывание Ч.Кумаратунге у власти на этом посту, а парламентские выборы 2000 г. принесли победу правящей коалиции Народный альянс, руководимый Партией Свободы. К настоящему времени внутриполитические курсы ПС и ОНП мало отличаются друг от друга: основная стратегия обеих партий связана с программами либерализации экономики. Основные разногласия между двумя ведущими партиями страны связаны с различными предлагаемыми путями выхода из сингалотамильского кризиса, вовлекшего Шри Ланку в состояние гражданской войны.

Национальный вопрос, связанный с многолетней конфронтацией сингальской и тамильской общин на острове, является наиболее острой проблемой, от решения которой зависит дальнейшая судьба

страны. Поиски путей выхода из затянувшейся кризисной ситуации определяют политическую жизнь Шри Ланки последних двух десятилетий XX в., заметно влияют на внутреннее положение в южно-азиатском регионе в целом, где проблема сохранения целостности и неделимости государственных образований, тесно связанная с проблемами региональной безопасности давно стала предметом острых дискуссий между руководителями стран, входящих в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии. Несмотря на то, что противостояние между сингалами и тамилами имеет глубокие корни, до середины 50-х годов оно не принимало формы военной конфронтации. Со второй половины 50-х и до начала 80-х годов имели место периодически повторявшиеся конфликтные ситуации, заканчивавшиеся нередко кровопролитием, но они носили локальный характер и представляли собой спорадические выплески накапливавшегося взаимного неприятия.

Еще в 1949 г. из Всецейлонского тамильского конгресса выделилась Федеральная партия, недовольная сотрудничеством ВТК с ОНП. Борьбу с ВТК вел и Цейлонский индийский конгресс, однако между тамильскими партиями не возникло единства. Федеральная партия предусматривала превращение Цейлона из унитарного в федеративное государство, в котором провинции с преобладанием тамильского населения образуют один или несколько тамильских автономных районов, тамильскому и сингальскому языкам будет предоставлен равный статус официальных языков страны, выходцы из Индии, проживающие на Цейлоне, получают гражданские и избирательные права, прекратится колонизация сингалами Северо-Восточной провинции, заселенной преимущественно тамилами.

Растущая волна «сингальского национализма», образование новых просингальски настроенных партий (например, Национально-освободительного фронта — Джатика вимукти перамуна), решение правительства придать сингальскому языку государственный статус, наряду с дискуссией о введении в конституцию статьи, оговаривающей особое положение буддийской религии в стране, привели к созданию взрывоопасной ситуации в северных и северо-восточных районах страны, где проживала основная часть тамильского населения. Федеральная партия, объявившая борьбу за автономию тамильских провинций и предоставления тамильскому языку статуса второго государственного языка,

вступила в открытую конфронтацию с правительством и призвала население к сатьяграхе. С 1958 г. национальный и языковой вопрос становится наиболее дискуссионной проблемой среди ведущих политических сил страны.

Просингальский крен правительств, наряду с объективными сложностями, связанными с поиском путей решения проблем гражданства индийских тамилы, государственного языка, административного устройства Северо-Восточной тамильской провинции, приводил к периодическому нарастанию напряженности между сингальской и тамильской общинами и складыванию затяжной конфликтной ситуации, то и дело выходящей из-под контроля государственных властей. Активизация тамильских националистов, с одной стороны, и сингальских, с другой, держала страну в состоянии напряжения. Конституция 1972 г., по мнению тамильской стороны, игнорировала два основных требования тамильского населения: признания тамили вторым государственным языком страны наряду с сингальским и установления принципа федеративного государственного устройства, предполагавшего автономию тамильских регионов.

В 1972 г. был создан Тамильский объединенный фронт освобождения (ТОФО). ТОФО выступил с требованиями включения в конституцию пункта о предоставлении тамильскому языку равного статуса с сингальским, признания секуляристского характера государства и обеспечения равенства всех религий, децентрализации государства на федеративной основе, предоставления всем проживающим в стране лицам, говорящим на тамильском языке, гарантии полных гражданских прав при устранении различий в категориях гражданства. Основным методом борьбы ТОФО провозглашалось гражданское неповиновение — сатьяграха. Однако в тамильском движении существовали и террористические группы, такие как Тигры освобождения Тамил Илама (ТОТИ), ряды которых пополнялись в основном за счет безработной тамильской молодежи, разуверившейся в возможностях политического диалога. Усилившаяся деятельность тамильских экстремистов создавала напряженность в стране. Возрастала и активность националистических просингальских партий Синхала бхаша перамуна (Фронт сингальского языка), Джатика вимукти перамуна (Национально-освободительный фронт), Эксат бхиккху перамуна (Объединенный фронт бхиккху — буддийских монахов) и др.

В 1983 г. этнический конфликт вступил в наиболее острую и серьезную фазу и разросся до размеров гражданской войны, будоражащей всю страну, парализовавшей хозяйственную жизнь целого ряда районов, унесшей значительное число человеческих жизней.

Посредничество Индии в серии мирных переговоров между правительственными представителями и лидерами Тамильского объединенного фронта освобождения (ТОФО), равно как и ввод индийских сил по поддержанию мира в Шри Ланку (1987 г.) и пребывание их на острове вплоть до принятия решения об их поэтапном выводе, завершенном в 1990 г., не смогли урегулировать конфликт. Террористические акции экстремистской организации «Тигры освобождения Тамил Илама», требующей создания независимого тамильского государства в северных и северо-восточных областях Шри Ланки, сменяются массированными наступлениями подразделений ланкийской регулярной армии на тамильские повстанческие отряды, в ходе которых гибнет мирное население.

В 1991 г. жертвой тамильских террористов стал премьер-министр Индии Раджив Ганди, пытавшийся способствовать урегулированию конфликта, в 1993 г. в результате взрыва бомбы террориста-самоубийцы погиб президент Шри Ланки Р.Премадаса, нынешняя президент страны Ч.Кумаратунге была ранена в ходе президентских выборов 1999 г.; ряд других политических деятелей страны, включая членов кабинета, были убиты в результате террористических актов экстремистов.

Мальдивы В отличие от Шри Ланки, представлявшей собой классический образец страны, находившейся в колониальном подчинении, соседние Мальдивы никогда полностью не теряли независимость, за исключением короткого периода в XVI в., когда страна управлялась португальцами из Гоа. С 1887 по 1965 г. Мальдивы находились под протекторатом Великобритании, но постоянного управленческого присутствия англичан на островах никогда не было. Правители Мальдивского султаната осуществляли внутреннюю политику, англичане же были «ответственными» за оборону и внешние сношения — система управления, полностью соответствующая системе британского управления на территории княжеств индийского субконтинента. В 1932 г. была принята первая конституция страны, предусматривающая выборы султана из среды местной знати. В 1965 г. Мальдивы провозгласили полную независимость, и в ноябре 1968 г. была введена новая конституция, в соответствии с которой в стране провозглашалась республиканская, президентская форма правления. В соответствии с конституцией президент (с 1978 г. — М.А. Гайюм) является главой государства и руководителем высшего исполнительного органа — кабинета министров, члены которого назначаются президентом из числа депутатов меджлиса (однопалатного парламента, являющегося главным законодательным органом). Меджлис состоит из

48 депутатов, 8 из которых назначаются президентом, а 40 избираются сроком на 5 лет в ходе прямых выборов. Действенная партийно-политическая система в Мальдивской республике создана не была, соответственно не развита и общественно-политическая жизнь, однако страна известна на мировой арене серией инициатив по созданию системы международных гарантий безопасности малых государств и экологической защиты островных государств. Мальдивы являются членом ООН с 1965 г., Движения неприсоединения с 1976 г., Британского содружества наций с 1984 г., Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) с 1985 г. Население Мальдивских островов составляет 300 тыс. человек и относится к нескольким этническим группам: это выходцы из Индии и Шри Ланки, а также арабы и малайцы. Государственной религией является ислам.

Страна была традиционно ориентирована на развитие взаимоотношений со Шри Ланкой, Пакистаном, Бангладеш — в регионе, а также с мусульманскими странами Ближнего и Среднего Востока — за его пределами. С конца 80-х годов стало развиваться политическое и экономическое сотрудничество с Индией. Начало ему было положено помощью правительства Индийской республики в подавлении попытки военного переворота в ноябре 1988 г., осуществленной наемниками из числа членов экстремистских тамильских группировок Шри Ланки, имевшими связи с оппозиционными президенту М.А. Гайюму силами. По просьбе мальдивского правительства часть индийских военнослужащих оставалась на архипелаге в течение одного года. Участились взаимные визиты государственных деятелей обеих стран, был подписан ряд соглашений об экономическом, техническом, торговом и культурном сотрудничестве. В столице Мальдивской республики г. Мале проводилась встреча на высшем уровне между руководителями стран, входящих в СААРК. До конца 80-х годов Мальдивская республика занимала отличные от Индии позиции по проблемам региональной безопасности: она поддерживала пакистанское предложение об объявлении Южной Азии безъядерной зоной и непальское — об объявлении Непала «зоной мира».

Однако несмотря на расширяющиеся связи Мальдивской республики с внешним миром, страна во многом зависит от политической ситуации в соседней Шри Ланке. Дипломатические отношения осуществляются в основном через мальдивское посольство в Коломбо, что влияет на ориентацию этого островного государства в южно-азиатском регионе. Периферийное положение Мальдив по отношению к политическим южно-азиатским центрам, малые размеры территории и небольшое по численности население, а также

исключительная ориентация экономики островов архипелага на туризм и сферу обслуживания обуславливают недостаточность возможностей этого государства реально влиять на политический процесс в регионе.

Непал. Непал в период существования неограниченной монархии Если Шри Ланка и Мальдивы «замыкают» южно-азиатский регион со стороны Индийского океана, то два других государства — Непал и Бутан — охватывают его широкой полосой со стороны предгорий Гималаев. Несмотря на ряд существенных различий они имеют общие черты: по государственному устройству обе страны представляет собой конституционные монархии, по экономическому строю и уровню развития — наиболее архаичные образования на территории Южной Азии, несопоставимые по уровню развития производительных сил с другими странами региона.

Непал представлял собой замкнутое, изолированное от внешнего мира государство, сложившееся к началу XIX в. и превращенное господствующим кланом Рана с середины XIX в. в зависимый от англичан аграрно-сырьевой придаток Британской Индии, находившийся в особых договорных отношениях с британской колониальной администрацией. Политическая стагнация, культурный и экономический застой стали характерными чертами режима Рана. Хотя в 1923 г. Непал был признан англичанами независимым государством, британский контроль над внешней политикой продолжал сохраняться. Интриги и распри внутри правящей верхушки представляли собой практически единственную форму политической активности.

Искусственно отрезанный от политических процессов, происходивших в Южной Азии в период развития национально-освободительного движения, Непал позже других стран региона встал на путь создания современной партийно-политической системы. Политические организации, возникшие здесь в 30-е годы XX столетия и призывавшие к установлению парламентской монархии, были разгромлены, уцелевшая часть их создателей организовала эмигрантские политические группы на территории соседней Индии, в — Калькутте и Бенаресе. Они составили основу созданной в 1947 г. партии Непальский национальный конгресс (ННК), действия которой постепенно были перенесены на территорию Непала. Основным методом политической борьбы ННК стали кампании гражданского неповиновения, а главным требованием участников сатьяграхи — введение конституции, гарантирующей демократические свободы и введение принципа выборности в законодательные органы влас-

ти. Борьба за принятие подготовленного проекта конституции 1948 г. закончилась запрещением деятельности ННК.

Согласно Договору о мире и дружбе, подписанном между Индией и Непалом в 1950 г., была провозглашена полная независимость и суверенитет Непала, а согласно временной конституции 1951 г., принятой в результате ожесточенной борьбы ННК со сторонниками режима Рана, юридически оформлялась ликвидация «ранакратии». Установление конституционно-монархического строя в Непале означало отмену исключительных прав и привилегий членов семейства Рана и наделение широкими полномочиями, в том числе и законодательскими, короля.

В 50-е годы наряду с усилением королевской власти происходит процесс становления партийной системы. При обилии возникших партий и группировок (к середине 50-х годов их было уже более ста), Непальский конгресс был одной из немногих политических организаций, способных реально влиять на процесс демократизации непальского общества. Большинство же возникших образований представляли собой объединения на этно-кастовой и клановой основе и реализовывали в первую очередь личные амбиции своих лидеров.

Королевская власть, пользуясь слабостью и разобщенностью политических партий и стремясь максимально сосредоточить властные полномочия, осуществила в декабре 1960 г. государственный переворот, объявив о роспуске кабинета министров, запрете всех партий и политических организаций и установлении режима личной власти короля. Конституция 1962 г. закрепила в Непале «панчаятскую систему» управления, при которой вся власть в государстве (исполнительная, законодательная и судебная) сосредотачивалась в руках монарха. В условиях беспартийной системы общественно-организующая роль отводилась органам самоуправления — панчаятам, начиная от деревенских и заканчивая парламентом, который именовался национальным панчаятом. «Панчаятская система» просуществовала вплоть до конца 80-х годов.

**Непал в период
конституцион-
ной монархии**

В 1990 г. под давлением массовых выступлений и вооруженной борьбы, возглавляемой Непальским конгрессом и Объединенным левым фронтом в составе 7 коммунистических группировок, была

принята новая конституция, предусматривающая установление парламентской демократии на многопартийной основе. Согласно конституции 1990 г. Непал является конституционной монархией, а главой государства — король (Бирендра Бир Бикрам Шах Дев).

Законодательная власть в стране принадлежит монарху и двухпалатному парламенту, состоящему из Палаты представителей (нижняя палата, 205 депутатов которой избираются прямым, всеобщим и тайным голосованием сроком на пять лет) и Национальной ассамблеи (верхняя палата, состоящая из 60 членов, со сроком полномочий 6 лет).

В апреле 1990 г. был образован коалиционный кабинет НК и ОЛФ, премьер-министром был назначен председатель НК К.П.Бхаттарай. В 1991 г. состоялись парламентские выборы, на которых Непальский конгресс одержал убедительную победу. Однако возникшие разногласия между премьер-министром Г.П.Коиралой и лидером НК Г.М.С.Шрештхой привели к расколу в рядах НК и сделали неэффективной работу правительства: в июле 1994 г. премьер-министр ушел в отставку, а новые выборы были назначены на ноябрь того же года.

Выборы 1994 г. принесли победу Коммунистической партии Непала (объединенной марксистско-ленинской) (КПН — ОМЛ), правительство которой находилось у власти с ноября 1994 г. по сентябрь 1995 г., когда ему был вынесен вотум недоверия. После вынесения вотума недоверия в парламенте власть перешла к коалиционному правительству в составе Непальского конгресса, Национально-демократической партии и Партии народного выбора во главе с лидером НК Ш.Б.Деубой. Однако отсутствие единства внутри ведущих политических партий, выразившееся в расколах НК на две группировки и НДП также на две составные части, привело к падению и этого правительства, вотум недоверия которому был вынесен в феврале 1997 г. Вышедшая из НДП группа, возглавляемая Л.Б.Чандом, образовала союз с Коммунистической партией (объединенной марксистско-ленинской), продержавшийся у власти до октября 1997 г. Искусственность объединения между коммунистами и выходцами из НДП, составленной из политиков, поддерживавших ранее «панчаятскую систему», сделала этот альянс нежизнеспособным. После падения правительства коммунистов и НДП, президент НДП С.Б.Тхапа был назначен премьер-министром и возглавил вновь созданное коалиционное правительство НДП — НК. Выход из коалиции двух ведущих деятелей обеих партий — К.П.Бхаттарай из НК и Л.Б.Чанда из НДП, несогласных с проводимой правительством политикой, предрешил неизбежность скорого падения и этого кабинета. Уход Л.Б.Чанда из НДП привел в давно ожидавшемся расколу этой партии: в январе 1998 г. была сформирована Новая Национально-демократическая партия.

Лидеры Коммунистической партии (объединенной марксистско-ленинской) выступали с критикой деятельности правитель-

ства, пытаясь поставить в парламенте вопрос о востановлении доверия — лишь несогласие на это короля на время продлило жизнь очередной мертворожденной коалиции. Однако отсутствие единства помешало им в дальнейшем отстаивании своей линии: в марте 1998 г. из Коммунистической партии (объединенной марксистско-ленинской) ушли сорок ее бывших функционеров, сформировавших новую организацию — Коммунистическую партию Непала /марксистско-ленинскую (КПН/МЛ) — и призвавших к созданию революционного движения, направленного на установление в стране республиканского строя.

Другая ультралевая партия — Коммунистическая партия Непала (маоистская) (КПН/М) — к этому времени широко развернула вооруженную борьбу за переустройство непальского общества, называемую ими «Народной войной». Это движение началось в феврале 1996 г. в трех дистриктах западного Непала, но к 1998 г. охватывало уже 50 дистриктов страны. Оно сопровождалось бесчисленными актами насилия, грабежами, поджогами, убийствами и стало угрозой для безопасности и стабильности в стране. Террористическая деятельность маоистов представляет собой одну из самых сложных для решения проблем в современном Непале: низкий уровень жизни основной массы населения страны является питательной почвой для дальнейшего роста движения и расширения круга его сторонников. Хотя Коммунистическая партия Непала (маоистская) не имеет представительств во властных структурах, цели, преследуемые ею почти официально поощряются лидерами Коммунистической партии (марксистско-ленинской), выражающими несогласие лишь с формами проведения «народной войны».

В соответствии с предварительной договоренностью о последовательной смене на посту премьер-министра лидеров двух партий, составляющих правящую коалицию, в апреле 1998 г. С.Б.Тхапа (НДП) передал свои полномочия Г.П.Коирале (НК), который едва вступив на пост премьер-министра, известил своего предшественника о роспуске коалиции в связи с недавним расколом внутри НДП и переходе власти целиком и полностью к Непальскому конгрессу. За 40 месяцев после выборов 1994 г. в Непале сменилось пять правительств. НК в тот период представлял собой доминирующую силу в парламенте и не нуждался в союзниках, однако действия Г.П.Коиралы вызвали возмущение у 60 представителей его партии, бойкотировавших сессию парламента и приведших к расколу внутри НК.

Для удержания у власти НК сформировал коалицию с неожиданным союзником — Коммунистической партией /марксистско-ленинской — в августе 1998 г., а уже к декабрю того же года коалиция

неизбежно распалась. Последовало формирование новой коалиции: на этот раз партнерами Непальского конгресса стали Коммунистическая партия (объединенная марксистско-ленинская) и Партия народного выбора. Новое образование просуществовало три недели: парламент был распущен и новые выборы назначены на май 1999 г.

В выборах приняло участие 39 политических партий, из них 7 получили представительство в парламенте. Наибольшее количество мест получил НК — 110, второй по численности мест в парламенте оказалась КПН — ОМЛ — 68. Раскол в НДП на последователей Л.Б.Чанда и С.Б.Тхапы не позволил ей занять прочное положение в новом парламенте. К.П.Бхаттарай стал новым премьер-министром Непала, однако положение его оказалось сложным: сразу же после его назначения началась ожесточенная борьба между ним и Г.П.Коиралой, пытавшимся вернуть себе утраченные позиции и выигравшим в этом соперничестве. Непальский конгресс оказался стоящим перед расколом, в то время как две фракции НДП вновь воссоединились.

Угрозой стабильности остается и «маоистская проблема». Призыв правительства к маоистам сесть за стол переговоров остается не услышанным. Маоисты целиком и полностью контролируют ряд территорий страны, неподвластных центральному правительству, что делает дальнейшее развитие ситуации в Непале непредсказуемым. 35 дистриктов из 75 контролируются террористами, 4 (Ролпа, Рукум, Джагархот и Каликот) — находятся под их непосредственным управлением. Вылазки маоистов достигли столицы Катманду. Непальские боевики поддерживают тесные связи с индийскими идейными собратьями — маоистскими экстремистскими группировками в Андхра-прадеш и Бихаре. Индийские власти имеют опыт борьбы с ультралевыми организациями и движениями, получившими широкое распространение в этой стране на рубеже 60-70-х годов: движение наксалитов было подавлено силовыми методами. Однако непальское руководство не прибегает пока к крайним мерам, опасаясь перерастания «народной войны» в гражданскую и считая преодоление бедности и коррупции основной задачей в борьбе с маоистами.

Особенности политического развития Непала	Незрелость политического процесса в Непале в целом, неустойчивость и молодость политических партий, острая фракционная борьба в них, приводящая к бесконечным расколам, непродуманность коалиционной политики, носящей характер метаний и шарканий из крайности в крайность приводят к политической нестабильности. Частые смены правительств ведут к невозможности проведения

единой экономической политики и выхода Непала из состояния острейшего кризиса. Характерными чертами непальской политической жизни остаются коррупция и nepотизм.

Несмотря на введение представительских институтов в Непале, сохраняется влияние короля и королевской семьи на общественно-политическую жизнь в государстве: символический характер королевской власти в условиях провозглашения конституционной монархии нередко обретает реальный смысл в стране с архаичной социальной организацией. Конституция 1990 г. отводит королю почетное место как в системе исполнительной, так и законодательной власти: первая состоит из «Его Величества и кабинета министров», вторая — из «Его Величества и двух палат парламента». В конституции указывается, что «Его Величество является символом непальской нации и единства непальского народа. Его Величество хранит и защищает конституцию во имя интересов и процветания народа Непала». Король Непала сохраняет за собой важнейшее право введения в стране чрезвычайного положения и издания соответствующих ему указов в случае возникновения угрозы национальной безопасности страны, как внутренней, так и внешней. Нынешний король Непала Бирендра остается сакральной фигурой для большинства непальцев.

Неустойчивость политической обстановки усугубляется наличием в партийно-политической системе Непала значительного числа партий, деятельность которых не носит парламентского характера, а связана с «уличной агитацией», чреватой перерастанием в вооруженные выступления. Коммунистическая партия (маоистская) не одинока в выборе форм и методов отстаивания своих взглядов.

Создатели непальской конституции, в отличие от индийских законодателей, отвергли секуляризм как основу государственной политики. Непал является индуистским государством. Несмотря на то, что индуисты составляют абсолютное большинство населения страны (89%), в стране проживают также последователи буддизма, ислама и различных местных культов. Непал является полиэтническим государством с исторически сложившимися отношениями между основными этническими группами — непали, майтхили, неварами, авадхи, бходжпури и др. Этническое противостояние переплетается с кастовым. Отношения между конфессиями, этносами и кастами оказывают прямое воздействие на политическую борьбу, нередко влияя на характер коалиционных блоков, составляемых вопреки принципам сочетаемости идеологических установок и программ входящих в них политических партий.

Политическое развитие Непала обнаруживает две противостоящие друг другу тенденции: ориентацию на политические процессы в Индии и усвоение политического опыта сначала индийского национально-освободительного движения, потом партийной системы (неслучайно ведущей и старейшей политической партией страны явилась организация под названием Непальский национальный конгресс), с одной стороны, и противодействие сильному и мощному соседу, с другой. Так, Договор о мире и дружбе между Индией и Непалом, подписанный в 1950 г., вызывал некоторое недовольство непальской стороны рядом пунктов, ставящих Непал в зависимое положение и накладывавших на него определенные обязательства в отношении Индии.

В целях устранения однобокой ориентации на Индию, Непал активно развивал связи с Китаем, что приводило нередко к ухудшению отношений между непальской и индийской сторонами в периоды обострения индо-китайских противоречий. Предложение короля Бирендры объявить Непал «зоной мира» негативно было расценено индийскими политиками, видевшими в этой инициативе попытку обособления от Индии и аннулирования договора 1950 г. Непальские правительства активно развивали торговлю с другими странами во избежание экономической зависимости от Индии: осложнения в двусторонних отношениях неизбежно приводили к кризисной экономической ситуации. Особо сильно ударил по непальской экономике индийско-непальский конфликт 1989 г., когда срок действия договора о торговле и транзите не был продлен и у непальской стороны, объявившей действия Индии экономической блокадой, возникли сложности с транспортировкой товаров.

Серьезной проблемой, осложняющей отношения Непала и Индии, является проблема политических беженцев из Бутана, выступавших под лозунгами демократизации королевства и создания в нем реально функционирующей политической системы, и их статуса на непальской территории. Конфликтная ситуация, возникшая между Непалом и Бутаном, по мнению непальских политиков, не может быть решена без участия Индии, с которой Бутан имеет Договор о дружбе, заключенный после провозглашения независимости Индии и фактически закрепивший переход от контроля над внешними сношениями Бутана, осуществлявшегося англичанами, к контролю Индии над внешней политикой королевства.

Бутан

В течение длительного времени Бутан находился в состоянии полувассальной зависимости от Тибета, в дальнейшем — на протяжении XIX в. и до 1947 г. — под контролем британских колониальных властей. По договору между Индией

и Бутаном от 8 августа 1949 г. Бутан согласился руководствоваться советами правительства Индии в вопросах внешней политики. Королевство Бутан, основанное на установлениях буддизма ламаистского толка, до сих пор сохраняет черты, свойственные традиционной теократии далай-ламы Тибета: ламские монастыри являются законодателями политических веяний в стране. В 1953 г. в Бутане была создана партия Бутанский национальный конгресс, выступавшая с требованием создания партийной демократии в стране, однако ее деятельность была запрещена королем. Политические партии и профсоюзы запрещены и в настоящее время.

Бутан является отсталой аграрной страной с преобладанием натурального хозяйства и архаичных социальных отношений, закрепляющих экономическую автаркичность этого государства. По принятой ООН классификации Бутан отнесен к числу экономически наименее развитых стран мира. В 1961 г. было начато осуществление первого пятилетнего плана, финансируемого Индией. Реформы вызывали ожесточенное сопротивление крупных землевладельческих кланов и части ламства. Однако с середины 60-х годов страна встала на путь создания конституционной монархии: начало этому процессу положило создание частично выборного Королевского совета, наделенного административными функциями.

Современный Бутан представляет собой конституционную монархию, в которой глава государства и правительства — король (с 1972 г. — Джигме Сингай Вангчук, коронованный в 1975 г.) является верховным главнокомандующим и председателем плановой комиссии. Законодательная власть осуществляется королем и однопалатной Национальной ассамблеей, состоящей из 205 членов (105 избираются на всеобщих выборах сроком на три года, объединения буддийских монахов выбирают 12 человек, остальные 33 депутата представляют правительство и назначаются королем). Исполнительная власть осуществляется королем через Совет министров. Наиболее реальными полномочиями обладает Королевский консультативный совет при короле, состоящий из 9 человек и определяющий внутреннюю политику в стране.

Вступление Бутана в ООН в 1971 г. и в Движение неприсоединения в 1973 г. явилось подтверждением независимого статуса государства, а участие его в деятельности Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) с 1985 г. закрепило его положение в южно-азиатском регионе.

Создание СААРК явилось важнейшим этапом в процессе развития политических, экономических и культурных связей между странами южно-азиатского региона: Индией, Пакистаном, Бангладеш, Шри Ланкой, Непалом, Мальдивами и Бутаном. Однако

развитие центростремительных тенденций продолжает сдерживаться целым рядом факторов противостояния: сохраняющимися территориальными претензиями, чреватými периодически повторяющимися демонстрациями силы, отсутствием политического консенсуса, экономическим соперничеством.

Учебное издание

**Родригес Александр Мануэльевич,
Ланда Роберт Григорьевич,
Мельянцев Виталий Альбертович,
Селиванов Игорь Николаевич,
Сафронова Александра Львовна**

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ XX век

В трех частях

Часть 2

1945—2000

Учебник для студентов высших учебных заведений

Зав. редакцией А.И. Уткин

Редактор В.В. Артемов

Зав. художественной редакцией И.А. Пшеничников

Художник обложки В.Ю. Яковлев

Корректор Е.А. Высоцкая

Отпечатано с диапозитивов, изготовленных
ЗАО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Гигиеническое заключение

№ 77.99.2.953.П.13882.8.00 от 23.08.2000 г.

Сдано в набор 10.03.00. Подписано в печать 30.07.01.

Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 20.

Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1–15 000 экз.).

Зак. № 3237 (К-Гз).

«Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

117571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет.

Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 932-56-19.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

Государственное унитарное предприятие
Смоленский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Уважаемые коллеги!

«ГУМАНИТАРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЛАДОС»

предлагает студентам высших учебных заведений самые современные учебники и учебные пособия по истории.

В них учтены новейшие достижения в развитии отечественной и мировой исторической науки, а также традиции преподавания истории.

Книги предназначены для фундаментальной подготовки студентов исторических факультетов педагогических вузов — будущих учителей истории.

Студеникин М.Т.

Методика преподавания истории в школе: Учебник

В учебнике содержится теоретический и практический материал, раскрывается методика деятельности школьного учителя на основе внедрения в практику богатого опыта преподавания истории предыдущих лет: блочная система обучения, обучение с применением схематической наглядности познавательных игр; индивидуальная, групповая и фронтальная работа учеников класса. Даны конкретные рекомендации по подготовке докладов и рефератов, проведению школьных лекций, семинаров, зачетов, повторительно-обобщающих и итоговых занятий.

Учебник предназначен для студентов педагогических учебных заведений, учителей истории, преподавателей вузов, колледжей.

Короткова М.В., Студеникин М.Т.

Практикум по методике преподавания истории в школе:

Учебное пособие

Предлагаемые рекомендации направлены, прежде всего, на формирование первичных умений, необходимых для работы в школе. Раскрываются общие понятия о методике, моделировании урока, принципах школьных программ, стандартов и учебников. Предлагаются методические подходы к отбору содержания, подготовке учителя к уроку; основные требования по оформлению кабинета. Авторы дают полезные советы по рациональному планированию деятельности учителя и ученика.

Пособие адресовано учителям истории и студентам педвузов.

Немировский А.И.

История Древнего мира: Античность: Учебник: В 2 частях

Среди множества вузовских учебников по истории античности данная книга займет особое место. Для авторов «античный мир» — не только Греция и Рим, но и все крупные государства Средиземноморья. События и проблемы трактуются как звенья единой цепи — во всей их индивидуальности и взаимосвязанности, как процесс притяжения и отталкивания. Новизна подхода к привычной для нас теме и в том, что античная история, давшая миру первооснову европейской цивилизации, рассматривается преимущественно сквозь призму духовной и материальной культуры. Образный стиль прекрасно гармонирует с увлекательностью самого предмета изложения.

Учебник адресуется студентам исторических факультетов вузов.

Новейшая история стран Европы и Америки: XX в.: Учебник /

Под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева: В 3 частях

XX век характеризуется высокой динамикой развития западного общества. Растущая монополизация подорвала механизм рыночной саморегуляции. «Великая депрессия» 1929—1933 гг. завершила длительную эпоху поступательного развития свободного рыночного капитализма. Период 30—70-х гг. связан с общей тенденцией «социализации» общественной жизни. Символом пика развития стала концепция «государство благосостояния». Следующий период открыл эпоху становления новой западной цивилизации — постиндустриальной.

Пономарев М.В., Смирнова С.Ю.

Новая и новейшая история стран Европы и Америки:

Учебное пособие: В 3 частях

Авторская программа курса новой и новейшей истории стран Европы и Америки, представленная в данном пособии, соответствует требованиям Государственного стандарта по высшему образованию, но предлагается в расширенном варианте и построена по двухуровневой модели (с выделением школьного компонента знаний по курсу новой и новейшей истории).

Пособие построено по хронологическому принципу и включает в себя тематические разделы, отражающие основные этапы развития западного общества в XV—XX вв. В каждый раздел включен блок материалов, состоящий из компонента учебной программы, списка базовой научной и учебной литературы, тезауруса, примерных планов семинарских занятий и коллоквиумов со списками рекомендуемых источников и литературы, опорных методических материалов (схемы, диаграммы, информационные и хронологические таблицы, тексты источников, тесты).

Новейшая история стран Азии и Африки: XX в.:

Учебник / Под ред. А.М. Родригеса: В 3 частях

В период новейшей истории страны Азии и Африки преодолевали отсталость и неокOLONиальную зависимость, начинали играть все большую роль в жизни планеты, а некоторые, наиболее успешно развивающиеся, — составлять жесткую экономическую и политическую конкуренцию Западу.

История России XIX в.:

Учебник / Под ред. В.Г. Тюкавкина: В 2 частях

В учебнике рассматривается последний период истории Российской империи, начавшийся после дворцового переворота 1801 г. и закончившийся крушением монархии в результате революционного переворота в феврале 1917 г., — время крупных изменений государственного строя, правовых, экономических и общественных отношений.

Сквозная тема учебника — власть и общество — рассматривается под углом сложных взаимоотношений сотрудничества и конфликтов на всех уровнях. Особое внимание уделено роли личности, развитию общественных идей. Здесь авторы постарались отразить наиболее рациональные мысли представителей различных взглядов и политических течений.

Учебник адресован студентам исторических факультетов вузов.

Новейшая история отечества: XX век:

Учебник: В 2 томах / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина

Учебник составлен с привлечением новых, ранее не использовавшихся источников. Авторы переосмысливают исторический опыт российского народа за последнее столетие, насыщенное драматическими и великими событиями. Материал изложен в проблемном ключе, ориентирующем на объективность оценки прошлого и настоящего России.

Учебник рассчитан на студентов исторических факультетов вузов.

Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.

Вспомогательные исторические дисциплины: Учебник

Учебник состоит из глав, посвященных палеографии (науке о рукописях), геральдике (науке о гербах), сфрагистике (науке о печатях), хронологии (науке о системе счета времени), метрологии (науке об изменении расстояний, веса, объема), генеалогии (науке о происхождении родов и фамилий) и др. Эти науки объединены понятием «вспомогательные исторические дисциплины», поскольку без них невозможно изучение и понимание прошлого.

В книге раскрываются особенности методических приемов каждой из дисциплин, специфика предмета. Главная цель — помочь всесторонне изучить исторический источник, дать максимальную информацию о его происхождении.

Рекомендуется студентам исторических факультетов вузов.

Заказать и приобрести книги вы можете по адресу:

117571, Москва, просп. Вернадского, 88,

Московский педагогический государственный университет, а/я 19.

Тел. 437-99-98, 437-11-11, 437-25-52; тел./факс 932-56-19.

E-mail: vlados@dol.ru

<http://www.vlados.ru>

Проезд: ст. м. Юго-Западная.

**ОБРАЗОВАНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ В ПРЕСТИЖНОМ ВУЗЕ – ЛУЧШИЙ СТАРТОВЫЙ КАПИТАЛ
ДЛЯ НАЧАЛА КАРЬЕРЫ, ЛУЧШЕЕ НАСЛЕДСТВО, КОТОРОЕ МОГУТ ДАТЬ РОДИТЕЛИ СВОИМ ДЕТАМ**

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИКИ имени А.С. Грибоедова

лицензия № 24-0151, свидетельство о государственной аккредитации № 25 0944

Институт готовит специалистов высшей квалификации по всем формам обучения в соответствии с требованиями российского образовательного стандарта на факультетах: **юридическом, экономическом, журналистики, лингвистики**. Для лиц с любым высшим или средним профессиональным образованием по профилю факультета срок обучения 2,5–3 года.

Выпускники получают государственный диплом. Студентам дневного отделения предоставляется отсрочка от призыва в армию. Обучение платное. Большинство студентов дневного отделения помимо основного курса профессиональной подготовки выбирают дополнительные образовательные программы:

- изучения иностранного языка (10 часов в неделю весь период обучения в группах не более 8 человек, занятия ведут российские и зарубежные преподаватели); выпускники получают второй государственный диплом — «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»; сдача экзаменов на международные сертификаты «Trinity College London», «Cambridge 1-st certificate», TOEFL, «Cambridge certificate in advanced», SEFIC;
- овладения современными компьютерными технологиями по выбранной профессии;
- организации практики по специальности, начиная с 1-го курса, позволяющей студентам к концу обучения иметь трудовую книжку со стажем работы до 2-х лет (на выпускном курсе — совмещение обучения с работой в организациях в режиме неполного рабочего дня).

На экономическом факультете реализуется совместная с Лондонской торгово-промышленной палатой подготовка по программе «Международный менеджер» с выдачей международного сертификата.

С 2001 года в Договоре об обучении закреплены гарантии трудоустройства выпускников на престижную и высокооплачиваемую работу по специальности.

Высокая концентрация интеллектуального потенциала, собственные научные школы позволяют вовлекать студентов в научную работу. Ежегодно проводятся межвузовские конференции, материалы которых публикуются в сборниках научных трудов.

Выпускники института работают в известных фирмах и банках, популярных средствах массовой информации, на государственной службе.

При институте работает аспирантура по экономическим и юридическим специальностям. Утвержден диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Привлечение в ИМПЭ им. А.С. Грибоедова проводится по результатам вступительных испытаний. Абитуриенты дневного отделения проходят комплексное тестирование и собеседование, а также тестирование (на добровольной основе) на «двухэтапное». Это позволяет исключить пренебрежение в студенческий коллектив молодых людей, склонных к криминалу, алкоголизму, наркомании.

В институте работают подготовительные курсы для старшеклассников по следующим дисциплинам: «Основы государства и права»; «Основы рыночной экономики»; «История России»; «Математика»; «Русский язык»; «Введение в журналистику»; «Английский язык».

ИМПЭ им. А.С. Грибоедова имеет филиалы в городах: Вологда, Калуга, Липецк, Мурманск, Нижневартовск, Псков, Ульяновск.

Адрес: 107066, Москва, ул. Спартаковская, д. 2/1 (м. «Бауманская»).
Телефоны приемной комиссии: 928-7777, 261-8241.

E-mail: cra@adm.iile.ru <http://www.iile.ru> <http://www.iile.edu>

